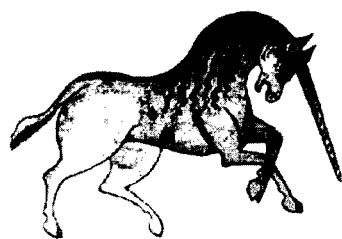

Б. Н. Флоря

ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКАЯ
ИНТЕРВЕНЦИЯ В РОССИИ
И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

ОБЩЕСТВО

Российская академия наук
Институт славяноведения

Б. Н. Флоря

ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКАЯ
ИНТЕРВЕНЦИЯ В РОССИИ
И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2005

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)45
Ф 73

*Исследование выполнено при финансовом содействии
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 04-01-16178)*

Флоря Б. Н.

Польско-литовская интервенция в России и русское общество. — М.: Издательство «Индрик», 2005. — 416 с.

ISBN 5-85759-303-4

Монография содержит исследование того этапа в истории русско-польских отношений, который связан с вмешательством Польско-Литовского государства в начале XVII в. во внутривосточную жизнь России. Особое внимание уделяется реакции русского общества в целом и отдельных его слоев на действия польско-литовских политиков и польско-литовских войск. В приложении к работе дана характеристика того образа поляка, который сложился в русском обществе под впечатлением пережитого опыта.

ISBN 5-85759-303-4

© Флоря Б. Н., текст, 2005
© Институт славяноведения РАН, 2005
© Издательство «Индрик», 2005

Оглавление

Введение.....	6
Русское общество и Смутное время.....	26
Речь Посполитая на пути к интервенции.....	54
Накануне интервенции.....	89
Смоленск и начало смоленского похода Сигизмунда III.....	102
Лагерь под Смоленском и Тушино.....	112
Перед столкновением.....	138
Поход С. Жолкевского к Москве и низложение царя Василия....	165
Избрание Владислава.....	200
Накануне переговоров.....	227
Под Смоленском и в Москве.....	245
Московские успехи Сигизмунда III.....	272
Споры под Смоленском.....	301
Новые успехи Сигизмунда III.....	312
Наращение напряженности и кризис.....	320
Заключение.....	370
Приложение	
Образ поляка в древнерусских памятниках о Смутном времени.....	381

ВВЕДЕНИЕ

Что такое польско-литовская интервенция, и почему ее изучение важно для понимания истории русского общества начала XVII века? Слово «интервенция» в буквальном переводе означает «вмешательство». В данном конкретном случае — это вмешательство Польско-Литовского государства в события, происходившие в России. «Вмешательством» можно было бы считать действия польско-литовской стороны во время каждого сколько-нибудь крупного конфликта с Русским государством. Однако значение слова «интервенция» в русском языке имеет определенные особенности — речь идет о вмешательстве в борьбу внутренних сил на территории страны, которая является объектом интервенции. Такое вмешательство предполагает использование этой борьбы в своих интересах, конкретные попытки подавления одних сил, поддержки других, поисков соглашения с третьими. Очевидно, что вмешательство такого рода вело к резкому усилению контактов внешней силы с отдельными группировками местного общества, к появлению с их стороны разнообразных реакций на действия внешней силы, находящихся свое выражение в ответных заявлениях и действиях. Очевидно, что изучение сведений об этих контактах, заявлениях и действиях дает в руки исследователей ценный материал для углубления знаний как о местном обществе в целом, так и его отдельных слоях.

Изучение такого материала представляет применительно к истории России начала XVII в. совершенно особый интерес, так как годы польско-литовской интервенции совпали со временем, когда окончательно складывалась сословная структура русского общества (в особенности это касается дворянского сословия). Речь Посполитая того времени была государством, где сословная структура общества давно приобрела четкие законченные формы, а дворянское сословие представляло в нем господствующий социальный слой, не только консолидированный на основе формального равенства всех его членов, но и обладавший такими правами и привилегиями, которых не имело дворянство многих европейских стран. В руках органов дворянского самоуправления здесь находились многие функции, которые в других странах входили в компетенцию назначавшихся монархом чиновников. Оказало ли

знакомство с такого рода порядками какое-либо воздействие на взгляды русского дворянства (а также других слоев русского общества), повлияли ли эти контакты на складывание сословной структуры русского общества — изучение данной темы помогает дать ответы и на эти вопросы.

Естественно, о появлении свидетельств, говорящих о реакции русского общества на восточную политику Речи Посполитой, можно говорить лишь с того времени, когда русское общество стало объектом такой политики. Первым шагом в этом направлении стала поддержка, оказанная королем и частью правящих кругов Речи Посполитой Лжедмитрию I. Однако на практике до серьезного вмешательства жителей Речи Посполитой в русские дела так и не дошло, контакты в основном ограничивались связями между новым русским правителем и правящими кругами Речи Посполитой, а выступление населения Москвы в мае 1606 г. стало реакцией на поведение жителей Речи Посполитой, пользовавшихся покровительством нового царя, а не на политику Польско-Литовского государства. Хорошо известно, что вмешательство поляков в русские дела приобрело поистине массовый характер с появлением летом 1607 г. Лжедмитрия II, среди приверженцев которого они заняли весьма заметное место. Однако каких-либо политических планов, касавшихся России, у польских приверженцев Лжедмитрия II не было, нет оснований говорить и о какой-то целенаправленной политике с их стороны по отношению к русскому обществу¹.

Объектом целенаправленной политики польско-литовской стороны русское общество стало с того времени, когда осенью 1609 г. Польско-Литовское государство открыто вмешалось в русские дела, и этим определяется первая хронологическая грань работы. Другая ее грань — это конец весны 1611 г., когда русское общество едва ли не на всей территории страны сплотилось для борьбы с интервентами и вступившим с ними в соглашение боярским правительством в Москве. С этого времени на русской стороне уже не было серьезного партнера для диалога с властями или жителями Речи Посполитой, и с этого времени уже не могло быть речи о каком-либо целенаправленном воздействии польско-литовской политики на русское общество.

В русской историографии история русско-польских контактов в 1609–1611 гг. не была предметом специального исследования, она рассматривалась, как правило, в рамках более общих работ, посвященных изучению «Смуты» в целом.

Особенно значительная роль в изучении этой темы в русской историографии принадлежит С. М. Соловьеву. В 8-й книге IV тома своей «Истории России» исследователь дал подробный очерк русско-польских контактов в указанные годы. Очерк этот, остающийся в некоторых отношениях до сих пор наиболее подробным изложением событий в отечественной историографии, опирался на использование достаточно широкого круга источников, как русских, так и польских (прежде всего мемуаров участников событий), обширные извлечения из которых С. М. Соловьев в своем переложении внес в текст своего труда. Однако этот обширный материал почти не подвергался анализу под интересующим нас углом зрения. Это было связано с характерными чертами общих представлений С. М. Соловьева об эпохе Смуты. Причины Смуты исследователь, как он это неоднократно подчеркивал, усматривал в нравственном упадке русского общества², каких-либо серьезных противоречий между интересами отдельных слоев русского общества, которые могли бы повлиять на их поведение, его схема развития событий не предусматривала. В ходе развития Смуты проявилось прежде всего одно основное противоречие между русским обществом, по терминологии исследователя, «земскими людьми», и стоящим вне этого общества казачеством, которое С. М. Соловьев характеризовал как «протообщественный элемент», желающий «жить на счет общества, жить чужими трудами»³. Именно казачество и стало одной из главных движущих сил Смуты.

Ученый даже приписывал казакам желание «опустошить государство вконец, истребить всех неказakov»⁴. Это противостояние «земских людей» и казачества вылилось в годы Смуты в форму конфликта между «земским» Севером и казацким Югом⁵. При такой общей оценке ситуации исследователь, разумеется, не мог специально исследовать вопрос о том, как проявились в ходе контактов с поляками расхождения интересов разных слоев русского общества, если же такие расхождения интересов и существовали, то они не оказывали никакого влияния на события Смуты.

Следует принять во внимание и другую характерную черту схемы С. М. Соловьева. Она касается оценки целей польской политики по отношению к России. Здесь исследователь проводил различие между польской шляхтой, отправившейся в Россию поддерживать Лжедмитрия II, и руководящими кругами Польско-Литовского государства. Если первые, по его мнению, не преследовали каких-либо политических целей, а просто хотели «по-

жить за счет Москвы»⁶, то «целию королевского похода для поляков было покорение Московского государства Польше»⁷. К этому добавлялись соображения о полной несовместимости религиозных воззрений русских и поляков. Хотя известные исследователю «Записки о Московской войне» гетмана Станислава Жолкевского содержали ясные указания на наличие серьезных разногласий в польских правящих кругах относительно характера восточной политики Речи Посполитой, С. М. Соловьев не придавал им значения, полагая, что все польские политики ставили своей целью «покорение» Московского государства. Таким образом, по убеждению ученого, никакой объективной основы для соглашения между русским обществом и Речью Посполитой не было. Если заключение такого соглашения все же оказалось возможным, то только из-за существования конфликта между «земскими людьми» и казачеством: «...единственным спасением от вора и казаков был Владислав»⁸. Когда после гибели Лжедмитрия II опасность со стороны казаков если и не исчезла, то уменьшилась, «лучшие люди... теперь освобождались от этого страха и могли действовать свободно против поляков»⁹. С. М. Соловьев при этом подчеркивал, что «после избрания Владислава царем народные движения принимают религиозный характер»¹⁰. Следует отметить, что, работая с источниками и анализируя их, С. М. Соловьев при решении ряда конкретных вопросов отошел от собственной схемы. Так, приводя обращенную к Сигизмунду III просьбу русских тушинцев дать им «такие права и вольности, каких прежде не бывало в Московском государстве», исследователь отметил: «Из этого видно, что долгое пребывание русских и поляков в одном стане произвело свои действия»¹¹. В повествовании С. М. Соловьева эти беглые замечания не получили развития, но, как представляется, они послужили толчком для более углубленной разработки темы.

Другим крупным исследованием, в котором в рамках общего повествования о Смуте была рассмотрена история русско-польских контактов в эти годы, стала работа Н. И. Костомарова «Смутное время Московского государства в начале XVII столетия»¹². Н. И. Костомарову удалось расширить круг источников по теме за счет работы над некоторыми коллекциями польских архивных документов. Так, именно Костомаров ввел в научный оборот неопубликованные донесения гетмана Жолкевского королю из Библиотеки Ординации Красиньских¹³. Однако расширение источниковой базы не привело к какому-либо серьезному пересмотру схемы событий,

предложенной С. М. Соловьевым. Правда, в отдельных моментах расхождения во взглядах между исследователями имели место. Так, порицая, как и С. М. Соловьев, действия казаков как враждебные общественному порядку, Н. И. Костомаров все же возлагал ответственность за появление такого исторического явления на государственную власть, которая своим запретом крестьянских переходов способствовала превращению крестьян в преследуемых законом врагов общественного порядка¹⁴. Стоит отметить и другое замечание исследователя, что в годы Смуты «все русские люди почувствовали разом надежду освободиться от разных тягостей единодержавного государства»¹⁵.

Несмотря на эти расхождения, в своих основных выводах, сформулированных в заключительной части исследования, Н. И. Костомаров пришел к итогам, весьма близким к итогам исследования С. М. Соловьева.

С его точки зрения, Смута была случайным эпизодом в истории русского общества. Русская история, по его словам, «как бы перескакивает через Смутное время и далее продолжает свое течение тем же путем, что и прежде»¹⁶. Никаких внутренних причин для кризиса в самом Русском государстве не было. Вряд ли, писал он, «можно указать на что-нибудь такое, что бы условливало неизбежность Смут и потрясений в самом Московском государстве». «Источник этого потрясения на Западе, а не в Москве»¹⁷. Каким образом внешнее воздействие могло оказать такое влияние на общество при отсутствии в нем внутренних причин для кризиса, Н. И. Костомаров не объяснил.

Хотя Н. И. Костомарову была известна переписка Жолкевского с Сигизмундом III, подтверждавшая свидетельства «Записок» гетмана о разногласиях в правящих кругах Речи Посполитой, исследователь не придавал им серьезного значения и характеризовал цели польской политики по отношению к России почти так же, как и С. М. Соловьев — подчинение Русского государства Речи Посполитой и обращение русских людей в католическую веру¹⁸.

Готовность бояр согласиться на избрание Владислава Н. И. Костомаров объяснял так же, как и С. М. Соловьев: для них было невозможно соглашение с Лжедмитрием II как «царем черни, голытьбы»¹⁹.

Вместе с тем Н. И. Костомаров подчеркивал роль боярства в подготовке условий соглашения с Речью Посполитой. Под польским влиянием бояре попытались ограничить власть государя «в формах,

напоминающих строй Речи Посполитой». В этих действиях бояр ученый видел свидетельство того, что «русская жизнь не рассталась вполне с воспоминаниями древнего строя»²⁰, т. е. в действиях бояр получили отражение не какие-либо новые тенденции общественного развития, а воспоминания об ушедших в прошлое порядках феодальной раздробленности. Исследователь одновременно писал, что «все, что чувствовало тягость старины, искало освежения в западной цивилизации; оно готово было броситься в объятия полякам, и таких могло быть тогда не мало»²¹. Впрочем, это высказывание Н. И. Костомаров никак не обосновывал и не пытался его согласовать со своей характеристикой русского общества²².

Деятельность боярства, его поиски соглашения с поляками он оценил гораздо более резко, чем С. М. Соловьев, подчеркивая, что поведение бояр способствовало росту агрессивности польской политики: «Поляки видели, как бояре и дворяне раболепно выпрашивали у Сигизмунда имений и почестей, как русские люди продавали отечество чужеземцам за личные выгоды. Поляки думали, что как только бояре склонятся на их сторону, как только они одних купят, других обманут, то можно совладать с громадой простого народа... с этим стадом рабов, привыкших повиноваться»²³.

Внимательное изучение работы Н. И. Костомарова показывает, что в своей оценке состояния русского общества ученый не очень сильно расходился с представлениями об этом обществе, существовавшими у политиков Речи Посполитой.

В русском обществе, принудительно, по мнению исследователя, объединенном в одно целое государственной властью, отсутствовали какие-либо внутренние связи, неслучайно в годы Смуты оно так легко распалось на составные части²⁴. В эти годы «народная громада» была охвачена лишь негативным стремлением освободиться от «тягла»²⁵. Единственной прочной связью, объединявшей все общество без различия места и социального положения, была вера. Характерной чертой русского человека, по мнению Н. И. Костомарова, было то, что «чем угнетеннее было его положение, тем он живее ощущал важность церкви»²⁶. Лишь принадлежность к одной вере «соединила русский народ, она для него творила и государственную связь, и заменила политические права». Лишь когда сохранение традиционной веры оказалось под угрозой, русское общество оказалось способным объединиться для отпора внешнему врагу. «Знаменем восстания была тогда единственно вера»²⁷.

Трудами С. М. Соловьева и Н. И. Костомарова, использовавшими для реконструкции событий широкий круг разнообразных источников, была заложена основа для изучения темы в русской историографии. Вместе с тем следует отметить, что фактически были обозначены лишь некоторые подходы к более глубокому изучению вопроса. Связано это было с тем, что исследователи держались упрощенного представления о восточной политике Речи Посполитой, практически отодвигая в сторону известные им сведения о разногласиях в правящих кругах Польско-Литовского государства. Кроме того, они основывались на таких представлениях о русском обществе в годы Смуты, которые во многом имели априорный характер и не опирались на глубокое изучение предмета.

На качественно новый уровень изучение всей проблематики, связанной со Смутой, было поднято в появившемся на рубеже XIX — XX вв. классическом труде С. Ф. Платонова. Значительная часть этого труда была посвящена изучению социальных структур русского общества и его региональных особенностей. Все это позволило представить русское общество как сложное целое, состоящее из региональных общностей и социальных слоев со своими разными интересами.

Для рассматриваемой темы важно, что в элите дворянского сословия С. Ф. Платонов выделил два разных слоя: один из них — это потомки «великих» княжеских и боярских родов, пострадавшие от репрессий во времена опричнины и стремившиеся в годы Смуты восстановить свои прежние позиции, другой — собственно служилая знать, выдвинувшаяся в те же самые годы. Старая знать, которую С. Ф. Платонов назвал «княжеско-боярской реакционной партией», обосновалась в Москве, ее ставленником был царь Василий Шуйский. В лагере же Лжедмитрия II нашла себе приют враждебная «старым родам» значительная часть той служилой знати, которая «первенствовала в московском дворце в эпоху опричнины и могла назваться новою дворцовой знатью»²⁸. Интересы дворцовой знати, как доказывал исследователь, развивая достаточно беглые наблюдения С. М. Соловьева, нашли отражение в договоре, заключенном с Сигизмундом III в феврале 1610 г., а интересы «старого» боярства в более позднем августовском договоре²⁹. Таким образом, по мнению исследователя, лишь этот самый верхний слой русского общества выступал как партнер в русско-польских контактах этих лет. По мнению С. Ф. Платонова, оба слоя знати, дававшие согласие на избрание иноземного принца, объединяло

стремление «ограничить московскую жизнь от всяких воздействий со стороны польско-литовского правительства и общества», «блюсти неизменно православие, административный порядок и словесный строй Москвы». Именно таким стремлением исследователь объяснял имеющиеся в обоих соглашениях пункты об ограничении «единоличной власти» государя³⁰.

При таком взгляде на характер контактов между двумя разными обществами в годы Смуты неудивительно, что монография С. Ф. Платонова, внеся много нового в изучение внутренних отношений русского общества этих лет, внесла мало нового в историю собственно русско-польских контактов. Показательно, что в этой обширной монографии отсутствовала какая-либо характеристика причин вмешательства властей Речи Посполитой во внутреннюю жизнь России или определение целей, которые преследовала восточная политика Польско-Литовского государства. Об этом приходится догадываться по отдельным отрывочным высказываниям С. Ф. Платонова, как, например, что с врагами следовало бороться «за независимость самого государства, потому что успехи врагов угрожали ему полным завоеванием»³¹. Остались вне его внимания и материалы о разногласиях в правящих кругах Речи Посполитой, они не были затронуты даже в той ограниченной мере, как это было сделано в труде Н. И. Костомарова.

Сам текст договора, заключенного в августе 1610 г., С. Ф. Платонов оценивал достаточно высоко. Если бы боярам удалось добиться его осуществления, то он «составил бы предмет их гордости»³². Но бояре, по мнению ученого, допустили ошибку. Боясь народного движения, они согласились на ввод в Москву польского гарнизона, после чего «в Москве водворилась военная диктатура польских вождей»³³. Ни старая, ни служилая знать не искали соглашения с польской властью, они вынуждены были выполнять принимаемые поляками решения под угрозой уничтожения. Единственной группой русского общества, которая готова была сотрудничать с властями Речи Посполитой, было собрание дворян и дьяков, выдвинувшихся в Тушине и рассчитывавших сохранить свое положение при Сигизмунде III³⁴. Политика властей Речи Посполитой была такой, что у русских людей закономерно сложилось убеждение, «что государству грозила зависимость от чужеземной и иноверной силы, которая не желала связать себя законом и правом»³⁵. «Страна попала во власть иноземных и иноверных завоевателей, против них возможно было действовать только оружи-

ем»³⁶. В выступлении против завоевателей с оружием в руках объединились представители разных слоев русского общества, охваченные беспокойством за судьбу своей страны.

Заметным событием в изучении темы стало издание Л. М. Сухотиным сохранившихся фрагментов делопроизводства Поместного приказа, относящихся ко времени польско-литовской оккупации Москвы³⁷. Хотя Л. М. Сухотин не вступал в полемику с С. Ф. Платоновым, изданные им документы и сделанные исследователем наблюдения свидетельствовали о том, что Платонов несомненно ошибался, видя в представителях московской знати простых жертв террора со стороны польско-литовских властей.

В 20–30-е гг. XX в. появились работы исследователей, уже прямо посвященные рассматриваемой теме. Здесь прежде всего следует назвать работы А. А. Савича. Взгляды автора, представленные им первоначально в более краткой версии³⁸, были изложены более обстоятельно в работе, опубликованной в самом конце 30-х гг.³⁹ Несомненной заслугой А. А. Савича было то, что в отечественной исторической литературе он первый обратил серьезное внимание на разногласия в правящих кругах Речи Посполитой⁴⁰. Заслуживает внимания и то, что ученый не согласился с характеристикой договоров с Сигизмундом III, которую дал им С. Ф. Платонов, как «национально-консервативных». В ограничении власти правителя в этих соглашениях А. А. Савич видел результат знакомства русского дворянства с «политическими и гражданскими правами литовской шляхты»⁴¹.

Вопрос о разногласиях в правящих кругах Речи Посполитой получил дополнительную разработку в статье А. Романовича, по-видимому не знавшего о более ранней работе А. А. Савича. Этот исследователь не только обратил серьезное внимание на факт таких разногласий, но и попытался показать, как они отразились на развитии польско-русских контактов⁴². Этот же исследователь попытался более глубоко проанализировать расстановку сил в политической элите московского общества накануне избрания Владислава. По его мнению, низложение царя Василия Шуйского было делом «партии» Ляпунова, объединившейся с «кланом» Голицыных. Их попытки создать правительство, которое вело бы борьбу на два фронта — против поляков и против Лжедмитрия II, по мнению исследователя, закончились неудачей из-за сопротивления «клана» Романовых. Этим воспользовалась «западническая партия полонофилов», включавшая в себя представителей разных

кругов русского общества, добившаяся соглашения об избрании Владислава⁴³.

В этих попытках пересмотреть отдельные положения схемы С. Ф. Платонова не все было удачно. Так, например, тезис А. Романовича о существовании в Москве сложной по своему социальному составу «полонофильской» партии не был подкреплен какими-либо конкретными фактами. Кроме того, на их содержание наложили отпечаток некоторые отрицательные тенденции, характерные для советской исторической науки и советского общества тех лет. Так, факт расхождения в правящих кругах Речи Посполитой объяснялся расхождением материальных интересов разных группировок правящей элиты. Так, по мнению и А. А. Савича, и А. Романовича, главной движущей силой интервенции были литовские магнаты, стремившиеся получить новые владения в оторванных от России пограничных областях⁴⁴. В отличие от них, магнаты Польского королевства были заинтересованы не в таких захватах, а в союзе с Россией для защиты своих владений от набегов турок и татар⁴⁵. В действительности дело обстояло как раз наоборот: на захваченных землях крупные владения получили именно коронные, а не литовские магнаты. Почва для расхождений была совсем иная, ни с какими непосредственными материальными интересами она не была связана.

Характерной чертой работ 30-х гг. стало изменение отношения к движению Лжедмитрия II. Если дореволюционные ученые видели в польских участниках движения обыкновенных «кондотьеров», озабоченных только захватом добычи, то теперь это движение стало рассматриваться как первый этап интервенции. Если А. Романович ограничился соображениями о «конспиративных связях» русских тушинцев с Речью Посполитой и о «негласных королевских агентах» в Тушине⁴⁶, то А. А. Савич уже писал, что «в Тушине была установлена военная польско-литовская диктатура», Лжедмитрий II был «орудием в руках вторгшихся на русскую территорию польских панов... когда это орудие оказалось уже мало пригодным, польское правительство и шляхта избрали другой, более действенный метод... путь открытой интервенции»⁴⁷. При таком освещении характера движения Лжедмитрия II неудивительно, что, по мнению исследователя, происшедшее после начала похода Сигизмунда III выдвижение польской кандидатуры на русский трон не создавало для русских сторонников Лжедмитрия II каких-либо проблем. Им «приходилось только менять видимого и

официального главу: вместо ставленника польских панов Лжедмитрия получить королевича Владислава непосредственно от самого короля»⁴⁸. Все эти утверждения, существенно менявшие сложившиеся в исторической науке представления о Смуте, высказывались в категорической, безусловной форме и не опирались на какие-либо конкретные доказательства.

Так был сделан важный шаг на пути к изображению всех действий поляков в годы Смуты, как шагов по осуществлению долгосрочного, разбитого на ряд этапов коварного плана, направленного против России, а русских людей, вступавших с ними в соглашения, — как предателей своей страны. В работе А. А. Савича имелись лишь отдельные элементы такой характеристики, к тому же находившиеся в явном противоречии с рядом конкретных наблюдений ученого.

В целостном и законченном виде новая характеристика событий, связанных с польско-литовской интервенцией, была дана в появившейся в том же 1939 г. книге А. И. Казаченко⁴⁹. В настоящее время хорошо известны высказывания И. В. Сталина о причинах Смутного времени: возникновение кризиса он связывал с тем, что Ивану IV не удалось до конца уничтожить недовольное его централизаторской политикой боярство⁵⁰. Знакомство с работой А. И. Казаченко показывает, что она представляет собой развернутое обоснование именно такой оценки Смуты. Неслучайно эта работа начинается с констатации, что, несмотря на удары, нанесенные боярству Иваном IV, бояре «не переставали бороться против самодержавия, организовывали заговоры, шли даже на прямую измену»⁵¹. Начало Смуте положил сговор польских панов — врагов Русского государства и этих бояр: паны выдвинули Лжедмитрия I, «осведомленные изменниками-боярами о состоянии Московского государства»⁵². Аналогичным образом произошло и выдвижение Лжедмитрия II⁵³. Когда против поддерживавших Лжедмитрия II поляков началось «всенародное движение», «бояре не хотели возглавить эту борьбу народа против его угнетателей и насильников»⁵⁴. Боясь народа, бояре искали соглашения с польским королем, выступившим в поход на Россию. Интересы обеих сторон совпадали, а различные условия выставлялись боярами «лишь с целью обмануть народ»⁵⁵. Польские паны и король Сигизмунд III хотели «подчинить и ограбить Русское государство» и даже «уничтожить Русское государство, сделать его польской колонией»⁵⁶, а бояре, обеспечив себе определенные

права (прежде всего власть над крестьянами), действовали с ними заодно⁵⁷. Характерно, что в книге названы «изменниками» даже руководители «великого посольства» под Смоленск⁵⁸, которые, как известно, за отказ пойти навстречу требованиям Сигизмунда III и его советников были арестованы и заключены в тюрьму.

На разборе содержания этой книги, носящей в значительной мере научно-популярный характер и не основанной на каких-либо новых источниках или на новых наблюдениях над старыми источниками, можно было бы не останавливаться, если бы изложенная здесь точка зрения на характер русско-польских контактов в годы Смуты не стала официальной и общепринятой в советской историографии 40–50-х гг. XX в. В этом убеждает знакомство с характеристикой событий Смутного времени в соответствующем томе «Очерков истории СССР»⁵⁹.

Правда, в этом издании ничего не говорилось о сговоре поляков с русскими боярами перед выдвиганием Лжедмитрия I и даже отчасти была пересмотрена его характеристика как простого орудия в руках польских феодалов⁶⁰, но при характеристике последующих этапов Смуты в тексте обнаруживаются оценки, весьма близкие к тем, которые мы находим на страницах книги А. И. Казаченко.

Так, здесь мы читаем, что «польско-литовская иезуитская клика при полной поддержке правительства Сигизмунда III, ставя целью подчинение русского народа, выдвинула второго Самозванца»⁶¹, а в Тушине был установлен режим «военной польской диктатуры»⁶². Русские дворяне присоединились к Лжедмитрию II, боясь «развития народного движения»⁶³. Ответом стал «подъем национально-освободительной народной войны»⁶⁴. Это вынудило правящие круги Речи Посполитой перейти к открытой интервенции.

Поиски соглашения с Сигизмундом III со стороны сначала бояр и дворян тушинского лагеря, а затем боярского правительства в Москве однозначно объясняются в издании их страхом перед «восстанием народных низов»⁶⁵. Действия лиц, заключавших такие соглашения, последовательно оцениваются как «национальная измена», а сами они постоянно именуется «изменниками». Условиям заключенных соглашений правящие круги Речи Посполитой, которые давно «вынашивали планы полного подчинения России»⁶⁶, не придавали никакого значения, они не собирались их выполнять. Соглашения они подписывали лишь для того, чтобы получить «официальное основание для пребывания польских

коронных войск в России»⁶⁷. «Заняв Москву», поляки «без труда отстранили бояр от власти»⁶⁸.

Данная в «Очерках» характеристика событий была не только гораздо более четкой и однозначной, чем то, что мы могли бы наблюдать в более ранних (исключая книгу А. И. Казаченко) работах, посвященных Смуте; сформулированные в безусловной форме, без каких-либо оговорок воспроизведенные в издании оценки по существу закрывали какие-либо дальнейшие перспективы в изучении темы. Если восточная политика Речи Посполитой была с самого начала направлена на «полное подчинение России» и политические деятели этого государства последовательно реализовывали сложный, разделенный на несколько этапов план, направленный на достижение этой цели, то не имело смысла заниматься до этого все больше привлекавшим внимание исследователей вопросом о разногласиях в правящих кругах Речи Посполитой относительно ее восточной политики и, соответственно, о возможном воздействии этих разногласий на отношения между властями Речи Посполитой и русским обществом.

Если русское общество глубоким конфликтом было расколото на две противостоящие друг другу части и социальные верхи, чтобы избежать «восстания низов», готовы были на любые соглашения с агрессором, то не имело смысла выяснять, какие вообще противоречия существовали между разными частями русского общества и каких целей они стремились добиться, заключая соглашения с Речью Посполитой.

Представляется необходимым также отметить, что такое целостное изображение исторической ситуации было создано в «Очерках» благодаря отказу от объяснения целого ряда достаточно известных, но не укладывавшихся в схему фактов. Так, в издании, конечно, сообщалось об аресте Сигизмундом III «великих послов», приехавших из Москвы для переговоров с королем под Смоленск⁶⁹. Если боярское правительство в Москве «для своего спасения стало на путь предательства национальных интересов»⁷⁰, то почему его представители не смогли найти общего языка с королем и вступили с ним в резкий конфликт? Никакого объяснения этому в «Очерках» не предлагалось.

При написании «Очерков» была использована упоминавшаяся выше публикация Л. М. Сухотина, из нее были взяты и приведены данные о крупных пожалованиях Сигизмунда III многим представителям боярской знати⁷¹. Зачем нужны были такие по-

жалования, если поляки уже заняли Москву, а бояре были отстранены от власти? Никакого объяснения и в этом случае читателю не давалось.

В тексте «Очерков» можно также обнаружить утверждения, хорошо соответствовавшие предложенной схеме, но находившиеся в явном противоречии с достаточно известными уже ко времени написания «Очерков» историческими фактами. Так, здесь мы читаем о позиции, занятой в один из важных моментов Смуты лидером рязанского дворянства, а затем одним из руководителей Первого ополчения Прокопием Ляпуновым, что «переговоры об избрании на русский трон велись не только без участия Прокопия Ляпунова, но и вопреки его воле. Это обстоятельство сразу поставило Ляпунова в ряды противников царя-иноземца»⁷². Уже исследователи второй половины XIX в. хорошо знали, что П. Ляпунов, как и многие другие, первоначально принадлежал к кругу сторонников избрания Владислава и лишь со временем изменил свое мнение. Однако признание этого факта могло бы привести читателя к выводу, что, возможно, не все поддерживавшие решение об избрании Владислава были изменниками, руководствовавшимися исключительно классовыми интересами, и тем самым могла бы быть поставлена под сомнение и вся предлагавшаяся схема развития событий в годы Смуты.

Целый ряд представлений о Смутном времени, сложившихся в предвоенной и послевоенной советской историографии, подвергся в дальнейшем, хотя и далеко не сразу, критическому пересмотру. Здесь следует в особенности отметить работы Р. Г. Скрынникова⁷³ и появившуюся недавно книгу И. О. Тюменцева⁷⁴. Однако в этих работах критический пересмотр на основе анализа источников, как характерных для дореволюционной историографии, так и сложившихся в советской историографии представлений о событиях Смутного времени и о характере русско-польских отношений в эти годы, охватил, главным образом, годы, предшествовавшие вмешательству Речи Посполитой в русские внутренние дела.

В настоящей работе автор поставил своей целью критический пересмотр существующих представлений о событиях Смуты и о развитии русско-польских отношений в конце 1609 — начале 1611 г. Такой пересмотр на основе анализа всех известных в настоящее время источников должен дать новый материал и для углубления наших представлений как о развитии русского общества в эти годы, так и о состоянии русско-польских отношений в этот же хронологический промежуток времени.

Гораздо больше внимания уделяла событиям рассматриваемого в данной книге периода Смуты польская историография. Однако их рассмотрение шло совсем под иным углом зрения: польские исследователи пытались ответить на вопрос, почему в годы Смуты, когда в России традиционно сильная центральная власть была серьезно ослаблена или даже на время отсутствовала и правящие круги Речи Посполитой сталкивались непосредственно с разными группами русского общества, им не удалось подчинить это общество польско-литовскому политическому влиянию, убедить русское общество принять польско-литовские политические институты, сделать Русское государство частью политической системы, во главе которой стояла бы Речь Посполитая. Дискуссии о том, чья неверная политика стала причиной неудачи, начались фактически вскоре по окончании событий, когда один из главных их участников, польный гетман коронный Станислав Жолкевский в своих записках подверг резкой критике политику короля Сигизмунда III, противопоставляя ей свои собственные действия.

Спор короля и гетмана подвергся серьезному рассмотрению уже в книге Ю. У. Немцевича, посвященной правлению Сигизмунда III⁷⁵. В конце XIX — первой трети XX в. этот спор привлек к себе самое пристальное внимание ряда крупных польских ученых. Если в работе А. Хиршберга о Марине Мнишек в соответствии с ее тематикой главное внимание уделялось событиям, происходившим в лагере Лжедмитрия II, и восточная политика Речи Посполитой находилась в ней все же на втором плане⁷⁶, то в монографии В. Собесского разногласия между королем и гетманом оказались в центре внимания⁷⁷. Серьезное внимание уделил их рассмотрению и А. Прохаска в своей биографии гетмана Жолкевского⁷⁸. После длительного перерыва возвращение к этой тематике имело место в работах Я. Мацшевского 60-х гг.⁷⁹

Всех этих исследователей объединяло резко критическое отношение к политике короля Сигизмунда III, на которого и возлагалась главная ответственность за неудачи восточной политики. В последнее время в работах польских исследователей наметился определенный пересмотр таких оценок, политика Сигизмунда III оценивается как более «реалистическая» по сравнению с предложениями гетмана. Эта точка зрения нашла свое выражение в популярной биографии Сигизмунда III⁸⁰ и в особенности в монографии исследователя из Торуня В. Поляка, специально посвященной восточной политике Речи Посполитой в интересующее нас время⁸¹.

Разумеется, авторы этих работ не могли не уделять определенного внимания позиции русского общества, его реакции на польско-литовские инициативы, так как эта реакция оказывала воздействие и на ход дискуссии в правящих кругах Речи Посполитой, и на конкретное содержание принимавшихся ими решений. Однако уже причины тех или иных действий или русского общества в целом, или отдельных слоев в его составе их не интересовали. К тому же никто из указанных исследователей не занимался самостоятельно изучением русского общества, судя о нем по результатам современных, а иногда и более ранних работ русских ученых.

И все же польскими учеными получен ряд важных результатов, существенных для правильного понимания взаимоотношений русского общества и правящих кругов Речи Посполитой в годы Смуты. Во-первых, предпринятые исследования дали возможность осуществить детальную реконструкцию как разногласий в правящих кругах Речи Посполитой, так и конкретных шагов, предпринимавшихся ими для достижения своих целей, что и стало содержанием уже упоминавшейся монографии В. Поляка. Тем самым было создано достаточно точное представление о том, с каким партнером имело дело в 1609–1611 гг. русское общество.

Во-вторых, в обширной переписке польско-литовских политиков этих лет, введенной усилиями польских ученых в научный оборот, содержится много сведений о настроении и действиях разных групп русского общества, прежде всего в моменты их важных контактов с представителями Речи Посполитой, которые пока еще мало известны отечественным ученым, но могут иметь важное значение для углубления наших представлений о русском обществе времени Смуты. Здесь особо следует отметить заслуги В. Поляка, сумевшего значительно расширить круг известных нам польских источников о событиях Смутного времени, изучив не только материалы различных архивов на территории Польши, но и те многочисленные материалы, которые после польского «Потопа» оказались в архивах Швеции. На некоторые из этих материалов обратил внимание еще Я. Мацишевский, но лишь В. Поляку удалось в полной мере ввести их в научный оборот.

Хотелось бы отметить две важные особенности этих источников. В большей части это деловые документы, не предназначенные для каких-либо пропагандистских целей, авторы которых были заинтересованы в том, чтобы дать своим адресатам возможно более точное представление о положении дел. Не менее важно то,

что речь идет о письмах, написанных сразу по следам событий, на содержании которых никак не могли сказаться знания о том, чем завершились конфликты, разрывавшие русское общество в годы Смуты. В этом отношении данные источники обладают существенным преимуществом не только перед записками гетмана Жолкевского, написанными вскоре после избрания на царство Михаила Романова, но и перед основной массой русских повестей и сказаний о Смутном времени, созданных через несколько десятилетий после описанных в них событий.

Сопоставляя между собой сведения как этих сравнительно недавно найденных, так и давно и хорошо известных исследователям источников, можно рассчитывать на то, что удастся воссоздать картину происходившего с большим приближением к исторической реальности, проследить и действия польско-литовских политиков, и реакцию на них разных кругов русского общества.

Чтобы понять характер этой реакции и определявшие ее мотивы, следует принимать во внимание особенности социально-политического статуса разных кругов русского общества, характер целей, к которым они стремились. И здесь имеет значение то, что сейчас мы располагаем гораздо более точными сведениями о внутренней структуре русского общества, об особенностях положения отдельных слоев русского общества и отдельных регионов России, чем это было несколько десятилетий тому назад. Наличие большого количества неиспользованных или малоиспользованных источников и более глубокие представления о характере русского общества — вот два обстоятельства, которые дают основания для надежды, что удастся внести новый вклад в изучение темы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подробная и яркая характеристика пребывания польско-литовских сторонников Лжедмитрия II в России дана в недавно вышедшей книге: *Томенцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия: Движение Лжедмитрия II*. Волгоград, 1999.
2. *Соловьев С. М. История России с древнейших времен*. М., 1960. Кн. 4. С. 388–389, 462–463.
3. Там же. С. 391; ср. С. 470, 480.
4. Там же. С. 521.
5. Там же. С. 515.

6. Там же. С. 481.
7. Там же. С. 546.
8. Там же. С. 581.
9. Там же. С. 620.
10. Там же. С. 585.
11. Там же. С. 556.
12. *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. СПб., 1904. Кн. 2. Т. 4–6.
13. Там же. С. 463 и сл.
14. Там же. С. 38.
15. Там же. С. 644.
16. Там же. С. 636.
17. Там же. С. 639.
18. Там же. С. 62 и сл.; 401–403, 481, 639.
19. Там же. С. 462.
20. Там же. С. 469–470.
21. Там же. С. 472.
22. В связи с этим можно отметить и другое, находящееся в противоречии с общими выводами ученого высказывание, что «служилые люди и народ скорее увлекались надеждами на новизну, чем купцы и зажиточные промышленники»: Там же. С. 646.
23. Там же. С. 523.
24. Там же. С. 645.
25. Там же. С. 637.
26. Там же. С. 645.
27. Там же. С. 524.
28. *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1899. С. 299–300, 302–303, 417–422.
29. Там же. С. 426–427, 462–463.
30. Там же. С. 425–427, 462–463.
31. Там же. С. 449.
32. Там же. С. 463–464.
33. Там же. С. 464–465, 472–473.
34. Там же. С. 467 и сл.
35. Там же. С. 479.
36. Там же. С. 483.
37. *Сухотин Л. М.* Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей российских (далее — ЧОИДР). 1911. Кн. 4.

38. *Савич А. А.* Польско-литовская интервенция в эпоху великой московской смуты // Сборник общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете. Пермь, 1927. Вып. 2.
39. *Савич А. А.* Польская интервенция начала XVII века в оценке М. Н. Покровского // Против исторической концепции М. Н. Покровского: Сборник статей. М.; Л., 1939. Ч. 1.
40. *Савич А. А.* Польско-литовская интервенция... С. 61–62, 65–66, 68; *Он же.* Польская интервенция... С. 188–189, 192–193, 228–229.
41. *Савич А. А.* Польская интервенция... С. 221, 225.
42. *Романович Ал.* Новая страница из истории польской интервенции в Московском государстве начала XVII в. // Историк-марксист. 1936. № 6. С. 84–87.
43. Там же. С. 81–84.
44. *Савич А. А.* Польско-литовская интервенция... С. 59–61, 65–66; *Он же.* Польская интервенция... С. 186–189; *Романович Ал.* Новая страница из истории польской интервенции... С. 84.
45. *Романович Ал.* Новая страница из истории польской интервенции... С. 84.
46. Там же. С. 72–73.
47. *Савич А. А.* Польская интервенция... С. 208.
48. Там же. С. 218.
49. *Казаченко А. И.* Разгром польской интервенции в начале XVII века. М., 1939.
50. См.: *Черкасов Н. К.* Записки советского актера. М., 1953. С. 380.
51. *Казаченко А. И.* Разгром польской интервенции... С. 9.
52. Там же. С. 23.
53. Там же. С. 57.
54. Там же. С. 79.
55. Там же. С. 103.
56. Там же. С. 166.
57. Там же. С. 94–95, 102–103.
58. Там же. С. 104.
59. Очерки истории СССР. Конец XV – начало XVII в. М., 1955.
60. Там же. С. 494–495, 500–501.
61. Там же. С. 529.
62. Там же. С. 532.
63. Там же. С. 533.
64. Там же.
65. Там же. С. 542, 548.
66. Там же. С. 538.
67. Там же. С. 543, 549.

68. Там же. С. 549.
69. Там же. С. 552–553.
70. Там же. С. 548.
71. Там же. С. 552.
72. Там же. С. 555.
73. *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве начала XVII века. Л., 1985; *Он же.* Смута в России в начале XVII века. Иван Болотников. Л., 1988.
74. *Тюменцев И. О.* Смута в России...
75. *Nietcewicz J. U.* Dzieje panowania Zygmunta III. Kraków, 1860. Т. 2.
76. *Hirschberg A.* Магyna Mniszchówna. Lwów, 1906.
77. *Sobieski W.* Żółkiewski na Kremlu. Kraków, 1920.
78. *Prochaska A.* Hetman Stanisław Żółkiewski. Warszawa, 1927.
79. Хотя в его книге (*Maciszewski J.* Polska a Moskwa. 1603–1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej. Warszawa, 1968), посвященной изучению реакции шляхты на восточную политику правительства, все же был введен в научный оборот ряд новых свидетельств о разногласиях в правящих кругах Речи Посполитой, более подробно и специально исследователь рассмотрел их во вводной статье к подготовленному им изданию «Записок» Жолкевского (*Żółkiewski S.* Początek i progres wojny Moskiewskiej / Opr. J. Maciszewski. Warszawa, 1966).
80. *Wisner H.* Zygmunt III Waza. Wrocław etc., 1991. S. 117 i n.
81. *Polak W.* O Kreml i Smoleńszczyznę. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607–1612. Toruń, 1995.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО И СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Вопрос об истоках глубокого внутреннего кризиса, охватившего русское общество в первые десятилетия XVII в., постоянно находился в центре внимания российской науки. На рубеже XIX–XX вв. С.Ф.Платонов в своем классическом труде о Смуте предложил развернутый ответ на этот вопрос, основанный на детальном анализе как положения отдельных социальных групп, так и особенностей отдельных регионов в составе Российского государства. Выводы и наблюдения С.Ф.Платонова в работах советских ученых подверглись изменениям и дополнениям, главным образом в той части, где речь шла о характеристике отношений между социальными верхами и низами русского общества. В последние десятилетия благодаря введению в научный оборот и анализу комплекса ранее неизвестных источников, характеризующих положение верхов дворянского сословия в последней четверти XVI — начале XVII в., открылись возможности и для постановки ряда вопросов о взаимоотношениях между верхами и низами дворянского сословия, которые не принимались во внимание в схеме С.Ф.Платонова. Появились и работы, посвященные изучению отношений между разными группами сословия горожан. Все это дает определенные основания для того, чтобы, отталкиваясь от того, что было сделано для изучения положения разных слоев русского общества и взаимоотношений между ними после выхода в свет книги С.Ф.Платонова, попытаться предложить ответ на вопрос о причинах кризиса, соответствующий современному уровню знаний о русском обществе.

Хорошо известно, что в ходе глубокого внутривосточного кризиса, охватившего Россию в годы Смуты, в политическую борьбу и в механизм принятия важных политических решений

оказались вовлеченными едва ли не все слои, на которые делилось русское общество того времени. Помещенные в ряде документов этого времени перечни отдельных групп, принимающих такие важные решения, можно рассматривать как самую общую, предельно краткую характеристику структуры русского общества в годы Смуты.

Общество это делилось на «чины», сословные группы, отличавшиеся друг от друга особым статусом (характерно, что в польских переводах соответствующих документов слово «чины» передавалось как «стану» — сословия). Сами «чины» разделялись на две основные части — «служилых людей» и «жилицких людей». Разница между ними, очевидно, состояла в том, «служилые люди» несли «службу» в пользу государства, получая за это вознаграждение, средства для выдачи которого должны были доставить «жилицкие люди». «Сслужилые люди», в свою очередь, делились на «служилых людей по отечеству» и «служилых людей по прибору». Разница в названиях отражала различия в социальном положении обеих групп: для первой из них определенная «служба» была наследственным правом, которое власть должна была принимать во внимание, вторая была мобилизована («прибрана») властью для несения менее «честных» служб. Однако общая черта, характерная для статуса этих привилегированных по сравнению с «жилицкими людьми» социальных групп, — их «служба» государству. Уже выбор терминов для обозначения этих социальных групп показывает специфику русского общества, отличающую его от ряда современных европейских обществ, как общества, где особый статус привилегированных социальных групп был тесно связан с их «службой» государству.

Термин «служилые люди по отечеству» означал всю совокупность людей, входивших в состав формирующегося дворянского сословия, — бояр и детей боярских, владельцев земель с крестьянами, которые несли «службу», занимая различные административные должности или сражаясь в рядах конного дворянского ополчения.

Этот «чин» русского общества имел сложную иерархическую структуру. Его высший слой образовывала знать — несколько десятков княжеских и боярских семей, обладавших наследственным правом на получение думных чинов и занятие высших военных и административных должностей. Говоря о предпосылках Смутного времени, С. Ф. Платонов подчеркивал тяжесть репрессий, которые

пали на этот слой русского общества в годы опричнины. Результатом стало резкое недовольство боярства своим положением и его попытки в годы Смуты вернуть себе утраченные позиции и получить гарантии того, что события опричнины более не повторятся¹. Соображения С. Ф. Платонова о целях, которые преследовала знать в годы Смуты, могут быть дополнительно подкреплены материалом, введенным в научный оборот А. П. Павловым, о попытках знатных людей использовать происходившие перемены власти, чтобы вернуть себе родовые земли, утраченные в годы опричнины².

Представляется, однако, что для полного представления о предпосылках назревавшего кризиса следует принять во внимание не только репрессии сами по себе, но и всю совокупность изменений в положении знати, которые имели место в годы правления Ивана IV.

Хотя С. Ф. Платонов писал, что в результате опричнины формировалась «новая аристократия служебно-дворцового характера»³, это положение не получило в его схеме какой-либо дальнейшей разработки. Как представляется, с того самого времени, когда на рубеже XV–XVI вв. завершилось политическое объединение русских земель, одной из важных задач, к решению которых постоянно стремилась государственная власть, было ослабление связей знати с объединениями детей боярских на местах. Сохранение и укрепление таких связей могло бы привести к превращению знати в самостоятельную силу, которая, опираясь на поддержку провинциального дворянства, могла выдвигать по отношению к государственной власти нежелательные требования. Неудивительно поэтому, что лишь сравнительно недолго во второй половине XV в. представители знати получали назначения на посты наместников в тех землях, где находились их родовые владения. С начала XVI в. решительно возобладал противоположный принцип — получение административных назначений не на тех землях, где располагались родовые вотчины бояр, окольных и вообще тех детей боярских, которые обладали правом на получение кормлений. Так как назначения давались, как правило, на краткие сроки, никаких прочных связей между представителями власти — знатными людьми — и местным обществом не могло возникнуть. Аналогичную политику проводила государственная власть и при военных назначениях на воеводские посты. Лишь в первое время после присоединения ярославские или тверские князья командовали полками, собранными на территории их бывших княжеств.

К началу XVI в. и эта практика была оставлена. Воеводы, как правило, командовали теперь полками, сформировавшимися из отрядов, набранных в разных уездах и регионах Русского государства.

Все эти меры, разумеется, способствовали ослаблению связей между знатью, проводившей теперь значительную часть времени в центре политической жизни — Москве, и дворянскими объединениями на местах, однако не могли такие связи полностью устранить. Члены княжеских родов сохраняли за собой обширные родовые вотчины на территории своих бывших княжеств, что способствовало сохранению традиционных, давно установившихся связей (так, местные дети боярские охотно поступали на службу в княжеские дворы⁴). Что касается других представителей знати, то сохранению их связей с местным обществом способствовало то, что молодые отпрыски знатных семейств до получения думных чинов несли службу в рядах уездных объединений детей боярских⁵.

Эти каналы связей были, по меньшей мере, серьезно ослаблены в результате преобразований второй половины правления Ивана IV. Как убедительно показал, проанализировав огромный фактический материал, А. П. Павлов, годы опричнины стали временем настоящего разгрома родового землевладения княжеской знати, в руках представителей княжеских родов остались лишь жалкие остатки их прежних владений⁶. Представители княжеских родов оставались крупными землевладельцами, но их владения складывались теперь прежде всего из поместий и выслуженных вотчин, разбросанных по всей территории страны. Вместе с тем с окончательным формированием системы столичных чинов к концу правления Ивана IV сложилась практика, при которой молодые представители знати начинали службу в составе этих чинов и их связи с уездными объединениями детей боярских оказались разорванными⁷.

К этому следует добавить, что государственная власть прилагала усилия к тому, чтобы постоянно удерживать в Москве представителей знати, не имевших военных или административных назначений. Польский шляхтич С. Немоевский, посетивший Россию в годы правления Лжедмитрия I, обратил внимание на то, что каждый знатный человек должен иметь свой двор в столице, так как проводит большую часть времени при дворе государя, а не в своих владениях, для посещения которых требовалось специальное разрешение царя, дававшееся на строго определенный срок⁸.

Совокупность всех этих мер привела к тому, что родовая знать, превратившаяся в знать служилую, тесно связанную с двором правителя, перестала представлять для государственной власти серьезную опасность. Такая служилая знать, не располагавшая связями и влиянием на местах, не могла выступать как сила, способная поднять провинциальных детей боярских на какие-либо выступления против центральной власти.

Однако у создавшейся ситуации была и другая сторона. Не располагая связями и влиянием на местах, аристократия, опиравшаяся лишь на поддержку центральной власти, с временным ослаблением последней оказывалась неспособной влиять на местное общество и способствовать прекращению волнений. Таким образом, устранив возможную опасность со стороны знати, государственная власть одновременно утратила важный канал влияния на провинциальное общество, что при возникновении внутривластного кризиса было чревато серьезной опасностью.

Вместе с тем отмеченные перемены в положении знати не могли не оказать влияния на основную массу представителей дворянского сословия — детей боярских, входивших в состав дворянских уездных организаций. С. Ф. Платонов правильно обращал внимание на то, что вторая половина XVI в. была особенно тяжелым временем для провинциальных детей боярских. Помимо того ущерба, который нанесли провинциальному дворянству массовые переселения⁹ времен опричнины, положение дворянства сильно ухудшилось к концу правления Ивана IV, когда резкий рост государственных налогов привел к массовому разорению крестьян и запустению поместий, а с тех помещиков, которые с трудом сумели сохранить свой социальный статус, требовали исправного несения военной службы¹⁰. И после окончания войны положение широких кругов дворянства оставалось тяжелым — источники второй половины 80-х гг. XVI в. содержат многочисленные сведения о детях боярских, которые бросили запустевшие поместья и «кормятца меж двory»¹¹.

Нельзя не согласиться с С. Ф. Платоновым, что в столь тяжелом положении дети боярские нуждались в прямой поддержке со стороны государственной власти¹², которая не могла ограничиваться традиционной выплатой жалованья за службу. Обеспечению относительной устойчивости дворянского хозяйства способствовали проводившиеся с начала 80-х гг. XVI в. меры по прекращению крестьянских переходов и массовому сыску и возвращению на преж-

ние места беглых¹³. Меры эти диктовались прежде всего интересами фиска, но отвечали и нуждам землевладельцев, заинтересованных в обеспечении своих имений рабочей силой. Навстречу интересам дворянства шли принятые в ответ на коллективные челобитные детей боярских решения о «обелении» барской запашки¹⁴.

Поскольку последствия хозяйственного разорения к началу XVII в. далеко не были изжиты¹⁵, положение дворянского хозяйства продолжало оставаться неустойчивым, а после голода 1601–1603 гг. вопрос о поддержке дворянства со стороны государственной власти снова должен был стать в высокой степени актуальным.

Отсюда повышение внимания дворянской массы к возможным переменам на троне, ее заинтересованность в приобретении влияния на принятие в Москве важных государственных решений. В десятилетия, предшествовавшие правлению Ивана IV, вопрос не мог стоять так остро. В то время когда молодые аристократы начинали нести службу в рядах местных дворянских корпораций, провинциальное дворянство могло видеть в лице влиятельных сослуживцев и соседей защитников своих интересов при дворе монарха. С обособлением элиты служилого сословия от провинциального дворянства положение стало существенно иным. Теперь провинциальный дворянин сталкивался со знатным человеком лишь как с присланным из центра воеводой, проводившим на местах политику властей и одновременно стремившимся обогатиться за счет населения, или как с вымогавшим взятки судьей в приказе, когда провинциальному дворянину приходилось отправляться для решения своих дел в столицу. Как представляется, в этих условиях уже на рубеже XVI–XVII вв. должен был зародиться тот антагонизм между провинциальным дворянством и «сильными людьми» в Москве, связанными в его сознании с «московской волокитой» и неправедным судом, отголоски которого звучат в дворянских выступлениях на Земских соборах и в коллективных челобитных первой половины XVII в.¹⁶ Обособление элиты служилого сословия должно было, вместе с тем, способствовать консолидации дворянской корпорации как объединения детей боярских — землевладельцев одного уезда с близким социальным статусом. Так постепенно созревали условия для самостоятельных выступлений уездных дворянских корпораций — «служилых городов» — в защиту своих особых интересов, выступлений, которые заставили бы собравшуюся в Москве политическую элиту принимать эти интересы во внимание.

Вопрос о том, как отстаивать интересы провинциального дворянства перед лицом центральной власти, обладал разной степенью остроты по отношению к разным регионам России. Стремясь ослабить связи между знатью и провинциальным обществом, государственная власть одновременно хотела сохранить определенные каналы влияния на провинциальное дворянство. Как показали исследования социального состава «государева двора» — своеобразной организации верхов дворянского сословия, принадлежность к которой обеспечивала и участие в получении регулярного денежного жалованья, и доступ к военным и административным назначениям, — низший, наиболее многочисленный слой в его структуре состоял из выборных дворян — представителей верхушки провинциального дворянства, которые обычно несли службу вместе со своей уездной корпорацией, выступая в ее рядах в качестве командиров дворянских сотен и окладчиков, но периодически вызывались в Москву для получения военных и административных назначений как члены «двора». Количество таких «выборных дворян» заметно увеличилось на протяжении последних десятилетий XVI в.: если в 1588/89 г. их было 680 человек, то в первые годы XVII в. уже свыше 900¹⁷. Этому слою людей принадлежала особая роль в структуре русского общества — они связывали между собой верхи и низы дворянского сословия, через них государственная власть могла воздействовать на провинциальное дворянство, а последнее — информировать власть о своих нуждах. Однако далеко не все дворянские объединения имели своих представителей в составе «двора»¹⁸. Изучение «Тысячной книги», «Дворовой тетради» и боярских списков второй половины XVI в. показало, что в составе двора были представлены дворянские корпорации исторического центра государства — Северо-Восточной Руси («Замосковского края») и немногих уездов к югу от Оки (Рязань и некоторые другие города). Ни большая часть заокских городов, ни Смоленщина, ни Северская земля, ни Поволжье на юг от Нижнего Новгорода в составе двора не были представлены. Рост числа «выборных дворян» шел во второй половине XVI — начале XVII в. прежде всего за счет роста числа представителей традиционного круга «городов». Вместе с тем, как показано А. П. Павловым, к середине 80-х гг. XVI в. из состава двора были удалены представители дворянских корпораций северо-запада России. Таким образом, государственная власть последовательно привлекала в состав двора представителей дворянских

корпораций исторического центра государства, не принимая во внимание интересы дворянских корпораций окраин. Между тем именно дворянство западных и южных окраин, разоренных Ливонской войной и татарскими набегами, особенно нуждалось в поддержке со стороны государственной власти, особенно было заинтересовано в возможности влиять на принимавшиеся в столице политические решения. Правда, в начале XVII в. в этом отношении наметились некоторые изменения. К 1602–1603 гг. в составе двора появились представители как ряда городов Поволжья (Нижний Новгород, Арзамас), так и ряда городов юго-запада России (Стародуб-Северский, Карачев, Орел). Сами эти перемены говорят о том, что власть, очевидно, стала в какой-то мере отдавать себе отчет в возможной опасности, которую таило подобное положение вещей, и нашла нужным как-то пойти навстречу пожеланиям части провинциального дворянства. Перемены, однако, были незначительными, почти формальными, так как от каждого из новых городов в состав двора было взято всего по несколько человек, в то время как «выбор» от старых «городов» исчислялся десятками¹⁹.

Таким образом, одной из характерных черт русского общества на рубеже XVI–XVII вв. была незавершенность процесса формирования единого дворянского сословия, находившая свое выражение в существовании важных различий между положением дворянства исторического центра и окраин. У дворянства окраин были особенно серьезные основания для недовольства своим положением, недовольство это могло лишь усилиться в годы постигшего Россию голода, а каналами влияния, способными стабилизировать положение на окраинах, государственная власть не располагала.

Другую важную часть служилого населения России составляли «служилые люди по прибору». В крупных городских центрах эти служилые люди по прибору, как было показано уже С. Ф. Платоновым в его характеристике особенностей отдельных регионов России накануне Смуты, составляли очень значительную часть населения²⁰.

Поддержание и сохранение общественного порядка и в городских центрах, и в прилегающей к ним округе обеспечивала наиболее многочисленная, наиболее организованная и наиболее привилегированная часть служилых людей по прибору — созданное в 50-х гг. XVI в. стрелецкое войско. Стрелецкие отряды, в которых

насчитывалось в отдельных уездных центрах по несколько сотен человек, являлись опорой представителей власти на местах — воевод. Это была хорошо организованная военная сила, которую воеводы в случае необходимости могли быстро мобилизовать, не дожидаясь, пока в город соберутся со своих поместий уездные дети боярские.

Если в сохранившихся писцовых описаниях ряда русских городов второй половины XVI в. представлены достаточно точные данные о количестве проживавших в них стрельцов, то сведения об их положении приходится черпать из законодательных актов первой половины XVII в. и из записок иностранцев. Стрелецкое войско (пехота, вооруженная огнестрельным оружием) несло военную службу, за которую получало жалованье. По сообщению Д. Флетчера, стрелец получал в год 7 рублей, 12 мер ржи и 12 мер овса²¹. Как отметил другой иностранный наблюдатель, С. Немоевский, стремянные стрельцы, которые несли охрану царя, получали жалованье в два раза больше. По сообщению того же автора, стрельцы получали из казны металлические части для своих пищалей²². Другим важным признаком социального статуса стрельцов было освобождение от тягла и служб, которые несли проживавшие рядом с ними посадские люди²³. В середине XVII в. освобождение от тягла не распространялось на другие категории служилых людей по прибору²⁴, но ранее, видимо, дело обстояло не так. Неслучайно в годы Смуты многие члены посадских тяглых общин пытались воспользоваться происходившими переменами, чтобы войти в состав разных категорий служилых людей по прибору и тем самым освободиться от тягла²⁵.

В свободное от службы время стрельцы занимались, как и посадские люди, торговлей и промыслами. Власть допускала это, но продававшие на торгу свои изделия или державшие лавки стрельцы должны были наравне с посадскими людьми «полавленное и пошлины всякие давати в государеву казну»²⁶. На этой почве были возможны столкновения с собиравшим пошлины финансовым аппаратом государства и возникновение определенной общности интересов посадских людей и стрельцов.

В целом, однако, освобождение от тягла и выплата жалованья, как представляется, обеспечивали государственной власти и ее представителям на местах поддержку стрелецкого войска. Однако в начале XVII в. эта система отношений была серьезно нарушена. В записках С. Немоевского сохранилась запись его разговоров со

стремляющимися стрельцами весной 1606 г. Он записал, что, не получая третий год жалованья, стрельцы ругают царя за то, что вынуждены ходить в самодельной одежде и лаптях (вместо сапог)²⁷. Если так обстояло дело с элитной частью стрелецкого войска, охранявшей самого царя, то с выплатой жалованья на местах дело обстояло, конечно, еще хуже. В таких условиях правитель явно не мог рассчитывать на традиционную лояльность стрельцов, а те, в свою очередь, готовы были отдать предпочтение другой власти, которая могла бы обеспечить лучшие условия службы. Утратив поддержку стрелецкого войска, воеводы, не обладавшие авторитетом в глазах местного населения, не располагавшие связями и каналами влияния в незнакомой им среде, оказывались не в состоянии контролировать положение на местах, тем более если они не могли рассчитывать в полной мере на лояльность местных детей боярских.

Другая, бóльшая часть русского общества — «жилицкие люди» — может быть разделена на две большие категории — торгово-ремесленное население городов и крестьянство.

Посадские люди — формирующееся городское сословие — получили целый ряд серьезных оснований для недовольства после перемен в их положении, имевших место во второй половине правления Ивана IV. Во-первых, следует отметить (на что справедливо обращал внимание Р. Г. Скрынников), что резкий рост налогов («тягла») в годы Ливонской войны пал своей тяжестью не только на жителей деревни, но и на посадских людей, что нашло свое выражение в массовом бегстве тяглецов из города. Предпринимавшиеся государством с начала 80-х гг. XVI в. меры по прикреплению тяглецов к традиционным местам обитания и насильственному возвращению беглых на прежние места в полной мере касались и жителей посада²⁸. С этого времени стремление использовать возможные перемены для того, чтобы избавиться от тягла, стало для русских горожан постоянным (о чем в иной связи уже было сказано выше).

Очень важной переменной, отрицательно сказавшейся на положении горожан, стала утрата посадами самоуправления, которое они получили по земской реформе 1555–1556 гг. Как показано в исследовании А. П. Павлова, с 70-х гг. XVI в. все большее распространение стала получать практика посылки на места сначала «судей», а затем «воевод», в руки которых постепенно переходили суд и управление посадами²⁹, что означало резкое ограничение

компетенции созданных после земской реформы органов городского самоуправления. Перемены эти вызывали тем более негативную реакцию, что воеводы, никак не связанные с местным обществом, не заинтересованные в каких-либо контактах с ним, рассматривали свою должность как «кормление», за сравнительно кратковременное пребывание на котором следовало выжать из населения как можно больше доходов³⁰. Еще на земском соборе 1642 г. в выступлениях представителей городского сословия говорилось о действиях воевод как главной причине «оскудения» посадских людей: «А в городех всякие люди обнищали и оскудали до конца от твоих государевых воевод, а торговые людишка, которые ездят по городам для своего торгового промыслишка, от их же воеводского задержанья и насильства в проездах торгов своих отбыли». Этому неутешительному настоящему противопоставлялись порядки, существовавшие «при прежних государех», когда «посадские люди судилися сами промеж себя, а воевод в городех не было»³¹. Если память о земском самоуправлении сохранялась еще в середине XVII в., то с тем большим основанием можно думать, что такая память сохранялась и в годы Смуты, и от перемены власти в государстве посадские люди ожидали ограничения полномочий воевод и тем самым хотя бы частичного возвращения к прежним порядкам и потому готовы были поддержать новую власть, которая способствовала бы таким переменам³².

Во второй половине правления Ивана IV подверглась определенным изменениям и структура городского сословия: эти перемены были схожи с изменениями в структуре дворянского сословия (хотя и вызваны к жизни иными причинами) и имели во многом аналогичные последствия.

До 70-х гг. XVI в. посадские общины в наиболее крупных городах России имели сложный характер. Население в них делилось на различные сословные группы — «гостей», образовывавших верхний привилегированный слой городской общины, и простых горожан. «Гости» выделялись из состава общины особым характером лежавшего на них тягла, кроме того, только из их среды выходили стоявшие во главе этих общин «купеческие старосты». Однако, несмотря на существование серьезных различий между гостями и простыми горожанами, и те, и другие принадлежали к одной городской общине, в рамках которой более зажиточная, привилегированная верхушка имела достаточно широкие возможности влияния на простое население посадов.

Начиная с 70-х гг. XVI в. связь между представителями городской верхушки и массой посадского населения оказалась разорвана. Наиболее состоятельная в хозяйственном отношении часть городского населения была причислена к особому чину «гостей» либо включена в состав особых привилегированных объединений, таких как «гостинная сотня» и «суконная сотня». Личный состав этих объединений и позднее пополнялся за счет принудительных наборов. Состоятельные купцы, получившие звание гостя или вошедшие в состав новосозданных объединений, освобождались от тягла и каких-либо служб вместе с посадскими людьми и надеялись рядом привилегий, но за это на них возлагалась обязанность нести «службы» в пользу государства, связанные с пополнением государственной казны. На них лежал надзор за чеканкой монеты, организация продажи «казенного» товара (в частности, мехов, поступавших из недавно присоединенной Сибири), организация сбора торговых пошлин (в том числе надзор за деятельностью сборщиков из среды местного населения). Важно отметить, что значительная часть этих людей была принудительно переселена в столицу, а других побуждали сделать это, одновременно избавившись от имущества в местах первоначального проживания³³.

С помощью этих мер государственная власть добилась создания аппарата, эффективно обслуживавшего ее финансовые нужды. Однако реформа привела и к таким объективным последствиям, на которые государственная власть, вероятно, не рассчитывала. В результате проведенных преобразований были не только разорваны связи между городской верхушкой (даже если она осталась на месте, не переехав в Москву) и основной массой городского населения. Еще более важно, что интересы зачисленных на государственную службу купцов, заинтересованных в добычании «прибыли» для государственной казны, чтобы сохранить свой привилегированный статус и возможности обогащения, которые давало участие в работе государственного аппарата, оказались в прямом противоречии с интересами рядовых горожан, за счет доходов которых и пополнялась государственная казна. В свете этих обстоятельств становятся более понятными полные глубокой неприязни высказывания о псковских гостях, «мнящихся пред боги и человеки, богатством кипящих», на страницах псковской повести о Смуте, написанной одним из простых посадских людей³⁴.

С утратой связей этой верхушки с городской общиной, с появлением объективного противоречия между интересами общины и

интересами привилегированного купечества, связанного со службой в финансовом аппарате государства, оказались резко ограничены возможности ее влияния на массу рядового населения посадов, возможности воздействовать на это население в кризисных ситуациях для сохранения традиционного порядка. Финансовая состоятельность гостей в таких условиях не могла стать гарантией их политического влияния. Как показал ход событий в Пскове, предшествовавших переходу города под власть Лжедмитрия II, псковские гости, утратив обеспеченную им в обычное время поддержку воеводской власти и стрелецкого войска, оказались не в состоянии не только подчинить своему влиянию рядовых псковских горожан, но и вообще серьезно влиять на ход событий³⁵.

Сопоставляя результаты наблюдений над политикой власти по отношению к верхним слоям и дворянского, и городского сословий, можно сделать общий вывод, что власть, связав социальные элиты обоих сословий со своими интересами, ослабив их связи с нижестоящими слоями, объективно способствовала созреванию внутривластного кризиса, так как в итоге эти элиты утратили возможность оказывать серьезное влияние на стоящие ниже социальные слои. Такое положение было чревато потенциальной опасностью, поскольку у этих нижестоящих слоев к началу XVII в. имелось, как было показано выше, достаточно серьезных оснований для недовольства своим положением.

Уже С. Ф. Платонов, рассматривая вопрос о причинах Смуты, обратил внимание на то, что и у главной массы сельского населения — крестьянства — были очень серьезные причины для недовольства своим положением. В советской историографии перемены в положении крестьянства во второй половине XVI — начале XVII в. были подвергнуты всестороннему внимательному изучению.

Период примерно с 70-х гг. XVI в. стал для русской деревни временем тяжелого кризиса, приведшего к сокращению размеров и численности крестьянских хозяйств, к запустению значительной части посевных площадей. Главной причиной кризисных явлений стал, по общему мнению исследователей, резкий рост государственных налогов в годы Ливонской войны³⁶. По окончании войны их размер мало изменился, и лишь в 1590-е гг. налоговые ставки были снижены³⁷. К началу XVII в. последствия кризиса были далеко не преодолены, и большая часть заброшенных земель оставалась необработанной³⁸. Голод первых годов XVII в. привел к новому ухудшению условий жизни сельского населения.

Ответом крестьян на усиление тягла стало сокращение до минимума тех земельных наделов, которые были главным объектом налогообложения, утраты же они возмещали арендой чужой земли и нелегальными распашками пустошей³⁹. Как представляется, такие действия крестьян затрагивали интересы не только государства, но и детей боярских, взимавших оброк с тех же земельных наделов. С этими переменами следует, вероятно, связывать рост удельного веса барской запашки в помещичьем хозяйстве и все более широкое привлечение крестьян к обработке этой пашни. Хотя в условиях, когда размер барской запашки не был особенно велик, а само барское хозяйство имело потребительский характер⁴⁰, такая барщина не могла быть особенно обременительной для крестьянина, его отрицательную реакцию должно было вызывать само стремление помещика непосредственно распоряжаться крестьянским трудом.

Отрицательную реакцию крестьян должен был вызывать и установленный в 80-е гг. XVI в. запрет крестьянских переходов, лишивший крестьянина законных возможностей улучшить свою жизнь, перейдя во владение с лучшими условиями содержания.

Поскольку у крестьян были серьезные основания для недовольства, неудивительно, что исследователи искали ответ на вопрос, как, в каких формах проявлялось это недовольство в событиях Смуты. Возможный ответ на этот вопрос предлагала официальная историография первой половины XVII в., рассматривавшая выступления против правительства Василия Шуйского как движение социальных низов, направленное против существующего общественного порядка. Так, в таком памятнике, как «Новый летописец», рассказ о выступлении населения южных окраин против правительства Шуйского получил заголовок «О побое и разорении служивым людем от холопей своих и крестьян», а в самом тексте говорилось, что «собрахуся боярские люди и крестьяне... и начаша по градом воеводы имати и сажати по темницам, бояр же своих дома разоряху и животы их грабяху»⁴¹. В соответствии с этими высказываниями С. Ф. Платонов в своем классическом труде о Смуте, характеризуя движение, развернувшееся в это время на южных окраинах Русского государства, писал, что восставшие «громко заявляли о своей склонности к общественному перевороту и уже покушались на демократическую ломку существующего строя»⁴². В советской исторической литературе утвердилось и получило детальную разработку представление о событиях 1606–1607 гг.

как крестьянской войне⁴³. В научной литературе рассматривался также вопрос о возможной роли крестьянского движения на более ранних и более поздних этапах кризиса⁴⁴. Однако специальное изучение и документальных, и всей совокупности нарративных свидетельств, относящихся и к первым этапам Смуты и к восстанию Болотникова, показало, что в распоряжении исследователей нет материалов, которые свидетельствовали бы об имевших место в 1603–1607 гг. массовых выступлениях крестьян, направленных на защиту их особых интересов. Хотя отдельные такие выступления (например, выступление крестьян Комарицкой волости, поддержавших Лжедмитрия I) имели место, есть все основания рассматривать их как часть более общего движения, в котором доминировали иные социальные силы⁴⁵. К аналогичным результатам привело и предпринятое недавно специальное исследование источников, содержащих сведения о движении, во главе которого стоял Лжедмитрий II⁴⁶. Правда, для 1608–1609 гг. сохранилось довольно много данных о действиях отдельных крестьянских «миров» как на территории Замосковского края, так и на севере России, но анализ сведений об этих действиях показывает, что они были связаны не с выдвижением каких-то требований, выражавших особые интересы крестьянства, а с попытками сохранить жизнь и имущество в обстановке гражданской войны, организовать самооборону от войск, разорявших их земли; действовали они при этом часто совместно с другими группами населения⁴⁷.

Все это позволяет сделать вывод, что, несмотря на общее недовольство своим положением, крестьянство во время Смуты не пыталось выступать как самостоятельная сила, защищавшая свои особые интересы. Вместе с тем при рассмотрении вопроса о предпосылках разразившегося в годы Смуты глубокого внутривнутриполитического кризиса следует обратить серьезное внимание на то, что реакция крестьян на неблагоприятные перемены в их положении не ограничивалась сокращением земельных наделов, еще более важное выражение это недовольство находило в массовом бегстве бросавших свои наделы крестьян на восточные и южные окраины государства. Несмотря на запрет крестьянских переходов, государственная власть была не в состоянии воспрепятствовать массовым миграциям населения. На южных колонизируемых окраинах беглые вливались в ряды местного служилого люда, а часть из них находила пристанище в поселениях казаков, лежавших уже за границами русской государственной территории. В результате в

событиях Смуты бывшие крестьяне принимали участие уже как лица, принадлежавшие к иным слоям русского общества.

Следует также остановиться на роли в событиях Смуты представителей еще одного важного слоя русского общества — холопов. Выше уже цитировались высказывания «Нового летописца» о «боярских людях» как одной из главных сил восстания Болотникова. В этих боярских людях исследователь, изучавший это восстание — И. И. Смирнов, видел лично зависимых людей, занятых трудом в барском хозяйстве детей боярских, их участие в восстании было для него одним из важных показателей его антифеодалного характера⁴⁸.

Как представляется, иное, более правильное решение вопроса о роли холопов в годы Смуты предложил в своих работах Р. Г. Скрынников⁴⁹. Как показал этот исследователь, свидетельства источников (прежде всего известные сообщения Авраамия Палицына) говорят об активном участии в событиях Смуты не холопов, занятых работой на пашне, а верхнего слоя этой социальной группы — несвободных военных слуг, сопровождавших господина на войне, помогавших ему в управлении хозяйством и выполнении административных обязанностей. Сами эти военные слуги часто происходили из попавших в кабалу детей боярских. Среди попавших таким образом в «неволю», по словам Палицына, были люди «от чествующих издавна многим имением... избранных меченосцов и крепких со оружия во бранех»⁵⁰. Тому, что многие представители этой группы внезапно в начале XVII в. утратили свой социальный статус, было, согласно высказываниям Палицына, две причины. С одной стороны, царь Борис распустил дворы ряда опальных бояр, запретив другим принимать на службу их холопов. С другой — в годы голода многие представители социальной верхушки русского общества, будучи не в состоянии содержать своих слуг, выгоняли их на улицу, даже не давая отпускных грамот⁵¹. В результате для тех холопов, кто «играл на конях» и не владел никаким «ремеслом», не оставалось другого выхода, как уходить на южные окраины государства⁵², где из их числа пополнялись ряды служилого люда южных уездов и казацкие поселения.

Появление на южных окраинах России значительной группы умевших владеть оружием и резко недовольных переменами в своем положении и обращением с ними социальной верхушки, несомненно, должно было способствовать назреванию кризиса. От таких людей можно было ожидать активного участия в движениях,

направленных и против носителя верховной власти, и против поддерживающих его представителей социальной элиты. При этом должен был иметь значение их немалый военный опыт, умение сражаться в рядах постоянного войска. Не исключено, что в организации массового движения на южных окраинах в первые годы Смуты бывшие военные слуги московских бояр могли сыграть роль, аналогичную той, которую сыграло мелкое рыцарство в гуситском движении, способствуя созданию эффективной военной организации.

Особо следует остановиться на вопросе о целях, которые могли преследовать эти беглые холопы как участники такого массового движения. Очевидно, часть из них уже отождествляла свои интересы с интересами тех социальных групп (служилых людей по прибору, казачества), в состав которых им удалось войти, но часть, видимо, сохраняла память о своем происхождении и прежнем статусе. Этот круг людей должен был стремиться к тому, чтобы с помощью новой власти обеспечить себе доступ в ряды дворянского сословия, восстановив тот статус, которым они обладали до того, как попали в кабальную зависимость. Ряд свидетельств указывает на то, что части этих людей удалось добиться своей цели в годы правления Лжедмитрия II⁵³.

Качественно новым явлением в истории Восточной Европы стало образование во второй половине XVI в. в южной части этого региона на границе с кочевым миром казацких поселений, как на территории Речи Посполитой — у днепровских порогов и в Среднем Поднепровье, так и у южных границ России — на Дону, на Тереке, на Волге, на Яике. К началу XVII в. собравшиеся в этих поселениях казацкие войска представляли собой уже серьезную военную силу, активно вмешавшуюся в события, происходившие в России в годы Смуты.

В русской дореволюционной историографии казачество характеризовалось как сила, имевшая веские причины для недовольства сложившимся в России общественным порядком, резко враждебная по отношению к этому порядку и стремившаяся его разрушить, не ставя перед собой при этом каких-либо позитивных целей⁵⁴. В советской историографии казачество рассматривалось как одна из главных движущих сил антифеодального движения, направленного на ликвидацию крепостнических отношений на территории России. В настоящее время благодаря наличию специального исследования А. Л. Станиславского можно с гораздо большей точностью и конкретностью, чем ранее, судить о характере

казачества как социального явления и о тех целях, которые казаки преследовали, вмешиваясь в политическую борьбу на территории Русского государства. Правильному представлению о характере этого исторического явления может способствовать и привлечение аналогий, касающихся украинского казачества, о деятельности которого на рубеже XVI–XVII вв. сохранились идущие из самой казацкой среды свидетельства.

И современники, и исследователи были согласны между собой в том, что казацкие поселения появились как результат массового бегства (прежде всего на юг) за пределы русской государственной территории крестьян и холопов, стремившихся таким путем избавиться от тяжести государева тягла и пут феодальной зависимости. Представление о таком происхождении казачества в яркой и образной форме отразилось на страницах так называемой поэтической повести об Азовском сидении, написанной есаулом Федором Порошиным, бывшим холопом кн. Н. И. Одоевского: «Отбегохом мы ис того государства Московского из работы вечныя, от холопства полного, от бояр и дворян государевых»⁵⁵. Такое представление о собственном происхождении, как представляется, поддерживалось в казацкой среде не только благодаря постоянному новому притоку беглых, но и потому, что социальные верхи русского общества также смотрели на казаков как на своих беглых подданных или спасшихся от наказания преступников⁵⁶. В казачьей среде прекрасно отдавали себе в этом отчет. Автор уже упоминавшейся выше казачьей повести с горечью писал: «Ведаем, какие мы в государстве Московском люди дорогие и к чему мы там надобны... не почитают нас там на Руси и за пса смердящаго»⁵⁷. Эти горькие слова были написаны, когда Войско Донское официально находилось на царской службе и ему присылали из Москвы знамена и жалованье.

Тем сильнее должно было проявляться в сознании казаков такое представление об отношении к ним русской правящей элиты в начале XVII в., когда отношения между русской государственной властью и казачеством были достаточно далеки от порядков, установившихся к концу правления Михаила Федоровича. Хотя время от времени казакам у южных границ России выдавалось «денежное и хлебное жалованье», им разрешалось торговать в пограничных городах, а во время больших военных кампаний отряды казаков включались в состав русской армии⁵⁸, государственная власть одновременно пыталась говорить с казачеством на

языке силы, требуя подчинения своим указаниям и угрожая суровыми репрессиями в случае неповиновения. Так, в 1593 г. в посланной на Дон царской грамоте говорилось, что если казаки станут виновниками конфликта между царем и султаном, то «вам от нас быти в опале и к Москве вам к нам никому не бывать. И пошлем на них Доном к Раздором большую рать и поставить велим город на Раздоре и вас згоним з Дону»⁵⁹. Тогда все ограничилось лишь угрозами, но в начале XVII в. дело дошло до карательных санкций, когда вольным казакам было запрещено появляться на русской территории, а населению южных уездов возить на Дон «заповедные» товары, в том числе необходимое для казаков военное снаряжение. Одновременно с резким продвижением (благодаря благоприятной международной ситуации) русских оборонительных линий далеко на юг появилась возможность попытаться подчинить казацкие поселения контролю властей. Воеводы Царева Борисова — крепости, поставленной в 1600 г. на Северском Донце, должны были собрать и доставить в Москву сведения, «в которых местех на Донце и на Осколе юрты и кто в котором юрте атаман, и сколько с которым атаманом казаков и которыми месты и которого юрту атаман и казаки какими угоды владеют»⁶⁰. За составлением такой переписи должно было последовать установление порядков, существовавших на государственной территории, порядков, от которых жители казацких поселений уходили⁶¹. Отсюда — острый антагонизм в отношениях казачества и власти, готовность казачества активно участвовать в выступлениях против этой власти. Отрицательное отношение казаков к существовавшим на территории России несправедливым (с их точки зрения) общественным порядкам, враждебность по отношению к представителям русской политической элиты, которые не скрывали презрительного отношения к казакам и хотели бы вернуть их в зависимость от прежних господ, — все это при определенных условиях могло сделать казачество организующей силой массового народного движения, направленного против крепостнических порядков, как это имело место на Украине во время казацких восстаний 20–40-х гг. XVII в.

Вместе с тем сохранявшаяся в казацкой среде память о своем социальном происхождении вовсе не означала, что казаки отождествляли свои интересы с интересами социальных низов русского общества.

Сами казаки считали себя сообществом воинов. Автор неоднократно цитировавшейся выше повести писал о своих соратниках —

«молодцах», которые, как птицы небесные, не сеют, не жнут, а добывают себе мечом «серебро и золото за морем»⁶². Но в собственном сознании казаки (и донские, и запорожские) были не просто воинами, а воинами, защищавшими христианский мир от нападений «бусурман», ведущими с ними священную войну ради освобождения православных христиан от иноверной власти. Автор повести даже писал о желании казаков перейти море, пролить кровь «бусурман» и освободить Царьград⁶³.

Эти представления о своем положении и роли служили основанием для притязаний казаков на важное, почетное место в обществе.

Сохранился ряд ценных свидетельств источников конца XVI — начала XVII в. о том, как представляли себе желательный социальный статус запорожские казаки. Думается, эти свидетельства заслуживают серьезного внимания не только потому, что социальное положение запорожских и донских казаков, их круг интересов были сходными, но также и потому, что между донским и запорожским казачеством уже в то время существовали тесные контакты.

В средневековом обществе именно военная служба, «налог кровью» для защиты своей страны была основанием для тех особых привилегий и прав, которые выделяли дворянство из среды остального населения и ставили его на верхнюю ступень социальной пирамиды. Так как казаки были постоянно заняты военной службой — защитой страны от «бусурман», то в их представлении им также должен был быть предоставлен целый ряд особых прав и привилегий. Имелись в виду при этом не только исключительная подсудность казаков своим выборным властям и свобода от налогов. Казаки настаивали на своем праве получать за свою службу Речи Посполитой «казацкий хлеб». Принимая за образец действия регулярного войска Речи Посполитой, в промежутках между военными походами казаки брали в «приставства» отдельные территории — не только королевские имения, но и частновладельческие земли, облагая их поборами в свою пользу⁶⁴.

Уже в 90-е гг. XVI в. в документах, составленных в казацкой среде, запорожцы называют себя «людьми рыцарскими», «рыцарством запорожским», «рыцарством войска запорожского»⁶⁵. В 1602 г. один из казацких гетманов, Иван Куцкович, писал, что заслуги запорожцев стоят выше, чем заслуги других «рыцарских людей», так как они не требуют жалованья за свою службу. От имени запорожского войска он выражал надежду, что, принимая во внимание их заслуги, король, расположенный к «рыцарским людям

и готовый их защищать», должен «облагородить» (*uszlachcić*) казаков, их жен и детей, признав казаков «сынами коронными», как именовалось в официальных документах дворянское сословие Речи Посполитой — шляхта⁶⁶. Претензии на почетное, привилегированное положение в обществе, сходное с положением польско-литовского дворянства, выражены в этом документе с большой четкостью. Одна из главных причин конфликта между казачеством и Речью Посполитой заключалась в том, что ни государственная власть, ни дворянство не желали согласиться ни с такими представлениями казаков об их социальном статусе, ни тем более с вытекавшими из этих представлений практическими последствиями.

Разумеется, несмотря на тесные контакты между Доном и Запорожьем и совместные действия отрядов запорожских и русских казаков во время Смуты, все то, что характеризует взгляды запорожцев, нельзя механически переносить на русских казаков.

Так, исследователям русского казачества не удалось обнаружить такие заявления русских казаков, которые отражали бы притязания на положение, сходное с положением русского дворянства. Кроме того, в отличие от запорожцев, до наступления Смуты у русских казаков не было возможностей настаивать на каких-то правах, которые они могли бы реализовать на русской государственной территории.

Вместе с тем проведенный А. Л. Станиславским тщательный анализ свидетельств источников о действиях русских казаков в годы Смуты показал, что казаки стремились объединить свои отдельные отряды — станицы — в «великое войско», которое бы подчинялось своим выборным предводителям и могло ставить условия центральной власти⁶⁷. Казаки считали себя людьми, несущими важную для страны «службу», за которую им полагается ежегодное денежное жалованье и ежемесячный корм⁶⁸. Для получения этих средств казаки считали себя вправе требовать передачи им в «приставства» те или иные территории, а то и сами, не дожидаясь соответствующих санкций, реализовывали свои требования на практике. В качестве «приставств» могли выступать не только черные и дворцовые, но и частновладельческие земли и даже города. Иногда дело ограничивалось присылкой казацких послов за собранным кормом, но чаще казаки брали и сам сбор доходов в свои руки⁶⁹. В 1615 г. пришедшее под Москву казачье войско добивалось вместо жалованья передачи ему в «приставство» территории Северских городов⁷⁰.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что казаки, принявшие участие в политической борьбе, развернувшейся на территории России в годы Смуты, и представители социальных низов и разорившегося мелкого дворянства, вступавшие в состав казачьих отрядов, не ограничивались стремлением захватить добычу и расправиться с теми представителями правящей элиты, которых они считали врагами казачества. Они, как и запорожцы, хотели добиться признания за собой высокого и почетного положения в обществе, какое им, по их представлениям, полагалось как людям, несущим важную военную службу. При выдвижении таких требований интересы казачества входили в противоречие и с интересами государственной власти, и с интересами дворянства.

Хорошо известно, что Смута началась с восстания населения южных окраин против центральной власти в Москве. Неудивительно поэтому, что в исследованиях по истории Смутного времени особенностям жизни населения в южных регионах Русского государства было уделено серьезное внимание. Особенности положения и образа жизни отдельных социальных групп населения региона были обстоятельно рассмотрены С. Ф. Платоновым, который предложил и свой ответ на вопрос, почему именно с этими территориями оказалось связано начало Смуты⁷¹. В сравнительно недавнее время к рассмотрению этой проблематики возвратился Р. Г. Скрынников, сумевший использовать ряд материалов, оставшихся неизвестными С. Ф. Платонову⁷².

Социальные отношения в южных регионах России существенно отличались от социальных отношений на соседних украинских землях Речи Посполитой. В Среднем Поднепровье последняя четверть XVI — первые десятилетия XVII в. были временем формирования здесь крупного феодального землевладения. Именно поэтому очень рано здесь выступления казачества стали сливаться с выступлениями крестьян против утверждения в регионе крепостнических порядков. В южных регионах России положение было принципиально иным. Никакого крупного землевладения здесь не было. Дети боярские обычного для центральной части государства типа составляли в среде местного населения очень незначительную прослойку. Подавляющая часть местных детей боярских имела небольшие земельные наделы, состоявшие частично из нераспаханных целинных земель, крестьян у них не было, и они обрабатывали свои наделы собственным трудом. Они были не в состоянии нести конную службу и являлись на смотры пешими с пищалями.

К тому же набирались они часто не только из детей боярских, но и из местных крестьян и казаков. Такие помещики отличались от других служилых людей только бóльшим размером земельных наделов⁷³.

Служилые люди по прибору составляли на южных землях слой гораздо более многочисленный, чем в более северных уездах Русского государства. К числу таких служилых людей принадлежала, в частности, основная масса населения поставленных на Диком поле крепостей. Наряду с имевшимся и в других регионах стрелецким войском (по сравнению с другими уездами здесь более многочисленным) на этих территориях в состав служилых людей по прибору входил и многочисленный слой «сторожевых» и «полковых» казаков, которые должны были нести сторожевую службу и быть готовыми к отражению постоянных нападений татар⁷⁴.

Если дворянские корпорации юга России в ряде случаев могли пополняться за счет казачьих и крестьянских детей⁷⁵, то слой служилых людей по прибору поглощал многочисленных беглых крестьян и холопов, искавших себе на южных окраинах лучшей доли. Сам статус служилых людей по прибору на юге России был таким же, как и в других регионах: они освобождались от несения тягла и получали за службу земельные наделы и жалованье. Особенности положения на юге состояли в том, что служилые люди по прибору составляли здесь особенно значительную часть населения, а сами эти люди, искавшие себе лучшей доли в условиях полной опасностей жизни на Диком поле, придавали особое значение своему статусу как гарантии освобождения от тягла и «работ». Кроме того, следует принять во внимание наличие постоянных контактов между «служилым» и «вольным» казачеством (часть служилых казаков была вольными казаками, перешедшими на царскую службу⁷⁶), таким путем в среду служилых людей юга должны были проникать именно в это время формировавшиеся в казацкой среде представления о том, какое видное и почетное место в обществе должно принадлежать людям, которые с оружием в руках защищают от «бусурман» христианский мир.

Высказанные соображения, как представляется, подкрепляют точку зрения С. Ф. Платонова о крайне отрицательной реакции служилого люда юга на решения московской власти о заведении в южных уездах «государевой десятинной пашни», которую служилые люди должны были обрабатывать⁷⁷. Как правильно отметил С. Ф. Платонов, дело было не только в необходимости затрачивать труд и время на работу на «государевой» земле, введение от-

рабочной повинности ставило под вопрос особый социальный статус служилых людей по прибору, которому жители юга придавали особенное значение и ради приобретения которого многие из них и переселились на южные окраины. Неудивительно, что весь этот служилый люд проявил готовность с оружием в руках поддержать Самозванца, обещавшего освободить его от этой повинности.

Восстание на юге сыграло роль толчка, который привел в движение серьезные противоречия, созревшие в отношениях между социальными слоями и региональными группами русского общества на протяжении второй половины XVI — начала XVII в. Эти противоречия могли проявиться с особенно большой силой, так как, как попытался показать автор настоящей работы, государственная власть своей политикой серьезно ослабила традиционные механизмы влияния социальных верхов общества на стоящие ниже на лестнице социальной иерархии слои населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1899. С. 157–158, 302–304.
2. *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 153, 155–157, 159.
3. *Платонов С. Ф.* Очерки... С. 297.
4. На территории Тверского уезда в середине XVI в. десятки местных детей боярских несли службу князьям Микулиным — членам тверской ветви потомков Рюрика, см.: *Ланно И. И.* Тверской уезд в XVI веке. Его население и виды землевладения // ЧОИДР. 1894. Кн. 4. С. 74, 228–229.
5. *Павлов А. П.* Государев двор... С. 100–101, 145.
6. Там же. С. 152–158.
7. Там же. С. 130–131, 145–146.
8. *Pamiętnik Stanisława Niemojewskiego (1606–1608)* / Wyd. A. Hirschberg. Lwów, 1899. S. 25, 164–165.
9. То, что переселения носили именно массовый характер и затронули самые широкие круги дворянства, показано А. П. Павловым: *Павлов А. П.* Земельные переселения в годы опричнины (К вопросу о практической реализации указа об опричнине 1565 г.) // История СССР. 1990. № 5.

10. О сокращении к концу Ливонской войны численности дворянского ополчения и уклонении помещиков от военной службы см.: *Скрынников Р. Г.* Россия после oprичнины. Л., 1975. С. 45–46, 49.
11. *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «Смутного времени». М., 1980. С. 69–70.
12. *Платонов С. Ф.* Очерки... С. 185–186.
13. *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI века. М., 1970. С. 89–120. Ср.: *Флоря Б. Н.* Об установлении «заповедных лет» в России // Отечественная история. 1999. № 5.
14. *Корецкий В. И.* Закрепощение... С. 149–151; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне... С. 71–73.
15. См. об этом далее.
16. Примером могут служить коллективные высказывания детей боярских разных городов на земском соборе 1642 г. Дети боярские не только предлагали набрать для похода на Азов «ратных пеших и конных людей» с владений бояр и «ближних людей», с крайней неприязнью они отзывались вообще о людях, принадлежавших к столичным «чинам»: они, «не хотя тебе, государю, служить и отбываючи твоей государевы службы, писались по Московскому списку... и будучи в твоих государевых городех у твоих государевых дел, отяжелели и обогатели большим богатством» (Акты, относящиеся к истории земских соборов / Под ред. Ю. В. Готье. М., 1920. С. 55). Несомненно этот же круг людей (вместе с верхушкой дьячества) имели в виду известные слова: «Разорены мы, холопы твои, пуще турских и крымских бусурманов московскою волокитою и от неправд и от неправедных судов» (Там же. С. 58).
17. *Павлов А. П.* Государев двор... С. 119–125.
18. Там же.
19. Там же. С. 126–130.
20. *Платонов С. Ф.* Очерки... С. 12, 67, 93–95 и др.
21. *Флетчер Д.* О государстве русском. СПб., 1905. С. 64. Сопоставление этого свидетельства с более поздними источниками показывает, что Флетчер привел данные о жалованье московских стрельцов, стрельцы же в провинции получали значительно меньше.
22. *Pamiętnik Stanisława Niemojewskiego...* S. 161.
23. См. статью 11 главы XIX Соборного уложения 1649 г.: Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарий. Л., 1987. С. 100.
24. Там же. Статья 12.
25. См. об этом: *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 275–280; *Станиславский А. А.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 60–61.

26. См. выписки из стрелецких наказов 1608/09 г.: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. Л., 1981. № 61. С. 78.
27. Pamiętnik Stanisława Niemojewskiego... S. 161. В некоторых южных городах жалование служилым людям вообще не выплачивалось с 1604/05 г. до 1620-х гг.: *Станиславский А. А.* Гражданская война... С. 61.
28. *Скрябиников Р. Г.* Россия после опричнины... С. 189–191. См. также: *Флоря Б. Н.* Об установлении «заповедных лет»... С. 123.
29. *Павлов А. П.* Государев двор... С. 239–246.
30. См. высказывания автора псковской повести о Смуте о «кормлении» в Пскове воеводы П. Н. Шереметева: Псковские летописи / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955. Вып. 2. С. 267, 269–270. См. также: *Енин Г. П.* Воеводское кормление в России в XVII веке (содержание населением уезда государственного органа власти). СПб., 2000.
31. Акты, относящиеся к истории земских соборов... С. 59.
32. См. также высказывания автора псковской повести о Смуте, что ряд лет Псковом управлял дьяк И. Л. Луговской, «да посадские люди даны ему в помощь... И божиею милостию иноземцы не совладели ни единым городом псковским, а совладели, как воевод во Пскове умножено»: Псковские летописи... Вып. 2. С. 276.
33. См. подробнее об этом: *Флоря Б. Н.* Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве конца XV — начала XVII в. // История СССР. 1977. № 5; *Он же.* Сбор торговых пошлин и посадское население в Русском государстве (конец XV — начало XVII в.) // Исторические записки. М., 1990. Т. 118.
34. Псковские летописи... Вып. 2. С. 267–268.
35. После первого серьезного столкновения в условиях кризиса псковские гости оказались в тюрьме, куда их был вынужден поместить сам воевода, см.: Там же. С. 268.
36. О росте налогов на территории новгородских пятин см.: *Абрамович Г. В.* Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси в XVI — первой четверти XVII в. // История СССР. 1972. № 3. Для других территорий см.: *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 161 и сл.
37. Там же. С. 167.
38. Там же. С. 195 и сл.
39. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятинны. Л., 1974. С. 218–219, 268–269.
40. Там же. С. 230–233.
41. Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). СПб., 1910. Т. 14. С. 71.
42. *Платонов С. Ф.* Очерки... С. 323.

43. См. прежде всего: *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. 1606–1607 гг. М., 1951.
44. См., например: *Зимин А. А.* Вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII в. // Вопросы истории. 1958. № 3; *Он же.* О некоторых спорных вопросах классовой борьбы в Русском государстве XVII века // Вопросы истории. 1958. № 12; *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права... С. 342 и сл.
45. *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве начала XVII века. Л., 1985. С. 75–78, 188–189, 201–202, 324–326; *Он же.* Смута в России в начале XVII века. Иван Болотников. Л., 1988; *Он же.* Спорные проблемы восстания Болотникова // История СССР. 1989. № 5.
46. *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 117–122, 126–127, 166–167 и др.
47. Там же. С. 327–330, 391–392, 414–415 и др.
48. *Смирнов И. И.* Восстание... С. 151.
49. *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба... С. 55–63, 81–87. См. также: *Он же.* Смута в России... С. 178–184.
50. Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 255.
51. О массовом распространении в годы голода такой практики см. также в указе царя Бориса 1603 г.: Законодательные акты... № 52. С. 71–72.
52. Сказание... С. 255–256.
53. *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права... С. 348–350; *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 117–122.
54. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 4. С. 390–391. Ср.: *Платонов С. Ф.* Очерки... С. 119–120.
55. Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М., 1988. Кн. 1. С. 145.
56. См. заявление русского посла в Турции В. Благово (1585 г.) о том, что на Дону и на Тереке живут «воры, беглые люди, не по государя нашего велению» (цит. по: *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. М., 1946. Т. 1. С. 133).
57. Памятники... С. 145.
58. *Станиславский А. Л.* Гражданская война... С. 11–12.
59. Цит. по: *Смирнов Н. А.* Россия и Турция... С. 143.
60. *Багалец Д. И.* Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний) в XVI–XVIII столетиях. Харьков, 1881. С. 10–11.
61. См. об этом подробнее: *Станиславский А. Л.* Гражданская война... С. 17–20.
62. Памятники... С. 145.

63. Там же. С. 146.
64. *Грушевський М. С.* Історія України—Руси. Київ; Львів, 1909. Т. 7. С. 273–274.
65. Там же. С. 283–284.
66. Там же. С. 319–320.
67. См. разбор источников о походе к Москве атамана Баловня: *Станиславский А. Л.* Гражданская война... С. 136 и сл.
68. См. требования казацкого войска в Вязниках: Там же. С. 190–191.
69. О казачьих «приставствах» см.: Там же. С. 23, 28, 41, 83, 186–187.
70. Там же. С. 140.
71. *Платонов С. Ф.* Очерки... С. 76–103.
72. *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба... С. 117–124, 138–148.
73. См. анализ сведений о путивльских «самопальниках»: Там же. С. 119–120.
74. О служилых казаках см.: *Станиславский А. Л.* Гражданская война... С. 13–17.
75. См. об этом: *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба... С. 120–121.
76. Так, в начале XVII в. получили наделы в Белгородском уезде 150 волжских казаков: *Станиславский А. Л.* Гражданская война... С. 15.
77. *Платонов С. Ф.* Очерки... С. 99–100, 254–256. О причинах принятия таких решений см.: *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба... С. 143 и сл.

РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ НА ПУТИ К ИНТЕРВЕНЦИИ

Прежде чем рассматривать вопрос, как у руководящих кругов Речи Посполитой сложилось решение вмешаться в русские дела, следует выяснить, каковы были представления политически активной части польско-литовского дворянства о целях политики Речи Посполитой по отношению к России и путях их достижения. Представления эти сформировались задолго до наступления в России Смуты в эпоху длительных вооруженных конфликтов времени Ливонской войны.

Русское государство воспринималось в Речи Посполитой как серьезный и опасный противник. В войнах XV–XVI вв. это государство отобрало у одной из главных частей Польско-Литовского государства — Великого княжества Литовского — ряд его восточных областей — Смоленщину и Северскую землю, а русские правители заявляли о своих правах на другие восточнославянские земли, входившие в состав как Великого княжества Литовского, так и Польского королевства. Между двумя государствами не было постоянного мирного договора, а существовали только соглашения о перемирии.

Возвращение утраченных областей было программой минимум политики Речи Посполитой по отношению к России. Вместе с тем среди представителей политической элиты Речи Посполитой более проницательные отдавали себе отчет в том, что даже успешное достижение этой цели не означало решения проблемы. Оставшись враждебным соседом Речи Посполитой, Русское государство попыталось бы добиться реванша в более благоприятной для себя ситуации. Окончательное и благоприятное для Речи Посполитой решение восточной проблемы могло быть достигнуто лишь при

условии подчинения России польско-литовскому политическому влиянию, превращения Русского государства в часть политического целого, во главе которого стояло бы польско-литовское дворянство.

При размышлениях о том, каким путем можно было бы достичь этой цели, представители политической элиты Речи Посполитой исходили из своих представлений о состоянии русского общества и характере его отношений с государственной властью. К русскому обществу политически активная часть дворянского сословия Речи Посполитой относилась с явным пренебрежением, рассматривая его как общество дикое и варварское, подчиненное неограниченной власти правителей-«тиранов»¹. Для некоторых из ее представителей само «варварское» состояние русского общества служило известным оправданием «тиранического» образа правления русских царей. Некоторые из них полагали, что даже такой «тиран», как Иван Грозный, вступив на польский трон и оказавшись в атмосфере более развитого и культурного общества, смог бы перемениться и способствовать распространению в России «вольностей» и «свобод», характерных для польско-литовского дворянства, что в дальнейшем способствовало бы объединению России и Речи Посполитой в одно государство.

Большая часть представителей политической элиты Речи Посполитой не без оснований сочла подобный эксперимент рискованным. «Тирания» Ивана IV явно нарушала даже нормы отношений, принятые в варварском обществе. В этих условиях складывалось убеждение, что можно было бы добиться решения проблемы иным путем — обещаниями «прав» и «вольностей» добиться того, чтобы русское дворянство оставило Ивана IV и предпочло перейти под власть польского короля. Соответствующие шаги были предприняты королем Сигизмундом II Августом уже в 60-е гг. XVI в.² Рассуждая таким образом, ведущие политики Речи Посполитой опирались на прошлый исторический опыт, когда желание получить «права» и «вольности» польской шляхты привело к соединению в одном государстве с этой шляхтой дворянства королевской Пруссии, выступившей против своего коллективного государя — Тевтонского ордена, и дворянства Великого княжества Литовского. Когда такие попытки не привели к немедленным результатам, политики Речи Посполитой приняли во внимание и другую сторону этого исторического опыта — дворянство Великого княжества Литовского далеко не сразу одобрило и приняло модель общественных отношений, сложившуюся в Польском королевстве, и

произошло это в результате достаточно длительных контактов между дворянством Великого княжества Литовского и польской шляхтой. Неудивительно, что в появлявшихся в последние десятилетия XVI и начале XVII в. проектах соглашения между Россией и Речью Посполитой, исходивших от польско-литовской стороны, неоднократно помещался пункт, что шляхта и дети боярские должны получить право приобретать земли в другой стране, а также свободно ездить из одной страны в другую «для службы и обучения»³. Такие контакты должны были способствовать тому, чтобы русское дворянство захотело приобрести «права» и «вольности» польской шляхты и подчиниться ее политическому руководству, способствуя включению Русского государства в политическую систему Речи Посполитой. Представление о том, что, воздействуя на русское дворянство, можно убедить его в преимуществах модели общественного строя Речи Посполитой и добиться его подчинения политическому руководству польско-литовских феодалов, стало прочной частью политического мышления правящей элиты Речи Посполитой, а отчасти и более широких кругов дворянства.

Вместе с тем при проектировании будущего обширного политического целого, в состав которого могли бы войти и Россия, и Речь Посполитая, с неизбежностью должен был возникнуть и возник вопрос о том, каково будет место русского дворянства в этом новом политическом целом. Обсуждение этого вопроса уже в конце 80-х гг. XVI в. показало, что польско-литовские политики не склонны признавать за русским дворянством равных со шляхтой политических прав. Вопрос о создании общего для обоих государств парламента-сейма, в котором бы на равных основаниях участвовали дворяне из обеих стран, даже не обсуждался. Русские дворяне могли бы быть уравнены с польско-литовской шляхтой «только *in privatis, non in publicis*», т.е. им была бы обеспечена неприкосновенность личности и имущества, но не право участия в решении политических вопросов. Русские дворяне не могли бы участвовать в выборах будущего монарха и обязаны были бы оказывать помощь Речи Посполитой в случае войны, в то время как Речь Посполитая была бы свободна от таких обязательств по отношению к России⁴. Такой тип отношений между Россией и Речью Посполитой в будущем можно было бы определить как «неравноправную унию», когда Россия была бы подчинена власти правителя, избравшегося польско-литовским дворянством и распоряжавшегося людскими и материальными ресурсами России в своих интересах.

Черты такого типа будущих отношений могут быть прослежены при анализе проекта соглашения между государствами, который привезло в Москву в 1600 г. посольство во главе со Львом Сапегой. Проект предусматривал, что польско-литовский трон оставался бы выборным и в случае смерти короля царь мог бы участвовать в избирательной кампании наравне с другими кандидатами, в случае же бездетности царя польский король после его смерти должен был автоматически занять русский трон⁵.

При анализе разных аспектов отношения польско-литовского общества к России следует обратить внимание на еще один компонент, становившийся все более существенным по мере того, как правящая элита Речи Посполитой подпадала под влияние идеологии Контрреформации: она все более активно стала добиваться возможности пропаганды на территории России единственно истинной католической религии. Так, уже в так называемых «Кондициях московских» — перечне условий, которые польско-литовская шляхта хотела предложить Федору Ивановичу, выдвинувшему в 1587 г. свою кандидатуру на польский трон, царю предлагалось принять католическую веру, а на переговорах с русскими послами во время выборов ему предлагалось и осуществить унию церквей⁶. А проект соглашения между государствами, представленный на обсуждение царя и его советников в 1600 г., уже предусматривал, что польско-литовским шляхтичам, которые приобретут земли в России, должно быть предоставлено право строить на них «костелы», при которых могли бы быть устроены школы и коллегии для обучения местной молодежи⁷. Рост внимания польско-литовских политиков к этому аспекту русско-польских отношений был связан, как представляется, с заключением в 1596 г. Брестской унии и последовавшими за этим событиями. Уния православной киевской митрополии с католической церковью, которая должна была, по мысли короля и его советников, укрепить единство государства, стала, напротив, источником внутренних конфликтов, когда отказавшееся принять унию православное население восточных областей Речи Посполитой стало искать поддержки и помощи в России. Принятие населением России католической религии привело бы к окончательному решению и этой проблемы.

К началу XVII в. все предпринимавшиеся действия не привели к каким-либо конкретным результатам. Русские правители отклоняли предлагавшиеся им проекты соглашения и вели политику, ограждавшую русское общество от каких-либо широких контактов

с польско-литовской шляхтой и от католической пропаганды. Так обстояло дело в конце 1603 г., когда в Речи Посполитой появился Самозванец, выдававший себя за сына Ивана IV царевича Дмитрия, законного наследника русского трона.

Эпопея Лжедмитрия I и история его отношений с правящими кругами Речи Посполитой детально рассмотрена в целом ряде исследований⁸. Это позволяет коснуться истории этих отношений лишь в той мере, в какой это необходимо для освещения предмета данного исследования.

Хорошо известно, что во время своего пребывания в Речи Посполитой Самозванец сумел обеспечить себе поддержку папского нунция в Польше К. Рангони и короля Сигизмунда III. Король дал свое разрешение будущему тестю Лжедмитрия I сандомирскому воеводе Ю. Мнишку и группе связанных с ним шляхтичей собрать войско для похода в Россию, чтобы поддержать попытку Самозванца занять русский трон. Трудно охарактеризовать это иначе, как слабо замаскированную попытку вмешательства Речи Посполитой в русские внутренние дела. Исследователи с основанием рассматривают эти события как начало польско-литовской интервенции в России.

Заслуживает особого внимания вопрос, какие цели преследовал король и круг его близких советников, оказывая поддержку претенденту на русский трон. Ответ на этот вопрос дает анализ «кондиций» — условий, поставленных королем Лжедмитрию I весной 1604 г., которые Самозванец обязался исполнить⁹.

Во-первых, в благодарность за оказанную помощь Лжедмитрий должен был передать Речи Посполитой часть Северской земли и Смоленщины — тем самым значительная часть территорий, являвшихся предметом спора между государствами, вернулась бы под власть польского короля. Кроме того, «царевич» обязался разрешить строить в России костелы и допустить туда иезуитов для проповеди католического вероучения. Но, пожалуй, наиболее важным явилось обязательство соединить Россию и Речь Посполитую «вечной унией». Что имеется здесь в виду, позволяет выяснить обращение к инструкциям посольства во главе с М. Олесницким и А. Госевским, направленного в Россию в феврале 1606 г., когда Лжедмитрий уже утвердился на русском троне¹⁰. Послы должны были добиваться одобрения (с некоторыми изменениями) того проекта соглашения между Россией и Речью Посполитой, который возил в 1600 г. в Москву Лев Сапега и который отказался принять Борис Годунов.

Согласно этому соглашению, оба государства должны были заключить между собой мир и союз, проводить единую внешнюю политику. Польские и литовские дворяне должны были получить возможность служить, приобретать земли и вступать в родственные связи в России. Особый пункт предусматривал, что для поляков, которые будут жить в России, и для «людей купецких» должны быть построены в русских городах (прежде всего в главных) «костелы католические римские», частично на средства русского монарха. При этих «костелах» должны быть устроены «школы и коллегии», и русским людям должно быть разрешено отдавать своих детей на обучение в эти школы или посылать их учиться в школы на территории Речи Посполитой. В соглашении предусматривалось, что в случае бездетности царя после его смерти на русский трон должен вступить польский король.

Таким образом, претендент на русский трон должен был не только вернуть часть утраченных Речью Посполитой земель, но и подписать соглашение, которое должно было создать условия для самых широких контактов польско-литовского и русского общества, что, по представлениям политической элиты Речи Посполитой, должно было привести к подчинению России идущему от этого общества влиянию.

Кроме того, лично у короля Сигизмунда были дополнительные мотивы для того, чтобы оказать поддержку претенденту на русский трон. За несколько лет до появления Лжедмитрия он был низложен со шведского трона, занятого его дядей, герцогом Карлом Зюдерманландским, в частности, из-за своей приверженности к католической религии. Он рассчитывал, что новый русский правитель окажет ему поддержку в борьбе с узурпатором¹¹.

Как хорошо известно, план Сигизмунда III достичь осуществления и своих династических целей и главных целей восточной политики Речи Посполитой, поддерживая претендента на русский трон, не получил единодушной поддержки в кругу ведущих политиков Речи Посполитой¹². Многие опасались, что претендент потерпит поражение и тем самым Речь Посполитая может оказаться вовлеченной в серьезную войну с Россией. Эти опасения не оправдались, но и план Сигизмунда III не был осуществлен.

Войска, наспех собранные Ю. Мнишком и кругом его друзей и родственников, после первых серьезных сражений с армией Бориса Годунова в Северной земле в своей значительной части поспешили вернуться на территорию Речи Посполитой¹³. Еще одна большая

группа последовала примеру земляков и уехала после поражения армии Лжедмитрия I при Добрыничах¹⁴. Ю. Мнишек отправился в Польшу, чтобы набрать новое войско, но никакие новые военные отряды до вступления Лжедмитрия I в Москву так и не появились. По наблюдениям Р. Г. Скрынникова, в армии Самозванца к концу похода насчитывалось всего 600–700 польских всадников¹⁵. Никакой серьезной роли в борьбе Лжедмитрия I за русский трон такой отряд сыграть не мог. После прибытия в Москву солдатам выдали щедрое жалование, и они отправились домой¹⁶.

Таким образом, поддержка польско-литовской стороны не сыграла существенной роли в приходе Лжедмитрия I к власти. Путь к трону ему расчистили не военные силы Речи Посполитой, а массовое восстание служилых людей юга России, интересы которых Самозванец, придя к власти, и учитывал в своей политике, в частности подготавливая планы большой войны с Османской империей и Крымом. На русской территории не оказалось и польско-литовского войска, которое могло бы заставить Самозванца выполнить свои обязательства по отношению к королю и Речи Посполитой.

Правда, Самозванец, вступив на трон, охотно окружал себя поляками, у него имелась особая канцелярия во главе с польскими секретарями, которые вели для него переписку на польском и латинском языках¹⁷. По свидетельству Исаака Массы, он охотно давал молодым полякам придворные должности, и привлеченная перспективами карьеры молодежь стала съезжаться в Москву¹⁸. Стал обсуждаться вопрос о строительстве костела для тех поляков, которые служат Лжедмитрию I¹⁹. Так в период правления Лжедмитрия I русское общество оказалось открытым для влияния со стороны Речи Посполитой, и тем самым осуществилось одно из необходимых, с точки зрения политически активной части польско-литовского общества, условий для успешного осуществления восточной политики Речи Посполитой. Все это, однако, не имело отношения к выполнению тех обязательств, которые Лжедмитрий I взял на себя перед Сигизмундом III и римской курией. Возвышая и приближая к себе поляков, Самозванец рассчитывал таким путем создать себе дополнительную опору в русском обществе. Выходцы из другой страны, обязанные своей карьерой только правителю, должны были верно служить ему в борьбе с любой оппозицией. Как показал последующий ход событий, такой шаг был ошибкой, которая стоила Лжедмитрию I жизни. Однако важно иметь в виду, что эти люди, возвышенные Самозванцем,

никак не были связаны с правящими кругами Речи Посполитой и не могли служить инструментом их восточной политики. Характерно, что, когда в отношениях между Сигизмундом III и Лжедмитрием I возникли осложнения, советники короля даже не пытались воздействовать на русского правителя через поляков, находившихся у него на службе.

Трудности стали возникать довольно скоро, как только власти Речи Посполитой стали добиваться выполнения обязательств, взятых Лжедмитрием на себя в Кракове весной 1604 г. Осенью 1605 г. приехавшему в Речь Посполитую послу Лжедмитрия I Афанасию Власьеву сенаторы сетовали, что король и паны рада помогли ему утвердиться на русском троне, а он за это «ничего не воздал и того не сделал, что папе, королю и панам раде обещался и присягал»²⁰. Что касается территориальных уступок, то уже на переговорах с послом Сигизмунда III Александром Госевским в октябре 1605 г. Лжедмитрий I определенно отказался вернуть Речи Посполитой Северскую землю²¹. Правда, на тех же переговорах он подтвердил свое обещание помочь Сигизмунду III снова овладеть своим «дедичным» Шведским королевством, но все ограничилось посылкой Карлу IX письма с угрозами²², а затем Самозванец стал склонять польского короля к участию в его планах войны против Османской империи и Крыма. Не наметилось за время правления Лжедмитрия I и какого-либо прогресса с исполнением обещаний, данных папскому нунцию в Польше, папе Клименту VIII и королю Сигизмунду III. Правда, иезуиты сумели с войском Лжедмитрия I добраться до Москвы и получили возможность совершать католические богослужения (для находившихся в Москве поляков), но никаких возможностей для ведения миссионерской деятельности они не получили. В своих оживленных контактах с Римом Лжедмитрий I лишь просил о поддержке Ватиканом своих планов войны с османами и присылке из Италии военных специалистов, способных изготавливать пушки и осадные машины²³.

Для оценки характера межгосударственных отношений между Россией и Речью Посполитой в 1605–1606 гг. важно затронуть и споры о титулатуре. Как известно, летом 1605 г. после венчания на царство Лжедмитрий I объявил себя «императором» и стал добиваться признания этого титула Сигизмундом III. Направлявшиеся в Речь Посполитую русские послы и гонцы отказывались брать грамоты на имя своего правителя, в которых этот его титул не был указан. Спор тянулся до самой смерти Лжедмитрия I²⁴.

Отправка на свадьбу Лжедмитрия I посольства во главе с М. Олесницким и А. Госевским представляла собой попытку добиться от Самозванца выполнения взятых им на себя обязательств. Послы должны были добиваться передачи Речи Посполитой если не всех спорных территорий, то хотя бы «большей их части», разрешения на пропуск через русскую территорию польско-литовских войск в Финляндию (русские власти должны были при этом снабдить их продовольствием и боеприпасами)²⁵, заключения соглашения о «вечной унии» между Россией и Речью Посполитой²⁶. Переговоры были прерваны смертью Лжедмитрия I, но вряд ли они привели бы к благополучному с точки зрения интересов Речи Посполитой финалу.

От Речи Посполитой Лжедмитрий I не зависел, а выполнение требований, которые ему ничего не давали и могли вызвать недовольство русского общества, не соответствовало его интересам. Думается, что, осмысляя опыт этих контактов, правящие круги Речи Посполитой должны были прийти к выводу, что поддержка претендента на русский трон — не самый надежный путь к достижению главных целей восточной политики Польско-Литовского государства. Представляется, что это было принято во внимание, когда позднее стал решаться вопрос об отношении к Лжедмитрию II.

Для планов на будущее у того круга лиц, который направлял внешнюю политику Речи Посполитой, имели значение некоторые неофициальные контакты времени правления Лжедмитрия I. Главным источником сведений об этих контактах является сообщение гетмана Жолкевского в его «Записках». Гетман записал, что приехавший с официальным поручением от Лжедмитрия I к королю гонец Безобразов на тайной встрече с А. Госевским от имени Шуйских и Голицыных выразил сожаление, что король возвел на русский трон «подлого» человека. Они жаловались на его «тиранство», разврат, пристрастие к роскоши. Наиболее важным было сообщение, что они намерены его низложить, чтобы на трон мог взойти сын Сигизмунда III королевич Владислав²⁷. Гонец Иван Безобразов приехал в Краков с просьбой выдать «опасную» грамоту для «великих послов», которых Лжедмитрий I был намерен направить к Сигизмунду III. Соответствующий документ датирован 24 января н. ст. 1606 г.²⁸ Это позволило уже А. Хиршбергу установить время, когда эти неофициальные контакты имели место²⁹.

С. М. Соловьев обратил внимание на источник, содержащий важные дополнительные сведения об этих контактах³⁰. В конце

1615 г. под Смоленском должны были состояться первые после окончания Смуты крупные переговоры между Россией и Речью Посполитой. В связи с этим для русских представителей на переговорах были подготовлены подробные инструкции о том, какие обвинения следует предъявить представителям Речи Посполитой и как опровергать возможные обвинения с польско-литовской стороны. В частности, предполагалось, что комиссары Речи Посполитой могут утверждать, что бояре «приказывали» о своем желании видеть на русском троне Владислава «с-Ываном Безобразовым да с Михаилом Толочановым»³¹. Так выясняется, что кроме Безобразова был и другой гонец, сын боярский из Брянска Михаил Федорович Толочанов, выполнявший подобное поручение. В том же источнике предписывалось опровергать утверждение, что «князь Василей Иванович Шуйской з братьею своею и со многими бояры» «некоторыми польскими и литовскими людьми и с московскими людьми» передавали свои просьбы королю избавить их от Лжедмитрия и «дать на Московское государство» своего сына Владислава³². Таким образом, в качестве посредников выступали не только русские гонцы, но и «польские и литовские люди», и, следовательно, не один, а несколько раз такие предложения представители русской правящей элиты адресовали польскому двору. Мотивы этих действий не представляются ясными, если учесть, что круг людей, обращавшихся к королю, после смерти Лжедмитрия поспешил возвести на русский престол Василия Шуйского. Возможно, играли свою роль опасения перед лицом массового народного движения, которое привело к власти Лжедмитрия I, для его устранения правящая элита могла нуждаться во внешней поддержке. Как бы то ни было, сам факт таких неоднократных обращений говорит о том, что возможность возведения польского принца на русский трон по крайней мере серьезно обсуждалась.

Этот эпизод имел важное значение для планов восточной политики Речи Посполитой на будущее. Как будто открывался более прямой и непосредственный путь подчинения России польско-литовскому политическому влиянию, а неоднократные обращения русских высокопоставленных лиц должны были убеждать в его реальности.

Сложности, возникшие к весне 1606 г. в отношениях между Лжедмитрием I и правящими кругами Речи Посполитой, не должны заслонять того бесспорного факта, что с воцарением Лжедмитрия произошли важные и, с точки зрения правящих кругов Речи Посполитой, благоприятные перемены. Как уже отмечалось, жи-

тели Речи Посполитой получили возможность свободно посещать русскую территорию, многие из них были приняты на службу при дворе. Перспективы выглядели еще более благоприятными. Лжедмитрий I подтвердил данное им в Речи Посполитой обещание жениться на дочери сандомирского воеводы Юрия Мнишка Марине. Вместе с Мариной на царскую свадьбу направилась большая группа шляхтичей, часть которых несомненно рассчитывала сделать карьеру в России. Эти шляхтичи могли рассчитывать не только на придворные назначения в окружении Лжедмитрия, но и на получение выгодных должностей в тех обширных земельных владениях, которые Самозванец обещал выделить жене и тестю. Возможности для воздействия польско-литовского общества на русское тем самым расширились бы, и, с точки зрения польско-литовской политической элиты, это должно было привести к утверждению пропольской ориентации в русском обществе.

Перспективы эти, однако, были сведены на нет после свержения и убийства Лжедмитрия I в мае 1606 г. Низложение Самозванца было результатом совпадения целого ряда неблагоприятных для него обстоятельств, но, несомненно, успеху переворота способствовали раздражение и негодование, которые вызывало пренебрежение к местным обычаям и традициям, которое, подчас демонстративно, проявляли и сам Лжедмитрий I, и поляки, состоявшие у него на службе, и приехавшие на свадьбу гости. Уже это обстоятельство показывало, что утверждение пропольской культурно-идеологической ориентации в русском обществе даже при благоприятных внешних обстоятельствах не будет легкой задачей.

Как известно, переворот в Москве, приведший к убийству Лжедмитрия I, сопровождался нападениями на поляков, как служивших Самозванцу, так и приехавших на свадьбу. При новом правительстве, пришедшем к власти после восстания, находившиеся в Москве поляки были арестованы и сосланы в различные города на севере России. Даже прибывшие на царскую свадьбу послы Речи Посполитой М. Олесницкий и А. Госевский оказались фактически под арестом на посольском дворе.

Таким образом, все результаты, достигнутые польско-литовской стороной за время правления Лжедмитрия I, были утрачены, а в отношениях между Россией и Речью Посполитой возникли опасные осложнения.

Арест и ссылка поляков для пришедшей к власти в Москве группировки во главе со вступившим на трон князем Василием

Ивановичем Шуйским был шагом, необходимым по внутривнутриполитическим соображениям. Необходимость насильственного низложения сидевшего на троне правителя обосновывалась тем, что Лжедмитрий якобы хотел во время устроенной им потешной игры перебить всех «бояр и больших людей и думных дворян», а этот план должны были привести в исполнение собравшиеся в Москве «литовские люди», между которыми Самозванец потом бы поделил русские земли³³. Как соучастников злодейских планов Лжедмитрия I их следовало обезвредить и изолировать.

Выгодный по внутривнутриполитическим соображениям, этот шаг привел к целому ряду негативных последствий во внешнеполитической сфере. Он по понятным причинам вызвал в польско-литовском обществе вспышку враждебности и по отношению к новой власти в Москве, и по отношению к участникам переворота, напавшим на поляков. В лице родственников и друзей задержанных в Москве шляхтичей образовался обширный круг достаточно влиятельных лиц, готовых поддержать враждебные меры, направленные против Русского государства, которые могли бы заставить московское правительство освободить задержанных.

Первой реакцией и правящих кругов Польско-Литовского государства, и более широких кругов шляхты на событие, происшедшее в мае 1606 г. в Москве, было беспокойство, не придется ли теперь нести ответственность за поддержку, оказанную Лжедмитрию I, чего и опасались ранее противники вмешательства³⁴. Однако это беспокойство сравнительно быстро улеглось, когда выяснилось, что следствием майских событий стала вспышка гражданской войны в России, когда служилые люди южных окраин государства, опасаясь за судьбу прав и привилегий, полученных ими от Лжедмитрия I, подняли восстание против московского правительства, и осенью 1606 г. войска восставших подошли к Москве. В этих условиях правящие круги Польско-Литовского государства закономерно обратились к рассмотрению вопроса о том, как использовать ситуацию, сложившуюся в России, в своих интересах. Некоторые результаты этих размышлений нашли свое отражение в составленной в самом конце 1606 г. королевской инструкции на сеймики. В инструкции подчеркивалось, что польско-литовская сторона верно соблюдала все условия мирного договора с Россией, а русская сторона ответила на это таким «грубым» и «нехристианским» обращением с приехавшими на царскую свадьбу поляками, «о каких ни один век, ни один народ не слышал и не читал».

Если шляхта захотела бы мстить за «кривды», нанесенные ее товарищам, то, говорилось в инструкции, король готов ее возглавить «не только для сохранения, но и для увеличения славы и границ Речи Посполитой»³⁵.

При оценке этого документа следует учитывать особенности внутривосточного положения в Речи Посполитой. В стране серьезно осложнились отношения между королем и правящей группой сенаторов, на поддержку которой он опирался, с одной стороны, и недовольными его правлением магнатами и шляхтой — с другой. Акцент на необходимость борьбы с внешним врагом должен был способствовать консолидации дворянского сословия вокруг особы монарха. Однако, как представляется, само обращение к доводам такого рода было возможно лишь в ситуации, когда сама идея вооруженного вмешательства в русские дела (пока, вероятно, еще в достаточно общей и неопределенной форме) стала обсуждаться в польско-литовском обществе.

Сложившаяся в стране внутривосточная ситуация не способствовала тому, чтобы планы вмешательства быстро приобрели реальные очертания. Попытки погасить конфликт не удались, отношения между правящей группировкой и оппозицией обострились. Недовольные магнаты и шляхта отказали королю в повиновении. 5 июля 1607 г. произошло настоящее сражение между сторонниками короля и его противниками. Лишь в следующем, 1608 г. положение в стране настолько стабилизировалось, что стало возможно заняться выработкой конкретного плана действий по отношению к восточному соседу.

Однако и в то время, когда внутривосточная ситуация не давала возможности предпринимать активные действия в сфере внешней политики, правящие круги Речи Посполитой продолжали внимательно следить за положением дел в России, а поступающая оттуда информация использовалась для выработки будущих планов восточной политики.

Первые важные сведения принесло русское посольство во главе с князем Григорием Константиновичем Волконским и дьяком Андреем Ивановым, которое новый царь Василий Шуйский направил в Речь Посполитую с официальным сообщением о низложении Лжедмитрия I. Если официально посольство обвиняло короля и сенаторов в поддержке Самозванца, а поляков, приехавших в Москву, в насилиях над русскими людьми, то в неофициальной обстановке в январе 1607 г. сам глава посольства заявил, что многие

бояре в Москве недовольны новым царем и хотели бы видеть на русском троне короля Сигизмунда или его сына³⁶. Это сообщение показывало, что пропольские настроения в верхах русского общества, проявившиеся в правление Лжедмитрия I, отнюдь не исчезли с приходом к власти Василия Шуйского.

Для короля и его советников особое значение должны были иметь сообщения от задержанных в Москве послов Речи Посполитой. Наиболее значительным в кругу этих текстов следует признать подробное донесение Сигизмунду III главного из задержанных в Москве послов М. Олесницкого от 8 августа н. ст. 1607 г. Донесение содержало не только подробное описание событий, происходивших в России летом-осенью 1607 г., но также ряд важных оценок и предложений.

Посол прежде всего подробно сообщал о резком ослаблении военных сил Русского государства в результате междоусобной войны. Война, писал он, продолжается с «великим кровопролитием, убытком и опустошением страны»³⁷. В междоусобной войне русские войска понесли большие потери, большая часть опытных военачальников погибла во время военных действий, и в войске Шуйского больше не осталось хороших воевод. В связи с этим посол писал о низком качестве конницы и о том, что пехота состоит в своей большей части из необученных мобилизованных на войну крестьян³⁸. В своих сообщениях и оценках посол был не одинок. Аналогичные высказывания можно обнаружить и в письме, отправленном кем-то из членов посольства одному из Радзивиллов³⁹. Неизвестный автор также писал о больших потерях русского войска, о призыве на военную службу необученных крестьян, «которые недостойны носить оружие», об отсутствии у конников хороших лошадей.

К особым доказательствам военной слабости Русского государства прибег и входивший в состав посольства шляхтич Павел Пальчовский. Свои взгляды он обнародовал в брошюре, напечатанной в 1609 г. в Вильне. Знакомство с этой брошюрой показывает, что созданию представления о слабости Русского государства содействовала правительственная пропаганда, изображавшая восстание Болотникова как выступление против власти беглых крестьян и холопов. Отнесшийся с доверием к этим утверждениям Пальчовский пришел к выводу, что нельзя считать сильным государство, которое не в состоянии справиться с крестьянским восстанием⁴⁰.

К этой общей оценке плачевного состояния русской армии добавлялся ряд конкретных сведений, представлявших для правительства Речи Посполитой уже чисто практический интерес. Так, М. Олесницкий сообщал о том, что для того, чтобы подавить восстание Болотникова, Шуйский вывел войска из западных уездов, так что «нет никакой стражи на всей границе» с Речью Посполитой⁴¹. Эти сообщения находили подтверждение в донесениях из пограничных городов. Так, оршанский староста А. Сапега докладывал, что почти весь гарнизон Смоленска отправлен на войну, так что «теперь только полтораста стрельцов в замке», да и те преклонного возраста, и поэтому их не могли выслать в действующую армию⁴².

Поступавшие сообщения содержали также ряд важных сведений о настроениях населения на тех территориях, которые не перешли на сторону восставших и продолжали признавать своим правителем Василия Шуйского. Разные информаторы сообщали о непопулярности и непрочности положения этого правителя. Так, Александр Госевский писал в марте 1607 г., что «между государем и боярами в городе (т. е. в Москве. — Б. Ф.) большое несогласие»⁴³. Позднее М. Олесницкий писал, что летом 1607 г. царь Василий с большим беспокойством выехал на войну, боясь, как бы в его отсутствие в Москве не произошел переворот. Эти опасения, по мнению посла, были вполне обоснованными, так как много таких людей, «что не желают ему долгого правления над собой и вовсе не хотят, чтобы он остался на этом государстве»⁴⁴. Эти сообщения послов характеризовали настроения в столице Русского государства, но о непопулярности Шуйского говорили и сообщения с мест. Так, А. Сапега докладывал о разговорах смоленских купцов, которые «этого Шуйского иметь своим государем не хотят, говоря, что изменой сел на государстве»⁴⁵.

Особенно важное значение для правящих кругов Речи Посполитой имели сообщения о том, что в русском обществе есть люди, которые хотели бы видеть на царском троне польского короля. Так, уже А. Госевский в марте 1607 г. писал, что в Москве много «расположенных к королю его милости, пану нашему, желают его иметь своим государем»⁴⁶. В августе 1607 г. М. Олесницкий еще более определенно писал, что в Москве многие не только «подлые», но и «очень видные» люди говорили послам о своем желании быть под властью одного государя — польского короля. Посол объяснял это тем, что «по вкусу им вольность наша и очень

надоела неволя, как была при Борисе и теперь при Шуйском»⁴⁷. И эта, может быть, наиболее важная для правительства Речи Посполитой информация также находила определенное подтверждение в сообщениях с мест. Так, А. Сапега сообщал королю, что смоленские купцы говорят, что «если бы хоть самое малое войско пришло, тогда бы здесь все, как Смоленск, так и все окрестности смоленские, вашей королевской милости подчинились»⁴⁸

В посольских донесениях о русских сторонниках Владислава говорилось в довольно общей, неопределенной форме, но этот пробел восполняют данные других источников. Так, в материалах для переговоров 1615 г. русским послам предлагалось выступить с опровержением, если Александр Госевский будет говорить, что «по Ростригине убивстве был он наодине у князя Дмитрея Шуйского и о том князю Дмитрею говорил, чтоб тот попаметовал, что х королю приказывали, и князь Дмитреи того сам не запирался»⁴⁹. Из этого свидетельства, которое, как увидим далее, совсем не случайно следовало опровергать, видно, что польские дипломаты в Москве не были пассивны, а пытались найти контакты с возможными сторонниками Владислава. Правда, представляется странным, что Госевский обратился к Дмитрию Шуйскому, который в последнюю очередь должен был быть заинтересован в низложении царя Василия. Однако иной, более ранний источник показывает, что имя Дмитрия Шуйского было названо здесь не случайно. В написанном в начале 1610 г. письме посольского дворянина С. Домарадского Ивану Безобразову польский дипломат напоминал своему корреспонденту, что тот после убийства Лжедмитрия говорил об избрании Владислава с Александром Госевским (Домарадский присутствовал на встрече) «именем многих бояр, меновите именем Дымитра Шуйского и братьи его и мнокгих бояр и князев Галичянов»⁵⁰. Что бы ни стояло за этим обращением, оно убеждало короля Сигизмунда в том, что в верхних слоях русского общества есть сторонники возведения на русский трон польского кандидата.

Вслед за сообщениями и оценками следовали рекомендации. М. Олесницкий в своем донесении прямо указывал, что сейчас самая благоприятная ситуация для того, чтобы отобрать у России спорные пограничные области⁵¹. Того же мнения был и неизвестный автор записки, посланной одному из Радзивиллов, полагавший даже, что для достижения такой цели достаточно было бы самостоятельного выступления литовских магнатов⁵². М. Олесницкий полагал также, что сложившаяся ситуация дает возможность не

только вернуть спорные территории, но и «всем государством завладеть»⁵³. Так как при этом говорилось о желании русских людей избавиться от власти «тирана»-Шуйского и приобрести какие-то «вольности», то, вероятно, посол имел в виду осуществление плана «неравноправной унии».

Все эти сообщения, как показывает анализ их содержания, могли только укрепить короля и его советников в их решении вмешаться в русские дела, как только для этого сложится благоприятная ситуация. Тем более что сдача Тулы войскам Василия Шуйского в октябре 1607 г. вовсе не положила конец гражданской войне в России. Ее новая, еще более сильная вспышка началась с появлением в Северной земле нового Самозванца, Лжедмитрия II.

В отечественной исторической литературе советского времени появление Лжедмитрия II рассматривалось как начало нового этапа вмешательства Речи Посполитой в русские дела. Лжедмитрия II с самого момента его появления сопровождало польско-литовское войско, выступавшее в качестве орудия правящих кругов Речи Посполитой. В польской и русской дореволюционной историографии такое представление о событиях никогда не разделялось, в последнее время оно поставлено под сомнение и в отечественной исторической литературе.

Следует признать, что Лжедмитрия II едва ли не с момента его появления действительно сопровождало польско-литовское войско, размеры которого постепенно увеличивались и которое играло все бóльшую роль в лагере приверженцев Самозванца.

Этот факт хорошо документирован разнообразными источниками. Уже в момент появления Лжедмитрия II летом 1607 г. в Стародубе здесь находился отряд во главе с ротмистром М. Меховецким⁵⁴. Вскоре там появились и отряды мозырского хорунжия Й. Будилы и М. Харлинского⁵⁵. Осенью 1607 г. за ними последовал ряд других ротмистров со своими отрядами⁵⁶. Уже в то время наряду с простыми ротмистрами в лагере Самозванца стали появляться люди, принадлежавшие к верхним слоям дворянского сословия Речи Посполитой. Так, к нему прибыл со своим отрядом из Киевского воеводства кн. Адам Вишневецкий⁵⁷. Особенно большое войско собрал другой представитель дворянской верхушки из восточных областей Речи Посполитой кн. Роман Ружинский, заложивший свои имения, чтобы иметь деньги для набора войска⁵⁸. Он пришел в лагерь Лжедмитрия II под Кромами в марте 1608 г. с большим 4-тысячным отрядом и стал «гетманом» — главой поль-

ско-литовского войска Лжедмитрия⁵⁹. После того как армия Самозванца, разбив войска Василия Шуйского под Болховом, подошла к столице и летом 1608 г. стала лагерем в подмосковном селе Тушине, здесь появился еще целый ряд ротмистров со своими отрядами⁶⁰.

«Такая это была счастливая война, что редко (проходила) четверть года и редко месяц, чтобы тысяча или по крайней мере несколько сотен людей из Польши не пришли», — писал в своих записках один из офицеров польско-литовского войска в Тушине М. Мархоцкий⁶¹. Особенно крупный отряд привел с собой усвяцкий староста Ян Петр Сапега⁶². Эти отряды шли уже к Москве самой короткой западной дорогой мимо Смоленска, остававшегося верным царю Василию.

Сохранившийся «*Regestr wojska polskiego, ktore jest przy caru na Moskwie*»⁶³ позволяет судить о размерах польско-литовского войска в тушинском лагере к началу 1610 г. Общая численность этого войска, разделявшегося на 10 полков разной численности, составляла десять с половиной тысяч человек, в подавляющей части (на 90%) конных воинов. Таким образом, к началу 1609 г. в самом центре России в непосредственной близости от ее столицы разместились целая польско-литовская армия.

Однако появление этих войск на русской территории не было результатом целенаправленной акции правящих кругов Речи Посполитой, а явилось стихийным следствием некоторых социальных процессов, развивавшихся на территории этого государства во второй половине XVI — начале XVII в. Так как в отличие от Русского государства в Речи Посполитой государственная власть никак не регулировала оборот земель, то здесь не было никаких препятствий для процесса образования магнатских латифундий, особенно интенсивного в восточных областях страны, где в руках узкого круга знатных вельмож к 20–30-м гг. XVII в. сосредоточилось от 70 до 90% земельного фонда⁶⁴. Обратной стороной этого процесса было обезземеливание других слоев дворянского сословия, достаточно многочисленных, достигавших, по имеющимся подсчетам, до 2,3–2,5% от общей численности населения в восточных областях страны⁶⁵. Для этих слоев все более жизненной проблемой становилось добывание средств для поддержания своего социального статуса. При этом возможности добывания средств службой в государственном аппарате, размеры которого с 70-х гг. XVI в. не менялись, или службой в регулярной армии, очень небольшой по своим размерам, были ограниченными. Отсюда широ-

кое распространение практики наемной военной службы за пределами страны. «Долгая война» Османской империи с Габсбургами открыла для такой службы широкие возможности. Когда в 1606 г. эта война закончилась, с началом острого внутривосточного кризиса открылись возможности для военной службы в самой стране — король, его сторонники и противники активно набирали вооруженные отряды для борьбы друг с другом. Однако вернувшиеся в страну наемники снова оказались не у дел, когда летом 1607 г. королевская армия нанесла поражение войскам рокошан. В этих условиях внимание массы оставшихся без дела и средств к существованию вооруженных людей закономерно привлекли обращения из России.

Терпевшее неудачу в борьбе с войсками Василия Шуйского руководство восстания Болотникова летом 1607 г. предписало воеводам пограничных крепостей послать грамоты «в Литовские городы» к «лучшим паном», чтобы те, «собравшись с великим войском с литовскими людьми», шли на помощь восставшим против сидящих в Москве «изменников»⁶⁶. Сразу после появления в Стародубе нового Самозванца в Речь Посполитую стали посылать грамоты, адресованные «ротмистрам земли литовской и товарищам их». Лжедмитрий II призывал их идти к нему на помощь, обещая платить жалование в 2–3 раза большее, чем то, на которое они могли бы рассчитывать в Речи Посполитой⁶⁷. В ответ на эти обращения поток наемников хлынул на русскую территорию. Политические пристрастия, разделявшие шляхтичей во время «рокоша», были забыты. По компетентному свидетельству М. Мархоцкого, в полк князя Романа Ружинского охотно вступали и те, кто сражался на стороне короля, и участники «рокоша»⁶⁸. Этот поток захватил с собой не только отряды, набранные участниками недавней войны, но и часть не получавших жалования войск Речи Посполитой. Так, известно, что с кн. Ружинским ушло в Россию 700 гусар из армии, защищавшей южные границы страны от нападений татар⁶⁹, а значительную часть полка Яна Петра Сапеги составляли солдаты армии, воевавшей в Ливонии против шведов, которые, не получая жалования, покинули театр военных действий и стали лагерем в районе Бреста⁷⁰. При оценке всех этих действий следует принять во внимание, что для значительных групп шляхты из южных областей Речи Посполитой со второй половины XVI в. было достаточно обычным делом участие в походах в Молдавию, которые организовывали польские магнаты, чтобы посадить на

господарский трон своих ставленников, часто тоже самозванцев. Для таких людей поход в Россию был продолжением их прежних занятий.

Знакомство с письмами ряда руководящих политиков Речи Посполитой весны-лета 1608 г. показывает, что они с беспокойством наблюдали за этим стихийным движением вооруженных отрядов на русскую территорию, опасаясь неблагоприятных для Речи Посполитой последствий в случае победы Василия Шуйского в гражданской войне⁷¹. Известный исследователь русско-польских отношений времени Смуты А.Хиршберг полагал, что усвяцкий староста Ян Петр Сапега, двоюродный брат литовского канцлера Льва Сапеги, направился в тушинский лагерь по поручению короля, чтобы постараться влиять на деятельность польско-литовского войска в этом лагере в направлении, благоприятном для королевских интересов, а канцлер был связующим звеном между ним и королем⁷². Однако, как выяснилось, виленский епископ Бенедикт Война по просьбе канцлера специально отговаривал Яна Петра от намерения направиться в Россию⁷³. Вряд ли это было бы возможно, если бы усвяцкий староста направлялся в Россию по поручению короля. События последующего времени, как будет видно из дальнейшего, также ясно свидетельствуют, что никакой близкой связи между двоюродными братьями не было, а в своих действиях Ян Петр Сапега руководствовался в первую очередь личными интересами и интересами войска, которым он командовал, а не интересами короля или Речи Посполитой.

Поскольку формирование польско-литовского войска в России не было результатом какой-либо целенаправленной акции, а представляло собой стихийный процесс, то и само возникшее в результате этого войско представляло собой довольно непрочное объединение ряда полков, которые подчинялись командующему — князю Ружинскому, — лишь когда находили это выгодным для себя. Единственной прочной связью между ними было наличие общих интересов.

В отличие от правящих кругов Речи Посполитой и политически активной части шляхты, у солдат, входивших в состав отдельных полков, и их начальников не было каких-либо планов, связанных с Россией. Характерно, что никто из полковников не добивался от Лжедмитрия II получения земельных пожалований на русской территории. Россия была для них тем местом, где можно было добыть средства для достойной своего социального положения жизни

в Речи Посполитой⁷⁴. Эти средства должны были принести военная добыча и жалование, которое обязался выплачивать Самозванец своему наемному войску.

Первоначально войско довольствовалось получением корма и долговыми расписками, рассчитывая на то, что в скором времени после победы над войсками Шуйского ему будет передана находящаяся в Москве царская казна⁷⁵. Уже после битвы под Болховом Лжедмитрий II был вынужден обложить подчиненные ему земли налогом на содержание наемного войска, но эта дань была невелика и пожеланий войска не удовлетворила⁷⁶. Когда русской столицей овладеть не удалось и войско стало размещаться на зимовку, подчиненные Лжедмитрию II земли были поделены на «приставства», откуда везли продовольствие для польских отрядов. По сообщению М. Мархоцкого, привозили все, «чего только душа хотела», «приходило на одну роту по тысяче и по полутора тысяч возов»⁷⁷. Поскольку находившаяся в Москве царская казна так и не попала в руки Лжедмитрия II, снова очень остро встал вопрос о выплате жалования по выданным распискам. Польско-литовское войско не было единственной опорой Лжедмитрия II. С самого начала Самозванца дружно поддержали служилые люди Северной земли, летом 1608 г. за ними последовали служилые люди и посады многих уездов северо-запада России и Поволжья, которые поддерживали Лжедмитрия II до самой его смерти, затем к ним присоединилась значительная часть населения Замосковского края⁷⁸. Однако служилые люди не могли, в отличие от польско-литовского войска, постоянно находиться в подмосковном лагере, поэтому отряды наемников обладали большими возможностями для давления на монарха. К этому следует добавить, что их требования могли встретить поддержку другой важной составной части военных сил Лжедмитрия II — казачьих отрядов, также заинтересованных в исправном получении жалования и кормов, а казаков в подмосковном лагере также было немало. Согласно уже упомянутому реестру, здесь находилось 5000 казаков, которыми командовал Александр Лисовский, 4000 казаков находилось под командованием главы Казачьего приказа Ивана Заруцкого, имелся и ряд более мелких отрядов⁷⁹. Важно, что составители реестра причислили эти казачьи отряды к составу «польского войска», вероятно, исходя из отмеченной выше общности интересов.

Как бы то ни было, зимой 1608/1609 г. польско-литовское войско добилося от Лжедмитрия II наложения на подчиненные ему земли

поборов для выплаты ему жалования. По свидетельству М. Мархоцкого, с этой целью была установлена дань с «земли» (80 руб. с сохи) и «с товаров», а кроме того, особый налог — «поносовщина», уплачивавшийся с головы. Войско взяло под свой контроль приказы, находившиеся в подмосковном лагере, откуда по его требованию на места были разосланы распоряжения о выплате установленных налогов, их повезли туда польские офицеры⁸⁰. Уже сам по себе сбор корма и поборов для выплаты жалования войску стал большим бедствием для разоренной длившейся уже несколько лет войной страны, но положение усугублялось тем, что наемники, в чьих планах на будущее Россия не занимала никакого места и которым было совершенно безразлично, что будет с населением того или иного уезда после выплаты жалования, выбивали корма и средства из этого населения всеми возможными способами. Сам сбор кормов сопровождался грабежом и актами насилия. Служивший Лжедмитрию II немецкий офицер Конрад Буссов писал, что в Ярославле, несмотря на выплату дани и выдачу кормов, «поляки все равно этим не удовлетвоались, совершали большие насилия над купцами в лавках, над простыми жителями на улицах, над боярами в их домах и дворах, покупали в лавках без денег все, что только им попадалось на глаза»⁸¹.

Помимо высланных войском сборщиков дани на территории Замосковского края действовали многочисленные отряды «загонных людей», которые угоняли скот, увозили «молоченой хлеб», сжигали крестьянские дворы и убивали крестьян⁸². Значительную часть этих отрядов составляли «пахолки» — слуги, которых высылали из войска для сбора продовольствия. Весной 1609 г. большая группа таких слуг решила не возвращаться в подмосковный лагерь, а добывать самостоятельно средства к жизни на русских землях, выбрав своих «полковников». Против них пришлось высылать войска⁸³.

Ответом на все эти действия стали восстания, постепенно охватывавшие все более широкие территории Замосковского края⁸⁴. В сознании русского общества формировалось представление о пришедших из Речи Посполитой солдатах как насильниках и грабителях.

Для правящих кругов Речи Посполитой было существенно, что приход польско-литовских войск на русскую территорию способствовал новой вспышке гражданской войны в России. Страна снова раскололась на два враждебных лагеря, взаимно истощав-

ших друг друга. Очевидно, что Русское государство в военном отношении стало еще более слабым, чем летом 1607 г., что создавало благоприятные условия для интервенции. Присутствие польско-литовского войска в самом центре России также воспринималось как факт, скорее благоприятный для планов руководящих кругов Речи Посполитой. Так как было очевидно, что свою будущую жизнь наемники связывали с Речью Посполитой, то были хорошие шансы на то, что в нужный момент это войско удастся привлечь на сторону короля⁸⁵.

Существенным было то, что в Речь Посполитую продолжали поступать сведения о том, что в русском обществе по-прежнему есть сторонники возведения польского кандидата на русский трон. Так, вармийский епископ Ш. Рудницкий в конце 1608 г. получил сообщение, что «Москва, не удовлетворяясь ни Шуйским, ни ложным Дмитрием, желает, чтобы король его милость изволил их принять, а не изменника им государем давать»⁸⁶. Очень важные сведения привезло посольство, которое в ноябре 1607 — июле 1608 г. вело в Москве переговоры о заключении перемирия между Россией и Речью Посполитой. Как вспоминал позднее в своих записках гетман Станислав Жолкевский, во время переговоров русские бояре (называли в связи с этим даже имя родного брата царя, князя Дмитрия Шуйского) предлагали, что добьются добровольного ухода царя Василия, если король даст им на государство своего сына. В этом они видели единственный путь к прекращению Смуты. Позднее аналогичные сведения поступили от поляков, освобожденных по договору о перемирии⁸⁷. Как узнаем из письма С. Домарадского И. Безобразову, тот вместе с «многими боярскими сыны» посетил А. Госевского на его пути из Москвы в Речь Посполитую, и там они «крестным целованьем вси прыговорили» не иметь «иншого господара прочь короля пана нашего»⁸⁸. Эти сообщения могли создавать и создавали у короля и его советников представление, что, возможно, удастся добиться подчинения России политическому влиянию Речи Посполитой в основном мирными средствами путем соглашения с пропольской партией в русском обществе.

Вопрос об отношениях с Россией серьезно рассматривался на конвокации сената, собранной в мае 1608 г., чтобы стабилизировать положение в стране по окончании «рокоша». Поводом для обращения к обсуждению этого вопроса стал приезд к королю посланцев от Лжедмитрия II с просьбами о помощи⁸⁹. Что касается

посланцев, то относительно их было принято решение их выслушать, но затем задержать до выяснения положения дел в России. Гораздо большее, можно сказать принципиальное, значение имело другое принятое на собрании решение — «не признавать ни Шуйскому, ни Дмитрию царства Московского»⁹⁰. Решение это, принятое в условиях, когда один из претендентов на русский трон искал в Речи Посполитой поддержки и помощи, ясно показывает, что правящие круги Польско-Литовского государства теперь уже не удовлетворялись возможностью возвести на русский трон дружественного правителя, а намеревались сами вмешаться в решение вопроса о судьбе «Московского царства». Неслучайно в составленном примерно в то же время проекте условий, на которых король мог бы вернуть свое расположение одному из предводителей «рокоша», краковскому воеводе Миколаю Зебжидовскому, был помещен пункт, предусматривавший обязательство воеводы выставить большой военный отряд для похода в Россию⁹¹.

Правда, как уже отмечалось выше, Сигизмунд III осенью 1607 г. направил в Москву посольство, которое 28 июля 1608 г. подписало соглашение о перемирии сроком на четыре года⁹², но главной целью заключения соглашения было добиться освобождения задержанных в России поляков и послов Речи Посполитой, а связывать этим договором себе руки правящие круги этого государства вовсе не собирались. Их положение было облегчено тем, что царь Василий не мог отправить своих послов в Речь Посполитую. Посланный им гонец Абросим Лодыженский был захвачен по дороге и отведен в Тушино⁹³. Договор не был ратифицирован Сигизмундом III, а затем в инструкции на сеймики от 3 ноября 1608 г. король открыто заявил, что считает это соглашение утратившим силу⁹⁴.

Следуя решениям, принятым на конвокации, Сигизмунд III упорно отказывался вступать в какие-либо официальные контакты с Лжедмитрием II, правильно понимая, что это означало бы косвенное признание его прав на русский трон. Все попытки Самозванца добиться соглашения с королем оказались безрезультатными⁹⁵.

В конце 1608 г. о своем намерении начать войну с Россией король поставил в известность и командующего коронной армией гетмана Жолкевского, и папского нунция⁹⁶. Как уже отмечалось выше, вопрос об отношениях с Россией король вынес на обсуждение шляхты перед созывом сейма, который должен был собраться в начале 1609 г.

Королевская инструкция представляла собой довольно сложный по характеру документ. Обсуждение вопроса об отношениях с Россией начиналось с припоминания о судьбе задержанных в России граждан Речи Посполитой и об усилиях, которые предпринимались для их освобождения. Заключенное соглашение гарантировало их возвращение на родину, но оно перестало действовать из-за самовольных действий польских тушинцев. Поэтому король просил совета, как добиться освобождения тех поляков, которые еще остаются в России. В связи с этим в инструкции говорилось о слабости Русского государства и о благоприятных условиях для того, чтобы вернуть земли, утраченные Великим княжеством Литовским в войнах XV–XVI вв. Следует согласиться с польским исследователем В. Поляком, что, привлекая в таком контексте внимание к судьбе задержанных в России поляков, король подсказывал читателям мысль о том, что теперь освободить задержанных можно только с помощью войны⁹⁷.

Вместе с тем очевидно, что в инструкции им не ставился прямо вопрос о войне с Россией и не предлагалось вводить налоги на ведение такой войны. Цель составителей документа, очевидно, состояла в том, чтобы выяснить отношение шляхты к возможным планам такого рода.

С. Жолкевский в своих записках, сообщив читателю, как он узнал о планах войны с Россией, отметил, что «наступили потом сеймики, на которых по всей Короне одобрена была эта экспедиция в Россию»⁹⁸. Упоминание об одной Короне было неслучайным, так как ряд литовских сеймиков выступил за сохранение мира с Россией. Не так однозначно было и положение в Короне, но все же здесь с одобрением активной политики по отношению к России («аксјеј moskiewskieј») выступили сеймики ряда авторитетных воеводств: Краковского, Сандомирского, Серадзского⁹⁹. Решения сеймика Серадзского воеводства представляют особый интерес, так как содержат сведения о том, как шляхта представляла себе методы действий и конечные цели восточной политики Речи Посполитой. В решении указывалось: «А если бы с помощью божьей Московская земля, либо с помощью сабли, либо добровольно подчинившись, перешла под власть его королевской милости, то чтобы была соединена с Короной и Великим княжеством Литовским на вечные времена»¹⁰⁰.

Текст решений серадзского сеймика представляет интерес сразу в нескольких отношениях. Во-первых, он показывает, как представляла себе шляхта цели «московской акции»: речь шла не толь-

ко о возвращении утраченных территорий (о чем говорилось в королевской инструкции), но и о вовлечении всего Русского государства тем или иным образом в политическую систему Речи Посполитой. Во-вторых, надеясь (по-видимому, как и король со своими советниками), что это может произойти добровольно, шляхта совсем не исключала и того, что подчинение русского общества власти польского короля произойдет благодаря применению военной силы (с помощью «сабли»).

В связи с этим заслуживают внимания некоторые характерные черты пропагандистской кампании, развернутой при содействии двора в поддержку планов войны, на которые обратили внимание такие исследователи, как В. Чаплинский и Я. Мацишевский. Как отметил последний, черты эти наиболее выразительно выступали в сочинениях поляков, недавно вернувшихся на родину после длительного пребывания под арестом в России. Так, Себастьян Петрици, говоря в ряде сочинений о слабости России, разоренной гражданской войной, выражал надежду, «*Jżby Moskwa przewiniona w slusznym pętach była wodzona*»¹⁰¹ (т. е. «чтобы виновную Москву водили в справедливо наложенных на нее оковах». — Б. Ф.).

Особый интерес исследователей справедливо привлекло уже упоминавшееся выше сочинение Павла Пальчовского «*Kołąda moskiewska*», изданное в начале 1609 г.¹⁰² В этом сочинении автор выступил с проектом завоевания России и превращения ее в колонию Речи Посполитой подобно заморским владениям Испании и Португалии. Таким образом многочисленная мелкая шляхта могла бы избежать грозящей ей перспективы разорения, получив новые земли на территории России¹⁰³. Главные центры России, такие как Новгород, Псков, Смоленск, Ярославль и некоторые другие, П. Пальчовский предлагал сделать «вольными городами» подобно Гданьску — они должны были быть заселены колонистами из Речи Посполитой и играть ту же роль, что «колонии», создававшиеся некогда Римской империей, — быть центрами польско-литовской власти в завоеванной стране. Другими центрами этой власти должны были служить пограничные крепости, переданные в староства гражданам Речи Посполитой и хорошо снабженные гарнизонами и оружием. Остальные земли следовало раздать в качестве ленных владений как гражданам Речи Посполитой, так и местным жителям, которых можно было допустить к «правам и вольностям», но одновременно надлежало следить, чтобы ни один из них не был более сильным, чем другие¹⁰⁴. Таким образом, хотя мест-

ные дворяне могли рассчитывать на сохранение в своих руках части земельного фонда и даже на приобретение «прав и вольностей» польско-литовской шляхты (или их части), ясно, что главные, господствующие позиции в России после ее завоевания принадлежали бы выходцам из Речи Посполитой.

Разумеется, было бы неправильно характеризовать сочинение П. Пальчовского как выражение отношения всего дворянского сословия Речи Посполитой к России, но оно, безусловно, свидетельствует о появлении новых тенденций в общественно-политической мысли польско-литовского дворянства. Если ранее речь шла о попытках поисков соглашения с русским обществом (даже через голову его правителей — «тиранов»), о попытках привлечь его на свою сторону с помощью предоставления «прав и вольностей», то теперь, хотя этот мотив и не утрачивал полностью своего значения, речь шла о том, чтобы принудить русское общество принять выгодные для правящего класса Речи Посполитой решения, используя для этого военную силу.

Высказывания П. Пальчовского заслуживают внимания и потому, что их нельзя рассматривать как одинокий изолированный факт. Так, сопоставление России как возможной колонии Речи Посполитой с заморскими владениями Испании и Португалии встречается не только у Пальчовского, но и в ряде других текстов, созданных в годы Смуты¹⁰⁵. В. Чаплинский обнаружил явные следы воздействия предложений Пальчовского в выступлениях сенаторов и шляхетских послов на сейме 1611 г.¹⁰⁶ Тот же исследователь привел ряд веских соображений в пользу того, что появление сочинения Пальчовского было инспирировано двором, который и дал средства на его издание¹⁰⁷. Очевидно, изложенный в брошюре образ мыслей был не чужд королю и его окружению.

На собравшемся сейме вопрос об отношениях с Россией обсуждался 19–21 января 1609 г. на заседаниях верхней палаты — сената. Как позднее отмечал в своих записках участник этих совещаний гетман Станислав Жолкевский, все сенаторы за исключением трех или четырех высказались за то, чтобы король «этого случая не оставил»¹⁰⁸. Сохранившиеся записи выступлений сенаторов подтверждают правильность оценки гетмана¹⁰⁹. Особого внимания заслуживает выступление литовского канцлера Льва Сапеги, который не только призывал добиться возвращения утраченных территорий, но и доказывал, что не имеют законных прав на русский трон ни Василий Шуйский, убивший «истинного наслед-

ника» (т.е. Лжедмитрия I), ни Лжедмитрий II — Самозванец¹¹⁰. Эта деталь еще раз показывает, что целью похода было не только возвращение Смоленщины и Северной земли, но и подчинение всего Русского государства.

Как бы то ни было, согласие сената на поход в Россию Сигизмундом III было получено. Наряду с сенатом в состав сейма входила нижняя палата — посольская изба, состоявшая из послов, избранных на дворянских собраниях округов. Вопрос об отношениях с Россией на заседаниях в посольской избе не обсуждался. Однако, на что обратил внимание в своих записках Жолкевский¹¹¹, шляхетские послы одобрили конституцию «*Żołnierze, wyjęci od sądów*», согласно которой лица, отправляющиеся на военную службу, получали отсрочку при рассмотрении их судебных дел¹¹². Такое поведение посольской избы дало основания краковскому епископу Петру Тылицкому утверждать, что послы, хотя и не высказались прямо, «молчаливым согласием» одобрили королевские планы¹¹³.

Правда, поскольку в посольской избе планы войны с Россией не обсуждались, никакого решения о войне высший орган власти в Речи Посполитой не принял. Соответственно не были вотированы и средства на содержание необходимой для войны армии. Сейм принял решение о выплате только одного побора, предназначенного на ведение войны со шведами в Ливонии¹¹⁴. Однако следует отметить, что король, обращаясь к сеймикам, не ставил вопроса о принятии сеймом решения о войне и выделении средств на снаряжение армии. О причинах такого поведения Сигизмунда III речь пойдет в дальнейшем. Здесь хотелось бы еще раз отметить, что король желал выяснить отношение сенаторов и шляхты к планам войны с Россией, и результаты такого зондажа оказались вполне благоприятными. Тем самым был сделан еще один важный шаг к принятию окончательного решения о войне.

В мае 1609 г. король нашел положение настолько благоприятным, чтобы открыто заявить о своих намерениях. Тогда был обнародован «Универсал относительно отъезда короля»¹¹⁵. Свой отъезд из столицы — Кракова — Сигизмунд III объяснял необходимостью вмешаться в «московские смуты» («*zamieszki moskiewskie*»), чтобы защитить интересы Речи Посполитой. Эти действия, заявлял король, он предпринял «с согласия всего сената на сейме Речи Посполитой».

Вскоре в связи с планами короля в отношении России возникли осложнения, побудившие Сигизмунда III к новым заявлениям о целях его восточной политики. Поводом для возникнове-

ния осложнений послужило, как представляется, уже упоминавшееся выше выступление литовского канцлера Льва Сапеги на сейме 1609 г. В этом выступлении Лев Сапега подчеркивал, что в отличие от Лжедмитрия II и Шуйского Сигизмунд III имеет все законные права на русский трон как близкий родственник угасшей династии¹¹⁶. Сенаторы выступали в присутствии большого количества шляхетских послов, поэтому такие высказывания должны были стать достаточно хорошо известны. В их свете получалось, что Сигизмунд III начинает войну, чтобы стать наследственным правителем России. Оказывалось, что война должна была вестись для удовлетворения интересов королевской семьи и вдобавок таких интересов, которые явно противоречили интересам шляхты, не заинтересованной в чрезмерном усилении власти монарха. В мае 1609 г. гетман Жолкевский нашел нужным поставить короля в известность, что не только «*vulgus hominum*», но и многие благородные люди и даже сенаторы выражают недовольство тем, что король ожидает от похода личных выгод, а не приобретений для Речи Посполитой¹¹⁷. Получив это и другие подобные сообщения, король посчитал необходимым на пути из Кракова в Вильну, куда он направлялся, чтобы начать приготовления к походу, выступить перед сенаторами и шляхтой, собравшимися в Люблине на заседания Трибунала, со специальным заявлением, которое от его имени зачитал подканцлер коронный Ф. Крыйский¹¹⁸. Король публично заверил собравшихся, что он начинает войну не ради своих личных выгод, а ради интересов Речи Посполитой, в частности для расширения ее границ.

Но этого, по-видимому, оказалось недостаточно, так как к этой теме король снова вернулся в инструкции на депутатские сеймики от 25 июля 1609 г.¹¹⁹ В этом документе снова подчеркивалось, что король выступает в поход не ради личных выгод, а чтобы использовать сложившееся благоприятное положение для возвращения Речи Посполитой Смоленщины и Северной земли. Одновременно король просил сеймики о вотировании дополнительного побора, так как выделенных сеймом средств совершенно недостаточно для достижения этой цели.

То, что в этих заявлениях, которые следовали одно за другим, говорилось только о расширении границ Речи Посполитой на востоке за счет возвращения утраченных областей, вовсе не значит, что короля и круг его советников перестал интересовать вопрос о судьбе всего Русского государства.

В этом плане представляют интерес некоторые особенности пропагандистской кампании, развернутой двором в месяцы, предшествовавшие выступлению короля в поход. Центральным памятником этой кампании по общему мнению исследователей был «*Dyskurs słusznej wojny z Moskwą, rationes pro et contra*»¹²⁰, вышедший из канцелярии одного из ближайших советников Сигизмунда III, подканцлера коронного Феликса Крыйского. Помимо развернутых доказательств того, что не Речь Посполитая, а Россия многократными нарушениями мирного соглашения дала другой стороне все справедливые причины для войны, в брошюре подчеркивалось, что «часть немалая самой Москвы, а между ними людей знатных дают знать, что хотели бы соединения с Короной, желая под властью Его королевской милости успокоения и лучшего порядка управления своего отечества и своего избавления от тиранства и от великого кровопролития». Эти высказывания достаточно ясно показывают, что в кругу сторонников войны, откуда вышло это сочинение, сохранялось представление о том, что значительная часть русского общества (прежде всего знатные люди) готова добровольно подчиниться власти польского короля, чтобы избавиться от власти «тиранов» и добиться прекращения Смуты.

В «Дискурсе» подчеркивалось, что король, как христианский государь, «обязан дать защиту обиженному» и взяться за оружие, «когда сама Москва о том просит». «Когда видишь людей, — говорилось в другом месте, — угнетенных жестоким тиранством, само человеколюбие требует, чтобы им помочь».

Так накануне выступления Сигизмунда III в поход формулировались основные цели его восточной политики. Программа-минимум — возвращение Речи Посполитой утраченных земель на востоке (официально это провозглашалось главной целью похода), и программа-максимум — подчинение Русского государства верховной власти польского короля и его включение в пока не определенных точно формах в политическую систему Речи Посполитой (возможно, в форме «неравноправной унии»). Сигизмунд III и его окружение исходили из того, что Россия ослаблена многолетней гражданской войной, а русское общество, желая установления порядка, готово подчиниться королю. Представлялось вполне возможным, что намеченных целей удастся добиться мирным путем. Ближайшие события должны были показать, насколько реальные планы, построенные на подобных расчетах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. подробнее: *Флоря Б. Н.* Русское государство и русский народ в оценке польских шляхетских публицистов XVI столетия // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976.
2. *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978. С. 43–45.
3. Там же. С. 240–241, 253–254.
4. Там же. С. 177–178.
5. Там же. С. 259–260.
6. Там же. С. 174–175.
7. Там же. С. 256.
8. *Pierling P.* Rome et Demetrius d'après des documents nouveaux. Paris, 1878; *Hirschberg A.* Dymitr Samozwaniec. Lwów, 1898; *Скрынников П. Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985; *Ульяновский В. И.* Российские Самозванцы: Лжедмитрий I. Киев, 1993; *Он же.* Россия в начале Смуты: Очерки социально-политической истории и источниковедения. Киев, 1993.
9. Кондиции царевичу от короля Сигизмунда: *Александренко В. Н.* Материалы по Смутному времени на Руси XVII в. // Старина и новизна. М., 1911. Кн. 14. С. 443–444.
10. Текст условий «унии» см.: Muzeum Narodowe w Krakowie. Oddział: Zbiór Czartoryskich (далее — Czart.). Rkp. 2101. К. 33–40 (рукопись представляет собой книгу посольскую Литовской Метрики — государственного архива Великого княжества Литовского, которая каким-то образом оказалась в частном собрании).
11. Как доносил в Рим папский нунций Рангони, Самозванец обещал, что сам поведет войско на Стокгольм: *Скрынников П. Г.* Социально-политическая борьба... С. 163.
12. *Maciszewski J.* Polska a Moskwa. 1603–1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej. Warszawa, 1968. S. 53–56; *Флоря Б.* Dymitr Samozwaniec a magnateria polsko-litewska // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. Warszawa, 1979. T. 24.
13. *Hirschberg A.* Dymitr... S. 81–82; *Скрынников П. Г.* Социально-политическая борьба... С. 195–196.
14. *Hirschberg A.* Dymitr... S. 96–97. См. также русские свидетельства на этот счет: Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА), Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Кн. 30. Л. 66 об.
15. *Скрынников П. Г.* Социально-политическая борьба... С. 265.
16. *Hirschberg A.* Dymitr... S. 163; *Скрынников П. Г.* Социально-политическая борьба... С. 318–322.

17. См. раздел «Канцрия» Лжедмитрия I в кн.: *Лаверентьев А. В.* Царевич — царь — цесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали 1604–1606 гг. СПб., 2001. С. 151–173.
18. О начале войн и смут в Московии. Исаак Масса, Петр Петрей. М., 1997. С. 95, 102.
19. *Hirschberg A.* Dymitr... S. 150–151.
20. Запись в материалах, подготовленных для переговоров под Смоленском в 1615 г.: РГАДА. Ф. 79. Кн. 30. Л. 73 об. (указаны звания разговаривавших с послом сенаторов).
21. *Hirschberg A.* Dymitr... S. 157.
22. *Ibid.* S. 181.
23. *Ibid.* S. 160, 190–194.
24. *Ibid.* S. 157, 171, 174, 184, 225–228. Об «императорском» титуле Лжедмитрия I см. подробнее в разделе «Титулатуры Лжедмитрия I» в книге: *Лаверентьев А. В.* Царевич — царь — цесарь...
25. Czart. Rkp. 2101. K. 31–32.
26. См. об этом выше.
27. *Żółkiewski S.* Początek i progres wojny Moskiewskiej / Opr. J. Maciszewski. Warszawa, 1966. S. 101. Свидетельство Жолкевского можно подкрепить сообщением иного, более раннего источника, хотя, к сожалению, слишком краткого. В начале 1610 г. один из польских дворян, сидевших в Москве после убийства Лжедмитрия вместе с польско-литовским посольством, С. Доморадский напоминал Ивану Безобразову: «Како съ ты прямил королю пану нашему и ещо за Димитра або по вашему за рострыгу» — Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна, 1867. Т. 1. № 79. С. 245.
28. Czart. Rkp. 2101. K. 21–24.
29. *Hirschberg A.* Dymitr... S. 184.
30. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 5. С. 41.
31. РГАДА. Ф. 79. Кн. 30. Л. 81 об.
32. Там же. Л. 78.
33. Об этих обвинениях см., например, в грамоте Василия Шуйского в Пермь от 20 мая 1606 г.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии Наук (далее — ААЭ). СПб., 1836. Т. 2. № 44.
34. См. об этом подробнее: *Назаров В. Д., Флоря Б. Н.* Крестьянское восстание под предводительством И. И. Болотникова и Речь Посполитая // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 330.
35. Цит по: *Maciszewski J.* Polska... S. 126–127.

36. *Hirschberg A.* Maryna Mniszchówna. Lwów, 1906. S. 72.
37. *Флоря Б. Н.* Три письма о событиях Смуты // Архив русской истории. Вып. 3. М., 1993. С. 167.
38. Там же.
39. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (далее – AGAD). Archiwum Radziwiłłów. Dz. 2. Suppl. № 221.
40. *Palczowski P.* Kołęda moskiewska to jest wojny moskiewskiej przyczyny słuszne a okazja pożądana, zwycięstwa nadzieja wielka, państwa tamtego pożytki i bogactwa nigdy nie oszacowane, krótko opisana. Wilno, 1609. S. G3.
41. *Флоря Б. Н.* Три письма... С. 168, 174.
42. Там же. С. 164.
43. Там же. С. 166.
44. Там же. С. 167–168.
45. Там же. С. 165.
46. Там же. С. 166.
47. Там же. С. 176.
48. Там же. С. 164–165.
49. РГАДА. Ф. 79. Кн. 30. Л. 82 об.
50. Археографический сборник... Т. 1. № 79. С. 245.
51. *Флоря Б. Н.* Три письма... С. 175.
52. AGAD. Archiwum Radziwiłłów. Dz. 2. Suppl. № 221.
53. *Флоря Б. Н.* Три письма... С. 175.
54. *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 77.
55. Там же. С. 101–102.
56. *Hirschberg A.* Dlaczego Polacy popierali drugiego Dymitra Samozwańca? // Сборник по славяноведению. СПб., 1904. Т. 1. С. 1–2; *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 109–111, 115.
57. Moskwa w rękach polaków. Pamiętniki dowódców i oficerów garnizonu polskiego w Moskwie w latach 1610–1612. Kraków, 1995. S. 26.
58. *Maciszewski J.* Polska... S. 139.
59. Подробный рассказ о приходе Ружинского помещен в записках офицера его полка М. Мархоцкого: Moskwa w rękach... S. 26–32.
60. *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 181.
61. Moskwa w rękach... S. 43.
62. О походе Я. П. Сапеги см.: *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 181–182.
63. Biblioteka Jagiellońska w Krakowie. Rkp. 102. K. 316–317.
64. Соответствующие подсчеты см.: *Яковенко Н. М.* Українська шляхта з кінця XIV до сер. XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993. С. 196–197, 263.

65. Там же. С. 265.
66. *Назаров В. Д., Флоря Б. Н.* Крестьянское восстание... С. 342–343.
67. *Hirschberg A.* Dłaczego Polacy... S. 1.
68. Moskwa w rękach... S. 27.
69. *Maciszewski J.* Polska... S. 139.
70. *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 182.
71. *Polak W.* O Kreml i Smoleńszczyznę. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607–1612. Toruń, 1995. S. 45.
72. *Hirschberg A.* Магупа... S. 81–83.
73. *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 182–183.
74. Неслучайно, что в условиях, предложенных Лжедмитрию II польско-литовским войском, говорилось не только о выплате жалованья, но и о праве свободного возвращения на родину по окончании войны: Moskwa w rękach... S. 36.
75. Раздать эту казну войску Лжедмитрий II обещал летом 1608 г.: Ibid.
76. Ibid. S. 43.
77. Ibid. S. 46.
78. Процесс перехода отдельных территорий под власть Лжедмитрия II подробно рассмотрен в 3-й, 5-й и 6-й главах исследования И. О. Тюменцева.
79. Biblioteka Jagiellońska w Krakowie. Rkp. 102. K. 317.
80. Moskwa w rękach... S. 47–48. О размере дани см.: *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 337.
81. *Буссов К.* Московская хроника 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 155.
82. Многочисленные свидетельства о насилиях «загонных людей» см. в 8-й главе монографии И. О. Тюменцева.
83. Moskwa w rękach... S. 49.
84. Об этих восстаниях см. 9-ю главу монографии И. О. Тюменцева.
85. Так полагал, в частности, Лев Сапега, см.: *Polak W.* O Kreml... S. 63–64.
86. Цит. по: Ibid. S. 60.
87. *Żółkiewski S.* Początek... S. 105.
88. Археографический сборник... Т. 1. № 79. С. 245.
89. Король специально запрашивал сенаторов, как следует поступить с этим посольством: *Polak W.* O Kreml... S. 40.
90. Czart. Rkp. 104. S. 561.
91. *Maciszewski J.* Polska... S. 145.
92. Подробный анализ соглашения и переговоров, ему предшествовавших, см.: *Polak W.* O Kreml... S. 35–39, 50–51.
93. РГАДА. Ф. 79. Кн. 30. Л. 98 об.–99 об.
94. *Polak W.* O Kreml... S. 64.

95. О попытках переговоров см.: *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 112, 405, 408; *Polak W.* О Kreml... С. 40, 81.
96. *Maciszewski J.* Polska... С. 147, 162.
97. Анализ инструкции на сеймики см.: *Ibid.* С. 156–157; *Polak W.* О Kreml... С. 64–65.
98. *Żółkiewski S.* Początek... С. 107–108.
99. О решениях сеймиков см.: *Polak W.* О Kreml... С. 65–66.
100. Цит. по: *Ibid.* С. 66.
101. *Maciszewski J.* Polska... С. 171–172.
102. Подробный анализ произведения дан в работе: *Czapliński W.* Propaganda w służbie wielkich planów politycznych // *Czapliński W.* О Polsce siedemnastowiecznej. Problemy i sprawy. Warszawa, 1966. С. 164–200.
103. *Palczowski P.* Kołęda moskiewska... С. В2-С3.
104. *Ibid.* С. 29v.-30v.
105. *Tazbir J.* Indyjskie skarby i dzikie pola // *Tazbir J.* Szlachta i konkwistadorzy. Warszawa, 1966.
106. *Czapliński W.* Propaganda... С. 198–199.
107. *Ibid.* С. 189–190.
108. *Żółkiewski S.* Początek... С. 108.
109. Их анализ см.: *Maciszewski J.* Polska... С. 162–165; *Polak W.* О Kreml... С. 68–73.
110. *Ibid.* С. 72.
111. *Żółkiewski S.* Początek... С. 108.
112. Volumina legum. SPb., 1859. Т. 2. С. 472.
113. *Maciszewski J.* Polska... С. 168.
114. Volumina legum. Т. 2. С. 475–478; *Maciszewski J.* Polska... С. 167.
115. Biblioteka im. Raczyńskich w Poznaniu (далее – Racz.). Rkp. 33. К. 21^v.
116. *Polak W.* О Kreml... С. 72.
117. *Żółkiewski S.* Pisma. Lwów, 1861. С. 194.
118. Racz. Rkp. 33. К. 23.
119. *Ibid.* К. 24^v–27^v.
120. *Ibid.* К. 41–49. Русский перевод см.: Дискурс о справедливой и законной войне с Москвой. Rationes pro et contra // ЧОИДР. 1866. Кн. 4: Смесь. С. 38–51.

НАКАНУНЕ ИНТЕРВЕНЦИИ

Когда были приняты принципиальные решения о войне, встал вопрос о выработке плана военных действий. Однако для принятия этих, уже конкретных, решений (и прежде всего о выборе главного маршрута движения войск) необходимо было получить информацию о положении дел в России, об отношении разных кругов русского общества к возможной перспективе возведения польского кандидата на русский трон. В первую очередь было важно узнать настроения населения на землях северо-запада России, через которые шел наиболее короткий путь к Москве.

Доставить такие сведения должен был Александр Госевский, направившийся в свое староство — пограничный Велиж. Как стало известно от него самого смоленским воеводам, он получил от короля полномочия вести на рубеже переговоры с властями русских пограничных городов¹. Такие переговоры должны были дать велижскому старосте представление о положении дел в этом стратегически важном районе. Сложившееся здесь положение облегчило А. Госевскому выполнение поставленной перед ним задачи.

Благодаря появившемуся недавно исследованию И. О. Тюменцева, в настоящее время можно составить достаточно ясное представление об изменениях в положении дворянства на землях, признавших власть тушинского «царя». Критикуя более ранние представления о характере тушинского лагеря, исследователь убедительно показал, что дворянство целого ряда районов Русского государства активно способствовало переходу своих уездов под власть Лжедмитрия II и извлекло из этого немалые выгоды. Правда, традиционное деление дворянства на «чины» в полной

мере сохранялось и в тушинском лагере, но характер пополнения этих «чинов» существенно изменился. Большое значение имело то, что верхний слой дворянского сословия — члены «государева двора» — в своей основной массе сохранили верность Василию Шуйскому². Ни один из влиятельных боярских кланов в своем большинстве не перешел на сторону нового «царя»³.

Тем самым открылись возможности повышения на лестнице социальной иерархии для тех кругов дворянства, которые при сохранении традиционного порядка не могли бы на это рассчитывать. Это прежде всего касалось провинциального дворянства, которое в обычное время не могло рассчитывать на то, чтобы войти в состав «государева двора». По подсчетам И. О. Тюменцева, из среды «городовых» дворян — низшего слоя дворянского сословия — происходила почти половина стольников и стряпчих Лжедмитрия II, из среды «городового» дворянства происходила и большая часть московских и выборных дворян тушинского двора⁴. Получение новых «чинов» сопровождалось получением новых владений как за счет поместий и вотчин знатных приверженцев Василия Шуйского, так и за счет раздачи оказавшихся под властью Лжедмитрия II дворцовых земель. Эти перемены были особенно значимы для дворянских корпораций северо-запада, Поволжья, Северной земли, которые ранее вообще не имели своих представителей в составе «государева двора», а теперь их члены получили доступ даже к думным чинам⁵. Неудивительно, что дворянство этих окраин особенно упорно держалось за Лжедмитрия II. «Чины» давали доступ к власти и управлению, поэтому для бывших городовых дворян стали доступны и посты воевод в подчинившихся власти Лжедмитрия II городах.

Все сказанное в полной мере относится и к северо-западу, что может быть показано на ряде относящихся к этому региону конкретных примеров. Это тем более важно, что положение в этом регионе (в отличие, например, от Замосковского края) не привлекало к себе внимания И. О. Тюменцева. Кроме того, их анализ поможет уточнить наблюдения И. О. Тюменцева, касающиеся изменений в отношениях между дворянством и властью на землях, признавших тушинского «царя».

Так, кн. Леонтий Иванович Шаховской, двадцать лет служивший выборным дворянином по Зубцову, к началу 1610 г. стал «дворянином московским», а три его сына стольниками⁶. К началу 1610 г. стольниками стали и ржевские помещики Федор, Анд-

рей и Павел Тютчевы⁷. Но особенно значительным было возвышение Федора Михайловича Плещеева, сыгравшего большую роль в переходе псковских и новгородских пригородов на сторону Лжедмитрия II. В одном из летописных рассказов о событиях он назван «луцким помещиком» — одним из членов дворянской корпорации Великих Лук, которая вообще не была представлена в составе «государева двора»⁸. В июле 1608 г. он уже носил боярский сан и был наместником и воеводой Великих Лук⁹.

Это назначение заслуживает особого внимания. Общей нормой практики управления в Русском государстве XV–XVI вв. было назначение воеводами и наместниками в города людей, не принадлежавших к кругу местных землевладельцев, не связанных с местным дворянским обществом и поэтому более способных отстаивать перед его лицом интересы государственной власти. Назначение Ф. М. Плещеева было существенным отступлением от этой практики. На своем посту Ф. М. Плещеев представлял в большей мере интересы местной дворянской корпорации, а не власти в Тушине. И такое назначение не было единственным. Так, в начале 1610 г. воеводами во Ржеве-Володимировой были кн. Леонтий Иванович Шаховской и Гавриил Юдич Хрипунов¹⁰ — оба местные землевладельцы¹¹. Из местнического дела 1627 г. можно узнать, что еще в одном городе того же региона — Торопце — воеводами были Александр Чеглоков, Михаил Обедов, Иван Кафтырев¹², также выходцы из местного дворянства¹³. Практика эта получила такое распространение, что с ней пришлось считаться и после возвращения уездов северо-запада под власть царя Василия. Так, из того же местнического дела мы узнаем, что новым воеводой в Торопец был прислан М. В. Скопиным-Шуйским Иван Афанасьевич Мещерский «по прошенью их, торопчан»¹⁴.

На территории Замосковского края эти важные приобретенные провинциальным дворянством преимущества были во многом обесценены тем, что дворяне не могли в полной мере воспользоваться доходами от своих старых и новых владений, которые во все возрастающих размерах присваивало себе наемное польско-литовское войско царя Дмитрия, а на все это накладывались грабежи отрядов «загонных людей», состоявших из казаков и беглых панских пахолков¹⁵. В результате к весне 1609 г. обозначился решительный отход дворянства Замосковского края от тушинского лагеря, дворяне этих уездов начинали в массовом порядке отъезжать из лагеря в Тушине¹⁶.

Однако положение на северо-западе заметно отличалось от тех условий, которые сложились на землях вокруг Москвы и на север от нее, где постоянно находилось польско-литовское войско. На территории северо-запада польско-литовских войск практически не было. Из подробного рассказа нескольких летописных повестей о событиях в Пскове в 1608–1610 гг. видно, что после признания здесь власти Самозванца дело ограничилось присылкой воевод из Тушина и конфискацией «казны» псковских гостей¹⁷. Лишь в 1610 г. под городом появился «Олисовской пан с литовскими людьми и с черкасы»¹⁸. Лишь в Дорогобуже и Вязьме стояли гарнизоны¹⁹, контролировавшие путь, по которому из Речи Посполитой шла в Тушино военная помощь. У дворянства северо-запада России тем самым не было столь веских причин отступаться от царя Дмитрия, как у дворянства Замосковского края.

Однако общее изменение соотношения сил в пользу лагеря сторонников царя Василия не могло не способствовать ослаблению позиций сторонников тушинского царя и на северо-западе.

Для сторонников царя Дмитрия в этом регионе главной задачей было добиться подчинения Новгорода — главного центра края, продолжавшего оставаться под властью царя Василия. С осени 1608 г. в Старой Русе стали собираться войска для похода на этот город. Сюда прибыл из Тушина отряд во главе с полковником Я. Кернозицким, отряды русских сторонников Лжедмитрия II с северо-запада во главе с Ф. М. Плещеевым и запорожцы полковника Грица²⁰. Военачальники организовали блокаду Новгорода, рассчитывая на его скорую сдачу²¹. Однако уже зимой 1608/09 г., когда началось восстание населения Поморья и новгородских пятин против тушинцев, войска Кернозицкого вынуждены были отойти от города к Старой Русе²². В мае 1609 г. корпус Кернозицкого, отступавший от Старой Русы под напором русско-шведских войск, посланных из Новгорода М. В. Скопиным, был разбит в сражении у с. Каменки Торопецкого уезда, полковник «не со многими людьми» бежал во Ржеву-Володимирову²³. Поражение Кернозицкого, ставшее началом перелома в борьбе между двумя лагерями в масштабе всего Русского государства, имело свои последствия и для положения на северо-западе. Уже 18 мая жители Торопца направили шведскому военачальнику Э. Горну, участвовавшему в сражении с Кернозицким, своих представителей, заявивших о возвращении города под власть царя Василия и просивших прислать им военную помощь²⁴.

Еще одним следствием поражения Кернозицкого стала активизация действий воевод Смоленска — другого крупного центра северо-запада, сохранявшего верность царю Василию. Две сохранившиеся отписки смоленских воевод дают достаточное представление о предпринятых действиях и их результатах²⁵. Их отписки подтверждают сообщения «Нового летописца» и шведских источников о переходе Торопца под власть царя Василия. Воеводы Торопца, кн. Федор Шаховской и Тимофей Тарбеев²⁶, сообщили от имени «торопчан» об их желании «с Смолняны быти в единстве».

В конце мая 1609 г. из Смоленска вышел большой отряд смоленских и брянских дворян во главе с кн. Я. П. Барятинским. Задачей отряда, который должен был идти к Торжку на соединение с войском М. В. Скопина-Шуйского, было также очистить от тушинцев лежавшие на пути похода города. Первой целью похода стали смоленские пригороды Дорогобуж и Вязьма — около Дорогобужа был разбит отряд ротмистра Чижга, а 3 июня «воров и литовских людей побили и знамяна и набаты и языки поймали и Вязму взяли». Вяземские и дорогобужские дети боярские присоединились к смоленской рати. Затем пришел черед еще одного смоленского пригорода — Белой. Местные воеводы кн. Иван Андреевич Хованский и Иван Колычов²⁷ вместе с «белянами» «добили челом». Кн. И. А. Хованский с отрядом местных дворян присоединился к смоленской рати, И. Колычов был выслан в Смоленск, а оттуда воеводой на Белую был послан смоленский дворянин Андрей Дедевшин. В июле 1609 г. смоленская рать встретила войсками М. В. Скопина-Шуйского в Торжке.

Чувствительность нанесенного по сторонникам царя Дмитрия удара была связана не только с тем, что сократился ареал контролируемой ими территории. Благодаря действиям смоленской рати оказалась прервана связь между землями на северо-западе и лагерем в Тушине. Их положение ухудшилось и благодаря заключению союза между Шуйским и шведским королем Карлом IX. Шведы не ограничились тем, что выслали царю Василию военную помощь. Они стали оказывать давление на власти пограничных русских городов, требуя от них подчиниться царю Василию²⁸.

Как видно из данных, приведенных выше, часть сторонников Лжедмитрия II выразила готовность подчиниться прежней власти, однако другая часть стала прилагать усилия, чтобы изменить положение в свою пользу. В поисках поддержки они пошли по

ставшему уже традиционным пути, обращаясь в Речь Посполитую, откуда в предшествующие годы тушинский лагерь постоянно получал военную помощь.

Так, уже в марте 1609 г., столкнувшись под Копорьем с идущими на помощь Шуйскому шведскими войсками, ивангородский воевода кн. И. Ф. Хованский обратился к «державце» Дерпта с предложением о совместных действиях против шведского «державцы» в Нарве²⁹. В июне 1609 г. к тому же «державце» обратились псковские воеводы и всегородные старосты с просьбой прислать им на помощь «ратных охочих волных конных и пеших людей»³⁰.

Тогда же, в июне 1609 г., воеводы Великих Лук и Заволочья, опасаясь, что после падения Торопца их города подвергнутся нападению войск Шуйского, обратились к властям Полоцка с просьбой прислать им на помощь войско и разрешить покупать в Полоцке порох и свинец³¹.

В числе польских военачальников пограничных городов, к которым обращались за помощью, оказался и Александр Госевский³². Велижское староство привлекло к себе особое внимание потому, что отрезанные от Тушина воеводы городов русского северо-запада рассчитывали, посылая гонцов с грамотами через эту пограничную польскую крепость, восстановить связь со своим царем. Одновременно воеводы и население («поспольство») Великих Лук постоянно просили Госевского прислать войско, чтобы совместными силами попытаться вернуть под власть Лжедмитрия II Торопец. Эти обращения послужили удобным поводом для того, чтобы велижский староста в июле 1609 г. посетил Великие Луки. Вопреки заявленной цели его посещения он вовсе не собирался участвовать в военных действиях на стороне приверженцев Лжедмитрия II³³. Подлинной целью поездки А. Госевского было ознакомиться на месте с положением дел на русском северо-западе и попытаться выяснить, можно ли добиться добровольного подчинения населения этого региона польскому претенденту на трон.

В известном плане его миссия быстро увенчалась успехом. На тайной беседе с велижским старостой один из великолукских воевод сразу же объявил ему от имени местных дворян о их горячем желании подчиниться власти польского короля. Запись разговора, сделанная А. Госевским, позволяет судить о том, какие причины склоняли дворян к такому решению. Те важные преимущества, которые местное дворянство приобрело за время пребывания в тушинском лагере, составляли лишь одну сторону медали. Другой

стало резкое усиление активности посадских общин и служилых людей «по прибору» в городах — центрах отдельных территорий, которые стали претендовать на участие в управлении ими на равной ноге с местным дворянством, а то и оттесняя его на второй план. Хорошей иллюстрацией может служить положение дел в одном из главных центров северо-запада — Пскове. Если сам переход Пскова и его пригородов на сторону Лжедмитрия II в сентябре 1608 г. произошел при активном участии местных детей боярских во главе с будущим наместником Великих Лук Ф. М. Плещеевым, то в дальнейшем, по крайней мере с весны 1609 г., в Пскове утвердилась власть «меньших» посадских людей и стрельцов, сопровождавшаяся репрессиями по отношению к детям боярским и «нарочитым мужам», «гостям», представителям городской верхушки. Воеводы, в руках которых формально продолжала сохраняться власть, должны были выполнять решения «меньших» людей, от имени которых «мужик простой» Тимофей Кудекуша «трепец», т. е. чесальщик льна, «воеводам указывал»³⁴.

Судя по высказываниям воеводы в беседе с А. Госевским, сходным образом обстоит дело и в Великих Луках. «Наши собственные крестьяне, — жаловался воевода, — стали нашими господами, нас самих избивают и убивают, жен, детей, имущество наше как добычу берут. Здесь на Луках воеводу одного, который передо мною был, на кол посадили, лучших бояр повешали и погубили, и теперь всем сами крестьяне владеют, а мы, хоть и воеводы, из рук их на все смотрим». Близость положения в Великих Луках к положению в Пскове проявлялась также в том, что сложившимся состоянием дел были недовольны, судя по сообщению Госевского, и «лучшие» посадские люди. Воевода сетовал на то, что в его распоряжении нет военной силы, с помощью которой он мог бы навести порядок. Находившийся в Луках отряд донских казаков (200 коней) для этой цели явно не годился.

Не желая утратить приобретенные выгоды, местное дворянство не хотело возвращаться под власть царя Василия. Вместе с тем, чтобы пользоваться этими преимуществами, оно нуждалось в поддержке, которая помогла бы отодвинуть на второй план ставшее излишне самостоятельным простонародье. Такую поддержку дворяне рассчитывали получить от нового государя из Речи Посполитой.

Как видно из донесения Госевского, его контакты не ограничивались Великими Луками. Так, еще до перехода Торопца под

власть царя Василия он вступил в сношения с местными дворянами, которые обещали ему, что не только Торопец, но и Белая готовы принять государя из Речи Посполитой. Во время пребывания в Великих Луках он добился освобождения нескольких находившихся там в плену детей боярских из Торопца, которые должны были быть отосланы в этот город, чтобы продолжить начатые ранее переговоры. Все это позволило А. Госевскому сделать в своем донесении общий вывод, что «московское дворянство и некоторые лучшие посадские люди желают иметь над собой государя королевской крови».

Вместе с тем А. Госевский не скрывал от своего патрона — литовского канцлера, что на пути к утверждению польского кандидата на землях русского северо-запада стоят большие трудности. Во время пребывания в Великих Луках он убедился, что «посполство» — посадские люди — в отличие от дворян упорно поддерживает царя Дмитрия. Посадские люди Великих Лук, Невеля и Заволочья постоянно предлагали А. Госевскому «доставать на царя Дмитрия» Торопец и были готовы провести для этого всеобщую мобилизацию. Именно из-за такой позиции «посполства» великолукские дворяне вынуждены были вести свои переговоры с Госевским тайно и скрывать свои намерения. Таким образом, основная масса населения была явно враждебна польскому кандидату, а в ее руках находилась в тот момент реальная сила. Вместе с тем все эти люди доверчиво ожидали военной помощи из Речи Посполитой, и на использовании этих ожиданий А. Госевский построил план действий, который он предложил канцлеру (а через него и самому королю Сигизмунду III).

А. Госевский предлагал воспользоваться этими ожиданиями и под предлогом организации совместных действий против сторонников Василия Шуйского направить в пограничные города польские войска, разместить их там, а затем с помощью местных дворян привести население к присяге на верность королю. По отношению к Великим Лукам и соседним с ними городам он готов был взять решение этой задачи на себя, а по отношению к Пскову такую задачу должен был, по его мнению, взять на себя гетман Я. К. Ходкевич, командовавший армией, воевавшей со шведами в Ливонии. Госевскому было известно, что в Пскове хотят организовать поход на один из новгородских пригородов — Порхов, и он советовал, чтобы гетман захватил город, когда псковское войско уйдет в этот поход. Когда бы были достигнуты такие успехи, по

мнению А. Госевского, «и Смоленску стало бы тесно и легче было бы его приобрести».

Следует отметить, что Госевский в своем донесении давал в целом довольно реалистическую оценку ситуации, сложившейся на северо-западе России, указывая на имеющиеся возможности и не скрывая трудностей. Однако одна особенность его повествования все же вызывает сомнения в том, что он действительно верно оценил ситуацию.

Это те места его донесения, где он говорит о готовности местных дворян принести присягу на верность королю Сигизмунду III, «перейти в подданство его королевской милости». Благодаря этому, по его мнению, «без трудности удалось бы отыскать свыше десяти замков для далекого отечества». Наблюдения над ходом последующих событий позволяют подозревать, что А. Госевский вложил неверный смысл в заявления дворян, что они хотят «государя королевской крови». Дворяне были готовы возвести на трон польского принца, с помощью которого они рассчитывали укрепить свое господствующее положение в обществе, но они совсем не хотели ликвидации Русского государства и поглощения своих земель Речью Посполитой.

Донесение Госевского заслуживает комментария еще в одном отношении. Для польского политика было ясно, что большая часть населения русского северо-запада вовсе не желает ни польской власти, ни польского кандидата, но он считал и возможным, и реальным навязать им эту власть с помощью обмана. Обращаясь к канцлеру, А. Госевский писал: «(Сейчас) удобное время, только нужно королю Е. М. быстро действовать и стараться иметь силу, как можно большую».

Донесение Госевского было направлено литовскому канцлеру, но, по существу, несомненно было адресовано королю. Тот факт, что его текст был занесен (и потому сохранился) в книгу, которую вел коронный подканцлер Ф. Крыйский во время похода на Смоленск, показывает, что это донесение было признано документом особой важности.

Есть основания полагать, что документ этот сыграл существенную роль при выработке планов военной кампании. Важные сведения о том, как шла выработка этих планов, содержатся в записках коронного польного гетмана Станислава Жолкевского, который в то время (при отсутствии великого гетмана) фактически командовал коронной армией. Как отмечено в записках, первоначально предполагалось, что поход будет начат на юге в направлении Северной земли. Король должен был приехать в Киев, и туда же должен был прибыть польный гетман вместе с арми-

ей³⁵. Гетман был сторонником именно такого плана. Правда, Северская земля лежала достаточно далеко от главных центров Русского государства, а наиболее краткий и прямой путь к Москве шел через Смоленск, но Смоленск был мощным пунктом обороны, укрепления которого были значительно усилены в годы правления Бориса Годунова, и овладеть им было бы трудно, в то время как деревянные крепости в Северной земле не могли бы стать серьезным препятствием для движения польско-литовской армии³⁶. Однако в марте 1609 г. на встрече с королем гетман узнал об изменении первоначального плана. Король сообщил ему о своем решении идти на Смоленск, так как есть надежда, что этот город добровольно подчинится его власти. Сигизмунд III ссылался на сообщения Яна Петра Сапеги о том, что, когда тот в августе 1608 г. шел на помощь Лжедмитрию II мимо Смоленска, уже в то время город мог бы подчиниться власти короля³⁷. Кроме того, король отметил, что подготовить сдачу Смоленска должен А. Госевский³⁸. В соответствии с принятым решением 28 мая 1609 г., выехав из Кракова, Сигизмунд III направился не в Киев, а в Вильну. Там король и его окружение знакомились с известиями о положении на северо-западе России и, в частности, с донесением А. Госевского. Хотя о непосредственной реакции на это донесение не известно, можно, однако, судить, что оно послужило дополнительным толчком для решения о начале военных действий. 18 августа король из Вильны двинулся к восточной границе³⁹. 25 августа в Минске состоялась его встреча с Жолкевским⁴⁰. Сообщения об этой встрече, помещенные на страницах его записок, позволяют судить, с какими представлениями о положении в России король и его окружение начинали кампанию. В окружении Сигизмунда III говорили, что, пока король был далеко, «бояре» вынуждены были скрывать свое расположение к нему, но, когда он появится на границе с войском, они сразу покажут свое доброе отношение к нему⁴¹. Очевидно, сообщения А. Госевского о расположении дворянства русского северо-запада к Сигизмунду III произвели впечатление на королевский двор. Впрочем, отсылкой этого донесения активность Госевского не ограничилась. Гетман прямо указывает в своих записках, что велижский староста призывал его скорее начинать военные действия: большая часть смоленского войска ушла в лагерь к М. В. Скопину-Шуйскому, и «можно надеяться, что, не имея людей для обороны, Смоленск сдастся»⁴². Под влиянием этих известий король поспешно двинулся к границе. Жите-

лям Смоленска был адресован королевский универсал, в котором им предлагалось добровольно подчиниться власти польского короля. Беды, постигшие Россию в годы Смуты, объяснялись в этом документе тем, что по пресечении законной династии на престол стали вступать люди, которые «не по своей мере на царскую высоту и царский стол покусились», что Сигизмунд III, «как царь христианский и наближний дедич Русского государства, вспомнив родство и братство наше, которое имели мы от прадедов наших с природными покойными государями московскими», приходит спасти несчастный край от постигших его бедствий, и что если смоляне согласятся признать короля своим государем, то он намерен сохранить их веру и держать их «во всякой чести и вольности»⁴³.

Избранный Сигизмундом III и его окружением образ действий показывает, как королем и его советниками читалось донесение А. Госевского из Великих Лук, — улавливалось то, что велижский староста писал о настроениях дворянства, и пропускалось мимо то, что Госевский говорил о трудностях. Отсюда — решение выступить открыто, не прикрываясь обещаниями помощи приверженцам царя Дмитрия. Сам Госевский, как следует из записок Жолкевского, склонен был судить о положении в Смоленске по аналогии с тем, что он наблюдал в соседних городах русского северо-запада. Такое рассуждение заключало в себе серьезную ошибку, последствия которой проявились очень скоро после прихода королевской армии к Смоленску.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. грамоту А. Госевского смоленскому воеводе М. Б. Шеину от 21 апреля 1609 г. и расспросные речи гонца, ездившего из Смоленска в Велиж, от 15 апреля 1609 г.: Акты исторические (далее — АИ). СПб., 1841. Т. 2. № 194, 199.
2. Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 228.
3. Там же. С. 300–305.
4. Там же. С. 306, 308.
5. Так, по свидетельству Карамзинского хронографа, «свяженин сын боярской Федор Ондреев сын Киреев, а у Колужского вора был окольник» (*Попов А. Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 345).

6. О службе Л. Шаховского по Зубцову см.: Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 171, 191, 242, 325; Ч. 2. С. 9. О Л. Шаховским как одном из «дворян» («auilici») в составе посольства тушинцев к Сигизмунду III см.: *Цветаев Д. В.* Царь Василий Шуйский и места погребения его в Польше. Варшава, 1902. Т. 2. Кн. 2. С. VI. О сыновьях см.: Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Kórniku (далее — Kórn). Rkp. 1709. K. 276^v.
7. Ibid.
8. ПСРЛ. Т. 34. С. 250.
9. АИ. Т. 2. С. 120–121.
10. Kórn. Rkp. 1709. K. 276^v.
11. В регесте жалованной грамоты Сигизмунда III кн. Леонтию упоминается его вотчина в Ржевском уезде — с. Плавуча (Акты, относящиеся к истории Западной России (далее — АЗР). СПб., 1851. Т. 4. № 183/XI); о ржевских вотчинах и поместьях Г. Хрипунова см. в аналогичном документе (Там же. № 183/XXIV). В боярском списке 1621/22 г. Г. Хрипунов записан первым по Ржеве с окладом в 800 четвертей (*Сторожев В. Н.* Материалы для истории русского дворянства // ЧОИДР. М., 1909. Кн. 3. С. 141).
12. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Московский стол. Стб. 28. Столпик 1. Л. 13.
13. О Кафтыревых и Чеглоковых как семьях, давно связанных с Торопцом, см.: *Антонов А. В.* Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 2002. Вып. 8. № 3420, 3421 (Чеглоковы), 1053 (Иван Федорович Кафтырев), 362, 642, 650 и др. (Федор Кафтырев).
14. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Московский стол. Стб. 28. Столпик 1. Л. 12.
15. Богатый материал, иллюстрирующий эти положения, собран в 8-й главе исследования И. О. Тюменцева.
16. *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 413, 419.
17. Псковские летописи / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955. Вып. 2. С. 271.
18. Там же. С. 275.
19. В ноябре 1609 г. в Дорогобуже стоял гарнизон во главе с С. Вержбицким, а в Вязьме — во главе с М. Велогловским (Diariusz drogi króla JMci Zygmunta III od szczęśliwego wyjazdu z Wilna pod Smoleńsk w roku 1609 a die 18 Augusta, fortunnego powodzenia przez lat dwie do wzięcia zamku Smoleńska w roku 1611 / Opr. J. Byliński. Wrocław, 1999. S. 93).
20. ПСРЛ. Т. 34. С. 250. О составе армии Кернозицкого к весне 1609 г. см.: *Almqvist H.* Sverige och Ryssland. Uppsala, 1907. S. 142.
21. Подробнее об этом см.: *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 247–248.
22. Там же. С. 390–391.
23. ПСРЛ. Т. 14. С. 90; Т. 34. С. 250.
24. *Almqvist H.* Sverige... S. 142.

25. АИ. Т. 2. № 232, 243. Некоторые дополнительные подробности дает Бельская летопись: ПСРЛ. Т. 34. С. 250.
26. Кн. Федор Шаховской, как говорится в местническом деле 1627 г., принадлежал к тем частям рода, которые были «пущены в Торопец в торопецкие помещики», и он, и его отец «служили по Торопцу з городом, а не по дворовому списку и не по выбору» (РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 28. Столпик 1. Л. 20). Это еще один пример городского дворянина, ставшего воеводой в своем уезде.
27. О Колычовых как землевладельцах Бельского уезда см.: Боярские списки... Ч. 1. С. 98; АЗР. Т. 4. № 183/LXVII. О бельских владениях кн. И. А. Хованского см.: РГАДА. Ф. 389 (Литовская Метрика). Оп. 1. Кн. 97. Л. 27, 231 об., 278 об.
28. Такие требования летом 1609 г. были направлены ивангородскому воеводе кн. И. Ф. Хованскому: *Almqvist H. Sverige...* P. 164–166.
29. Biblioteka Narodowa w Warszawie. Rkp. 3085/4. K. 199–199^v.
30. АИ. Т. 2. № 238.
31. Racz. Rkp. 33. K. 49^v.
32. Сведения о последующих событиях содержатся в письме А. Госевского литовскому канцлеру Л. Сапеге от 26 июля н. ст. 1609 г.: *Ibid.* K. 51^v–54.
33. Опасаясь, чтобы своей поездкой не спровоцировать преждевременный разрыв отношений между Россией и Речью Посполитой, А. Госевский, как он сам сообщает в своем письме, дал знать воеводам Шуйского, что он направляется в Великие Луки якобы для того, чтобы удержать от участия в военных действиях «охочих людей» из Речи Посполитой, нанятых местными жителями для военных действий против Торопца.
34. Псковские летописи... Вып. 2. С. 270–272. Подробнее об этом см.: *Бахрушин С. В.* Классовая борьба в русских городах XVI — начала XVII в. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1952. Т. 1. С. 225–232.
35. *Żółkiewski S.* Początek i progres wojny Moskiewskiej / Opr. J. Maciszewski. Warszawa, 1966. S. 106.
36. Соответствующую аргументацию гетмана см.: *Ibid.* S. 108.
37. Эти сообщения не подтверждаются текстом «Дневника» похода Яна Петра Сапегы, который заполнен записями о боях гарнизона Смоленска с проходившим мимо него литовским войском.
38. *Żółkiewski S.* Początek... S. 108–109.
39. *Diariusz drogi króla JMci Zygmunta III od szczęśliwego wyjazdu z Wilna pod Smoleńsk w roku 1609 a die 18 Augusta, fortunnego powodzenia przez lat dwie do wzięcia zamku Smoleńska w roku 1611 / Opr. J. Byliński.* Wrocław, 1999. S. 57.
40. *Ibid.* S. 58.
41. *Żółkiewski S.* Początek... S. 114.
42. *Ibid.*
43. Текст универсала см.: *Niemcewicz J. U.* Dzieje panowania Zygmunta III. Kraków, 1860. Т. 2. S. 315–317.

СМОЛЕНСК И НАЧАЛО СМОЛЕНСКОГО ПОХОДА СИГИЗМУНДА III

Известно, что в отличие от других крупных центров северо-запада России Смоленск в разгоравшихся конфликтах последовательно стоял на стороне царя Василия. Это постоянство в поведении смолян было лишь отчасти следствием воздействия авторитета М. Б. Шеина, бессменно сидевшего на смоленском воеводстве в эти годы. Для такого поведения смолян были гораздо более глубокие причины. Смоленская дворянская корпорация была весьма многочисленной, судя по смоленской десятне 1606 г. в ней насчитывалось свыше 1200 человек ¹. В начале XVII в. положение смоленских помещиков не отличалось от положения ряда других уездных корпораций русских окраин. Они не имели никаких представителей в составе «государева двора» и принадлежали поэтому к менее полноправной, подчиненной части формирующегося дворянского сословия. Положение, однако, изменилось, когда смоленская рать сыграла едва ли не решающую роль в освобождении осенью 1606 г. столицы от войск Ивана Болотникова. О намечившихся переменах известное представление дает такой сравнительно недавно введенный в научный оборот памятник, как «Повесть о победах Московского государства», написанный в среде смоленских детей боярских, оставшихся на русской территории после подписания Деулинского перемирия 1618 г.

Рассказ «Повести» начинается с сообщения о снятии осады Москвы, после чего «государь царь смолян много жаловал и их службу и раденья пред всеми похвалял» ². В дальнейшем тексте «Повести» можно обнаружить определенные указания на то, что дело не ограничилось выдачей жалованья и повышением земельных окладов ³,

хотя уже и это могло расположить смольнян к спасенному ими царю. Рассказывая о походе Василия Шуйского на Тулу, автор «Повести» специально отметил, что царь «близ своих царских шатров повеле смолян ставитися, видя их к себе многую службу и раденье, и многим дворянам града Смоленска повеле близ себя, государя, быти, и за сторожею смолян сам государь почи»⁴.

Автор «Повести» не случайно обратил на это внимание. Поручение смольнянам охраны царя сопровождалось, очевидно, изменением их места на лестнице сословной иерархии, их включением в состав тех дворянских корпораций, представители которых имели доступ к занятию военных и административных должностей на всей территории государства. Неслучайно в боярском списке 1610–1611 гг. в составе высшего слоя двора — «московских дворян» — обнаруживаются такие представители смоленской верхушки, как Петр Иванович Чихачев, Андрей Михайлович Полтев, Андрей Иванович Дедевшин⁵. При Василии Шуйском смоленские помещики получили также возможность вместе с другими выборными дворянами получать жалованье из четверти⁶.

Обосновать притязания смольнян на новое особо почетное положение должен был помещенный в тексте «Повести» вымышленный рассказ о том, как после взятия Смоленска в 1514 г. Василий III «изобра изо многих градов лутчих и честных людей дворян», чтобы «испоместить» их на Смоленщине. Поэтому, по словам автора, «тои град Смоленск исперва перед всеми грады многую честию почтен баше»⁷. Полученные новые права прочно привязывали смольнян к лагерю сторонников Шуйского.

Судя по сообщениям «Повести», отряды смольнян находились в Москве все время, пока ее осаждали войска Лжедмитрия II⁸. Другая часть смоленских детей боярских, как уже отмечалось, присоединилась к армии М. В. Скопина-Шуйского, добившейся отступления тушинских войск от Москвы. За это и те, и другие получили от царя Василия новые пожалования.

Правда, после всего этого детей боярских в Смоленске осталось сравнительно немного, и главной силой, от которой зависела судьба крепости, стал смоленский посад. Однако и у смоленских горожан были веские причины для того, чтобы держать сторону Шуйского. Важные сведения на этот счет содержатся в записи допроса смоленского воеводы М. Б. Шеина после взятия Смоленска поляками в 1611 г. На вопрос о том, почему в воеводской казне оказалось так мало денег, Шеин пояснял, что «с посаду, с дворов, с лавок никакого доходу не

было», так как еще при его предшественнике «подарил это Шуйский смольнянам»⁹. Смоленские горожане, конечно, также дорожили этими пожалованиями. В таких условиях попытки польской власти добиться добровольной сдачи Смоленска не могли увенчаться успехом.

Подготовить почву для переговоров о сдаче Смоленска должен был, как уже отмечалось выше, посланный на восточную границу А. Госевский. Как видно из сохранившейся его грамоты М. Б. Шеину от 21 апреля 1609 г., велижский староста добивался от воеводы съезда на границе, чтобы «болшим делом уговор учинить»¹⁰. Созыв съезда, несомненно, был нужен Госевскому для того, чтобы на личной встрече убедить воеводу перейти под власть польского короля. В мае предложения о созыве съезда якобы «о делех великих и любовных межи государем нашим... и вашим Московским» снова направили в Смоленск и А. Госевский, и оршанский староста А. Сапега¹¹. Однако на эти предложения М. Б. Шеин никак не реагировал. В конце концов Госевский должен был признать неудачу этой части своей миссии, и 4 сентября 1609 г. он вынужден был сообщить литовскому канцлеру, что Смоленск готовится к осаде и туда спешно переселяют крестьян из округи¹².

Попытка добиться добровольной сдачи города была предпринята, когда королевская армия уже двинулась к границе. Оршанский староста А. Сапега направил гонца в Смоленск, сообщая о приезде короля и предлагая готовить мосты для переправы королевской армии через Днепр. Гонец был принят любезно, но услышал в ответ лишь слова Шеина, что королю следовало бы помнить о существовании перемирия¹³. Когда король еще подъезжал к Орше, он получил неутешительные известия, что, хотя детей боярских и стрельцов в городе мало, Смоленск хорошо снабжен продовольствием и порохом, в крепости имеется 150 пушек и его жители намерены защищаться. Правда, сохранялась надежда, что они откажутся от своих намерений, узнав о приходе под Смоленск самого короля¹⁴. Уже после перехода границы в Смоленск был послан упоминавшийся выше королевский универсал, но ответ гонцу был еще более жестким: «Если другой раз с такими делами приедешь, напоим тебя водой»¹⁵. Под Смоленском королевское войско встретил повешенный у дороги труп Михаила Борисовича — человека, который сообщал Льву Сапеге о положении в городе¹⁶. Приходилось начинать осаду, армия разместилась на территории сожженного смоленского посада, король и военачальники заняли уцелевшие постройки подгородных смоленских монастырей.

Таким образом, задуманный план действий с самого начала оказался нереальным.

Когда Смоленск отказался сдаться, все сложности, относительно которых предостерегал Жолкевский, вышли на поверхность. Когда А. Госевский торопил короля с началом военных действий, он писал, что, имея пушки и достаточное количество пехоты, король легко овладеет крепостью, откуда дети боярские и стрельцы ушли в армию М. В. Скопина-Шуйского¹⁷. Однако в распоряжении Сигизмунда III под Смоленском не оказалось в достаточном количестве ни того, ни другого.

В распоряжении короля и не могло быть особенно значительной армии, так как сейм не принял решения о войне и не вотиروвал средств на ее ведение. Правда, 19 марта 1609 г. король обратился к посеймовым сеймикам с просьбой вотировать поборы «на расширение границ коронных и отыскание того, что отошло»¹⁸. Однако результаты были не наилучшими. 10 июля 1609 г. король обратился с новой просьбой о вотировании поборов к так называемым депутатским сеймикам¹⁹. На этот раз результат был лучше — многие сеймики приняли нужное решение, но на сбор соответствующих средств требовалось время.

Денег у короля к началу военной кампании не было. Для увеличения своей армии он должен был просить о содействии магнатов и шляхтичей, которым пришлось затем давать королевские пожалования или долговые записи за то, что они согласились принять участие в походе и снарядили на свой счет военные отряды²⁰. Нанятые королем войска составляли лишь часть такой армии, но и на их оплату денег не хватало. Как отмечал рядовой офицер этого войска С. Маскевич, войску «были даны деньги только на четверть [года], и раньше, чем мы под Смоленск пришли, эта четверть нам вышла»²¹.

В армии, насчитывавшей к началу осады свыше 12 тыс. человек²², большую часть составляла конница, среди которой большой удельный вес занимали вооруженные свиты магнатов. Они не были привычны к осадным работам и не желали ими заниматься. Будучи мало дисциплинированными, они предпочитали грабить сельскую округу и, набрав добычу, могли вообще покидать королевский лагерь. Пехоты же для проведения серьезных осадных работ явно не хватало, а исправить этот недостаток не было возможности. В ответ на соответствующие просьбы гетмана король заявил, что не только не может нанять новых отрядов пехоты, но и не может полностью оплатить те, которые уже наняты²³. Важным

недостатком было отсутствие тяжелой артиллерии. Трех тяжелых орудия, доставленных из Витебска, и семи (по другим данным — девяти), доставленных из Вильны²⁴, было явно недостаточно, чтобы нанести серьезный ущерб такой сильной крепости, как смоленская. К тому же, как отметил в своих записках Жолкевский, наиболее крупные из них разорвало после нескольких выстрелов. За новыми пушками пришлось послать в Ригу²⁵, но они были доставлены лишь через несколько месяцев.

К этому следует добавить, что никакого заранее продуманного плана осадных работ не было. Лишь когда выяснилось, что Смоленск не хочет открывать ворота, гетман собрал на совет всех сенаторов, находившихся в лагере, чтобы выяснить, кто из них что знает «о добывании замков»²⁶.

Королевской армии, так организованной и снабженной для похода, противостояла одна из самых сильных крепостей Русского государства со стенами толщиной в 4,9 м и высотой 9,6 м и 38 трехъярусными башнями. Правда, регулярных военных сил в городе было немного. Смоленские дворяне находились в Москве и в полках Скопина-Шуйского, и «дворянскую» часть смоленского гарнизона составляли около 600 детей боярских из Дорогобужа и Вязьмы²⁷, а из четырех стрелецких приказов в городе оставался всего один (400 чел.). Однако к обороне крепости удалось привлечь более 2000 посадских людей, около 600 человек «даточных крестьян», мобилизованных перед началом осады «с сохи по 6 человек с пищальми и топорами»²⁸, и достаточно большое количество «збежих крестьян», искавших в Смоленске укрытия от королевской армии. В первые месяцы осады этого количества людей было вполне достаточно для обороны крепостных стен²⁹. Крепость была хорошо снабжена артиллерией и порохом³⁰.

Оценивая реальное положение дел, С. Жолкевский поставил короля в известность, что нельзя надеяться быстро овладеть крепостью³¹. Правда, начиная с 25 сентября/4 октября было предпринято несколько попыток штурма смоленского кремля³², но, как представляется, эти штурмы были предприняты главным образом для того, чтобы показать серьезность намерений осаждающих и тем самым склонить население города к переговорам о сдаче. 5/15 октября в Смоленск был послан Богдан Велижанин (житель пограничного Велижа) с «листами» от короля и гетмана, предлагая сдаться и обещая от имени короля сохранность имущества, веры и обычаев осажденных³³. Однако смольняне ответили отказом.

Земские старосты сообщали смоленским помещикам «в полки» о принесенной населением города присяге «в дому у пречистой Богородицы помереть, и города не сдать, и литовскому королю не поклониться»³⁴. Некоторое время в окружении короля рассчитывали разрушить смоленские стены с помощью подкопов, но предпринятые попытки оказались безуспешными³⁵.

Надежды на достижение быстрого успеха с помощью простой демонстрации военной силы явно улетучивались, и возникала реальность долгой войны с неясными перспективами. Все это не могло не влиять на настроения политиков в лагере под Смоленском.

Смена настроений ярко прослеживается по выславшимся из этого лагеря письмам литовского канцлера Льва Сапеги. Эти письма глубоко доверительного содержания, написанные собственноручно и предназначенные только для жены, дают уникальный материал для изучения представлений и настроений политической элиты Польско-Литовского государства во время смоленского похода. По свидетельству С. Жолкевского, Лев Сапега особенно настаивал на том, чтобы как можно скорее начать военные действия, и первый отправился со своим отрядом к русской границе³⁶. Однако действительность вскоре заставила его взглянуть на положение дел иными глазами. Уже 7 октября он писал жене, что собравшиеся в лагере — это разбойники, которые не знают дисциплины, заняты грабежом и от них нельзя ждать хорошей службы³⁷.

Пессимистические настроения канцлера усилились после неудачи переговоров о сдаче Смоленска. «Не то самое плохое, — писал он 31 октября жене, — что Москва не хочет сдаться, а то, что нам нечем их добывать»³⁸. В следующем месяце, ноябре, канцлер смотрел уже пессимистически не только на ход осады Смоленска, но и на общее положение дел. 27 ноября он писал: «Москва становится сильнее, [люди] от Дмитрия к Шуйскому уходят, так что при Дмитрии осталось уже очень мало замков, а Смоленск, глядя на это, не хочет сдаться, а мы их силой добыть не можем, так как и пушек таких у нас нет, и пехоты мало, а то, что есть, гибнет и убегает, и не только пехота, еще больше конных уже от нас бежало, более двух тысяч коней назад пошли». «Замешкались мы и удобный случай упустили», — писал он в другом письме того же времени³⁹.

Дополнительные основания для пессимизма могли давать и наблюдения над положением дел на соседних со Смоленщиной территориях северо-запада России, поскольку не оправдывались и возможные расчеты на переход на сторону короля других городов

этого региона. Наибольшие надежды Госевский возлагал на пропольские настроения дворянства Великих Лук. Еще 4 сентября 1609 г. он писал Л. Сапеге, что будет действовать совместно с «луцкой шляхтой»⁴⁰. Однако никакого перехода Великих Лук на сторону Сигизмунда III не произошло. Из грамоты «боярина и воеводы» Федора Михайловича Плещеева от 7 мая 1610 г. видно, что еще и в это время Великие Луки не только стояли на стороне царя Дмитрия, но и были своеобразным центром, объединявшим действия его сторонников в регионе: Ф. М. Плещеев посылал к Я. П. Сапеге, чтобы доставить их к Лжедмитрию II, «псковских, и ивангородцких, и ямских, и себежских, и опотцких, и лутцких, и заволотцких гонцов»⁴¹. Источники не позволяют дать ответ на вопрос, изменились ли настроения местного дворянства, или оно оказалось не в состоянии действовать вразрез с настроениями местного посада и стрельцов.

Другим городом, на переход которого на сторону короля А. Госевский возлагал серьезные надежды, была Белая. Как видно из записей в дневнике похода Сигизмунда III, во второй половине октября этот город, перешедший под власть Василий Шуйского, осадил большой отряд запорожских казаков, пришедший из тушинского лагеря. 26 октября (н. ст.) в королевский лагерь прибыли гонцы от этих казаков, говоря об их желании перейти на королевскую службу⁴². Тем самым создались благоприятные условия для того, чтобы попытаться овладеть Белой, и А. Госевский, стоявший со своим отрядом между Велижем и Торопцом, направился к ней.

Подробные сведения о последовавших затем событиях содержатся в сохранившейся выписке из донесения А. Госевского⁴³. Госевский рассчитывал добиться сдачи крепости, используя свои прежние связи с бельскими детьми боярскими и новые контакты со смоленским дворянином А. Дедевшиным, присланным в Белую воеводой из Смоленска (в его отряде находились два брата А. Дедевшина, перешедшие на королевскую службу). С военной точки зрения задача облегчалась тем, что большая часть бельских дворян находилась в войске М. В. Скопина-Шуйского⁴⁴. Но это же затрудняло политическую задачу Госевского, так как оставшиеся в городе немногочисленные дворяне не обладали в нем таким влиянием, чтобы добиться заключения соглашения с велижским старостой. Когда 15 ноября н. ст. А. Госевский подошел к Белой, то быстро выяснилось, что А. Дедевшин никакой властью и влиянием в городе не обладает. Когда стало известно, что в отряде Госевского находятся его родственники, он чуть не угодил в тюрьму. Реальная власть находилась в ру-

ках двух стрелецких сотников, возглавлявших отряд стрельцов, присланный из Смоленска⁴⁵, и «купцов», т. е. посадских людей Белой, которые не хотели вести переговоры с Госевским. Пришлось перейти к осаде, которую ни люди Госевского, ни запорожские казаки вести как следует не умели. Предпринятый в декабре 1609 г. штурм был отбит защитниками города⁴⁶. Позднее Госевский снова пытался использовать свои старые связи, воспользовавшись тем, что в феврале 1610 г. на королевскую службу перешел сын боярский, который был ранее воеводой на Белой (вероятно, Иван Кольчов) и с которым Госевский вел переговоры о переходе города под власть польского короля. Прибыв под Белую, он напоминал ее защитникам, что, когда он был воеводой в городе, они были с ним одного мнения и «хотели иметь государем королевича польского»⁴⁷. После этого обращения воевода с несколькими «лучшими людьми» вступил в переговоры с А. Госевским, но эти переговоры никаких результатов не дали, очевидно, потому что «лучшие люди» не обладали реальной властью в городе. Белая сдалась лишь в апреле 1610 г.⁴⁸

Что касается еще одного города, упоминавшегося в донесении А. Госевского от июля 1609 г., Торопца, то он сохранял верность царю Василию. В донесении Госевского из-под Белой упоминалось о доставке в Торопец тел местных дворян, погибших в сражении с тушинцами под Александровой Слободой⁴⁹.

Таким образом, зона польско-литовского влияния в русском обществе к концу 1609 г. практически ограничивалась теми местами, где стояла королевская армия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Текст десятины опубликован в: *Мальцев В. П.* Борьба за Смоленск. Смоленск, 1940. С. 364–398.
2. Повесть о победах Московского государства / Изд. подгот. Г. П. Енин. Л., 1982. С. 7.
3. О повышении окладов смоленским дворянам — участникам похода на Москву см.: *Седов П. В.* Поместные и денежные оклады, как источник по истории дворянства в Смуту // Архив русской истории. М., 1993. Вып. 3. С. 230–231.
4. Повесть о победах Московского государства / Изд. подгот. Г. П. Енин. Л., 1982. С. 8.
5. *Сторожев В. Н.* Материалы по истории русского дворянства // ЧОИДР. 1909. Кн. 3. С. 91, 94.

6. Сухотин Л. М. Четвертки Смутного времени (1604–1617 гг.) // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 61, 70, 104–105, 122–123 (упоминания об окладах, назначенных при царе Василии или записанных «в Кормленной книге 118 году при царе Василье»). См. также упоминание в челобитной смоленского сына боярского Д. П. Дернова, что после поражения войск Болотникова под Москвой участвовавшие в боях смольняне были пожалованы «денежным четвертным жалованьем»: Народные движения в России в годы Смуты начала XVII века. 1601–1608: Сб. документов. М., 2003. № 204. С. 348.
7. Повесть о победах... С. 28.
8. Там же. С. 8–10.
9. Czart. Rkp. 105. K. 171. См. и в другом месте записи сообщения Шейна о сборе налогов, что Шуйский «per favoreм odpuszczal wiele».
10. АИ. СПб., 1841. Т. 2. № 194. С. 224.
11. Там же. Т. 2. № 218–219.
12. Racz. Rkp. 33. K. 54^v.
13. Diariusz drogi króla JMci Zygmunta III od szczęśliwego wyjazdu z Wilna pod Smoleńsk w roku 1609 a die 18 Augusta, fortunnego powodzenia przez lat dwie do wzięcia zamku Smoleńska w roku 1611 / Opr. J. Byliński. Wrocław, 1999. S. 59.
14. Ibid. S. 60.
15. Ibid. S. 67–68.
16. Ibid. S. 69.
17. Rasp. Rkp. 33. K. 53.
18. Akta sejmikowe województw poznańskiego i kaliskiego. Poznań, 1957. T. 1. Cz. 2. S. 391.
19. Polak W. O Kreml i Smoleńszczyznę. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607–1612. Toruń, 1995. S. 87–90.
20. См. такие записи о возмещении расходов Янушу Скумину Тышкевичу, нанявшему на свои средства 100 гусаров: РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). Оп. 1. Кн. 89. Л. 288 об.; Кшиштофу Монивиду Дорогостайскому, который, наняв 150 гусар, оплачивал их «четыре четверти» — с 1 августа 1609 г. по 1 августа 1610 г.: Там же. Л. 292–292 об.
21. Moskwa w rękach polaków. Pamiętniki dowódców i oficerów garnizonu polskiego w Moskwie w latach 1610–1612. Kraków, 1995. S. 150.
22. См. перечень отрядов в составе королевской армии: Diariusz drogi... S. 70–71.
23. Żółkiewski S. Początek i progres wojny Moskiewskiej / Opr. J. Maciszewski. Warszawa, 1966. S. 121.
24. Diariusz drogi... S. 61.
25. Żółkiewski S. Początek... S. 120–121.
26. Ibid. S. 117.
27. Медведев П. А. Подготовка Смоленской обороны 1609 г. // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры: Сб. научных трудов.

- Л., 1990. С. 79, 82. Этим следует объяснять то, что именно земские старосты от имени посадских людей и служилых людей по прибору обращались за помощью к смолянцам в полки и в Москву (АИ. Т. 2. № 265).
28. Об этой мобилизации см.: Там же. № 254.
29. О составе смоленского гарнизона см.: *Мальцев В. П.* Борьба за Смоленск... С. 225–228.
30. На допросе М. Б. Шейн сообщил, что в крепости находилось 100 пушек, больших и малых, 170 гаковниц, 8500 пудов пороха: Czart. Rkp. 105. К. 173.
31. *Żółkiewski S.* Początek... S. 117–120.
32. См. *Diariusz drogi...* S. 74–75, 78–79 и отписку смоленского архиепископа Сергия: Смутное время Московского государства. Вып. 6: Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг. / Под ред. и с предисл. Ю. В. Готье. М., 1912. № 1. С. 31–32.
33. *Diariusz drogi...* S. 83–84. Ср. отписку архиепископа Сергия.
34. АИ. Т. 2. № 265.
35. *Żółkiewski S.* Początek... S. 119–120.
36. *Ibid.* S. 115.
37. *Prochaska A.* Wyprawa na Smoleńsk (Z listów litewskiego kanclerza r. 1609–1611) // *Kwartalnik litewski.* 1911. S. 58.
38. *Ibid.* S. 60.
39. *Ibid.* S. 61–62.
40. *Racz. Rkp.* 33. К. 55.
41. Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 79.
42. *Diariusz drogi...* S. 86–87. 6 ноября от казаков прибыли новые посланцы с просьбой о формальном принятии их на королевскую службу (даче им знамени): *Ibid.* S. 91.
43. *Kórn. Rkp.* 1709. К. 275–276.
44. См. свидетельство Бельской летописи, что во время осады города «ратных людей в осаде седело немного, а в тое пору были в отходе с князем Михаилом... а седили на Белой все черные люди да стрельцы» (ПСРЛ. Т. 34. С. 254).
45. О посылке стрельцов см.: *Diariusz drogi...* S. 73.
46. *Ibid.* S. 100–101.
47. Эта подробность еще раз подтверждает, что Госевский в своем донесении Сигизмунду III неверно истолковывал высказывания своих партнеров по переговорам. Русские дворяне готовы были (при определенных условиях) возвести на трон польского королевича, но они вовсе не хотели, чтобы Россия перестала быть самостоятельным государством, подчинившись власти польского короля.
48. *Diariusz drogi...* S. 136.
49. *Kórn. Rkp.* 1709. К. 276.

ЛАГЕРЬ ПОД СМОЛЕНСКОМ И ТУШИНО

Следовало искать новые пути решения проблемы. Из них четко намечались два. Во-первых, следовало привлечь на королевскую службу польско-литовское войско в Тушине, тем самым размеры военных сил в распоряжении правительства Речи Посполитой значительно возросли бы, благодаря чему увеличились бы возможности воздействия на русскую сторону. Во-вторых, следовало попытаться вступить в контакты с разными группами русского общества, чтобы попытаться мирным путем склонить их к подчинению власти польского короля.

Попытку решения этих проблем должно было предпринять посольство во главе с перемышльским каштеляном С. Стадницким, отправленное из королевского лагеря в Тушино 12 ноября (н. ст.) 1609 г. По более позднему свидетельству Льва Сапеги, соответствующее решение принял сам король со своими ближайшими советниками, подкоморием Анджеем Боболой и подканцлером Феликсом Крыйским¹. Анализ врученных послам инструкций показал², что перед ними был поставлен ряд задач, а они, ориентируясь на месте на свое знание реальных условий, должны были определить, на решение какой из задач следовало направить свои усилия.

Что касается польско-литовского войска в Тушине, то здесь речь шла о том, чтобы добиться перехода этого войска на королевскую службу на обычных условиях, обещая им более значительное вознаграждение лишь после подчинения Москвы власти Сигизмунда III. При этом, следуя обычной практике обращения с войском, требовавшим жалованья и наград, послы должны были обещать наиболее популярным среди военачальников пожалова-

ния в Речи Посполитой, чтобы они воздействовали на войско в нужном духе.

Послы должны были также побуждать подчиниться власти короля «московских людей» как в Москве, так и в Тушине. Им следовало обещать сохранение их прежних обычаев «как в церковных обрядах, так и в судах», а также владений и доходов, которые в будущем могли бы быть и умножены. С этой целью послам были вручены два «листа». Один из них был адресован «патриарху и всему духовному чину». В нем король обещал в случае их подчинения его власти сохранить «веру вашу православную» и не только сохранить, но и увеличить все пожалования церкви. Другой «лист» был адресован «до бояр думных, детей боярских и всех людей московских». И действительно, король обращался в нем не только к боярам и детям боярским, но также к торговым людям, стрельцам и казакам. Очевидно, исторический опыт предшествующих лет убедил правящие круги Речи Посполитой в том, что при проведении своей политики необходимо принимать во внимание позицию разных социальных групп в составе русского общества. Им король также обещал не только сохранить за ними все права и имущество, но «и выш того всякою честью, вольностью и многим жалованьем... подарити»³. «Листы» эти были составлены так (без указания имен), что могли быть использованы при переговорах как в Москве, так и в Тушине.

Положение королевской армии, застрявшей под Смоленском, было нелегким, поэтому не исключалась и возможность переговоров с Василием Шуйским и даже заключение мирного соглашения с ним. Насчет возможных условий такого соглашения послы получили вполне конкретные указания. Царь Василий должен был уступить Речи Посполитой Смоленщину, Северскую землю, Великие Луки и Опочку, возместить ущерб, нанесенный в его стране полякам, и выплатить большую сумму денег польско-литовскому войску в Тушине за его согласие покинуть русскую территорию. Инструкции не давали послам никаких полномочий для ведения переговоров с Лжедмитрием II. Очевидно, их составители исходили из того, что соглашение послов с польско-литовским войском и «московскими людьми» в Тушине приведет к устранению Самозванца из русской политической жизни. Послы сами на месте должны были решить, склонять ли русских людей подчиниться власти короля или искать соглашения с Шуйским.

В Тушино посольство прибыло 17 ноября (н. ст.) и сразу же, игнорируя Лжедмитрия II, вступило в переговоры с польско-литовским войском.

История контактов королевского лагеря под Смоленском с польско-литовскими отрядами в Тушине получила свое отражение в широком круге разнообразных источников (различные документы, мемуарные свидетельства участников событий) и неоднократно подробно рассматривалась в научных исследованиях. Вступление королевской армии на русскую территорию было воспринято польско-литовским войском с явной враждебностью как попытка отнять у него награду, завоеванную «кровавым трудом». Направленные под Смоленск послы войска угрожающе заявляли: «Если кто-либо кровавые наши заслуги отважится у нас вырвать, то мы тогда не будем ни государя государем, ни братьев братьями, ни отечество отечеством признавать»⁴. Несмотря на это, открытого разрыва отношений между сторонами не произошло, а когда в Тушино прибыли королевские послы, войско было вынуждено отнестись к их предложениям перейти на королевскую службу с гораздо более серьезным вниманием, чем ранее.

За время с сентября по декабрь 1609 г. положение тушинского лагеря серьезно ухудшилось. Армия М. В. Скопина-Шуйского постепенно продвигалась к Москве, и попытки тушинских войск остановить ее были безрезультатными. Совсем незадолго до начала переговоров в Тушине сам командующий тушинским войском кн. Роман Ружинский в боях под Александровой Слободой пытался нанести поражение войскам русского полководца, но вынужден был вернуться в Тушино, не добившись успеха⁵. Перспектива захвата Москвы и находившихся в ней царских сокровищ становилась все более нереальной. К тому же наемники не собирались постоянно оставаться в России, их будущие планы удобного устройства жизни с захваченной добычей неизменно связывались, как уже говорилось выше, с Речью Посполитой, поэтому открытый конфликт с королем и сенаторами мог поставить их планы под угрозу. В таких условиях переход на королевскую службу мог оказаться удобным выходом из создавшегося положения. Однако само принципиальное согласие на службу королю не устраняло всех трудностей. Польско-литовских тушинцев не устраивали те скромные условия службы, которые им предлагали королевские послы, и они добивались, чтобы Речь Посполитая выплатила им то вознаграждение, которое ранее обещал Лжедмитрий II⁶. 27 декабря (6 января) Са-

мозванец, которого королевские послы демонстративно игнорировали, бежал из Тушина в Калугу. Тем самым возникла новая ситуация в отношениях послов не только с польско-литовским войском, но и с находившимися в тушинском лагере русскими сторонниками Лжедмитрия. Как отмечено в отчете послов, польско-литовское войско в Тушине первоначально препятствовало каким-либо переговорам между послами и русскими людьми в тушинском лагере⁷. После бегства Лжедмитрия II это препятствие отпало. Его бывшие русские сторонники собрались для встречи с королевскими послами, вручившими им письма, адресованные патриарху и русским «чинам»⁸. Первой реакцией русских людей в Тушине на новую ситуацию было заключение соглашения («конфедерации») с польско-литовским войском. В его составлении с русской стороны участвовали все «чины», находившиеся в Тушине, не только бояре и дети боярские, но также атаманы, казаки и стрельцы. В документе констатировалось, что царь, которому они служили, отъехал неизвестно куда и неизвестно по какой причине. В связи с этим стороны договаривались во всем поддерживать друг друга и действовать совместно. Обращает на себя внимание заключительная фраза документа: «Шуйского, и братья его, и племянника, и из бояр наших московских никого на государство не хотеть»⁹. Появление такой фразы косвенно указывает на то, что русские «чины» в Тушине склонялись к тому, чтобы возвести на трон иноземного, в данной ситуации — польского кандидата.

Прямым ответом на королевские предложения стал официальный ответ патриарха Филарета и русских «чинов»¹⁰. В нем выражалось их согласие подчиниться власти польского короля или кого-либо из членов польской королевской семьи: «Его королевское величество и его потомство милостивым господаром видети хотим». Но вместе с тем здесь констатировалось, что по этому вопросу нельзя принять окончательного решения «без совету Московского господарства и из городов всего освещеного собору и бояр и думных и всяких станов людей». Таким образом, к 1610 г. в сознании русского общества уже достаточно прочно утвердилось представление, что новый правитель не может быть возведен на трон без согласия «всей земли» — представителей разных «чинов», собранных для решения этого вопроса со всей территории государства¹¹.

Однако в определенном противоречии с ответом из Тушина под Смоленск для переговоров с Сигизмундом III и сенаторами

было отправлено большое посольство. В состав посольства входили четверо бояр: М. Г. Салтыков, кн. В. М. Масальский, кн. Ф. П. Засекин и Д. Вельяминов, три окольничих: Т. В. Грязной, Ф. Ф. Мещерский, М. А. Молчанов, и большая группа дьяков и «дворян»¹². Такой состав посольства говорит о его высоком ранге и важности вопросов, которые оно должно было обсуждать. Еще до приезда послов 24 января (н. ст.) Лев Сапега писал жене, что послы «хотят иметь государем королевича»¹³.

Послы везли с собой «статьи» с изложением условий, на которых русские «чины», собравшиеся в Тушине, готовы были признать королевича Владислава, старшего сына Сигизмунда III, своим государем. Хотя текст «статей» был опубликован достаточно давно¹⁴, он пока не привлек к себе внимания исследователей. Между тем текст этот в ряде пунктов отличается от текста окончательного соглашения тушинцев с Сигизмундом III, известного под условным названием «февральского договора».

Прежде чем обращаться к анализу этого документа, следует попытаться ответить на два вопроса: какие социальные группы участвовали в составлении этих условий и интересы какого круга территорий они представляли? В дневнике похода Сигизмунда III сохранилось свидетельство о составе того собрания, на котором королевские послы вручили патриарху Филарету и «чинам» королевские грамоты: на нем присутствовали патриарх с духовенством, бояре и дворяне во главе с М. Г. Салтыковым и казаки во главе с И. М. Заруцким¹⁵, казачьим атаманом, который при Лжедмитрии II стал боярином и главой особого, ведавшего казаками Казачьего приказа¹⁶. Можно было бы поэтому предполагать, что и в составлении условий также должны были участвовать представители духовенства, дворянства и казачества. Однако уже к этому времени между дворянами и казаками были налицо серьезные противоречия. Если дворяне готовы были поддержать кандидатуру Владислава, то о казаках сохранились известия, что в январе 1610 г. они пытались уйти к Лжедмитрию II, но натолкнулись на противодействие польско-литовского войска¹⁷. Глава этих казаков, И. М. Заруцкий, остался командовать войсками в лагере после отъезда посольства¹⁸. Все это заставляет думать, что составление условий было прежде всего делом дворян, находившихся в тушинском лагере.

Большие сложности представляет выяснение вопроса, интересы каких региональных группировок дворянства представляли

бояре и дворяне в тушинском лагере. К зиме 1609/1610 г. бóльшая часть Замосковского края перестала подчиняться Тушину. Вместе с тем после бегства Лжедмитрия II в Калугу утратили связь с тушинским лагерем заокские города и Северская земля. Продолжали считать Лжедмитрия своим законным государем Псков и новгородские пригороды, а также ряд территорий в Поволжье¹⁹. Вместе с тем поспешным было бы утверждение, что бояре и дворяне в Тушине представляли только самих себя. Так, обращает на себя внимание то, что в числе членов посольства, получавших содержание от короля во время пребывания в смоленском лагере, отмечены кн. Леонтий Иванович Шаховской и Гаврила Хрипунов²⁰, известные по другим источникам как воеводы Ржевы-Володимировой и предводители местной дворянской корпорации²¹. Эта деталь говорит за то, что в совещаниях в Тушине участвовали не только бояре и дворяне, составлявшие верхний слой «двора» Лжедмитрия II и постоянно находившиеся в тушинском лагере, но и люди, выступавшие от имени местных дворянских объединений. Можно указать и другой факт, свидетельствующий о сохранении определенной связи между тушинским лагерем и территориями, лежащими за его пределами. Так, в письме кн. Романа Ружинского Сигизмунду III от 27 февраля 1610 г. встречаем упоминание о жалобах бояр и «патриарха» на действия запорожцев, разоряющих Зубцовский уезд, в то время как жители Зубцова больше других расположены к королю²². Стоит отметить, что и Зубцов, и Ржева относятся к одному и тому же региону — западной части Замосковского края, оказавшейся в стороне и от действий польско-литовского войска, и от военных действий 1609 г. Есть основания полагать, что по крайней мере интересы дворянства этого региона могли найти соответствующее отражение в тексте условий, представленных Сигизмунду III.

Первое, что следует констатировать, обращаясь к разбору этих условий, это предложение русского трона старшему сыну Сигизмунда III королевичу Владиславу. Если учесть, что и сам король, и его послы предлагали русским боярам и детям боярским в Тушине подчиниться власти польского короля, то следует согласиться с В. Поляком, что они по существу отклонили предложение Сигизмунда III²³. Даже в том стесненном положении, в каком оказались русские тушинцы после побед М. В. Скопина-Шуйского и бегства Лжедмитрия II, они выступали за сохранение Русского государства как особого политического целого.

Что касается самого содержания предложенных этому кандидату условий, то по отношению к ним во многом сохраняют силу наблюдения С. Ф. Платонова, анализировавшего текст договора, в который вошла бóльшая часть этих условий.

Так, вслед за С. Ф. Платоновым²⁴ следует констатировать, что согласие на избрание государя из польского королевского дома было связано с надеждами на то, что с помощью Речи Посполитой удастся восстановить традиционный общественный порядок, подавив сопротивление тех сил, которые нарушают стабильность в обществе. Стремления эти в первоначальных условиях нашли даже более яркое выражение, чем в окончательном тексте. Так, запрещение крестьянских переходов в проекте мотивировалось тем, что с помощью переходов «холопи (т. е. крестьяне. — Б. Ф.) могут искать своеволеяства». Сходным образом мотивировался и запрет освобождения холопов: «Если бы им была воля, то они могут, отшедши на дальней край и собрався люди много и обравши посреди себя господара такова ж, как они сами, будут поседать замки и места, чому вже нине не новина». Очевидно, что именно в освободившихся холопах — военных слугах бояр и детей боярских, опытных воинах, недовольных своим положением в обществе, составители условий видели главную опасность для существующего порядка, ту силу, которая хочет захватить власть в России, выдвигая из своей среды самозванцев — претендентов на трон.

В условиях нашлось место и для казачества: новый правитель — королевич — вместе «з бояры и з думными людьми» должен был решить, нужны ли казаки на Волге, на Дону, на Яике и на Тереке. Уже сам характер употребленных формулировок показывает, что речь шла не только об удалении отрядов «вольных казаков» с русской территории, но и о принятии мер, которые привели бы вообще к ликвидации казачества даже в районах его расселения за пределами этой территории.

По отношению к рассматриваемому документу сохраняет силу и наблюдение С. Ф. Платонова, что русские тушинцы добивались сохранения под властью нового государя традиционных обычаев и институтов русского общества.

Статьи предусматривали, что будущий государь должен «звычайи вси давные добре заховати», что должны быть подтверждены пожалования земель и доходов боярам, детям боярским и церкви, по традиционным нормам («како было при прежних господарех») должно было выплачиваться жалование и тем, кто по-

лучал его «з городов», суды должны были вершить правосудие, «как было изначала по Судебнику». Наконец, на нового государя налагалось обязательство сохранить и традиционную систему налогообложения, «яко было за прошлых великих господарей».

Ряд статей проекта, составленных явно при участии Филарета, предусматривал целый комплекс мер, направленных на сохранение позиций православия как единственного официально признанного вероисповедания. Сам текст условий открывался предложением, чтобы Сигизмунд III своему сыну «произволил бы[ти] греческое веры» и короноваться при участии патриарха «по древнему чину». С этим установлением связано и другое, определявшее будущие отношения нового государя и православных архиереев: он должен был «духовне им усвояться и нарицать отцы и учителя». Одновременно «учителем... римские и лютерские и иных вер» закрывался доступ на русскую территорию. Полякам из свиты будущего государя предписывалось «служба своя отправляти в дому». Лишь «для самые нужи» можно было бы согласиться «учинить костел за городом». Все это свидетельствует о сознательных намерениях русского дворянства и духовенства сохранить не только само Русское государство как особое политическое целое, но и основы традиционного общественного строя.

Вместе с тем уже С. Ф. Платонов обратил внимание на наличие в февральском договоре определенных ограничений «единоличной власти Владислава», однако он не придавал им какого-либо значения. «Это ограничение, — писал он, — имело целью не перестройку прежнего политического порядка, а, напротив, охрану и укрепление „звичаев всех давних добрых“ от возможных нарушений со стороны непривычной к московским отношениям власти»²⁵. К иному выводу пришел при изучении февральского договора Л. В. Черепнин. Он расценил этот документ как важный «памятник правовой мысли», где «впервые законодательно определена роль „земли“ как верховного сословного органа»²⁶, т. е. желательное политическое устройство Русского государства было определено как сословно-представительная монархия. Обращение к подготовленному тушинцами тексту условий, положенному затем в основу февральского договора, дает ряд веских доводов в пользу правильности точки зрения Л. В. Черепнина.

Рассмотрим подробнее, какие ограничения «единоличной власти государя» предусматривались в тексте этого документа. Целый ряд вопросов государь должен был решать, «нарадившись з боя-

ры». Так, вместе с боярами он должен был пересматривать пожалования, которые раздавались во время Смуты «не от властных государей», если кого-либо пожаловали «не водлуг их достойности» или если «у которых убавлено без вины».

Особенно широкие права должна была получить Дума при решении вопросов, касавшихся личности и имущества бояр и детей боярских: новый государь обязывался никого не казнить, не заключать в тюрьму, не лишать поместий и вотчин, «не осудивши судом з бояры всеми». В этом же разделе запрещалось за измену карать невиновных родственников, «которые того учинку не помогали и не ведали». Кроме того, в условиях подчеркивалось, что после смерти бояр или детей боярских «старинные их родственные и купленные и жаловалные» вотчины «у родства их не отнимати, а отдавать вотчины родству их». Государь должен был взять также на себя обязательство «великих станов людей невинне не понижати, а меньшие станы поднести водлуг заслуг».

Именно перечень всех этих установлений завершился утверждением, сформулированным в категорической форме: «А делать то все по совету з бояры и з думными людми, а без совету бояр и думных людей того не делать».

Хотя составители условий принадлежали к числу политических противников царя Василия Шуйского, но такие важные установления проекта, как запрет казнить и отбирать земли без суда и посягать на имущество невиновных родственников преступников, были очевидно заимствованы из записи, данной царем Василием при его вступлении на престол в 1606 г.²⁷ По форме это был односторонний акт пожалования правителя своим подданным. Текст записи, по свидетельству «Нового летописца», был публично зачитан в Успенском соборе и скреплен крестоцелованием²⁸. Как отмечено в том же источнике, «бояре же и всякие люди» просили царя, «чтоб он в том креста не целовал, потому что в Московском государстве тово не повелося»²⁹. Отнесясь с доверием к этому свидетельству, С. Ф. Платонов писал: «Между новым царем и его подданными выходило недоразумение: царь предлагал обязательства в пользу подданных, а они не только стеснялись их принять, но и не совсем их уразумели»³⁰. Однако воспроизведение основных норм записи в составленном в тушинском лагере проекте условий, определявших характер власти нового государя, говорит за то, что появление записи было делом неслучайным, и царь Василий, предпринимая такой шаг, шел навстречу пожела-

ниям тех социальных групп (прежде всего населения столицы), которые способствовали возведению его на трон³¹. В появлении такой записи следует видеть стремление верхов общества получить от государственной власти элементарные гарантии сохранения жизни и имущества. В этом, разумеется, проявилась реакция на террор времени Ивана Грозного, память о котором отчетливо прослеживается в памятниках первой половины XVII в., возникших в дворянской среде (примером может служить «Летописная книга» кн. С. И. Шаховского), и на возобновление практики опал, ссылок и коллективных наказаний в последние годы правления царя Бориса Годунова³². Можно с определенным основанием полагать, что инициатива внесения таких норм в условия, предложенные новому государю, исходила от членов романовского кружка, которые во главе с патриархом Филаретом занимали весьма видное место в тушинском лагере³³ и в свое время пострадали от гонений со стороны царя Бориса.

Между записью царя Василия и тушинскими условиями можно отметить одно важное отличие. Гарантии, предоставлявшиеся Шуйским своим подданным, распространялись не только на бояр и детей боярских, но также на гостей, торговых и черных людей, которым была обещана сохранность их дворов, лавок и «животов». В условиях тушинцев об этом ничего не говорилось. В отличие от Москвы весны 1606 г., где составлялась запись царя Василия, в Тушине гости и торговые люди влиянием не пользовались, и их интересы можно было не принимать во внимание.

Следует также отметить, что в отличие от записи Шуйского в условиях подчеркнута роль Боярской думы как силы, которая должна обеспечить соблюдение новым правителем предоставленных гарантий.

Если пункты условий, говорящие о роли Боярской думы, можно было бы с натяжкой истолковать так, как предлагает С. Ф. Платонов, т. е. как ссылку на необходимость соблюдать обычай — обсуждать все дела вместе с боярами, то такому истолкованию никак не поддаются те пункты условий, в которых говорится о роли «всей земли» в решении разных вопросов. Уже в начальной части документа говорится, что вопрос о том, можно ли разрешить католикам построить костел в Москве, новый государь должен решать, «советовав о том... з бояры и со всею землею». Здесь же указано, что при внесении поправок и дополнений в текст свода законов — «Судебника» — правитель должен прини-

мать решения, «советовав з бояры и з землею». Наконец, «всей земле» предоставлялись важные права и в области налогообложения. Именно при участии «всей земли» должны были приниматься решения о предоставлении податных льгот разоренным местностям и о повышении налогов для тех земель, которые «не завоеваны».

Какое содержание вкладывалось в тушинском лагере в понятие «вся земля», позволяет выяснить уже цитировавшийся ответ королю Сигизмунду, где ему объяснили, что «такое великое дело» «без совету Московского государства и из городов всего освещеного собору, и бояр, и всяких разных станов людей постановити и утвердити немочно»³⁴. Таким образом, «вся земля» — это орган, включающий в себя представителей разных социальных групп — «станов» из «городов», т. е. из различных центров, расположенных по всей территории Русского государства. Поскольку при участии «всей земли» должны были решаться вопросы о пополнении и изменении законодательства и об изменении традиционных ставок налогообложения, то очевидно, что с утверждением предполагаемых порядков Русское государство должно было принять форму сословно-представительной монархии, т. е. его политический строй должен был измениться существенным образом.

Изучение условий позволяет выявить отражение в их отдельных пунктах особых, специфических интересов отдельных групп дворянства, участвовавших в их выработке.

Так, недавно В. Н. Козляков обратил внимание на то, что проект предусматривал ежегодную выплату денежного жалования из четверти «лучшим» служилым людям, а что касается основной массы провинциальных дворян — дворян «из городов», то им следовало «государево жалованье давать по верстанию, а не ежелет». Исследователь делает правильный вывод, что составители условий хотели прекратить практику ежегодных раздач жалования городским дворянам, чем стирались различия между ними и верхушкой дворянского сословия — «четвертчиками»³⁵. Очевидно, что в этом тексте отразились интересы круга лиц, входивших в верхний слой тушинского «двора». Наблюдения В. Н. Козлякова можно продолжить, подвергнув анализу еще один пункт проекта: «А естли его господарская милость вместо денежного жалованья бояром, окольничим и всем думным, ближним и приказным людем для укрепления мелких людей похочет давати воеводства и староства, и в том его господарская воля». «Лучшие» служилые

люди, собравшиеся в Тушине, явно рассчитывали использовать отсутствие денег в государственной казне, чтобы получить в виде компенсации за жалование важные административные посты. Упоминание о «старостах», которых в России не было, говорит за то, что появление этого пункта было результатом бесед с польскими шляхтичами в Тушине, от которых, очевидно, и узнали о практике пожалования административных должностей как форме погашения финансовых обязательств. При выдвижении такого предложения могли совпадать между собой интересы членов «думы» Лжедмитрия II, находившихся в Тушине, и получивших от Самозванца думные чины предводителей местных дворянских корпораций, заинтересованных в том, чтобы таким образом упрочить свое автономное положение по отношению к центру.

Эта деталь важна и потому, что указывает на один из возможных источников формирования новых представлений о желательном политическом устройстве Русского государства, на который предположительно указывал Л. В. Черепнин³⁶, — это знания польско-литовских шляхтичей в Тушине об институтах польско-литовской сословной монархии, знания, которые в той или иной мере становились достоянием их русских партнеров. Другим, главным и решающим, фактором стала нарастающая активность разных социальных групп русского общества и неспособность государственной власти в условиях раскола общества и гражданской войны править страной, не обращаясь к их поддержке. Отсюда — практика созыва сословных собраний для решения отдельных важных политических вопросов, что имело место как в Москве Василия Шуйского³⁷, так, вероятно, и в Тушине. Влияние контактов с польско-литовской шляхтой, вероятно, проявилось в том, что был поставлен вопрос о постоянном участии представителей «всей земли» в осуществлении важнейших функций государства, связанных с установлением новых законов и введением новых налогов.

Наряду с определением характера будущего политического строя Русского государства, проект включал в себя и ряд статей, определявших характер отношений между Речью Посполитой и Россией после возведения королевича Владислава на русский трон. Два государства должны были заключить между собой союз против всех врагов, на юге должна была быть организована совместная оборона обоих государств от татарских набегов. Купцам обоих государств позволялось свободно торговать всякими товарами на территории и России, и Речи Посполитой. Составители

условий ожидали даже, что король позволит русским купцам ездить торговать «до чужих земель через Польшу и Литву».

Вместе с тем условия предусматривали, что польские и литовские паны не должны получать в России никаких воеводств и «урядов», и люди из свиты будущего государя могут получать от него только деньги и земельные пожалования. Допускалась лишь временная передача некоторых «украинных» городов во временное управление жителей Речи Посполитой «до досконалого успокоения государства» по соглашению «з бояры думными».

Есть основания полагать (о чем уже говорилось выше), что контакты с польско-литовской шляхтой в Тушине оказали определенное влияние на составителей условий. Установившиеся контакты они явно считали полезными и стремились к их продолжению. Об этом свидетельствует помещенное среди условий установление, на которое исследователи неоднократно обращали внимание³⁸, предусматривавшее, что «для науки вольно каждому з народу Московского людем ездити в иншыя господарства хрестиянские». Однако все это не побудило русских «служилых людей» в Тушине искать каких-либо более тесных связей с Речью Посполитой. Русское государство, по их представлению, должны были связывать с Польско-Литовским государством лишь отношения военного союза, и они специально предусматривали препятствия, которые помешали бы уроженцам Речи Посполитой оказывать влияние на русские внутренние дела.

Все же осуществление на практике тушинского проекта привело бы к реализации ряда традиционных положений программы восточной политики Речи Посполитой. На русском троне оказался бы польский принц, были бы обеспечены свободные и беспрепятственные контакты между государствами (включая и поездки русской молодежи «для науки» в Речь Посполитую), что сделало бы русское общество доступным для польско-литовского культурного влияния. Имело значение и то, что в случае осуществления намеченных преобразований произошло бы заметное сближение политического строя Русского государства и Речи Посполитой, что могло облегчить установление между ними более тесных отношений в будущем. Вместе с тем очевидно, что о каком-либо включении Русского государства в политическую систему, во главе которой стояла бы Речь Посполитая, речи не шло. Самое большее — создавались некоторые условия для возможного достижения такой цели в будущем.

27 января (н. ст.) 1610 г. тушинское посольство прибыло в лагерь под Смоленском, а 31-го король торжественно принял послов в присутствии сенаторов³⁹. Сохранился текст речей, зачитанных тушинскими послами на этом публичном приеме⁴⁰. Речи, которые поочередно зачитывали М. Г. Салтыков, его сын Иван, кн. В. М. Масальский и думный дьяк И. Т. Грамотин, начинались с благодарностей королю за «господарское милосердие» и согласие взять русских людей под свою опеку и защиту. Затем послы пространно говорили о несчастьях, постигших Россию после пресечения законной династии. Послы подчеркивали, что не признают законным правителем Василия Шуйского, так как он вступил на трон «без совету бояр и всее земли», «ником же не избранныи». Но главное место в речах занимала характеристика положения, сложившегося в стране, «когда в многих городех по совету с казаками и з ьными служивыми людми безыменники учили называться воры худые люди господарскими детьми». Эти самозванцы, опираясь на поддержку казаков и других социальных групп, недовольных своим положением, «Московского государства часть немалую в запустение положили и боар, и дворян, и приказных людей безчисленно по городом побили, а умыслили для грабежу Московское государство до конца разорити».

Таким образом, тема опасности, угрожающей общественному порядку со стороны социальных низов, занявшая видное место в проекте соглашения, получила в посольских речах дальнейшее продолжение вплоть до общего вывода, что эта деструктивная деятельность грозит гибелью всему Русскому государству. Характерно, что в речах, произносившихся на значительном удалении от Тушина, как главная среди этих угрожавших самому существованию Русского государства сил были прямо названы казаки, часть которых под командой И. М. Заруцкого продолжала находиться в Тушине.

Речь Посполитая должна была стать той силой, которая помогла бы русским людям «в розрухах и в невшчастливых упадках», прекратила бы смуту, укрепила бы зашатавшийся общественный порядок.

Следует особо отметить пассаж посольских речей (часть, зачитанная дьяком И. Т. Грамотиным), где выражалось желание, чтобы русские люди получили такие права и вольности, которых ранее не было в Московском государстве. Речь явно шла об одобрении тех новшеств, которые предлагались в тушинском проекте.

На чтении речей, однако, аудиенция не закончилась. Как отмечено в дневнике похода, глава посольства боярин М. Г. Салтыков снова взял слово «и повторил снова с плачем, чтобы Король его милость полностью сохранил, ни в чем не нарушая, их веру, церемонии и обряды». Специальное обращение к этому вопросу имело свои причины. К этому времени в России уже хорошо было известно о начавшихся в Речи Посполитой после заключения в 1596 г. Брестской унии гонениях на православных, которые не желали признать законность унии и подчиниться власти папы. Во время пребывания короля в Вильне перед выступлением в поход там были силой отобраны храмы у православных священников, не желавших подчиняться униатскому митрополиту⁴¹. 11 сентября 1609 г. на пути к Смоленску Сигизмунд III основал в пограничной Орше коллегия иезуитов и наделил ее землями⁴². Сведения о гонениях на православных в Речи Посполитой и планах правящей элиты Польско-Литовского государства обратить жителей России в католицизм приходили в Россию от православных подданных Речи Посполитой. Так, во время пребывания королевского посольства в Тушине один из послов, С. Домарадский, узнал от лазутчиков, которых он посылал в Москву, что «купцы наши (т. е. из Речи Посполитой. — Б. Ф.), Русь злодейская, дали знать миру и духовенству, что Король его милость на веру и церкви тотчас наступать хочет»⁴³. Такие слухи, конечно, доходили и до русских служилых людей в Тушине. Бояре из тушинского лагеря несомненно понимали, что распространение таких слухов серьезно понизит шансы польского кандидата занять русский трон. Именно поэтому глава посольства М. Г. Салтыков нашел нужным специально обратить внимание короля на необходимость гарантировать русским людям сохранение их православной веры. В ответ литовский канцлер Лев Сапега торжественно заверил, что король обещает русским людям ни в чем не нарушать их веры, а церковь не только защищать, но и приумножить ее владения. Прием завершился просьбой М. Г. Салтыкова выслать сенаторов на переговоры с послами⁴⁴.

Переговоры начались 1 февраля. Из сохранившейся краткой записи о первом дне переговоров видно, что с самого начала заметное место занял вопрос о том, кто должен занять русский трон — Сигизмунд III или Владислав. Доказывая, что польским кандидатом может быть только Владислав, послы использовали два аргумента: во-первых, став правителем ряда государств, король не сможет

постоянно находиться в России и, во-вторых, если Сигизмунд III хочет сам сесть на русском троне, ему придется пролить море крови⁴⁵. Само обращение к этим аргументам говорит за то, что на встрече была предпринята попытка убедить послов согласиться на кандидатуру Сигизмунда. Из приведенных доводов против первый носил стереотипный характер — он часто использовался, чтобы избавиться от неугодного кандидата⁴⁶. Зато очень интересен второй — он показывает, что послы отдавали себе отчет в том, что попытка польского короля сесть на русском троне столкнется с категорическим неприятием со стороны русского общества, и старались дать это понять своим собеседникам. Эта цель в известной мере была достигнута. Король ответил согласием на предложение об избрании Владислава при условии, что при общем согласии всех наступит «совершенное успокоение государства Московского» и сейм даст на это свое согласие⁴⁷.

После устранения этой трудности дело должно было перейти к рассмотрению других условий возможного соглашения, однако о ходе дальнейших переговоров нет практически никаких сведений. Можно привести лишь две краткие записи в дневнике: 7 февраля (н. ст.) король вновь принял послов и устроил в их честь банкет, а 16-го послы просили сенаторов, чтобы они, наконец, получили ответ на свои предложения⁴⁸. Итогом переговоров стал датированный 14 февраля (н. ст.) «Отказ» (т. е. ответ) Сигизмунда III на предложения бывших русских сторонников Лжедмитрия II⁴⁹. В этом документе излагались предложения русских послов, которые Сигизмунд III выражал готовность принять. Сопоставление текста «Отказа» с текстом первоначального проекта показывает, что в нем русские предложения подверглись ряду изменений. Выявление и анализ этих изменений позволяет выяснить, какие части представленного русскими тушинцами проекта стали предметом переговоров и чего добивались на переговорах король и его советники.

Изменения касались прежде всего ряда статей в начальной части проекта. Если проект начинался с пожелания, чтобы будущий монарх принял «греческую веру», то в «Отказе» вопрос о вере будущего царя был обойден молчанием. В соответствии с этим из проекта исчезло обязательство будущего монарха относительно православных архиереев — «духовне им усвоятся». Исчез и запрет учителям «иных вер» появляться на русской территории, от них теперь лишь требовалось, чтобы они «розорванья церков-

ного не чинили». Вместе с тем король настаивал на том, что в Москве «для людей Римское веры потреба меть костел». Правда, при этом, очевидно реагируя на распространившиеся слухи о гонениях на православных в Речи Посполитой, король заверял, что ни он, ни его сын не станут «отводить теж от Греческой веры в Римскую и ни в которую иную веру». Смысл внесенных изменений состоял в том, что король и его советники стремились создать такую ситуацию, в которой под эгидой монарха-католика оказалась бы возможной, сначала хотя бы в ограниченных размерах, деятельность католической церкви на территории Русского государства. Очевидна связь такой позиции со всей политикой Сигизмунда III, направленной на упрочение и распространение католицизма не только в Речи Посполитой, но и за ее границами. Само подчинение России власти польского короля должно было стать прологом к попыткам реставрации католицизма на территории Скандинавии, прежде всего в Швеции, откуда Сигизмунд был изгнан своими протестантскими подданными.

Другая группа изменений, на которую следует обратить внимание, касалась участия «всей земли» в решении важных вопросов управления государством. В «Отказе» говорилось лишь об участии представителей «всей земли» в принятии новых законов. В тех местах, где проект говорил об участии «всей земли» в решении вопроса о строительстве в Москве костела, предоставлении податных льгот или, напротив, в принятии решений о повышении налогов, в «Отказе» говорилось лишь о решении монархом всех этих вопросов вместе с «бояры думными». Таким образом, «вольности», которые хотели получить русские служилые люди — бывшие сторонники Лжедмитрия II, в результате обсуждения оказались сильно урезанными. О причинах этого можно высказывать лишь предположения. Как представляется, тут могло иметь место совпадение интересов двух разных сил. С одной стороны, Сигизмунд III, вероятно, хотел, чтобы в руках будущего монарха сохранилась бы как можно бóльшая часть той власти, которой пользовались московские государи, в особенности в том, что касается финансов. Неслучайно незадолго до начала Смуты в 1605–1606 гг. король настойчиво добивался того, чтобы сейм Речи Посполитой согласился на установление постоянных налогов, не зависящих от решений той или иной парламентской сессии⁵⁰. С другой стороны, верхушка тушинского двора, бояре и «думные люди», которые вели переговоры с королем, могли быть заинтересованы в как

можно более широком объеме компетенции Думы, хотя бы и за счет интересов «всей земли». Здесь сказались особенности положения разных слоев формирующегося дворянского сословия России, когда у верхов и низов этого сословия часто могли быть совсем разные интересы.

Польский исследователь В. Поляк, обратившийся недавно к изучению февральского договора, справедливо обратил внимание на то, что обе стороны вкладывали в достигнутое соглашение разный смысл⁵¹. Для представителей русской стороны это было соглашение, определявшее условия, на которых сын Сигизмунда III, королевич Владислав, мог бы занять русский трон. Соглашение носило предварительный характер. В его заключительной части указывалось, что окончательно такие условия будут определены, когда «его королевская милость будет под Москвою и на Москве» и обсудит там такие условия на созванном Земском соборе «с патрыархом и со всим освященным собором и с бояры и со всею землею». На данном этапе переговоров роль короля, с русской точки зрения, по-видимому, состояла в том, что Сигизмунд III как отец будущего монарха как бы гарантировал, что тот примет предложенные условия.

В. Поляк привел ряд важных доводов, говорящих за то, что Сигизмунд III оценивал положение иначе. Неслучайно в первой статье соглашения король давал свое согласие на просьбу о возведении на русский трон Владислава, но лишь «за успокоением доконалым того господарства». Текст соглашения не отвечал прямо на вопрос, в чьих руках будет находиться власть над Россией до прибытия Владислава и кто будет осуществлять это «успокоение». Однако Сигизмунд III понимал дело таким образом, что этим временным правителем будет он сам. Об этом определенно говорит текст присяги, которую принесли Сигизмунду III члены тушинского посольства. Они обязывались верно служить Владиславу и не иметь никаких сношений ни с Шуйским, ни с Лжедмитрием II. Однако текст присяги заканчивался словами: «А пока нам того господаря Бог даст на Московское государство, нам служить и прямить и во всем добра хотеть отцу его, господарю нашему нынешнему, наяйснейшему королю польскому и великому князю литовскому Зигмунту Ивановичу»⁵².

Такие итоги переговоров позволяют сделать некоторые важные заключения относительно характера восточной политики Сигизмунда III и круга его ближайших советников. Эта группа по-

литиков явно не хотела удовлетвориться заключением соглашений, которые в духе традиционных представлений обеспечили бы возможности для польско-литовского влияния на русское общество. Главная цель восточной политики Речи Посполитой теперь все более вырисовывалась как подчинение Русского государства власти польского короля. При этом если первоначально предполагалось, что это произойдет благодаря добровольному согласию русского общества, которое король освободит от власти «тиранов» и наделит «правами», то теперь обозначилась тенденция добиваться цели, несмотря на то что русское общество, соглашаясь на выбор королевича, вовсе не желало подчиняться власти короля, которому прямо указывали на опасность подобных планов. Этой цели предполагалось добиться с помощью различных обходных маневров, которые привели бы к фактическому сосредоточению власти над Россией в руках Сигизмунда III.

Параллельно переговорам между королевской ставкой и Тушином протекали переговоры между стоявшим под Белой А. Госевским и одним из дворянских объединений Северо-Запада России. Важную информацию о начальном этапе этих переговоров содержит письмо группы русских детей боярских велижскому старосте⁵³. 22 декабря 1609 г. запорожские казаки из отряда А. Госевского во время одного из своих набегов взяли в плен кн. Ивана Леонтьевича Шаховского, сына воеводы Ржевы-Володимировой. А. Госевский распорядился освободить пленника и отослать в Ржеву. Этот инцидент велижский староста использовал для того, чтобы отправить с князем письмо к его отцу воеводе. В этом письме Госевский (как узнаем из его пересказа в ответе дворян) писал, что Сигизмунд III пришел в Русскую землю, чтобы прекратить кровопролитие и установить мир, и что он хотел бы возвести на русский трон своего сына королевича Владислава.

Как видим, предложения Госевского заметно расходились с инструкциями, данными королевским послам в Тушино, где речь шла об установлении над русскими людьми власти и опеки самого Сигизмунда III. Трудно сказать, ориентировался ли велижский староста в настроениях в русском обществе лучше, чем окружение короля под Смоленском, или уже знал, какой оборот приняли дела в тушинском лагере. Князь Леонтий, как отмечалось выше, находился в Тушине, и письмо А. Госевского было отправлено к нему. Однако не дожидаясь его возвращения, группа местных дворян сочла нужным ответить на обращение велижского старосты.

Письмо было отправлено от имени князей Ивана и Семена Шаховских, Федора Бутурлина и Афанасия Головленкова. Афанасий Васильевич Головленков отмечен в боярских списках 80-х — начала 90-х гг. XVI в., как выборный дворянин по Ржеве-Володимировой с достаточно высоким окладом в 500 четвертей⁵⁴. Вероятно, за прошедшие 20 лет его положение на лестнице социальной иерархии повысилось, и он стал одним из предводителей ржевского дворянства⁵⁵. В отличие от А. Головленкова, Федор Михайлович Бутурлин был сравнительно молодым человеком. Впервые он упоминается в списке жильцов 1602/1603 г.⁵⁶ Однако когда ржевские дворяне приносили присягу Владиславу, в их списке Ф. М. Бутурлин был поставлен на первом месте в группе из немногих лиц, внесенных в этот перечень с «вичем»⁵⁷. Все это дает основания видеть в нем также одного из предводителей ржевского дворянства. Кроме них в составлении письма приняли участие двое князей Шаховских, назвавших Ивана Леонтьевича своим «братом» — кн. Иван Андреевич Шаховской, выборный дворянин по Зубцову⁵⁸, и его сын Семен, в будущем известный писатель. Они представляли, очевидно, круг зубцовских детей боярских, связанных с кн. Леонтием.

В ответ на обращение Госевского эти дворяне выражали свою радость по поводу того, что «Бог... по своему благосердию дал» им «на Московское государство такова великого господара». Со своим ответом они отправили к велижскому старосте «доброто дворянского сына» Прокопа Языкова⁵⁹. Дворяне просили принять меры для прекращения нападений запорожцев на их владения и дать им возможность посетить королевский лагерь под Смоленском. Когда нападениям казаков будет положен конец, они просили прислать приставов «на Бельскую границу», чтобы с их помощью они могли безопасно проехать в лагерь Госевского под Белой. «А когда, — заверяли авторы письма, — мы будем при вельможности королевской, и иных много бояр (детей боярских?) пойдет за нами».

Еще до приезда тушинского посольства под Смоленск, 21 января (н. ст.) Сигизмунд III получил от Госевского сообщения об этом обращении дворян, на которое король ответил согласием и назначил приставов, которые должны были проводить дворян в королевский лагерь⁶⁰.

Посещение группой дворян королевского лагеря состоялось 18 февраля, т. е. уже после того, как переговоры с тушинским по-

сольством завершились заключением февральского договора. Несмотря на это, дворяне нашли нужным добиваться особой встречи с королем. Сведения об их приезде и об этой встрече сохранились в дневнике похода Сигизмунда III ⁶¹, в итальянском донесении из Флорентийского архива ⁶² и в более подробной записи в одном из рукописных сборников ⁶³. Хотя в дневнике похода говорится о приезде «князей Шаховских», в действительности круг участников посольства не исчерпывался князьями Шаховскими, которых действительно приехало много — их возглавлял сам воевода Ржевы кн. Леонтий Шаховской со своими тремя сыновьями, Семен Иванович, названный «спальником» Лжедмитрия, и Дементий ⁶⁴. Однако кроме Шаховских прибыл и второй воевода Ржевы — Гаврила Хрипунов, и его родственник, Афанасий, ржевские дети боярские Федор, Андрей ⁶⁵ и Павел ⁶⁶ Тютчевы, зубцовский сын боярский Афанасий Лошаков. Вместе с ними приехали вязьмич Тимофей Шушерин ⁶⁷ и бельский сын боярский Иван Бехтеев ⁶⁸, а также Прокофий Квашнин и Прокофий Садыков, чья уездная принадлежность не определяется.

Хотя в состав посольства входили землевладельцы целого ряда уездов северо-запада России, из дальнейшего мы увидим, что оно представляло прежде всего интересы дворянства Ржевского и Зубцовского уездов. Выше уже отмечалось, что кн. Леонтий Шаховской и Гаврила Хрипунов были членами официального посольства из Тушина к Сигизмунду III. Это, однако, не помешало им уже после официального отпуска «московских послов» возглавить приехавших дворян при их встрече с Сигизмундом III. На этой встрече состоялось принятие Ржевы и Зубцова под защиту и опеку короля, и дворяне принесли ему присягу. Кн. Леонтий просил, чтобы был положен конец нападениям запорожских казаков и чтобы воеводы Зубцова и Ржевы были оставлены на своих постах. Поскольку, судя по записи его выступления, кн. Леонтий называл воеводу Зубцова своим «братом», не исключено, что этим воеводой был один из авторов письма А. Госевскому кн. Иван Андреевич Шаховской, которого в составе посольства представлял его сын. Отвечая от имени короля, литовский канцлер обещал исполнить эти просьбы, и на этом переговоры завершились ⁶⁹.

Этот эпизод представляет интерес с разных точек зрения. Во-первых, перед нами яркий пример внутреннего распада лагеря бывших сторонников Лжедмитрия II, когда отдельные входившие в этот лагерь группировки стали самостоятельно искать выход из

создавшейся ситуации. Во-вторых, перед нами пример того, как локальное объединение дворян двух уездов русского северо-запада считает возможным самостоятельно вести переговоры с отцом будущего государя и договариваться с ним об условиях, на которых оно готово подчиниться его власти — это свидетельство того, сколь высокого уровня достигла самостоятельность дворянских объединений в годы Смуты.

Но у сложившейся ситуации была и другая сторона. Само проявившееся в этих событиях отсутствие единства в русском обществе было, несомненно, для короля и его советников обнадеживающим стимулом для попыток осуществить задуманный план. Достижение цели, несомненно, должно было казаться более реальным, когда открывалась возможность использовать противоречия между различными группировками русского общества и заключать с ними сепаратные соглашения.

Особого внимания заслуживает вопрос о характере присяги, которую принесли ржевские и зубцовские дворяне на встрече с Сигизмундом III. О характере этой присяги записи о встрече ничего не сообщают. Определенный свет на эту сторону дела проливают тексты сохранившихся книг, по которым в марте 1610 г. приводили к присяге население Зубцова и Ржевы-Володимировой. Дворяне и дети боярские «целовали крест королю полскому Жикгимонту Ивановичю и ево сыну королевичю, государю, царю и великому князю Владиславу Жикгимонтовичю всеа Русии»⁷⁰. Ясно, что, ведя переговоры отдельно от тушинского посольства, ржевские и зубцовские дворяне добивались того, чтобы Русское государство сохранилось как самостоятельное политическое целое во главе с особым государем, хотя и из польского королевского рода. Не менее очевидно также и то, что королю удалось навязать ржевским и зубцовским дворянам, как он ранее сумел навязать посольству из Тушина, признание его временным правителем Русского государства до его «успокоения». Это был еще один важный шаг на пути подчинения Русского государства власти польского короля.

Сигизмунд III и его ближайшие советники были довольны достигнутым результатом. Однако не все политики, находившиеся в королевском лагере, разделяли эти оценки. Так, С. Жолкевский, оценивая деятельность королевских послов в Тушине, писал в своих записках: «Наше посольство больше злого, чем доброго там нам наделало»⁷¹. Поскольку С. Жолкевский писал свои записки, когда конечный итог событий был уже известен, можно было бы

предположить, что к такому заключению он пришел позднее. Однако аналогичные, еще более резко выраженные мысли обнаруживаются в доверительном письме Л. Сапеги своей жене, которое он отправил 27 февраля (н. ст.), через неделю после «отпуска» тушинского посольства.

Оценивая достигнутые успехи, литовский канцлер писал: «Все это пустяки, пока столицы и Смоленска не имеем, а этого достать трудно с таким недостатком денег, пушек, пороха, пуль, и людей мало, войско разбежалось». Послы добились бегства Лжедмитрия II из Тушина, а к чему это привело? Теперь войско из тушинского лагеря от короля «домогаются многих миллионов. А где взять? А у них справедливая причина [требовать]: вы у нас нашего государя выгнали». Кроме того, те крепости, которые поддерживали Самозванца, теперь перейдут на сторону Шуйского, а это может иметь для польской политики в России самые отрицательные последствия. «Нашим [удобным] случаем, — заключал свои размышления канцлер, — был разрыв между ними (т. е. русскими. — Б. Ф.), когда согласятся [между собой] — нам удобный случай — прочь». Сапега с удовлетворением писал жене, что «тайные советники» короля — Бобола и Кры́йский, ранее так радовавшиеся известию о бегстве Лжедмитрия II, теперь вынуждены согласиться с его оценкой ситуации⁷².

Если цели, которых стремился достичь король Сигизмунд, к началу 1610 г. вполне определились, то путь к их достижению сколько-нибудь определенно еще не вырисовывался.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Prochaska A.* Wyprawa na Smoleńsk (Z listów litewskiego kanclerza r. 1609–1611) // *Kwartalnik litewski.* 1911. S. 65.
2. Их обстоятельный разбор см.: *Polak W.* O Kreml i Smoleńszczyznę. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607–1612. Toruń, 1995. S. 109–114.
3. Публикацию обоих «листов» см.: Сборник Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). М., 1913. Т. 142. Стб. 48–49.
4. *Nietcewicz J. U.* Dzieje panowania Zygmunta III. Kraków, 1860. Т. 2. S. 195.
5. О военных действиях осени 1609 г. см. подробнее: *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 450–455, 458–461.
6. О переговорах см.: Там же. С. 465–467; *Polak W.* O Kreml... S. 117–118.

7. Ibid. S. 119.
8. Diariusz drogi króla JMci Zygmunta III od szczęśliwego wyjazdu z Wilna pod Smoleńsk w roku 1609 a die 18 Augusta, fortunnego powodzenia przez lat dwie do wzięcia zamku Smoleńska w roku 1611 / Opr. J. Byliński. Wrocław, 1999. S. 114.
9. Сб. РИО. Т. 142. Стб. 54–55.
10. Там же. Стб. 53–54.
11. На это правильно указывал Л. В. Черепнин (*Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 75).
12. Запись о выплате жалования членам посольства с разделением на «чины» в книге расходов королевского двора см.: *Цветаев Д. В.* Царь Василий Шуйский и места погребения его в Польше. Варшава, 1902. Т. 2. Кн. 2. С. VI. Всего в составе посольства было 20 участников, которых сопровождало 120 слуг.
13. *Prochaska A.* Wurgała... S. 63.
14. Сб. РИО. Т. 142. Стб. 56–57.
15. Diariusz drogi... S. 114.
16. См. об этом: *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 27.
17. См. об этом сообщение М. Мархоцкого, офицера в полку кн. Р. Ружинского (Moskwa w rękach polaków. Pamiętniki dowódców i oficerów garnizonu polskiego w Moskwie w latach 1610–1612. Kraków, 1995. S. 58–59) и К. Буссова (*Буссов К.* Московская хроника. 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 163).
18. См. об этом: Nowiny świeże i poczesne z pod Moskwy 21 Januarii — Czart. Rkp. 343. K. 346.
19. О территориях, подчинявшихся Лжедмитрию II во время его пребывания в Калуге см.: *Тюменцев О. И.* Смута в России... С. 490.
20. *Цветаев Д. В.* Царь Василий Шуйский... Т. 2. Кн. 2. С. VI.
21. Соответствующие данные были приведены выше.
22. *Nietcewicz J. U.* Dzieje... Т. 2. S. 209–210.
23. *Polak W.* O Kreml... S. 122.
24. *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1899. С. 427.
25. Там же. С. 425–426.
26. *Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 159.
27. Публикацию текста записи см.: ААЭ. Т. 2. № 44. С. 102; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел (далее — СГГид). М., 1813. Т. 2. № 141. С. 299.

28. ПСРЛ. Т. 14. М., 2000. С. 69.
29. Там же.
30. *Платонов С. Ф.* Очерки... С. 302.
31. См.: *Черетнин Л. В.* Земские соборы... С. 154–156.
32. Такой непосредственный участник событий, как Арсений Элассонский, записал, что царь Василий обязался править «не так, как прежде [было] во времена царя Бориса, который за одного преступника наказывал многих» (*Дмитриевский А. А.* Архиепископ елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезунтского Сумелийского монастыря. Киев, 1899. С. 137).
33. *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 302–305.
34. Сб. РИО. Т. 142. Стб. 54.
35. *Козляков В. Н.* «Служилый город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С. 48–49.
36. *Черетнин Л. В.* Земские соборы... С. 159.
37. Сведения о созыве сословных собраний Василием Шуйским см.: Там же. С. 152–157. К этому следует добавить, что, судя по свидетельству грамоты царя Василия М. В. Скопину-Шуйскому от 23 августа 1609 г., приговор об уступке г. Корелы шведам был принят после обсуждения вопроса с освященным собором «и з бояры и з дворяны и со всеми земскими и ратными людьми»: Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая — 17 июля 1610 г.) / Собр. А. М. Гневушев. М., 1914. №91. С. 137.
38. См., например: *Платонов С. Ф.* Очерки... С. 426–427.
39. *Diariusz drogi...* S. 115–117.
40. Сб. РИО. Т. 142. Стб. 58–61. Текст этих речей в изложении имеется также в дневнике похода Сигизмунда III: *Diariusz drogi...* S. 117–118.
41. См. об этом: *Жукович П. Н.* Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.). СПб., 1901. С. 549–565.
42. РГАДА. Ф. 389 (Литовская Метрика). Оп. 1. Кн. 89. Л. 157 и сл.
43. *Diariusz drogi...* S. 109.
44. *Ibid.* S. 118.
45. *Deliberacja ludzi Moskiewskich s senatory die 1 febr. pod Smolienskiem: Racz. Rkp. 33. K. 118.*
46. К нему прибег, в частности, посол литовской рады М. Гарабурда, доказывая Ивану IV, что тот не может быть польским королем.
47. *Racz. Rkp. 33. K. 118; Polak W.* О Kreml... S. 126–127.
48. *Diariusz drogi...* S. 120, 122.
49. АЗР. Т. 4. № 180.
50. *Pałucki W.* Drogi i bezdroża skarbowości polskiej XVI i pierwszej połowy XVII wieku. Wrocław etc., 1974. S. 56 i n.

51. *Polak W.* O Kregml... S. 129–131.
52. Цит. по: *Ibid.* S. 129. Исследователь частично повторил замечания, сделанные ранее С. М. Соловьевым (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 4. С. 558–559).
53. Текст письма см.: *Racz. Rkp.* 33. К. 116–116^v. Это польский перевод письма с обильными вкраплениями русских слов и выражений.
54. Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 137, 202, 310.
55. О его владениях в Ржевском, Вяземском и Тверском уездах см.: АЗР. Т. 4. № 183/LXV.
56. Боярские списки... Ч. 1. С. 194.
57. Сб. РИО. Т. 142. Стб. 81.
58. Боярские списки... Ч. 1. С. 243; Ч. 2. С. 9.
59. О Прокопии Языкове как землевладельце Зубцовского уезда см.: АЗР. Т. 4. № 183/XV.
60. *Diariusz drogi...* S. 112.
61. *Ibid.* S. 122, 123.
62. *Elementa ad Fontium Editionis.* Т. 27: *Res Polonica ex Archivo Mediceo Florentino II pars.* Romae, 1972. № 352. P. 320–321.
63. *Rkp.* 1709. К. 276^v.
64. В боярских списках не значится, землевладелец Ржевского уезда (АЗР. Т. 4. № 183/X).
65. О ржевских владениях А. Тютчева см.: Там же. № 183/XIV; о владениях П. Тютчева: № 183/XXIII.
66. О его зубцовских владениях см.: Там же. № 183/XIX.
67. О его вяземских владениях см.: Там же. № 183/XXVII.
68. О его бельских владениях см.: Там же. № 183/XXVIII.
69. В итальянском донесении еще отмечено, что участники посольства обязались присоединиться к королевскому войску с 8 тыс. воинов (*Elementa...* № 352. P. 321).
70. Сб. РИО. Т. 142. Стб. 77, 81.
71. *Żółkiewski S.* Początek i progres wojny Moskiewskiej / Opr. J. Maciszewski. Warszawa, 1966. S. 121–122.
72. *Prochaska A.* Wyprawa... S. 65.

ПЕРЕД СТОЛКНОВЕНИЕМ

В первой половине 1610 г. территория, подчинявшаяся власти Сигизмунда III, заметно расширилась за пределы Смоленского уезда, где стояла королевская армия. 27 февраля (н. ст.) Лев Сапега сообщал жене, что королю подчинились такие расположенные недалеко от Смоленска города, как Дорогобуж, Вязьма и Можайск¹. В конце осени — начале зимы 1609 г. в этих городах стояли польские гарнизоны, подчинявшиеся Лжедмитрию II². Еще до бегства Самозванца в Калугу стоявший в Дорогобуже ротмистр из Тушина ушел со своим отрядом в главный лагерь, и в город был послан из-под Смоленска ротмистр Нелюбович, который и город, и окрестные волости взял «на имя Короля его милости»³. В начале января ушел в Тушино и польский гарнизон из Вязьмы⁴. Известно также, что, возвращаясь под Смоленск, королевские послы к польско-литовскому войску под Москвой оставили в Вязьме часть своего вооруженного конвоя⁵. О переходе под власть Сигизмунда III Можайска никаких сведений в дневнике похода не содержится, однако точность сообщения Л. Сапеге подтверждается записью в дневнике от 8 марта, в которой говорится о защите ротмистром Вильчеком Можайска от войск сохранявшего верность Лжедмитрию II воеводы Великих Лук Ф. М. Плещеева⁶.

После посещения смоленского лагеря большой группой детей боярских во главе с кн. Леонтием Шаховским (о чем говорилось в предшествующей главе) подчинились Сигизмунду III Ржева-Володимирова и Зубцов. 5 марта 1610 г. их население привел к присяге королевский дворянин Федор Сколок. В Зубцове присягу принесли местные дети боярские, «посадцкие попы и уездные», посадские люди Зубцова, крестьяне села Фаустова гора⁷. Во Ржеве присягу при-

несли только дети боярские вместе с группой «дворян розных городов»⁸. Хотя при посещении ржевскими и зубцовскими дворянами королевского лагеря была достигнута договоренность о том, что воеводы обоих городов останутся на прежних местах, при принесении присяги во Ржеве вместо кн. Л. Шаховского и Г. Хрипунова целовали крест воеводы Роман Григорьевич Игнатъев и Игнатий Филиппович Хомутов. Однако это не обязательно должно говорить о нарушении достигнутой договоренности. Как мы видели, для тушинского лагеря достаточно распространенной практикой было управление «городом» одновременно несколькими воеводами. Возможно, что во Ржеве их было четверо. Один из этих воевод, Р. Г. Игнатъев, также принадлежал к числу местных землевладельцев⁹.

Существование крестоцеловальной книги позволяет выяснить, насколько широкий круг местных землевладельцев участвовал в принесении присяги. Всего, согласно крестоцеловальной книге, принесли присягу 35 ржевских детей боярских и 6 «дворян из розных городов». В боярском списке 1602/1603 г. по Ржеве-Володимировой записано 70 выборных дворян, к которым следует прибавить, вероятно, не меньшее число городских детей боярских¹⁰.

Сопоставление списка выборных дворян с перечнем присягавших лиц показывает, что среди последних один человек был стольником еще при дворе царя Василия, один — жильцом и пятеро были выборными дворянами с достаточно невысокими окладами — лишь С. И. Чоглоков имел действительно высокий оклад в 500 четвертей. Правда, следует учесть, что дворяне, посетившие смоленский лагерь, присягали ранее и в крестоцеловальную книгу не попали, но и среди них выборными дворянами были до Смуты только ржевские воеводы кн. Л. Шаховской и Г. Хрипунов. К этому следует добавить, что один из ржевских воевод, И. Ф. Хомутов, не только сам не входил до Смуты в состав «государева двора», но в нем во второй половине XVI — начале XVII в. не был представлен никто из членов его семьи.

Еще более яркую в этом плане картину дает анализ списка детей боярских, присягнувших в Зубцове. Здесь лишь сами зубцовские воеводы Иван Алексеевич Давыдов и Савлук Сергеевич Пушкин были до Смуты выборными дворянами по Зубцову¹¹, в то время как в боярском списке 1602/1603 г. числится 28 выборных дворян¹². Все это лишь отчасти можно объяснить гибелью

верхов дворянства в войне, которая шла почти непрерывно уже пятый год. Если выборные дворяне погибли на войне, то в списках присягнувших детей боярских должны были бы фигурировать их сыновья: часть их с высокими земельными окладами упоминается в десятне детей боярских по Зубцову 1613 г.¹³ Очевидно, значительная часть местной дворянской верхушки находилась в лагере царя Василия — отсюда благоприятные возможности для социального аванса тех, кто находился в тушинском лагере.

Переход Зубцова и Ржевы под власть польского короля имел свои особенности. Под датой 31 марта (н. ст.) в дневнике похода помещена запись о том, что в лагерь под Смоленском прибыли, чтобы принести присягу королю, ряд местных дворян во главе с воеводой Зубцова и князем Василием Петровичем Черкасским, одним из руководителей ржевской уездной корпорации¹⁴. Очевидно, те дети боярские, которые не принимали участия в поездке кн. Л. Шаховского под Смоленск, считали необходимым самостоятельно вступить в переговоры с Сигизмундом III — это свидетельство отсутствия единства даже в рамках сравнительно небольшой локальной группы дворянского сословия.

Одновременно с детьми боярскими западных уездов в лагерь под Смоленском прибыл татарский вассал Лжедмитрия II хан Касимова Урус-Мехмед, который обещал привести на помощь королю 20-тысячное войско¹⁵.

В апреле польско-литовскими войсками была достигнута еще одна победа — после полугодовой осады капитулировала Белая, значительная часть населения которой погибла от голода. 13 апреля (н. ст.) воеводы и население Белой принесли присягу королевичу Владиславу. Как отмечено в дневнике похода, между защитниками крепости и А. Госевским было заключено соглашение, и велижский староста принес присягу его соблюдать¹⁶.

Если на западном направлении почти не велось военных действий (не считая осады Белой войсками А. Госевского), то активные действия развернулись на территории Северной земли, которая после бегства Лжедмитрия II в Калугу стала одной из главных опор его власти и влияния. Местные дворяне и служилые люди по прибору дорожили привилегиями, полученными еще от Лжедмитрия I, освободившего Северскую землю от налогов на 10 лет. С начала 1608 г. жители этой территории, оказавшейся в стороне от военных действий, развернувшихся в центральных районах Русского государства, не испытывали тех тягот, которые стали уделом

других регионов страны. Покинувший весной 1610 г. Россию голландец И. Масса писал в своем «Кратком известии»: «Земли Северская и Комарицкая, что на польской стороне, жили в мире и спокойствии; и там пахали и засевали поля, ни о чем не печалась, предоставив Московию самой себе»¹⁷. Свое относительное благополучие они, естественно, связывали со Лжедмитрием II, который нашел у них поддержку.

После бегства Лжедмитрия II из тушинского лагеря, означавшего полный разрыв отношений между ним и Речью Посполитой, в королевском лагере под Смоленском решили, что следует принять меры, чтобы ослабить позиции Самозванца. Поводом для принятия этого решения послужил приход под Смоленск с предложением службы послов от 7-тысячного войска запорожцев. Эти отряды в сопровождении ротмистров Богушевского и Запорского были направлены в Северскую землю¹⁸. Помимо желания ослабить Лжедмитрия II не меньшее значение имело то обстоятельство, что Северскую землю правящие круги Речи Посполитой считали частью Польско-Литовского государства, а ее возвращение в состав этого государства было одной из главных публично провозглашенных целей смоленского похода.

Как показал последующий ход событий, на территорию Северной земли помимо посланных туда запорожцев направились стихийно собравшиеся отряды «пахолков» из разных отрядов стоявшей под Смоленском армии, а также военные отряды, набравшиеся по своей инициативе «урядниками» из граничивших с Северной землей городов. Отряд таких «пахолков» (около 1000 человек) вместе с запорожцами начал военные действия нападением на Масальск: крепость и посад были сожжены, люди перебиты, а часть сгорела в огне. Однако, когда они, разместившись с добычей в соседних деревнях, стали пьянствовать, на них внезапно напали донские казаки, посланные Лжедмитрием II на помощь Масальску, и отряд был разбит¹⁹. Зато отряд запорожцев во главе с Богушевским и полковником Хунченком, к которому присоединился со своим отрядом мозырский писарь Оскерко, 15 марта овладел Стародубом. Посад удалось захватить сразу благодаря внезапности нападения, но крепость, хорошо снабженная артиллерией и порохом, упорно сопротивлялась. Когда казаки сумели поджечь деревянные стены крепости, защитники «хотели скорее броситься в огонь, чем сдаться»²⁰. Так с самого начала действия казаков столкнулись с враждебным отношением населения.

Взятие Стародуба обеспокоило двор Лжедмитрия II. 14/24 марта 1610 г. Самозванец сообщал воеводам Новгорода-Северского, что против казаков направляется войско во главе с В. П. Шереметевым с детьми боярскими из ряда Северских городов и из Брянска ²¹. Но собрать такое войско, по-видимому, не удалось, так как все известные сообщения о военных действиях в Северной земле говорят лишь об осаде пришедшими из Речи Посполитой войсками отдельных крепостей и ничего не сообщают о каких-либо военных столкновениях в открытом поле.

Во второй половине марта военные действия развернулись вокруг главных городов Северной земли. Самуил Горностай, подкоморий киевский, набрав отряд, сжег Чернигов, а отряд Запорского 25 марта взял Почеп ²². Запорский сообщал, что штурм продолжался до самого вечера, крепость была полностью разрушена. Погибло около 3000 посадских людей и крестьян из округа, около 2000 стало добычей казаков. Запорскому удалось спасти лишь сдавшихся воевод Почепы и священников ²³. Обеспокоенный происходящим Запорский просил, чтобы гетман воздействовал на казаков, «чтобы его слушали и убийств таких не чинили».

Если первоначально Северские крепости оказывали упорное сопротивление отрядам запорожцев, то затем, очевидно в связи с отсутствием помощи со стороны Лжедмитрия II, настроения населения стали меняться. 31 марта Новгород-Северский без боя сдался отряду полковника Хунченко. Население принесло присягу королевичу Владиславу, а один из воевод, Миляка Карпов, вместе с детьми боярскими и старшими стрельцами направился на поклон в королевский лагерь ²⁴. Этим же отрядом был занят и Трубчевск ²⁵.

Позиции Самозванца в одном из главных районов его влияния были серьезно ослаблены, и Сигизмунд III приступил к организации управления занятыми землями. Оскерку было приказано отстроить крепость в Стародубе, в чем ему должны были помогать крестьяне из пограничных староств ²⁶. 20 апреля (н. ст.) запорожским казакам были посланы распоряжения передать Почеп и Стародуб представителям короля ²⁷.

Под 15 мая в дневнике похода помещен перечень городов, признавших власть Сигизмунда III. Среди них упоминаются Старица, Брянск и Серпейск ²⁸. Сведений о том, как произошло их подчинение королю, не сохранилось.

Успехи были очевидными. Для правящих кругов Речи Посполитой было весьма существенно то, что установилась власть ко-

роля над значительной частью тех земель, возвращение которых в состав Речи Посполитой было одной из главных провозглашенных целей войны²⁹. Однако достигнутый успех был непрочным. Если польско-литовские политики под Смоленском говорили о возвращении Речи Посполитой утраченных земель, то местное население, как ясно видно из скурых показаний источников, принося присягу королевичу Владиславу, рассматривало эти земли как часть Русского государства, а в Сигизмунде III они видели лишь отца своего будущего монарха, которому они лишь временно подчинились до его прибытия.

Не ограничиваясь ведением военных действий и посылкой войск, правительство Сигизмунда III обратилось и к другим способам подчинения русского общества своему влиянию. Речь шла о раздаче земельных пожалований тем боярам, детям боярским и дьякам, которые готовы были видеть в Сигизмунде III временного правителя России.

К работе такого рода канцелярия Сигизмунда III приступила 22 февраля 1610 г., на следующий день после официального отъезда тушинских послов. Поводом к началу такой деятельности канцелярии стало обращение 17 января (н. ст.) нескольких детей боярских Дорогобужского уезда о готовности принести присягу королю. Их отправили пригласить на королевскую службу войска Лжедмитрия II, уходившие из Царева Займища в Калугу³⁰. Как видно из записи в ведшейся под Смоленском книге расходов, это были Михаил, Воин и Томила Засецкие³¹. 22 февраля «Жикгимонт третий Божью милостью король» выдал Томилу Засецкому грамоту, которой подтверждал права сына боярского на села и деревни в различных станах Дорогобужского уезда. Одновременно она должна была служить для охраны его имений от возможных действий польско-литовских войск³². Грамота была составлена писарем литовской канцелярии Яном Соколинским по образцу выходявших из этой канцелярии документов. Никаких упоминаний о том, что Сигизмунд III действует от имени будущего русского монарха Владислава, в документе не было. По этому образцу было выдано несколько грамот товарищам Т. Засецкого³³.

Хотя, получив «отпуск», послы из Тушина задержались в королевском лагере, в отличие от дорогобужских детей боярских члены посольства не проявили готовности хлопотать о пожалованиях у Сигизмунда III. По-видимому, характер этих пожалований представлялся им сомнительным. Исключением стал лишь один

из членов посольства дьяк Степан Соловецкий. 24 февраля он получил сразу четыре грамоты Сигизмунда III на владения в различных уездах. Если дорогобужские провинциалы просили лишь о сохранении за ними прежних владений, то С. Соловецкий уже ходатайствовал о пожаловании ему поместий разных лиц и дворцового села Дегунина в Старицком уезде³⁴. Однако этот дьяк, недавно повышенный из «торговых мужиков»³⁵, не был настолько авторитетной фигурой, чтобы его примеру последовали другие члены посольства.

Первой социально значимой группой русского общества, проявившей заинтересованность в получении пожалований от Сигизмунда III, стала верхушка ржевского и зубцовского дворянства, тот круг детей боярских, которые посетили лагерь под Смоленском 18 февраля. После этого у них — по-видимому, прежде всего у их предводителей, семьи князей Шаховских — установились достаточно тесные связи с королевским двором. В книге расходов под 25 февраля помещена запись о выплате денег двум братьям Шаховским (сыновьям князя Леонтия?), которые были посланы к жителям Рославля, чтобы убедить их принести присягу королю³⁶. Возможно, от них и стало известно о начавшейся раздаче пожалований, и после этого ржевские и зубцовские дворяне снова направились в королевский лагерь³⁷. 2 марта из канцелярии Сигизмунда III были выданы грамоты на владения князю Леонтию и почти двум десяткам прибывшим вместе с ним дворян. Сохранившийся в реестре королевской канцелярии полный текст грамоты кн. Леонтию Шаховскому показывает, что в формуляр пожалований были внесены некоторые изменения. В грамоте отмечалось, что князь Леонтий «бил челом» королю, чтобы его «под зверхность... господарскую» приняли. И король, принимая во внимание, что князь «службою своею удался и хрест на том целовал», что ему и сыну его «Владыславу королевичу верою и правдою служитьи и прямити мает», подтвердил Шаховскому пожалования «прежних великих господарей Московских, предков наших»³⁸. По этому формуляру и выдавались в дальнейшем грамоты из королевской канцелярии³⁹.

Текст грамоты не оставляет сомнений в том, как трактовали в окружении короля присягу, которую приносили бояре и дети боярские, участвовавшие в заключении февральского договора. Эта присяга в их понимании означала то, что эти люди тем самым признавали себя «подданными» Сигизмунда III, и выдача коро-

левских грамот должна была в их представлении закрепить эти отношения.

Многие из детей боярских ходатайствовали не только о подтверждении своих прав на владения, но и о передаче им поместий других лиц. Так, князю Леонтию были переданы поместья других людей в Ржевском, Вяземском и Зубцовском уездах⁴⁰. Кн. Семен Шаховской получил поместья разных лиц в Торопецком и Порховском уездах⁴¹. Этот пример показывает, что уже при выдаче своих первых жалованных грамот Сигизмунд III охотно раздавал земли на территориях, находившихся за пределами его реальной власти.

Однако за этим визитом вовсе не начался массовый приток детей боярских (хотя бы из занятых королевской армией западных уездов) с просьбами о пожалованиях⁴². Зато с 30 марта стали хлопотать о пожалованиях члены тушинского посольства. К этому времени развал тушинского лагеря зашел уже столь далеко, что членам посольства стало ясно, что лишь дальнейшее сближение с Сигизмундом III может гарантировать им сохранение того социального статуса, который они достигли на службе Лжедмитрия II. Пожалования короля (как бы они ни были сомнительны с юридической точки зрения) в сложившейся ситуации могли быть единственной гарантией того, что этот статус удастся сохранить.

Глава посольства, боярин М. Г. Салтыков, и члены его семьи проявили при этом известную сдержанность, ограничившись подтверждением прав на уже имевшиеся у них владения⁴³. Другие, однако, постарались извлечь из сложившейся ситуации максимум выгоды. Так, стольник кн. Ф. Ф. Мещерский, ставший окольным Лжедмитрия II, ходатайствовал о передаче ему не только целых дворцовых волостей в Обонежской пятине и Переяславском уезде, но также сел, принадлежавших Архангельскому собору в Московском Кремле и Кирилло-Белозерскому монастырю⁴⁴. От думных людей, подобных Мещерскому, не отставали и дьяки. Купец из Погорелого городища Федор Андронов, ставший влиятельным дьяком при дворе Лжедмитрия II, выхлопотал пожалование ему его родины — Погорелого городища и еще двух волостей в Старицком уезде⁴⁵. Все эти пожалования рисуют картину весьма неприглядного морального облика большей части представителей той общественной группы, которая пока являлась главной опорой Сигизмунда III в русском обществе.

За время с 22 февраля по 20 июня из королевской канцелярии было выдано 132 грамоты с подтверждениям прав на владения.

Если отбросить от этой цифры несколько десятков пожалований, полученных ржевскими и зубцовскими дворянами, с одной стороны, и членами тушинского посольства — с другой, то приходится констатировать, что очень немногие дети боярские, даже из уездов, занятых королевской армией, оказались заинтересованы в подтверждении прав на владения со стороны новой власти. Так, по наблюдениям В. П. Мальцева, за время с февраля по июль 1610 г. всего девять смоленских помещиков ходатайствовали о получении грамот от короля. Все они принадлежали к низшим слоям смоленской дворянской корпорации (пятеро из них даже не числились в смоленской десятне 1606 г.). Как отметил тот же исследователь, все они получили очень щедрые пожалования, на которые в обычных условиях они никак не могли рассчитывать⁴⁶. Эта деталь показывает, что новая власть прилагала усилия по привлечению на свою сторону местных детей боярских, но усилия эти значительным результатом в то время не увенчались. К тому же далеко не всех, получивших грамоты из королевской канцелярии, можно причислить к искренним сторонникам короля Сигизмунда III или Владислава. Так, после сдачи Новгорода-Северского местный воевода М. Карпов и ряд помещиков посетили лагерь под Смоленском и 20 апреля получили от короля грамоты на владения⁴⁷. Сомнительно, однако, чтобы новгород-северские помещики, получившие эти грамоты в таких обстоятельствах, действительно испытывали добрые чувства по отношению к Сигизмунду III.

Для этой сферы отношений также характерна была определенная двусмысленность. Сигизмунд III выдавал грамоты как «король польский и великий князь литовский», просьба же о подтверждении прав на землю трактовалась как желание «короля его милости иметь своим паном», однако дети боярские, только что принесшие присягу королевичу Владиславу, явно рассматривали их как охранные грамоты, которые должны быть подтверждены будущим царем.

Одной из главных целей похода было взятие Смоленска. Именно под стенами этого города находились в первой половине 1610 г. главные силы королевской армии. Однако никаких значительных успехов за это время королевская армия добиться не смогла. По наблюдениям историка смоленской обороны В. П. Мальцева, с марта по конец июля 1610 г. в военных действиях наблюдалось определенное затишье. Велась главным образом минная война, не приносявшая польско-литовской стороне заметных ре-

зультатов. В распоряжении польских военачальников не было таких осадных орудий, которые могли бы нанести серьезный ущерб стенам смоленской крепости. Такие орудия были привезены из Риги лишь в конце мая 1610 г., и только в конце июля был начат систематический обстрел крепости⁴⁸.

Наблюдения и выводы В. П. Мальцева в этой их части опираются на анализ такого важного источника, как дневник похода Сигизмунда III. Следует, однако, учитывать официальный характер этого источника, который, как отметил его последний издатель, составлен лицом, принадлежавшим к королевскому окружению; фрагменты из него публиковались в Вильне еще в 1610 г.⁴⁹ Поэтому важно, что теперь есть возможность сопоставить сообщения дневника со свидетельствами неофициального происхождения. Имеем в виду достаточно откровенные по содержанию письма, которые писал из лагеря под Смоленском Якуб Задзик. Позднее сделавший большую карьеру (он стал коронным канцлером, а затем краковским епископом), автор писем был в то время молодым сотрудником королевской канцелярии, информировавшим о положении дел под Смоленском своих патронов — хелминского епископа В. Гембицкого и вармийского епископа Ш. Рудницкого⁵⁰.

Внимательный и интеллигентный свидетель высказывал серьезное неудовлетворение положением дел в лагере под Смоленском. 19 июня он писал, что, хотя пушки из Риги и доставлены, но нет необходимого для штурма количества пехоты, «хотели бы эту дыру казаками затыкать»⁵¹. Сообщая через две недели о начавшейся установке пушек на позициях, он давал такую общую оценку положения дел: «В лагере тот же порядок, что и раньше, такие же убийства, такое же своеволие»⁵². Близким по общей оценке было и следующее письмо, написанное через несколько дней. В нем Задзик с негодованием писал, что целая неделя ушла на споры, где поставить батареи, а войско только требует жалования: «Нет ничего основательного, ничего фундаментального, все что начинаем, — так из рук и падает». Хотя пушки в конце концов были поставлены, обстрел крепости не начинали, ожидая прихода казаков⁵³. Когда казаки, наконец, прибыли, их оказалось гораздо меньше, чем ожидалось: часть погибла в боях за Брянск, часть с дороги ушла грабить окрестные села⁵⁴. У осаждающих, как видим, вплоть до середины июля 1610 г. не было никаких реальных возможностей для того, чтобы силой овладеть Смоленском.

Нельзя было рассчитывать и на то, что голод заставит защитников крепости капитулировать. Правда, с апреля 1610 г., как установил В. П. Мальцев, изучая документы смоленской воеводской избы, в крепости действительно начался голод, но голодали, главным образом, крестьяне из окрестных сел, нашедшие убежище в Смоленске. Детям боярским и стрельцам регулярно выдавалось продовольствие из «государевых житниц», оттуда же, хотя и в меньшем размере, производились выдачи посадским людям⁵⁵.

Перебежчики приносили в королевский лагерь сообщения о внутренних столкновениях в крепости. Так, 4 апреля бежавший из Смоленска стрелец сообщил, что часть защитников города во главе с воеводой готова была сдать, но против этого решительно выступил архиепископ, в знак протеста снявший с себя ризы и положивший епископский жезл⁵⁶. Более подробно сообщения перебежчика, названного «казаком», переданы в донесении находившегося в смоленском лагере агента флорентийского герцога Джованни ди Луна. Из него выясняется, что сидевшие в осаде дети боярские («*tutti li boiari, principali nobili di Smolensko*») явились к архиепископу и обвинили его в том, что, настаивая на защите города, он хочет погубить их имущество, их самих, их жен и детей. Резкое столкновение завершилось тем, что архиепископ демонстративно сложил свои ризы и удалился в монастырь. Туда, однако, к нему направились «наиболее богатые и влиятельные купцы («*li piu ricchi et principali mercanti*»), которые уговорили его вернуться на престол. Дети боярские были вынуждены отказаться от своих обвинений, но заявили, что, если до Пасхи «по старому календарю» от Шуйского не придет помощь, они будут добиваться сдачи крепости⁵⁷. Таким образом в крепости четко обозначился конфликт между детьми боярскими, готовыми сдать крепость, и посадским «миром», который был против этого. Начавшиеся весной, эти споры в Смоленске продолжались и летом 1610 г. 4 мая другой перебежчик также сообщил, что именно архиепископ удерживает защитников города от сдачи⁵⁸. 20 июня бежавший из Смоленска сын боярский сообщил, что М. Б. Шеин уже хотел сдать город, но этому воспротивился «посадский мир», заставив его продолжать сопротивление⁵⁹. Важные дополнения вносит характеристика положения в Смоленске в одном из писем Задзика. Он писал своему патрону, что стрельцы и дети боярские готовы сдать город, но против этого решительно выступают «купцы», которые «скорее умрут, чем сдадутся»⁶⁰. Такие настроения детей

боярских не могут вызывать удивления, если учесть, что среди них была большая группа детей боярских из Дорогобужа и Вязьмы, членов дворянских корпораций, которые, в отличие от смолян, в гражданской войне стояли на стороне Лжедмитрия II.

К сожалению, эти сообщения не поддаются проверке на основе иных, независимых источников. Некоторые возможности в этом отношении дает все же запись допроса М. Б. Шеина после взятия Смоленска польскими войсками. Не во всем, конечно, показания эти заслуживают доверия. Так, воевода решительно отрицал существование разногласий среди защитников крепости. Все предложения о сдаче, по его словам, зачитывались публично, «и все были одного духа и намерения не сдаваться»⁶¹. Однако, как мы увидим далее, такие разногласия (и достаточно серьезные) выявляются при изучении материалов Смоленской приказной избы, что ставит под сомнение искренность показаний воеводы в этой их части.

Стоит, однако, отметить другое. Хотя после того, как М. Б. Шейн оказался в польском плену, ему было бы выгодно сказать о своих попытках сдать город королю, ни о чем подобном в его показаниях не говорится. Это заставляет думать, что слухи о таких намерениях воеводы, видимо, не соответствовали реальным фактам. Вместе с тем его показания подтверждают сообщения перебежчиков о роли архиепископа Сергия в борьбе против сдачи крепости. По словам воеводы, архиепископ часто порицал его перед «миром» за то, что он «промыслу над неприятелем не чинит, языков не добывает и людей на вылазки не пускает»⁶².

Надеясь добиться сдачи Смоленска, король и его советники рассчитывали на содействие русских послов из Тушина. Как отмечено в дневнике похода Сигизмунда III, уже 3 февраля послы выразили желание вступить в переговоры с защитниками города, и один из послов (не названный по имени)⁶³ утром 5 февраля подошел для переговоров к городским стенам. Одним из результатов этих переговоров было то, что сопровождавший этого члена посольства некий купец Афанасий был впущен в город с грамотами от «патриарха» Филарета к архиепископу⁶⁴. Однако на следующий день вместо продолжения переговоров смоленская артиллерия стала обстреливать королевский лагерь⁶⁵. 18 апреля попытка была повторена — в Смоленск были посланы грамоты с сообщением о переходе под власть Сигизмунда III Белой и ряда Северских городов. Грамоты были прочитаны перед «миром», но

никаких результатов и это обращение не принесло⁶⁶. В мае надежды на сдачу Смоленска связывались с ожидавшимся приездом Филарета⁶⁷. Единственным реальным результатом всех этих попыток стало осложнение положения смоленского воеводы, который, вступив в переговоры с приезжавшим под стены крепости Иваном Никитичем Салтыковым, своим родственником, стал подозрительным в глазах «мира»⁶⁸.

Планы добиться сдачи Смоленска в первой половине 1610 г. были тем более нереальными, что, несмотря на все усилия, город невозможно было полностью изолировать от внешнего мира. Если о положении в Смоленске узнавали от перебежчиков из города в королевский лагерь, то были и перебежчики из королевского лагеря в Смоленск, сообщавшие воеводам и «миру» о том, что происходит в России. Так, в начале февраля 1610 г. в Смоленск бежал Данило, купец из Полоцка, сообщивший о победах войск М. В. Скопина-Шуйского над тушинцами⁶⁹, а в начале апреля в Смоленск сумели пробраться гонцы из Москвы «с государевыми грамотами», которые рассказали о вступлении войск Скопина-Шуйского в Москву и подготовке похода на помощь Смоленску⁷⁰. В мае о приходе в Смоленск новых гонцов от Шуйского стало известно и в королевском лагере⁷¹. В таких условиях трудно было надеяться на скорую сдачу Смоленска. Поскольку и занять Смоленск военной силой пока не было реальных возможностей, то судьба польско-литовских планов относительно Смоленска оказывалась в зависимости от успеха планов соглашения с русскими сословиями в Москве.

Хорошее настроение, в котором находились король и его советники после заключения февральского договора, было связано не с тем, что здесь придавали значение достижению соглашения с бывшими русскими сторонниками Лжедмитрия II. Относительно их реальных возможностей ни у кого не могло быть больших иллюзий⁷². Февральский договор, по их расчетам, должен был стать базой для соглашения со сторонниками царя Василия Шуйского, которые, оставив своего государя, отдали бы предпочтение Сигизмунду или его сыну. Сведения, которые поступали к королю и от русских тушинцев, и от поляков в Тушине, и от собственных лазутчиков, убеждали в том, что такое развитие событий вполне реально.

Как уже отмечалось выше, направленные в тушинский лагерь королевские послы получили от Сигизмунда III официальные инструкции вступить в переговоры с царем Василием о заключении мира. Первоначально послы пытались установить контакты с

Москвой, чтобы выполнить данное поручение⁷³, но позднее их линия поведения изменилась. Причину этого следует искать в сведениях о положении в столице, которые были ими получены от русских тушинцев, поддерживавших контакты со своими приятелями в Москве. Как сообщали послы в королевский лагерь, положение царя Василия — шаткое, все испытывают к нему неприязнь, и совсем недавно бояре и «мир» хотели его свергнуть и возвести на трон Голицына, а в войсках, находящихся в поле, открыто зовут царем М. В. Скопина-Шуйского⁷⁴. В этих условиях послы пришли к выводу, что мирные переговоры укрепили бы положение Шуйского, и избрали такой стиль поведения, который способствовал бы дальнейшему ослаблению его позиций. Они направили царю Василию письмо, которое тот отказался принять, так как в нем не было царского титула — тем самым появилась возможность обвинить его перед «миром» в срыве мирных переговоров⁷⁵.

Принятая королем линия — отказаться от соглашения и, наоборот, добиваться устранения Шуйского из политической жизни — установилась, по-видимому, также и под влиянием сообщений русских тушинцев о существовании в Москве большого количества тайных сторонников польского кандидата. Судя по записи в дневнике похода, глава посольства М. Г. Салтыков уже на приеме у короля заявил, что его посольство представляет интересы русских людей «как под столицей, так и тех, кто в столице», которые поручили послам выступать на переговорах от их имени⁷⁶. Поднятая здесь тема получила продолжение во время переговоров с сенаторами 1 февраля (н. ст.) 1610 г. На этой встрече приводились конкретные сведения о непрочности положения Шуйского, против которого постоянно устраивают заговоры. Послы ссылались на то, что во время переговоров «с теми, кто в столице», была достигнута договоренность низложить и Лжедмитрия II, и Шуйского, и искать государя «королевского племени». Они просили, чтобы король скорее шел с войском к Москве, тогда тайные приверженцы королевича выступают против царя Василия⁷⁷. Заверения послов находили подтверждения в сообщениях, приходивших из-под Москвы от польских тушинцев. Так, кн. Р. Ружинский 27 февраля (н. ст.) писал Сигизмунду III, что, по сообщениям лазутчиков, в Москве много людей, расположенных к королю, которые «Господа Бога просят, чтобы только как можно скорее король его милость изволил к нам наступать»⁷⁸.

Именно воздействием на Сигизмунда III подобных сообщений следует объяснять то, почему король согласился одобрить бóльшую часть условий представленного бывшими сторонниками Лжедмитрия II проекта договора⁷⁹. Поступил он так не потому, что считался с бывшими тушинцами как с серьезной политической силой. Выработанное соглашение, по расчетам Сигизмунда III, должно было привлечь на его сторону приверженцев царя Василия.

Восприятие королем и его окружением сложившейся ситуации получило свое отражение в тексте послания, разосланного сенаторам в марте 1610 г.⁸⁰ Информировав их о предварительном, нуждающемся в согласии сейма соглашении с русскими тушинцами, король выражал надежду, что благодаря этому соглашению и «другая Москва... на правление сына нашего согласится». В Москве, сообщал он сенаторам, постоянные волнения, между людьми нет согласия, «и там много таких, которые, хоть и в тайне, склоняются к нам и к сыну нашему». Сложилась благоприятная ситуация не только для расширения границ Речи Посполитой, «но и для овладения всей этой монархией Московской».

Для польской политики открывались как будто и другие возможности. В уже упоминавшемся письме от 27 февраля (н. ст.) гетман Р. Ружинский сообщал о конфликте между царем и кн. М. В. Скопиным-Шуйским. Гетман советовал послать полководцу какое-нибудь «писание», чтобы привлечь его на сторону короля⁸¹.

Сигизмунд III и его окружение зимой-весной 1610 г. пытались использовать эти возможности. План действий обсуждался на совещаниях у одного из главных советников короля, коронного подканцлера Ф. Крыйского, с участием русских послов из Тушина, которые, несмотря на официальный «отпуск», продолжали оставаться в королевском лагере. На совещаниях, состоявшихся 26–27 февраля (н. ст.), было принято решение направить в Тушино одного из людей, пользовавшихся особым доверием короля, брацлавского воеводу Я. Потоцкого, с крупным военным отрядом. Вместе с ним должны были направиться в Тушино русские послы⁸². Приход брацлавского воеводы с новым войском под Москву и присоединение к нему польско-литовских войск, стоявших в Тушине, должны были стать сигналом к активизации деятельности тайных сторонников польского кандидата в Москве, а вернувшиеся с Я. Потоцким послы должны были содействовать их соглашению с польскими властями. О принятых решениях были постав-

лены в известность и польско-литовское войско, и «патриарх» Филарет как глава всех находившихся в Тушине русских людей.

Несколько позже был предпринят другой важный шаг. 13 марта (н. ст.) 1610 г. Сигизмунд III обратился с посланием к М. В. Скопину-Шуйскому. Послание открывалось длинным перечнем обвинений по адресу царя Василия. Ряд обвинений касался ущерба, нанесенного Речи Посполитой и отдельным ее подданным, но некоторые из них касались и отношения царя к его русским подданным. Здесь подчеркивалось, что Шуйский сел на трон «сам по своему хотению, не призыванием народу московского». Говорилось в послании и о том, что, став царем, он «многих бояр думных и всякого стану людей народу московского невинне убивает, мордует и на везенье (т. е. в тюрьму) розсылает не за их вину альбо выступку (проступок), але только свое господарение укрепляючи». Поэтому многие бояре и думные люди, «служивые и неслуживые люди» отказались признавать Василия Шуйского царем и желают возвести на трон королевича Владислава. Если М. В. Скопин-Шуйский с боярами и думными людьми, «со дворяны и детьми боярскими и со всею землею» захотят «на то привести, абы сына нашего... на великое господарство Московское обрали», то «для успокоения великого господарства Московского сына нашего Владислава боронити не будем». Послание заканчивалось обещанием всяческих милостей Скопину.

Одновременно с этим посланием было отправлено письмо от находившихся в лагере под Смоленском сенаторов к боярской думе (в числе бояр, которым был адресован текст, на первом месте, перед братьями царя, был поставлен М. В. Скопин-Шуйский). Сенаторы сообщали, что получили разрешение короля совещаться с боярами «о способах... успокоения» Русского государства «и о всих добрых делех». Поэтому сенаторы предлагали начать переговоры, «як бы то великое господарство Московское успокоити и тишину людем привернути»⁸³. С этими посланиями был отправлен в Москву гонец Стромилловский, но никаких результатов этот демарш не принес.

Не был реализован и план действий, намеченный на совещаниях в конце февраля. Как следует из различных свидетельств, собранных В. Поляком, вплоть до конца марта 1610 г. вопрос о походе брацлавского воеводы под Москву оставался актуальным⁸⁴, но до его выступления дело так и не дошло. Сначала воевода заболел⁸⁵, затем говорили, что он не может выступить в по-

ход «из-за великих снегов»⁸⁶. Представляется правильным предположение В. Поляка, что действительной причиной того, почему поход Я. Потоцкого под Москву не состоялся, стал быстрый распад тушинского лагеря.

После бегства Лжедмитрия II резко усилились раздоры в польско-литовском войске, стоявшем в Тушине. Одни уже соглашались идти на королевскую службу, но были недовольны предложенными условиями, другие готовы были уйти к Лжедмитрию II, который из Калуги обратился к войску, обещая щедрое вознаграждение за службу⁸⁷. Между приверженцами короля и Самозванца шли споры, доходившие до вооруженных столкновений⁸⁸. Одновременно из Тушина к Самозванцу двинулись донские казаки и часть русских служилых людей во главе с боярами кн. Д. Т. Трубецким и М. И. Колодкиным-Плещеевым. При уходе дошло до их вооруженного столкновения с польско-литовским войском⁸⁹. И польско-литовское войско, и русские служилые люди, еще остававшиеся в Тушине, фактически перестали участвовать в военных действиях. Военные действия против М. В. Скопина-Шуйского продолжали лишь полк Я. П. Сапеги, стоявший под Троице-Сергиевым монастырем, и расположенный в районе Серпухова полк А. Млоцкого. Полк А. Млоцкого сразу оказался в особенно неблагоприятном положении, так как ему пришлось вести военные действия и против войск Лжедмитрия II, и против войск Шуйского. Уже во второй половине января на этот полк напали ушедшие к Лжедмитрию II донские казаки, а вместе с ними большое количество «пахолков», ушедших из польско-литовского войска в Тушине. Когда Млоцкий, сумевший укрыться с полком в Серпухове, выступил против них, восстали жители Серпухова, захватив обозы полка и перебив находившуюся при них «челядь»⁹⁰. Полк отошел к Боровску. 6 февраля полковник отправил письмо к Сигизмунду III с просьбой о помощи, «так как уж нам очень тяжело»⁹¹. В начале февраля А. Млоцкий напал на Серпухов и «все спалил», но в это время пришло известие о переходе Боровска и Пафнутьево-Боровского монастыря на сторону Шуйского; в монастырь вошел отряд из 600 стрельцов⁹². А. Млоцкий дал бой 2-тысячному отряду войск Шуйского, пришедшему на лыжах, но не смог «разорвать» их табор и вынужден был уйти из этого района⁹³. Полк отходил к Масальску, потеряв при отступлении почти всех коней и снаряжение. 27 февраля А. Млоцкий приехал в королевский лагерь с просьбой о помощи⁹⁴.

Не лучше пошли дела и у полка Я. П. Сапеги. Он не сумел воспрепятствовать проходу в Троице-Сергиев монастырь посланного М. В. Скопиным-Шуйским большого отряда во главе с Г. Валуевым, который предпринял успешные нападения на «таборы» осаждавших⁹⁵. 12/22 января Я. П. Сапега был вынужден снять осаду, так как, как отмечено в дневнике похода Сигизмунда III, войска Скопина лишили его продовольствия и воды⁹⁶. Полк Я. П. Сапеги отошел к Дмитрову. Армия М. В. Скопина-Шуйского подошла к Троице-Сергиеву монастырю, а против Я. П. Сапеги были направлены войска во главе с кн. И. С. Куракиным⁹⁷. В боях, развернувшихся под Дмитровом, русская сторона прибегла к тактике, оправдавшей себя в предшествующих боях с тушинцами, когда на путях, ведущих к Дмитрову, ставились острожки, а размещенные там отряды мешали «пахолкам» собирать продовольствие для полка. Когда Я. П. Сапега был вынужден отправить часть полка за продовольствием «за Волгу», русские войска атаковали его в Дмитрове. Я. П. Сапега оказался в опасном положении, однако его выручила помощь, присланная из Тушина. 8 марта (н. ст.) Я. П. Сапега оставил Дмитров и ушел со своим полком к Клину, затем — к Иосифо-Волоколамскому монастырю⁹⁸.

Положение войска в тушинском лагере стало критическим. 18 марта (н. ст.) войско подожгло укрепления лагеря и, взяв с собой пушки, двинулось на запад к Волоколамску⁹⁹. Вместе с войском шел «патриарх» Филарет и люди бывшего двора Лжедмитрия II, еще остававшиеся в Тушине. В Волоколамске следовало решить, что делать дальше, однако уже с дороги некоторые отряды ушли в Калугу к Лжедмитрию II¹⁰⁰. Войско отправило под Смоленск Александра Зборовского с просьбой о помощи и с объявлением желания поступить на королевскую службу, но когда он вернулся с жалованием, то на эти деньги удалось нанять лишь 2000 человек, после чего в конце апреля (н. ст.) значительная часть оставшихся ушла к Лжедмитрию II в Калугу¹⁰¹. На службу к Самозванцу ушел и полк Яна Петра Сапеги¹⁰². Остатки войска вместе с русскими служилыми людьми стали на постой в Иосифо-Волоколамском монастыре и в нескольких местах вокруг него¹⁰³. Комментируя соперничество короля и Самозванца, каждый из которых стремился привлечь войско на свою сторону, Лев Сапега в письме к жене мрачно заметил, что Лжедмитрий, «хоть ему и нечего давать, но много обещает, а у нас и нет ничего, что могли бы дать, и обещать не хотим»¹⁰⁴.

В результате бóльшая часть польско-литовского войска отошла на южные окраины Русского государства, остававшиеся под властью Лжедмитрия II.

Главным отрицательным последствием для королевской стороны от всех этих изменений стало то, что армия М. В. Скопина-Шуйского могла теперь двигаться на юг, не встречая организованного сопротивления. 12 марта 1610 г., через несколько дней после того, как польско-литовское войско и бывшие русские сторонники Лжедмитрия II ушли от столицы, армия Скопина вступила в Москву¹⁰⁵. Блокада со столицы была снята, цены на продовольствие резко упали¹⁰⁶. 18 марта в Золотой палате был устроен торжественный прием в честь русских и шведских военачальников — участников похода¹⁰⁷. В таких условиях планы низложения царя Василия тайными сторонниками польского кандидата становились явно нереальными. Наоборот, после распада тушинского лагеря и серьезного ослабления позиций Лжедмитрия II на юге (не в последнюю очередь благодаря действиям запорожцев) освободившиеся русские войска могли быть направлены против осаждавшей Смоленск королевской армии. Как сообщается в «Повести о победах Московского государства», когда стало известно о приходе польско-литовского войска под Смоленск, в лагере под Александровой Слободой многие помещики из западных уездов (и прежде всего смольняне) обратились к М. В. Скопину-Шуйскому с просьбой, «дабы их отпустил к граду Смоленску полского короля отогнати и град очистить»¹⁰⁸. Тогда Скопину удалось убедить их остаться в войске, но после прихода в Москву эти требования должны были возобновиться. Власть не могла игнорировать выступления служилых людей, которые во время гражданской войны были одной из главных ее опор. В апреле 1610 г. в королевский лагерь под Смоленском пришли сообщения, что вступившее в Москву дворянское ополчение было распущено по домам с приказом собраться всем на военную службу «по траве»¹⁰⁹.

Однако не все войска были распущены. Уже в середине марта 1610 г. из Вязьмы в королевский лагерь пришли сообщения о появлении крупных отрядов русских войск в районе Можайска¹¹⁰. Изменение положения сказалось на поведении начальника отряда, стоявшего в Можайске, Вильчека, который, получив крупную сумму денег от Шуйского, сдал город русским воеводам¹¹¹. Возможно, на поведении военачальника сказались настроения местного населения, так как в разрядных записях отмечено, что воевода Иван Васильевич

Измайлов был послан из Москвы «по присылке жогаич»¹¹². Сюда же, на западное направление, был двинут корпус, ранее освободивший от «воровских людей» Ростов. В разрядной записи указаны имена воевод, стоявших во главе корпуса, — кн. Я. П. Борятинский и кн. И. А. Хованский¹¹³. Так как в армии М. В. Скопина-Шуйского Я. П. Борятинский командовал смоленскими детьми боярскими, а И. А. Хованский — детьми боярскими из Белой, то ясно, что в поход были посланы дети боярские из западных уездов, которым, в отличие от других частей боярского ополчения, некуда было идти на отдых. По-видимому, в районе Старицы эти войска соединились с пришедшим на русскую службу из Швеции корпусом Эверта Горна¹¹⁴. Целью похода соединенных сил стала Ржева-Володимирова, к которой войска подошли одновременно судами по Волге и по суше. Стоявшие в городе запорожцы благодаря внезапности нападения были выбиты из посада, но успели укрыться в крепости. Бои продолжались несколько дней, и казаки были вынуждены оставить город. Вскоре вслед за тем был оставлен и Зубцов, и русские войска заложили укрепленный острог в Погорелом городище¹¹⁵. После первых достигнутых успехов часть войск была переброшена на главное смоленское направление.

Первым важным шагом по организации военных действий на главном пути, ведущем из Москвы в Смоленск, была посылка М. В. Скопиным-Шуйским 3-тысячного отряда во главе с Григорием Валуевым, который занял Волоколамск¹¹⁶. В нескольких километрах от города, в Иосифо-Волоколамском монастыре, находились остатки польско-литовских войск из Тушина: те, кто еще не решил, идти ли на службу к королю или уйти к Лжедмитрию II. Вместе с ними находились бывшие приближенные Лжедмитрия II, собиравшиеся ехать к королю под Смоленск.

С весенней распутицей на какое-то время наступил перерыв в военных действиях, но длился он недолго. Начинался намеченный на весну большой поход под Смоленск. 29 марта из Москвы в Можайск выступил передовой полк собиравшейся армии во главе с кн. Андреем Васильевичем Голицыным и кн. Данилом Ивановичем Мезецким. Воеводы направили к Г. Валуеву голов с сотнями¹¹⁷. Тогда же из Погорелого городища к нему подошли отряды наемников во главе с французским офицером на шведской службе П. Делавилем. Делавиль сумел взорвать ворота Иосифо-Волоколамского монастыря, и 21 мая (н. ст.) русско-шведские войска ворвались в монастырь. С большим трудом приступ удалось отбить, но во время боев была подожжена и сгорела деревянная крепость,

в которой находились запасы продовольствия. Г. Валуев, следуя уже проверенной тактике, поставил вокруг монастыря укрепленные острожки, что не давало возможности укрывавшемуся в монастыре войску добывать в окрестностях продовольствие. Польско-литовское войско вынуждено было покинуть монастырь и отступить на запад, по дороге оно было атаковано русско-шведскими войсками и разгромлено. Русские служилые люди и «патриарх» Филарет попали в руки победителей ¹¹⁸.

Одновременно русско-шведский корпус на Верхней Волге, отправив часть сил на помощь Г. Валуеву, сделал попытку овладеть Белой. Как уже отмечалось, лишь в апреле 1610 г. А. Госевскому удалось взять город после полугодичной осады. Жители города, стремясь избавиться от захватчиков, обещали, что с приходом русских войск откроют ворота и подожгут деревянные стены крепости. Заговор, однако, был раскрыт, и, не имея артиллерии, русско-шведское войско не могло штурмовать город, а столкновения в поле были для него неудачными. Однако в Белой не было запасов пороха и продовольствия, и Госевский просил о помощи ¹¹⁹.

Главные силы русской армии должен был возглавить кн. М. В. Скопин-Шуйский ¹²⁰. 23 апреля 1610 г. он умер, и командование армией было возложено на брата царя, кн. Д. И. Шуйского. В июне главные силы русской армии выступили в поход ¹²¹.

В королевском лагере под Смоленском положение было признано столь серьезным, что была предпринята попытка вступить в переговоры с Василием Шуйским. Отправленный в Москву гонец Слипень должен был передать предложения заключить «вечный мир» между Речью Посполитой и Россией, если Речи Посполитой будет уступлена Северская земля. Одновременно король обещал царю Василию военную помощь против его врагов (т. е. против Лжедмитрия II). Царь, однако, отказался вести мирные переговоры до тех пор, пока король не выведет свои войска с русской территории ¹²². По-видимому, одновременно и А. Госевский отправил гонца с мирными предложениями к кн. Д. И. Шуйскому, но воевода Торопца отказался пропустить этого гонца ¹²³.

После неудачной попытки вступить в переговоры Сигизмунд III и сенаторы, находившиеся в смоленском лагере, приступили к подготовке похода навстречу русским войскам. Начало этого похода задержалось из-за того, что было неясно, кому король поручит командование ¹²⁴. Наконец командующим был назначен гетман С. Жолкевский, и 2 июня (н. ст.) он выступил в поход ¹²⁵.

Неудачный для польско-литовских войск результат похода несомненно заставил бы Сигизмунда III снять осаду со Смоленска, и вмешательству Польско-Литовского государства в русские дела был бы положен конец. В случае же успеха перед правящими кругами Речи Посполитой открылись бы новые возможности для осуществления планов, выработанных зимой 1610 г. на совещаниях с русскими тушинцами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Prochaska A.* Wyprawa na Smoleńsk (Z listów litewskiego kanclerza r. 1609–1611) // *Kwartalnik litewski.* 1911. S. 65.
2. *Diariusz drogi króla JMci Zygmunta III od szczęśliwego wyjazdu z Wilna pod Smoleńsk w roku 1609 a die 18 Augusta, fortunnego powodzenia przez lat dwie do wzięcia zamku Smoleńska w roku 1611 / Opr. J. Byliński.* Wrocław, 1999. S. 93–94, 99.
3. *Ibid.* S. 105.
4. *Ibid.* S. 106.
5. *Ibid.* S. 117.
6. *Ibid.* S. 126.
7. Сб. РИО. Т. 142. Стб. 77–81.
8. Там же. Стб. 81–82.
9. Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 204.
10. Там же. С. 201–204.
11. Там же. С. 242, 244.
12. Там же. С. 241–243.
13. Как, например, Афанасий Алексеевич Есипов, Андрей Федорович Пусторослев, Юрий Воинович Поливанов, см.: Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. F. IV. № 394. Л. 118.
14. *Diariusz drogi...* S. 132.
15. *Ibid.* S. 132; *Elementa ad Fontium Editionis.* T. 27: *Res Polonica ex Archivo Mediceo Florentino II pars.* Romae, 1972. № 358. P. 327.
16. *Ibid.* S. 135. Очевидно, выполняя условия этого соглашения, А. Госевский не позволил находившимся под Белой запорожским казакам разграбить город: *Ibid.* S. 136–137.
17. О начале войн и смут в Московии. Исаак Масса. Петр Петрей. М., 1997. С. 147.
18. *Diariusz drogi...* S. 123. В дневнике похода, правда, отмечено, что отряд Богушевского должен был идти к Рославлю, но он начал военные

- действия в Северной земле еще раньше, чем отряд Запорского. Богушевский возглавлял военный отряд, выделенный из состава королевской армии — см. жалованную грамоту ротмистру Станиславу Богушевскому от 23 декабря 1620 г.: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 97. Л. 410 об.
19. *Diariusz drogi...* S. 128–129.
 20. Ряд записей о взятии Стародуба см.: *Ibid.* S. 129–131. Пленные, воевода кн. Андрей Хованский и дети боярские, были доставлены к королю.
 21. АИ. Т. 2. № 280.
 22. *Diariusz drogi...* S. 131, 133–134.
 23. См. донесение Запорского подканцлеру коронному Ф. Крыйскому: *Kórn. Rkp.* 1709. К. 278–279.
 24. *Diariusz drogi...* S. 135–136.
 25. См. жалованную грамоту С. Богушевскому.
 26. См. грамоту Сигизмунда III М. Зеновичу от 1 апреля 1610 г.: *Czart. Rkp.* 105. № 26.
 27. *Diariusz drogi...* S. 137.
 28. *Ibid.* S. 142.
 29. См. комментарий в дневнике похода к известию о сдаче Белой: «И так вернули то, что сто лет назад хитростью было оторвано от государств его королевской милости»: *Diariusz drogi...* S. 135.
 30. *Ibid.* S. 111.
 31. *Цветаев Д. В.* Царь Василий Шуйский... Ч. 2. Кн. 2. С. VII.
 32. АЗР. Т. 4. № 183/I. С. 320.
 33. Там же. № 183/II–IV. С. 320.
 34. Там же. № 183/V–XIII. С. 320–321.
 35. О нем см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие. XV–XVII вв. М., 1975. С. 482.
 36. *Цветаев Д. В.* Царь Василий Шуйский... Ч. 2. Кн. 2. С. VII.
 37. Запись об их приезде в дневнике похода под 1 марта (н. ст.): *Diariusz drogi...* S. 124.
 38. АЗР. Т. 4. № 183/IX. С. 321.
 39. См. внесенный в реестр текст грамоты М. Г. Салтыкову: Там же. № 183/XLII. С. 325.
 40. Там же. № 183/XI. С. 321.
 41. Там же. № 183/XIII. С. 322.
 42. Правда, приехавшие 1 апреля в королевский лагерь такие предводители ржевских детей боярских, как Афанасий Иванович Головленков и Василий Петрович Черкасский, также озаботились получением королевских пожалований (Там же. № 183/LXV–LXVI).

43. Там же. № 183/XLII–XLIV. С. 325–326.
44. Там же. № 183/LIII. С. 328.
45. Там же. № 183/LXI. С. 329. О Федоре Андронове см.: *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVII в. М., 1998. Т. 1. С. 228–229. См. также: *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 307.
46. *Мальцев В. П.* Борьба за Смоленск. Смоленск, 1940. С. 292–293.
47. АЗР. Т. 4. № 183/LXXX–LXXXVI. С. 330–331. Подобно другим воеводам Лжедмитрия II, Миляка Карпов также принадлежал к числу местных землевладельцев.
48. *Мальцев В. П.* Борьба за Смоленск... С. 295.
49. *Diariusz drogi...* S. 53.
50. Большая часть этих писем находится в Riksarkivet в Стокгольме. Использованы по микрофильмам, находящимся в Главном архиве древних актов в Варшаве.
51. Я. Задзик – III. Рудницкому, 19 июня 1610 г.: *Czart. Rkp. 342. S. 745.*
52. Я. Задзик – В. Гембицкому, 3 июля 1610 г.: *Riksarkivet. Extranea IX. Polen. № 105.*
53. Я. Задзик – В. Гембицкому, 10 июля 1610 г.: *Ibid.*
54. Я. Задзик – В. Гембицкому, 17 июля 1610 г.: *Ibid.*
55. *Мальцев В. П.* Борьба за Смоленск... С. 300–304.
56. *Diariusz drogi...* S. 133.
57. *Elementa...* № 361. P. 329–330.
58. *Diariusz drogi...* S. 139.
59. *Ibid.* S. 149–150.
60. Я. Задзик – В. Гембицкому, 3 июля 1610 г.: *Riksarkivet. Extranea IX. Polen. № 105.* Письмо было написано, когда в королевском лагере еще не знали об исходе битвы под Клушином.
61. *Czart. Rkp. 105. K. 70.*
62. *Ibid.* K. 169.
63. Из показаний Шеина следует, что это был Иван Никитич Салтыков.
64. *Diariusz drogi...* S. 119.
65. *Ibid.* S. 120.
66. *Ibid.* S. 136.
67. *Nowiny z Moskwy, maj 1610 g.: Czart. Rkp. 106. S. 43.* Здесь рассчитывали, что Филарет убедит смоленского архиепископа сдать город королю: *Elementa...* № 363. P. 332.
68. *Czart. Rkp. 105. K. 171, 173.*
69. Письмо Л. Сапеги жене от 2 февраля 1610 г.: *Prochaska A. Wyprawa... S. 64.*

70. АИ. Т. 2. № 282.
71. *Diariusz drogi...* S. 139.
72. См. саркастические высказывания находившегося в смоленском лагере информатора Радзивиллов: «Москва хотят иметь королевича своим государем, только не знаю, в который город его повезут»; «не имея, куда деваться, приехали к Королю его милости... сажают на государство королевича, свободного угла не имея»: *Koprejewa T. P. Listy polskie spod Smoleńska // Odrodzenie i Reformacja. Warszawa, 1976. T. 21. S. 187, 189.*
73. См.: *Polak W. O Kreml i Smoleńszczyznę. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607–1612. Toruń, 1995. S. 119.*
74. *Diariusz drogi...* S. 109.
75. См. подробнее: *Polak W. O Kreml...* S. 119–121.
76. *Diariusz drogi...* S. 118.
77. *Racz. Rkp. 33. K. 117^v–118.*
78. *Niemcewicz J. U. Dzieje panowania Zygmunta III. Kraków, 1860. T. 2. S. 209.* Аналогичные сведения посылал Льву Сапеге С. Домарадский: *Polak W. O Kreml...* S. 132.
79. На отношение в лагере под Смоленском к только что заключенному соглашению яркий свет проливает сообщение находившегося там французского агента от 10 апреля 1610 г.: король согласился на все, «хотя обещания, по общему мнению, невозможно выполнить»: Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871. Приложения. Стб. 53.
80. Его публикацию см.: *Niemcewicz J. U. Dzieje...* T. 2. S. 321–324.
81. *Ibid.* S. 210. 11 марта 1610 г. Сигизмунд III писал об этом конфликте В. Гембицкому, утверждая, что в этом конфликте большая часть русских людей находится на стороне Скопина: *Riksarkivet. Extranea IX. Polen. № 105.*
82. Об этих совещаниях см.: *Diariusz drogi...* S. 123–124. См. также письмо С. Тарговского еп. вармийскому Ш. Рудницкому: *Czart. Rkp. 1630. K. 973–974.*
83. *Ibid.* Rkp. 105. K. 299–308.
84. *Polak W. O Kreml...* S. 139–140, 147.
85. *Ibid.* S. 140.
86. Я. Завадский – Ш. Рудницкому, 20 марта 1610 г.: *Czart. Rkp. 342. K. 732.*
87. См.: «*Uniwersal Dimitrow z Kalugi podany*» от 20 января 1610 г.: *Kórn. Rkp. 1709. S. 280 i n.*
88. Об отношениях в тушинском лагере см. свидетельство М. Мархоцко-го, офицера в полку кн. Р. Ружинского: *Moskwa w rękach polaków. Pamiętniki dowódców i oficerów garnizonu polskiego w Moskwie w latach 1610–1612. Kraków, 1995. S. 58–60.*

89. Тюменцев И. О. Смута в России... С. 471. Как убедительно показал исследователь, в Калуге собралась половина прежней Думы Лжедмитрия II: Там же. С. 488–489.
90. См.: *Diariusz drogi...* S. 116–117; Я. Завадский — III. Рудницкому, 20 марта 1610 г.: *Czart. Rkp.* 342. K. 735.
91. *Nietcewicz J. U. Dzieje...* T. 2. S. 200.
92. *Diariusz drogi...* S. 121; *Koprejewa T. P. Listy...* S. 188–189.
93. *Diariusz drogi...* S. 124.
94. *Ibid.* S. 124; Я. Завадский — III. Рудницкому, 20 марта 1610 г.: *Czart. Rkp.* 342. K. 735.
95. Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 192–193.
96. *Diariusz drogi...* S. 121; Сказание... С. 193.
97. ПСРЛ. Т. 14. С. 95; Повесть о победах Московского государства / Изд. подгот. Г. П. Енин. Л., 1982. С. 13–14.
98. Главные источники о боях под Дмитровом — подробный рассказ в дневнике похода Я. П. Сапеги и рассказ М. Мархоцкого, ходившего с отрядом на помощь ему из Тушина (*Moskwa w rękach...* S. 60–62, 315–320).
99. Подробные рассказы об уходе войска из Тушина сохранились в записках М. Мархоцкого и Й. Будилы: *Ibid.* S. 63, 438–440.
100. *Ibid.* S. 439.
101. *Ibid.* S. 440–441.
102. Об уходе своего полка к Лжедмитрию II сообщил сам Я. П. Сапега, прибывший 25 апреля (н. ст.) в королевский лагерь под Смоленском: *Diariusz drogi...* S. 129.
103. *Moskwa w rękach...* S. 440–441.
104. *Prochaska A. Wygrawa...* S. 67.
105. *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 215, 224.
106. Повесть о победах... С. 15.
107. *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 224.
108. Повесть о победах... С. 13.
109. *Diariusz drogi...* S. 138. См. также сообщение «Повести о победах» о том, что начало похода к Смоленску было отложено до «вешняго пути и просухи» (Повесть о победах... С. 16).
110. *Diariusz drogi...* S. 127.
111. См. запись в дневнике похода Сигизмунда III под 21 марта (н. ст.): *Ibid.* S. 128. Вильчек принадлежал ранее к кругу сторонников Лжедмитрия II и лишь потом перешел на королевскую службу (*Ibid.* S. 283). Договоренность была достигнута после поездки от Шуйского в Можайск кн. Василия Васильевича Селеховского (*Сухотин Л. М.* Чет-

- верткики Смутного времени (1604–1617 гг.) // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 232).
112. *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 17.
113. Там же. С. 54
114. *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 113.
115. Там же. С. 113–114; *Diariusz drogi...* S. 140; *Almquist H.* Sverige och Ryssland. Uppsala, 1907. S. 181–182. В разрядных записях упоминаются воеводы Погорелого городища — Василий Бутурлин и Григорий Сулемша Пушкин (*Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 17).
116. ПСРЛ. Т. 14. С. 96; *Moskwa w rękach...* S. 63.
117. *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 215.
118. Описание событий на основании шведских источников см.: *Видекинд Ю.* История... С. 114–116. Свидетельства находившихся в монастыре польских офицеров М. Мархоцкого и Й. Будилы: *Moskwa w rękach...* S. 64–70, 441. См. также: *Diariusz drogi...* S. 143–145 и жалованную грамоту Сигизмунда III ротмистру Адаму Липскому от апреля 1621 г.: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 208. Л. 33 об.
119. *Видекинд Ю.* История... С. 117–119; *Żółkiewski S.* Początek i progres wojny Moskiewskiej / Орг. J. Maciszewski. Warszawa, 1966. S. 124, 127; *Diariusz drogi...* S. 148.
120. Гонцы, доставившие в Смоленск 8 апреля 1610 г. царские грамоты, сообщали, что «с Москвы, дей, боярина князя Михаила Васильевича Шуйского послал государь с рускими и немецкими людьми за день до Благовещеньева дни» (АИ. Т. 2. № 282).
121. О времени выступления в поход Д. И. Шуйского см.: ПСРЛ. Т. 34. С. 254.
122. См. об этом: *Polak W.* О Kreml... S. 145.
123. См. об этом в письме А. Госевского кн. Федору Волконскому: РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). 1625 г. № 1. Л. 37–38.
124. *Polak W.* О Kreml... S. 148.
125. *Diariusz drogi...* S. 146–147.

ПОХОД С. ЖОЛКЕВСКОГО К МОСКВЕ И НИЗЛОЖЕНИЕ ЦАРЯ ВАСИЛИЯ

О сражении армии С. Жолкевского с русскими войсками под Клушиным и последующих событиях вплоть до прихода польско-литовской армии к Москве в русских источниках сохранились лишь краткие сообщения, дающие самые общие представления о происходившем. Поэтому ход событий приходится реконструировать, главным образом по польским источникам. На первом месте здесь следует назвать описание похода, написанное буквально по следам событий их главным участником, Станиславом Жолкевским, а также донесения, которые направлялись им королю Сигизмунду III. Оба источника широко использовались исследователями, писавшими о походе. В настоящее время благодаря В. Поляку в научный оборот введен еще один важный источник — письма Яна Гридича, писаря литовской канцелярии, находившегося во время похода в войске гетмана. Я. Гридич постоянно информировал своего начальника — литовского канцлера Льва Сапегу — о положении дел в войске и в России. Важно отметить, что Гридич был не только внимательным наблюдателем, но и человеком, обладавшим определенным опытом контактов с русским обществом как один из членов королевского посольства в Тушино осенью 1609 г. Его сообщения о положении дел неоднократно дают ценные дополнения к сообщениям гетмана.

Из лагеря под Смоленском С. Жолкевский направился к Белой, где оказавшийся в осаде А. Госевский срочно просил о помощи. Однако, когда гетман подошел к Белой, русско-шведских войск под городом уже не было¹. Они ушли к Можайску на соединение с главной армией². После этого гетман повернул со своим войском к смоленской дороге, где активизировались действия рус-

ских войск. Передовой корпус Г. Валуева был усилен новыми отрядами во главе с кн. Федором Андреевичем Елецким. Выполняя приказ командующего, воеводы заложили укрепленный острог у Царева Займища³.

В своих записках С. Жолкевский писал о том, что М. В. Скопин-Шуйский выиграл войну с польско-литовскими военачальниками из Тушина потому, что, зная об отличных боевых качествах польской конницы, не давал сражений в открытом поле, укрывшись за укреплениями, постоянно ставил вокруг лагеря польско-литовского войска укрепленные «городки», размещенные в них отряды не давали доставлять продовольствие и заставляли противника уходить, а действовать против этих «городков» польско-литовская конница была не способна⁴.

В строительстве острога в Царевом Займище гетман увидел первый шаг к осуществлению подобного плана действий по отношению к королевскому лагерю под Смоленском⁵. Жолкевский, однако, не был намерен повторять ошибки тушинских военачальников и начал военные действия с того, что блокировал корпус Елецкого–Валуева в построенном ими остроге⁶. Острог был сильно укреплен, а находившееся в нем войско было достаточно многочисленно, так что его штурм был для сравнительно небольшой королевской армии делом рискованным, однако русские войска в остроге оказались в трудном положении, так как не имели запасов продовольствия и воды, а польским войскам удалось действительно окружить острог⁷.

Дмитрий Иванович Шуйский вынужден был выступить против польской армии, чтобы освободить корпус Ф. Елецкого и Г. Валуева из окружения⁸ и, изменяя тактике М. В. Скопина-Шуйского, дать бой польской армии в открытом поле.

Как вспоминал во время мирных переговоров с русскими послами в 1616 г. участник похода Якоб Делагарди, «пошел князь Дмитрей из Можайска в самые варные дни и шол со всею ратью наспех одним днем до Клушина сорок верст, и ратные люди и под ними лошади стали истомны, а иные остались назади»⁹. Таким образом, русская армия вступила в бой, будучи утомленной форсированным походом в жаркое время, а часть войск отстала и, по-видимому, не приняла участия в сражении.

Сохранившиеся подробные описания сражения под Клушином принадлежат С. Жолкевскому и шведскому хронисту Ю. Видекиндю, опиравшемуся на сообщения шведских военачальников — его участников. Сообщения русских источников очень кратки. Лишь в раз-

рядных книгах сохранилось несколько записей о сражении, которые можно сопоставить со свидетельствами иностранных источников.

Для участия в походе были собраны значительные военные контингенты, кроме того, армия была усилена крупными (до 8000 человек) отрядами иностранных наемников разных национальностей, нанятых на царскую службу шведскими военачальниками Э. Горном и Я. Деллагарди. Предполагалось, что сила их огня сможет противодействовать атакам польской конницы.

Сопоставление разных источников рисует в целом одинаковую картину. Атака польской конницы на левое крыло армии, где стояли русские сотни детей боярских, оказалась успешной. Более упорно сражались шведские войска, но через некоторое время и они были вынуждены отойти к лесу¹⁰. В записях разрядных книг также отмечено, что «по грехом московских людей и немецких людей Яковлева полку Пунтусова литовские люди толкнули». Русские дворянские сотни обратились в бегство, а пехота во главе с кн. Д. И. Шуйским отошла к русскому лагерю: «А боярин князь Дмитрий Иванович Шуйской устоял в обозе и стоял до половине дни»¹¹. Связь между отдельными частями армии была нарушена, и кн. Д. И. Шуйский послал к отошедшим к лесу шведам думного дворянина Гаврилу Григорьевича Пушкина и дворянина Михаила Федоровича Боборыкина. «И как Гаврило и Михайло из обозу к немецким людям в полк пошли, и после тово немного время спустя из обозу боярин князь Дмитрий Иванович Шуйской побегал со всеми людьми»¹². Причины бегства, о которых разрядная запись ничего не говорит, разъясняет донесение С. Жолкевского Сигизмунду III: иностранные наемники стали переходить на польскую сторону¹³. С наемниками с началом кампании у русских властей возникли серьезные проблемы, так как те требовали большого и регулярного жалования, а денег в царской казне после целого ряда лет войны и смут не было в избытке. По свидетельству Я. Деллагарди, в Можайске наемники получили от царя Василия только грамоту, «что в наймех вперед счету быти»¹⁴. Уже в корпусе Э. Горна под Белой из-за этого вспыхнули волнения, и группа английских наемников перебежала к А. Госевскому¹⁵. Позднее начались волнения и в корпусе Деллагарди, и этот военачальник потребовал от царя Василия как можно скорее прислать жалование, снимая в противном случае с себя всякую ответственность за возможные последствия¹⁶. Необходимые меры были приняты, и дьяк Разрядного приказа Яков Демидов доставил жалование: 10 000 рублей

деньгами и на 20 000 рублей мехов¹⁷. По свидетельству одного из воевод армии кн. Д. И. Шуйского, окольного кн. Д. И. Мезецкого, казна была передана Делгарди «в селе Мышкине, идучи к бою»¹⁸. Однако Делгарди обещал выплатить жалование лишь после сражения¹⁹. По-видимому, по обычаю, принятому в наемных армиях, он рассчитывал, что после понесенных в сражении потерь часть денег он сможет присвоить себе²⁰. Солдаты согласились с его решением, но, как отмечено С. Жолкевским в его донесении королю, у них сложилось впечатление, что Делгарди получил деньги и хочет их присвоить²¹. По сообщению Джованни ди Луна перед боем в войско Жолкевского перебежал английский наемник, который сообщил, что англичане и шотландцы не будут сражаться и перейдут на польскую сторону²². В результате на поле боя, как сообщает Ю. Видекинд, «очень многие французы и немцы без всякой необходимости позорнейшим образом перешли на сторону врагов», более того, «они в неистовстве кинулись к обозу, разграбили все запасы главнокомандующего (т. е. Я. Делгарди)», который сам едва спасся от их ярости, а затем стали грабить русский лагерь²³. Что касается царской казны, то Я. Демидов сумел ее сохранить и передал победителям²⁴, за что получил пожалования от Сигизмунда III²⁵. По заключенному на поле битвы соглашению часть наемников перешла на королевскую службу, а другие получили возможность уйти, дав обязательство не участвовать в войне против Речи Посполитой²⁶.

Русская армия была разбита, весь обоз и артиллерия попали в руки победителей. Дорога на Москву была открыта, но гетман не мог по ней двинуться, пока у него в тылу находился окруженный в укрепленном остроге у Царева Займища русский корпус. Как отмечает С. Жолкевский в своих записках, штурм сильно укрепленного острога привел бы к большим потерям в войске, а ждать, пока голод заставит русские войска сдаться, не было времени, поэтому он решил вступить в переговоры с русскими воеводами. На переговоры с ними он отправил Ивана Михайловича Салтыкова²⁷ и своего племянника Адама. О ходе переговоров ни из записок гетмана, ни из его донесений королю узнать ничего нельзя; имеется только краткое указание, что сначала переговоры проходили трудно. Завершились они, по утверждению Жолкевского, тем, что защитники острога принесли присягу на верность королевичу Владиславу и заключили с гетманом соглашение, повторявшее условия февральского договора²⁸.

Однако в научной литературе уже отмечалось, что содержание этого договора определенно расходится с этой оценкой гетмана²⁹. Правда, многие условия этого соглашения действительно сходны с условиями февральского договора: так, и в нем провозглашалось сохранение под властью нового государя традиционного порядка отношений, характерного для русского общества. Все «чины», и прежде всего «служилые люди», должны были сохранить свои земельные владения и жалование. Обнаруживается сходство и в стремлении оградить Русское государство от вмешательства в его внутренние дела: «В Московское государство на города полских и литовских людей на воеводство не посылати и в староство городов не отдавать». В соглашении содержалось также обязательство со стороны королевича, гетмана и полковников «московских людей» «чтить ведлуг московского звычайу, государства не нищитить (т. е. не разорять)». Следует, однако, отметить, что пункт о сохранении за служилыми людьми их владений сопровождался в соглашении важной оговоркой: «Опрочь того, что кому вор давал, который тераз (т. е. теперь) назывался царевичем Димитром». Выдвижение такого условия со стороны служилых людей, находившихся в остроге и принадлежавших к числу противников Лжедмитрия II, вполне понятно, но важно то, что гетман принял его, хотя это противоречило интересам бывших тушинцев, которых король и его окружение склонны были рассматривать как свою главную опору в русском обществе. Не вызывает удивления и то, что соглашение фиксировало обязательства сторон действовать совместно против Лжедмитрия II: «И на того стояти, битися и промышляти над ним заодно» и «до вора о жадном (т. е. ни о каком) деле не посылать».

Определенно противоречил февральскому договору тот пункт соглашения, где указывалось: «Костелов Римских в Московском государстве не строити». В этом отношении гетман также проявил готовность пойти навстречу пожеланиям русских служилых людей.

Наконец, в соглашение было включено подробное установление о будущей судьбе Смоленска. После того как Смоленск принесет присягу королевичу Владиславу, королю Сигизмунду следует «идти от Смоленска прочь со всеми ратными польскими и литовскими людьми и порухи и насильства на посаде и в уезде никакие не зделать и поместья и вотчины смольяном и в иных городех, которые государю королевичу добили челом, очистити, и городом всем рубежным быти к Московскому государству по-прежнему».

Таким образом, договор содержал важное обязательство польско-литовской стороны, что под властью польского королевича Русское государство сохранится в своих прежних границах. Во избежание всяких сомнений в соглашении было добавлено, что города, которые еще находятся под властью Лжедмитрия II, следует «очищать к Московскому государству».

В февральском договоре вопрос о будущих границах Русского государства был оставлен открытым, поэтому С. Жолкевский как будто имел формальное право дать русским служилым людям подобное обязательство. Однако гетман не мог не знать, что одной из главных целей войны Сигизмунд III, выступая в поход, провозгласил возвращение Речи Посполитой некогда утраченных ею областей — Смоленщины и Северской земли. Позднее, обращаясь в марте 1610 г. к сенаторам, король указывал, в частности, на то, что именно поэтому он смог заключить лишь предварительное соглашение об избрании Владислава. Гетман не мог не отдавать себе отчета в том, что заключенное им соглашение находилось в резком противоречии с этими публичными заявлениями короля в Люблине и в Вильне, но все же пошел на такой шаг.

Можно было бы полагать, что С. Жолкевский просто обманывал русских служилых людей, чтобы заручиться их поддержкой в своем походе на Москву. Однако наблюдения над последующими действиями гетмана вплоть до его самоустранения от русских дел весной 1611 г. показывают, что Жолкевский следовал определенной политической линии, которая, по его мнению, отвечала подлинным интересам Речи Посполитой. Следует согласиться с В. Соболевским, что, с точки зрения гетмана, происходившие в России события давали возможность решить вопрос об исторических судьбах Восточной Европы, установив прочные дружеские и даже союзнические отношения между Россией и Польско-Литовским государством (при таком подходе вопрос о судьбе той или иной территории становился второстепенным). В отличие от короля и его окружения, ориентировавшихся на подчинение России непосредственной власти Сигизмунда III, Жолкевский, как представляется, со всей серьезностью воспринял предостережения, высказанные на переговорах под Смоленском, что приход к власти Сигизмунда III приведет к большому кровопролитию. Поэтому с его точки зрения единственным реальным решением было возведение на русский трон королевича Владислава как самостоятельного государя, который связал бы Русское государство союзническими отношениями

с Речью Посполитой. Для достижения этой цели гетман полагал нужным идти навстречу пожеланиям русского общества («*za inklinacją narodu tego iść*»). В перспективе с избранием Владислава на польский трон установилась бы династическая уния между Россией и Речью Посполитой, открылись бы возможности для воздействия социальных и культурных традиций польско-литовского общества на русское и последующего сближения двух обществ, как это произошло после установления династической унии между Великим княжеством Литовским и Польшей. «Ведь не сразу же может быть так, как мы (бы) себе желали и хотели, — писал С. Жолкевский в своих записках, — сначала будет ребенок, потом со временем человек. Сначала малый росток, а со временем из него — большое дерево. Прошло 160 лет со времени унии короля Ягайло, прежде чем Великое княжество Литовское к такой общности с Коронай пришло, как теперь»³⁰. Как и многие публицисты «Золотого века» польского Возрождения, гетман был уверен, что при расширении контактов между Россией и Речью Посполитой русское общество должно было подчиниться влиянию польской культуры.

Первым ближайшим результатом политики С. Жолкевского стало установление сотрудничества между ним и русскими служилыми людьми из острога под Царевым Займищем. Они присоединились к войску гетмана и «вели себя верно и дружески, приносили часто гетману многие сообщения из столицы, сносясь со своими»³¹.

Уже детальная разработка в соглашении вопроса о будущей судьбе Смоленска позволяет предполагать, что смоленские дети боярские принимали участие в выработке этого договора. В настоящее время обнаружены два документа, которые позволяют составить представление о роли смольнян в переговорах под Царевым Займищем.

Первый из них — письмо Ивана Михайловича Салтыкова королю Сигизмунду III. В письме сообщается об услугах, которые оказала ему при заключении соглашения группа смоленских дворян, выехавшая «из полков» кн. Д. И. Шуйского во главе с дворовым сыном боярским Лаврентием Андреевичем Корсаковым. Именно Корсаков ездил по поручению Салтыкова «под острожек» убеждать находившихся в нем смольнян принести присягу на верность Владиславу. В письме также отмечено, что Лаврентий Корсаков послал в Москву своего сына, чтобы склонять к такому же решению смольнян, находившихся в столице.

По приказу гетмана этой группе дворян разрешили выехать в королевский лагерь под Смоленском, очевидно, чтобы они могли

получить от короля вознаграждение за службу. Всего под Смоленск отправилось 12 смоленских детей боярских и 18 детей боярских «разных городов»³². Сравнение второго из перечней со смоленской десятней и реестром пожалований Сигизмунда III показывает, что часть этих людей также были смоленскими детьми боярскими.

Их имена читаются в заголовке другого документа — коллективной челобитной Сигизмунду III и Владиславу от 220 смоленских дворян, сидевших в осаде под Царевым Займищем. В ней говорилось, что дворяне, узнав от Ивана Михайловича Салтыкова о том, что король Сигизмунд по просьбе бояр обещал дать «на Московское государство и на все великие господарства Российского царства» королевича Владислава, поддались «под вашу (Владислава) государскую высокую руку» и целовали крест «веселыми серци и чистыми душами». Одновременно дети боярские просили разрешения послать в Смоленск «до своей братии до дворян и детей боярских», чтобы они также целовали крест Владиславу. Челобитная была скреплена рукоприкладствами 30 детей боярских, ставивших во многих случаях свою подпись «за братьев» или «за братию»³³.

Среди детей боярских, выехавших из полков вместе с Лаврентием Корсаковым, были дворовые дети боярские с высокими поместными окладами, такие как Иван Иванович Чихачев, Федор Микифорович Ефимьев, Осип Семенович Неелов³⁴. К числу дворовых детей боярских принадлежали и инициаторы подачи челобитной — Неупокой Кокошкин, Прокофий Бестужев, Афанасий Дивов³⁵ и ряд лиц, поставивших под ней рукоприкладства, такие как Федор Шушерин, Петр Корсаков, Иван Меньшой Бестужев³⁶ и выборный дворянин Федор Языков.

Таким образом, на сторону польского кандидата перешла часть верхушки смоленской дворянской корпорации. В таком изменении поведения смольнян, традиционно верных в предшествовавшие годы царю Василию, была своя логика. Смольняне требовали от этого правителя похода на Смоленск, чтобы получить возможность вернуться в свои поместья. После битвы под Клушином это явно стало невозможным, и смольняне стали переходить к поискам соглашения с польским кандидатом на русский трон. Тем самым царь Василий стал утрачивать одну из традиционных опор своей власти. Положение было для него тем опаснее, что отряды смоленских детей боярских составляли значительную часть московского гарнизона.

В королевском лагере уже в конце июля 1610 г. начали выдавать грамоты смоленским детям боярским, просившим о пожаловани-

ях. Одним из первых получил такую грамоту Лаврентий Андреевич Корсаков³⁷. Получили грамоты Сигизмунда и такие инициаторы коллективной челобитной, как Прокофий Бестужев и Неупоклой Кокошкин³⁸. Первоначально речь шла о подтверждении прав на прежние владения, затем все чаще стали появляться ходатайства о пожаловании чужих поместий. Идя навстречу таким просьбам, королевская канцелярия давала подчас такие пожалования, которые существенно меняли имущественное положение помещика, а следовательно, и его статус на иерархической лестнице, тесно связанный с размером землевладения. Так, Иван Афанасьевич Кошелев, городской сын боярский с окладом в 250 четвертей, получил чужие поместья размером в 200 четвертей³⁹, Осип Семенович Неелов, один из тех, кто отъехал из полков с Лаврентием Корсаковым, дворовый сын боярский с окладом 450 четвертей, получил чужие поместья размером в 400 четвертей⁴⁰.

По подсчетам В. П. Мальцева, за время от битвы под Клушином до заключения договора об избрании Владислава пожалования от Сигизмунда III получили 52 смоленских сына боярских, половину из них составляли помещики с высокими окладами (450–600 четвертей), которых ранее среди присягнувших Сигизмунду смольнян совсем не было⁴¹.

Однако успех не был столь значительным, как можно было бы подумать. Сравнение рукоприкладств под коллективной челобитной с реестром пожалований Сигизмунда III показывает, что далеко не все из детей боярских, принесших присягу Владиславу, обращались к Сигизмунду III с просьбой о пожалованиях. К тому же и характер этих пожалований воспринимался обеими сторонами по-разному. Если, по мнению короля, принося присягу и получая грамоты, дети боярские поступали к нему «в подданство», то сами смоленские дети боярские, как показывает выработанный при их участии текст соглашения под Царевым Займищем, считали свой уезд частью Русского государства, которую в скором времени польско-литовские войска должны будут оставить.

Еще более существенно то, что летом 1610 г. смоленские помещики оказались единственной значительной группой местных землевладельцев, которая ходатайствовала перед королем о подтверждении своих прав на владения. Кроме них просили о пожалованиях отдельные люди из состава тушинского посольства и немногочисленная группа дворян «разных городов», отъехавшая из русских полков после битвы под Клушином. И те, и другие осо-

бенно активно добивались у короля передачи им чужих поместий и вотчин в разных уездах. Хотя после битвы под Клушином, как увидим далее, довольно значительный круг «городов» принес присягу на верность Владиславу, местные землевладельцы не торопились просить короля о подтверждении своих прав на землю. Их всех, очевидно, волновало то, какую позицию займет столица, находящиеся в ней войска и представители сословий.

Понимая опасность положения, царь Василий попытался спешно собрать в Москву все войска, не принимавшие участия в походе на Смоленск ⁴², но гетман не дал ему на это времени.

Армия С. Жолкевского двигалась к Москве по смоленской дороге. Военных действий не было. 12 июля (н. ст.) войско подошло к Можайску. Как отметил в своих записках Жолкевский, кн. Д. И. Шуйский, проезжая через Можайск, советовал жителям сдать, так как защитить он их не может. Город открыл ворота, польско-литовское войско встретили священники с крестами и хлебом-солью ⁴³. Окрестные города стали приносить присягу на верность Владиславу. Так поступили Борисов, Верея, Руза, Ржева ⁴⁴. Под Можайском армия на неделю остановилась. Место войны занимала теперь дипломатия. С помощью дипломатии гетман рассчитывал добиться низложения царя Василия и сформировать сильную «партию» приверженцев польского королевича. Только после этого имело смысл идти с войском к Москве.

Положение царя Василия Шуйского никогда не было прочным. Сочувствовавший этому правителю автор «Пискаревского летописца» записал: «А житие его царское было на престоле царском всегда з бедами, и с кручины, и с волнением мирским; зачастую миром приходяше и глаголаша ему снити с царства и за посах имаше, и позориша его многожды» ⁴⁵. С. Ф. Платонов в своем классическом труде о Смуте дал тщательный анализ известий о тайных заговорах и попытках низложения царя Василия, неоднократно предпринимавшихся во время осады Москвы войсками Лжедмитрия II в 1608–1609 гг. ⁴⁶

К этим собранным исследователем разнообразным сообщениям следует добавить еще одно свидетельство, которое показывает, что деятельность эта не прекратилась и после освобождения Москвы от блокады. 19 июня 1610 г. Я. Задзик сообщал своему патрону Ш. Рудницкому, что царь Василий приказал доставить в Москву чудотворное изображение Николы Можайского. Царя убедили, что, чтобы показать свое почтение к святому образу, он должен выйти

навстречу ему за пределы города. Замысел заговорщиков заключался в том, чтобы закрыть за ним ворота и не пустить его обратно в Москву. Узнав по дороге о заговоре, царь Василий вернулся, казнил заговорщиков и конфисковал их имущество⁴⁷. Неожиданная смерть М. В. Скопина-Шуйского была еще одним ударом по репутации царя. Сведения современных событиям польских источников не оставляют сомнений в том, что встречающиеся во многих русских памятниках о Смуте обвинения братьев царя в отравлении популярного полководца получили распространение в русском обществе уже в то время, когда русская армия готовилась к походу на Смоленск⁴⁸. Вскоре в королевский лагерь пришли известия о том, что после смерти Скопина дети боярские из Великого Новгорода поспешили отъехать домой, не принимая участия в походе⁴⁹. В начале июня сын боярский, взятый в плен в одной из стычек, сообщал о Шуйском, что «против него восстала Рязанская земля и много областей ему не повинуются»⁵⁰.

Хорошо известно то объяснение постоянной непрочности положения царя Василия, которое предложил С. Ф. Платонов. По мнению исследователя, Василий Шуйский пришел к власти как ставленник группы наиболее знатных аристократических родов и проводил политику, соответствующую их интересам. Эта политика вызвала недовольство со стороны более широких кругов населения. Вместе с тем «аристократический кружок» (выражение С. Ф. Платонова) раздирали внутренние противоречия, и он оказался неспособным к солидарным действиям⁵¹.

Следует отметить, однако, что в исследованиях последних лет (прежде всего в работе И. О. Тюменцева) был сделан ряд наблюдений, заставляющих пересмотреть такую оценку внутренней политики Василия Шуйского, в особенности по отношению к периоду 1608–1610 гг., когда власть в Москве очень нуждалась в поддержке населения на местах. Благодаря И. О. Тюменцеву был введен в научный оборот важный документ, составленный сразу после низложения царя Василия, — «Московского государства ушники, которые Московское государство в разорение и в Смуту привели при князи Василье Шуйском»⁵². Этот документ дает хорошее представление о ближайшем окружении правителя. Помимо братьев, особо близкими из представителей знати к царю людьми были бояре кн. И. С. Куракин и кн. Б. М. Лыков. К его окружению принадлежал и целый ряд представителей княжеских родов, служивших стольниками и занимавших другие придворные должности.

Однако лицами, принадлежавшими к знати, круг людей, пользовавшихся особым доверием царя, отнюдь не ограничивался. Так, по сведениям списка сторонников, особо близким к Шуйскому лицом был Артемий Васильевич Измайлов, член доброго рязанского рода, но не принадлежавшего к верхам русской политической элиты. Царь Василий сделал его окольничим, ряд его родственников стали стольниками и стряпчими, выполнявшими поручения, требовавшие особого доверия. В окружении царя были и люди, куда менее знатные, чем Измайловы. Так, сын боярский из Твери Иванис Григорьевич Адодуров стал сначала стряпчим с ключом, а затем постельничим царя⁵³. Эти примеры, как и ряд других, показывают, что царь Василий, подобно своим предшественникам на троне, старался опираться на детей боярских, не принадлежавших к знати, щедро вознаграждая их за преданность.

Как убедительно показано И. О. Тюменцевым, царь Василий пошел и навстречу представителям местной дворянской верхушки, заполнявшей нижние слои «государева двора». Так, он широко жаловал им высокий ранг «дворян московских», что привело к значительному количественному увеличению этой группы к концу правления Василия Шуйского⁵⁴. Что касается более широких кругов дворянства, то здесь большое распространение получила практика пожалования новых, более высоких поместных окладов за заслуги в боях с тушинцами⁵⁵. Важным шагом навстречу интересам дворянства был указ, разрешавший детям боярским, доказавшим свою верность власти, превратить в вотчину 20 четвертей земли из 100 четвертей их поместного оклада⁵⁶. Изданный в конце весны 1610 г.⁵⁷, указ действовал практически всего три месяца, но за это время были сделаны сотни пожалований. По подсчетам О. А. Шватченко, на территории 34 уездов Замосковского края появилось 595 новых вотчин⁵⁸, но лиц, получивших пожалования, было заведомо больше. Так, ряд таких грамот получили от царя Василия смоленские помещики⁵⁹.

Все это, разумеется, не означает, что сведения источников о постоянном недовольстве разных групп населения царем Василием недостоверны, следует лишь искать конкретные причины такого недовольства.

Для такого недовольства существовали, разумеется, прежде всего общие причины, связанные с особенностями психологии людей Средневековья. Неудачи, преследовавшие Шуйского, воспринимались как проявление «Божьего гнева», от последствий которого можно было бы избавиться, низложив вызвавшего гнев

правителя. В этом смысл высказываний о том, что на землю обрушился «глад и меч царева ради несчастья». Однако помимо этого у целого ряда слоев населения были свои причины для недовольства. Если, как показали исследования последних лет, характеристика внутренней политики царя Василия, данная С. Ф. Платоновым, нуждается в коррективах, то его вывод об отсутствии единства среди аристократии, составлявшей верхушку правительственного лагеря, получил новые подтверждения.

Уже С. Ф. Платонов отметил, что в самом начале правления царя Василия получила распространение практика посылки на дальние воеводства представителей знати, вызвавших его недовольство⁶⁰. К этому следует добавить, что, по наблюдениям И. О. Тюменцева, царь препятствовал возвышению аристократической молодежи из кланов, вызывавших его подозрения, что привело к отъезду целой группы молодых аристократов в Тушино⁶¹. При этом поддержка царя Василия со стороны этого слоя со временем сокращалась. Летом 1608 г. наметился конфликт с кланом Романовых и кругом их приверженцев, весной 1609 г. наступил разрыв отношений с не менее влиятельным кланом Голицыных⁶².

В среде недовольной аристократии могли организовываться заговоры против царя Василия, но серьезная опасность для его власти могла возникнуть лишь в том случае, если бы действия недовольных бояр нашли поддержку более широких кругов населения — посада Москвы и находившихся в столице дворянских отрядов, присланных туда уездными дворянскими корпорациями. Сведения о неоднократных выступлениях против Шуйского московского «мира» во время осады столицы уже анализировались С. Ф. Платоновым⁶³. Исследователь справедливо отметил, что одной из главных причин этих волнений было тяжелое положение посадских людей, которые не могли продать продукты своих промыслов и купить резко подорожавший после установления блокады столицы хлеб. Однако, как увидим далее, источники более позднего времени говорят не только о недовольстве московского «мира» царем Василием, но и о симпатиях посадских низов по отношению к Лжедмитрию II. При нынешнем состоянии источников можно лишь высказать предположение, что, защищая Москву от польско-литовских войск второго Самозванца, посадские люди одновременно симпатизировали тем порядкам, которые сложились (о чем уже говорилось выше) в ряде крупных городов тушинского лагеря, в которых, как в Пскове или в Великих Луках,

«меньшие люди» получили возможность влиять на положение в городе в гораздо большей степени, чем ранее.

Выше уже говорилось о тех важных шагах, которые предпринял царь Василий, чтобы обеспечить себе поддержку широких кругов дворянства. Однако можно отметить один важный аспект этой политики, который мог создавать и создавал конфликтные ситуации. В тушинском лагере широкое распространение получила практика, когда воеводами часто становились местные землевладельцы, тесно связанные с интересами местных дворянских обществ. Царь Василий и те круги аристократии, на которые он опирался, следовали в этом отношении традиционной практике, посылая на воеводства представителей аристократии, не связанных с местным дворянством. Это могло порождать и порождало конфликты в отношениях с наиболее сплоченными и активными дворянскими корпорациями, желавшими быть хозяевами в своих административных округах.

Можно привести в связи с этим определенный материал о взаимоотношениях царя Василия с влиятельной и активной рязанской корпорацией, отношения с которой, по данным и польских, и более поздних русских источников, к весне 1610 г. стали напряженными.

После перехода рязанских дворян на сторону Василия Шуйского во время боев под Москвой в 1606 г., когда Рязань стала одной из опор власти на территориях к югу от Оки, воеводами стали к декабрю 1606 г. (подобно тому, как это было позднее в тушинском лагере) представители местной дворянской верхушки Григорий Федорович Сумбулов и Прокопий Петрович Ляпунов⁶⁴. Прокопий Ляпунов, ставший признанным лидером рязанского дворянства, удостоился целого ряда милостей со стороны царя Василия. В марте 1607 г. царь увеличил поместный оклад П. Ляпунова с 550 четвертей до 800, пожаловав ему и его сыну Владимиру дворцовое село Исады в Рязанском уезде⁶⁵. К ноябрю 1607 г. П. Ляпунов был уже думным дворянином, и царь прислал к нему его сына Владимира с ценными подарками и похвалами в его адрес («а службы твоей и дородства и разума нам и всему Московскому государству нет числа»)⁶⁶. В грамоте от ноября 1608 г. говорится о дополнительных пожалованиях царя Василия, увеличивших рязанское поместье П. Ляпунова, в котором уже было свыше 1000 четвертей земли⁶⁷. В рамках традиционной системы отношений поместья такого размера могли иметь только члены Боярской думы.

Однако, хотя чин думного дворянина определял высокое место П. Ляпунова на лестнице сословной иерархии, он имел скорее престижное значение. Находившийся постоянно в Рязани П. Ляпунов не мог реально использовать те возможности, которые как будто давало ему такое высокое назначение.

Прокопий Ляпунов и местная верхушка, которую он представлял, были заинтересованы в том, чтобы быть полными хозяевами в Рязанском крае. Однако на это правительство царя Василия не хотело идти. В октябре 1607 г. воеводой на Рязани был московский дворянин Юрий Григорьевич Пильемов из боярского рода Сабуровых⁶⁸. В мае 1608 г. воеводой в Рязани был кн. Иван Андреевич Хованский. Хотя он не имел думного чина, в грамоте, адресованной в Рязань, он поставлен на первое место, а воевода Прокопий Петрович Ляпунов — на второе⁶⁹. После прихода под Москву войск Лжедмитрия II удержание Рязанской земли под властью царя Василия приобрело особое значение, так как в течение длительного времени это была единственная территория, откуда в Москву поступал хлеб⁷⁰. В грамотах августа 1608 — сентября 1609 г.⁷¹ на Рязани упоминается лишь один воевода — Прокопий Ляпунов. В одной из грамот снова обнаруживаются пространные похвалы по его адресу со стороны царя⁷². Однако, когда опасность столице уменьшилась, в декабре 1609 г. первым воеводой в Рязани стал боярин кн. Федор Тимофеевич Долгорукий, снова оттеснивший П. Ляпунова на второе место. Грамота, в которой упоминается этот новый воевода, содержит уже не похвалы, а выговор: воеводам предписано было выслать 500 или 600 человек дворян и детей боярских, а они прислали «всего полтора ста человек, и те обычные»⁷³. Кн. Ф. Т. Долгорукий оставался первым воеводой в Рязани еще в мае 1610 г.⁷⁴ По сообщению «Нового летописца», после смерти кн. М. В. Скопина-Шуйского П. Ляпунов открыто выступил против царя Василия, обвиняя его в смерти полководца, «и от Москвы отложися и не нача царя Василья слушати»⁷⁵. Это свидетельство, достоверность которого подкрепляется краткой записью в дневнике похода Сигизмунда III, приведенной выше, может быть подкреплено еще одним конкретным наблюдением над текстом «Нового летописца». В рассказе этого источника о событиях в Коломне летом 1610 г. как второй воевода в этом городе фигурирует кн. Ф. Т. Долгорукий⁷⁶. Очевидно, после разрыва между Москвой и рязанской дворянской корпорацией присланный Шуйским воевода должен был покинуть Рязань.

Как отмечено в «Новом летописце», после смерти М. В. Скопина-Шуйского П. Ляпунов начал переговоры о низложении царя Василия с боярином кн. Василием Васильевичем Голицыным⁷⁷. Это сообщение, которое, как увидим, находит серьезное подтверждение в современных событиям донесениях С. Жолкевского, говорит о начале складывания направленного против царя Василия соглашения между враждебными ему боярскими кланами и недоброжелательными его политикой кругами провинциального дворянства.

Положение усугублялось переменами в позиции смоленских детей боярских после битвы под Клушином, о которых говорилось выше. Некоторые особенности положения, сложившегося в Москве после Клушинской битвы, делали эти перемены особенно опасными для царя Василия. В донесении о битве под Клушином С. Жолкевский сообщал Сигизмунду III, что дети боярские, участвовавшие в сражении, разошлись по своим «городам».

По сообщению «Нового летописца», царь пытался собрать их для защиты Москвы, «они же не поидоша»⁷⁸. Однако можно отметить одно важное исключение. Бежавший из русского плена шляхтич сообщил гетману Жолкевскому, что служилые люди действительно разошлись по своим уездам, кроме «стрельцов смольнян», возвратившихся в Москву⁷⁹. Смольняне вернулись в Москву, потому что им больше некуда было ехать. Теперь из них состояла значительная часть войска, находившегося в Москве. От их позиции зависела теперь в очень сильной степени судьба царя Василия, а смена настроений в их среде после битвы под Клушином не обещала ему ничего хорошего.

Первые шаги к тому, чтобы побудить русских людей в Москве к выступлению против Василия Шуйского, были предприняты гетманом Жолкевским сразу после капитуляции корпуса Валуева–Елецкого под Царевым Займищем. Как сообщалось в письме И. М. Салтыкова Сигизмунду III, один из предводителей сдавшихся смольнян, Лаврентий Андреевич Корсаков, послал в Москву своего сына «к смольнянам, которые ушли с князем Дмитрием Шуйским», чтобы «они вам, государям, служили»⁸⁰. Сын Л. А. Корсакова — молодой, не обладавший каким-либо авторитетом человек, был лишь одним из членов посланной в Москву делегации, а во главе ее был поставлен один из представителей верхушки смоленского дворянства — Федор Шушерин⁸¹. С ними в Москву были отправлены тексты соглашения, заключенного гетманом с воеводами под Царевым Займищем, и письма, адресованные «самому Шуйскому и боярам и

миру», скрепленные подписями как бывших тушинцев во главе с И. М. Салтыковым, так и ратных людей, находившихся в остроге под Царевым Займищем⁸².

В лагере под Можайском гетман Жолкевский ждал результатов предпринятых им действий. Здесь 16 июля (н. ст.) он получил неприятную новость о выступлении Лжедмитрия II в поход на Москву. По оценке Жолкевского, собственно русского войска в составе армии Самозванца было немного: вместе с донцами всего 3000 человек⁸³, но к лету 1610 г. ему удалось привлечь на свою сторону бóльшую часть польско-литовских войск, ушедших из Тушина⁸⁴.

С. Жолкевский не исключал того, что Лжедмитрий II может попытаться использовать в своих интересах ослабление лагеря Шуйского после битвы под Клушином. Чтобы предотвратить такую опасность, он вступил в переписку с Яном Петром Сапегой, который к этому времени стал главой польско-литовского войска Лжедмитрия II. Копии этой переписки 20 июля (н. ст.) 1610 г. Жолкевский отправил королю. Содержание ее неизвестно, но, судя по комментарию, которым сопроводил ее пересылку гетман (у Я. П. Сапеги хорошие намерения, но он «должен приспособливаться ко времени и людям, которые при нем»)⁸⁵, добиться нужного результата не удалось. Польско-литовское войско, собравшееся на Угре, твердо намерено было воспользоваться сложившимся положением, чтобы посадить Лжедмитрия II на русский трон и получить доступ к находившейся в Москве царской казне, и выбранный войском гетман не мог противостоять этим намерениям.

Кроме польско-литовского войска к Лжедмитрию II присоединились отряды запорожских казаков во главе с полковником Бурляком⁸⁶. Сигналом для выступления в поход послужили сообщения из Москвы «от патриарха и других бояр» о расположении населения столицы к Самозванцу⁸⁷. Очевидно, эти сообщения исходили от «патриарха» Филарета и других бывших приверженцев Лжедмитрия II, которые оказались в Москве после сражения под Иосифо-Волоколамским монастырем. Почему, некогда порвав с Лжедмитрием II, они решились снова обратиться к нему, остается неясным. В дальнейшем связь этого круга людей с Самозванцем не прослеживается.

Двигаясь на север, войско Лжедмитрия заняло Медынь и Козельск, откуда после битвы при Клушине ушли гарнизоны Шуйского, затем Боровск, взяло приступом и разграбило Пафнутьев-Боров-

ский монастырь⁸⁸. Отсюда войско направилось к Серпухову и Коломне. Обеспокоенный положением дел гетман С. Жолкевский направил к Я. П. Сапеге Я. Гридича с просьбой не сопровождать Лжедмитрия II в его походе к Москве⁸⁹.

Так как войско Жолкевского все еще стояло под Можайском, в эти дни армия Лжедмитрия II стала представлять первостепенную опасность для царя Василия и его приверженцев. После битвы под Клушином войска, которое можно было бы послать против Самозванца, в распоряжении Шуйского не было, но он попытался направить против него своих союзников — крымских татар. Как известно, в 1608 г. царю Василию удалось заключить с ханом Казы-Гиреем соглашение о союзе против Лжедмитрия II, и в 1608–1609 гг. крымские войска дважды приходили на помощь Шуйскому⁹⁰. Летом 1610 г. снова пришел большой отряд татар во главе с князем Богатырь-Гиреем, который стал недалеко от Серпухова на реке Лопасне. Царь Василий направил к татарам посольство во главе с кн. И. М. Воротынским. Вместе с ним ехали также такие особо близкие к царю люди, как кн. Б. М. Лыков и А. В. Измайлов. Их сопровождал отряд стрельцов (370 человек) с пушками⁹¹. За выступление против войск Лжедмитрия II царь Василий обещал выплатить татарам 30 000 рублей и посылать ежегодно в Орду «поминки» — по 20 000 рублей. В качестве аванса мурзам было выплачено 7000 рублей⁹². Отправившись в поход, мурзы напали на войско Лжедмитрия II в Боровском уезде на р. Наре 20 июля (н. ст.). Развернувшееся сражение продолжалось весь день и часть ночи⁹³ и, по сообщению «Нового летописца», «едва вор усиде в таборах»⁹⁴. Однако, столкнувшись с серьезным сопротивлением, татары утратили интерес к продолжению похода и ушли за Оку, так что сопровождавшие их бояре «едва наряд увезоша от воровских людей»⁹⁵. В течение нескольких дней для военачальников Лжедмитрия II положение оставалось неясным: они не решались идти к Москве, опасаясь нападения татар с тыла, но к 25 июля (н. ст.) ситуация прояснилась, и войско Самозванца двинулось к столице⁹⁶.

Все происходившее оказывало свое влияние и на положение дел в Москве, и на ход тайных переговоров С. Жолкевского с московскими «чинами». Первые известия о положении в столице, которыми Жолкевский располагал к 20 июля (сообщения лазутчиков и выходцев из плена), рисовали положение в Москве как благоприятное для планов гетмана. После поражения под Клушином царь не решился выйти к народу: «Мир кричал ему: ты нам не

государь». Одновременно лазутчики сообщали о расположении «мира» к королевичу Владиславу⁹⁷. Впрочем, на этом первом этапе переговоров не исключалась полностью и возможность соглашения с Шуйским. Неслучайно Я. Гридич в письме Л. Сапеге от 20 июля выражал надежду на то, что «скоро до трактатов с Шуйским или с боярами придет»⁹⁸. Однако по ходу событий этот вариант отпал. Уже через несколько дней С. Жолкевский мог сообщить королю о первых результатах предпринятых им шагов. Его гонцы вернулись в лагерь под Можайском с сообщением о том, что в Москве среди «бояр» (детей боярских?) много сторонников королевича, которые были намерены публично зачитать присланные гетманом грамоты на Лобном месте, а затем вместе с «миром», который их поддерживает, арестовать Шуйского и отослать к Жолкевскому. Осуществлению этого плана помешал приезд А. В. Измайлова с сообщением о победе татар над войском Лжедмитрия II (очевидно, имелось в виду сражение на р. Наре 20 июля). Одно место в заключительной части донесения говорит о том, что среди лиц, вступивших в сношения с Жолкевским, были члены Боярской думы. По-видимому, получив известия о победе, царь Василий решил послать к татарам (с войском?) своего брата Ивана и кн. Ивана Семеновича Куракина, а с ними ряд других бояр, которые, как общал Жолкевский, вступили с ним в переговоры, но те ехать отказались⁹⁹.

Следующим важным шагом в переговорах гетмана с московскими «чинами» стал приезд к нему посольства от находившихся в Москве детей боярских из Смоленска и Брянска. Хотя грамота, переданная С. Жолкевскому¹⁰⁰, исходила от детей боярских только этих двух корпораций, и ее вручили Жолкевскому 10 детей боярских из Смоленска и один — из Брянска, в самом документе говорится о том, что тексты соглашения под Царевым Займищем и «ответа» Сигизмунда III на предложения бывших тушинцев «читать давали» детям боярским «разных городов». По-видимому, смольняне выступали в данном случае в роли своеобразных посредников между властями Речи Посполитой (в лице гетмана Жолкевского) и находившимися в Москве дворянскими отрядами.

Дети боярские, от которых исходила эта грамота, выражали желание обсудить с гетманом вопрос об условиях, на которых королевич Владислав мог бы вступить на русский трон. Уже само согласие смольнян вести с гетманом переговоры на эту тему ясно говорило об их отказе от поддержки царя Василия и желании найти

соглашение с польским кандидатом. Такой сдвиг в настроениях детей боярских, наиболее тесно связанных с Василием Шуйским, делал положение этого правителя безнадежным.

Все это, однако, не означало, что смольняне хотели соглашения на любых условиях. Их представители передали гетману текст условий-«кондиций», которыми они предлагали дополнить предшествующие соглашения, предлагая Жолкевскому скрепить их своей присягой. Очевидно, после этого они готовы были бы содействовать возведению Владислава на русский трон. К сожалению, текст «кондиций», приложенных к грамоте, не сохранился. Правда, одно из этих условий упоминается в самой грамоте, а о другом речь идет в ответной грамоте гетмана¹⁰¹. В своей грамоте смольняне, ссылаясь на общее мнение детей боярских «разных городов», добивались того, чтобы «польским бы и литовским людям всем не быть насильством в Московском государстве в городах». Здесь могли бы остаться лишь «ближние» нового государя, которые приедут с ним в Москву. Другое условие, которое упоминается уже в ответе гетмана, это выдвигавшееся еще во время переговоров под Смоленском требование, чтобы новый русский государь принял православную веру. Так в самом начале серьезных переговоров обозначились два условия будущего соглашения, принципиально важные для русской стороны, — сохранение территориальной целостности государства и принятие новым государем религии своих подданных.

Надо отметить одну характерную особенность полученной гетманом грамоты — в ней ничего не говорилось о каких-либо контактах ее авторов с недовольными царем Василием боярами, сами бояре в этом документе ни в какой связи не упоминаются. Находившиеся в Москве дворянские отряды считали себя вправе самостоятельно вступать в переговоры с высокопоставленным представителем чужой власти и предлагать ему условия, на которых иноземный принц мог бы занять русский трон. Вместе с тем очевидно, что эти переговоры никак не были связаны с теми переговорами, которые Жолкевский вел с недовольными царем Василием боярами. И те, и другие развивались независимо друг от друга.

С. Жолкевский не дал прямого ответа на вопросы, поставленные перед ним детьми боярскими, и не стал присягать на предложенных ему «кондициях». Он предложил обсудить условия, которыми дети боярские хотели дополнить предшествующие соглашения, «боярам со всеми духовными людьми и гостями, и с торговыми

и с черными людьми» и направить с принятым на таком собрании текстом «великих послов от всей земли» к Сигизмунду III под Смоленск¹⁰². Ответ гетмана представляет немалый интерес. По существу, он отказывался заключать какое-либо соглашение с посланцами социальной группы, представлявшей интересы лишь части русского общества, и указывал на то, что органом, единственно полномочным для решения таких вопросов, является собрание представителей всех «чинов» Русского государства — «всей земли». Сам ли гетман пришел к такому выводу, или его подсказали русские советники — Г. Валуев и И. М. Салтыков, но очевидно, что в общественном сознании уже сложилось представление, что наиболее важные вопросы, касающиеся судеб страны, должна решать «вся земля» — собрание представителей разных «чинов» со всей территории государства.

26 июля Ян Гридич сообщал Льву Сапеге, что большой отряд смолян и брянчан («700 коней») покинул Москву и направился в лагерь гетмана¹⁰³.

Однако наряду с достигнутым успехом события принесли и новую неприятность. После ухода татар войска Лжедмитрия II, не встречая сопротивления, в тот же день по коломенской дороге подошли к Москве¹⁰⁴. Получив 28 июля под Можайском известие об этом, гетман констатировал, что Я. П. Сапега ввел его в заблуждение, обещав через Я. Гридича, что польско-литовское войско не подойдет к самой Москве. Теперь возникала опасность того, что русская столица может попасть под власть Самозванца. Поэтому гетман прямо обратился к главе Боярской думы кн. Ф. И. Мстиславскому, обещая помощь в борьбе со сторонниками Лжедмитрия II¹⁰⁵.

Еще ранее, чем этот шаг мог привести к каким-либо результатам, царь Василий был низложен.

Наиболее подробное описание событий, приведших к низложению, а затем и пострижению царя Василия, находится в «Новом летописце»¹⁰⁶. Согласно этому источнику, Прокопий Ляпунов прислал гонца к кн. Василию Голицыну, своему брату Захарии «и ко всем советником», «чтоб царя Василья з государства ссадить». По сведениям, которые сразу после переворота стали известны С. Жолкевскому, Прокопий Ляпунов действовал по соглашению с Лжедмитрием II, который обещал «навечно» передать под его власть Рязань¹⁰⁷. После этого Захарий Ляпунов и Федор Хомутов, выехав со своими «советниками» на Лобное место, стали призывать население Москвы низложить царя Василия¹⁰⁸. Захарий Ляпунов

выступал от имени находившихся в Москве отрядов рязанских дворян, что касается другого предводителя недовольных — Федора Хомутова, то составитель «Бельской летописи» называет его «лучанином»¹⁰⁹, сыном боярским из Великих Лук. Ф. Хомутов, очевидно, выступал от имени находившихся в Москве детей боярских западных уездов, которым лишь низложение царя Василия могло открыть доступ к их поместьям. Все это позволяет думать, что выступивших против Шуйского детей боярских объединяло общее желание избавиться от него, представления же о том, что последует затем, у разных групп дворянства могли существенно расходиться.

По-иному начало событий описано в записках С. Жолкевского. По его сведениям, события начались с того, что «несколько тысяч» детей боярских во главе с Захарием Ляпуновым явились в царские палаты, и от их имени Ляпунов потребовал, чтобы царь Василий оставил трон («положи посох свой»). На это царь ответил ругательствами и попытался ударить Ляпунова ножом. Но ругательствами Шуйский не ограничился. Он указал пришедшим, что среди них нет бояр. После этого дети боярские и направились на Лобное место¹¹⁰.

Таким образом, противники царя Василия с самого начала опирались на поддержку большого количества недовольных детей боярских, постаравшихся добиться добровольного отречения царя Василия. Когда это не удалось, дети боярские стали искать поддержки у посадского «мира»

Составитель «Нового летописца» не говорит о том, с помощью каких доводов ораторы стремились привлечь «мир» на свою сторону. Этот пробел позволяет восполнить рассказ К. Буссова. По его словам, они говорили о том, что у царя Василия нет «ни счастья, ни удачи в правлении», что он и его братья постоянно терпят неудачи на поле боя, «отчего страна разоряется и приходит в упадок». Все это говорит о том, что такой правитель негоден Богу, следует низложить его и выбрать другого царя, «который был бы предназначен для этого и дан Богом»¹¹¹.

Выступления эти имели успех. По признанию «Нового летописца», к детям боярским присоединилась «вся Москва и внидоша во град (т. е. в Кремль) и бояр взяша и патриарха Ермогена насильством и ведоша за Москву-реку к Серпуховским воротам». В главном это сообщение подтверждается рассказом К. Буссова, отметившего, что это «многим важным персонам и купцам не слишком понравилось».

Если об этом, первом этапе событий, сведения сохранились только в двух текстах, то о действиях созванного таким образом собрания представителей «чинов», находившихся в Москве, говорится уже в целом ряде источников.

Как отметил С. Ф. Платонов, само место созыва собрания в различных источниках указано по-разному. Если «Новый летописец» говорит о том, что оно собралось за пределами города на поле у Серпуховских ворот, то, по свидетельству «Карамзинского хронографа», московские «чины» собрались «у Арбатских ворот»¹¹², между стеной Деревянного города и берегом Москвы-реки. Нельзя не согласиться с С. Ф. Платоновым, что московские «чины» должны были собраться именно в последнем, хорошо защищенном природой и укреплениями месте¹¹³.

В научной литературе живо обсуждался вопрос о том, имели ли право находившиеся в Москве представители «чинов» русского общества без участия представителей от «городов» решать вопрос о судьбе русского трона¹¹⁴. Как же относились к этому собранию и его решениям современники?

Составитель «Нового летописца» писал об этом собрании с явной, нескрываемой неприязнью. По его словам, среди участников этого собрания были «многие воры», а бояр и патриарха для участия в нем «взяша... насильством», на нем «заводчики» «начаша вопити, чтоб царя Василья отставити». По-видимому, под влиянием этих высказываний и С. Ф. Платонов назвал собрание у Арбатских ворот «народным скопищем»¹¹⁵. Составитель Хронографа редакции 1617 г., резко порицая низложение Шуйского, также представлял его как результат действий каких-то «мятежников»¹¹⁶.

Однако стоит отметить, что авторы других сочинений о Смуте пишут об этом собрании в ином, гораздо более спокойном тоне, не выражая сомнений в законности его решений. Правда, по большей части авторы, писавшие о Смуте, говорят о низложении Шуйского кратко, не высказывая своего отношения к происходящему. Так поступают кн. С. И. Шаховской¹¹⁷ и Авраамий Палицын¹¹⁸. Однако сохранился и ряд подробных сообщений с конкретной характеристикой собрания у Арбатских ворот. Так, по сообщению автора «Бельской летописи», «за Москвою рекою в обозе» собрались «бояре князь Федор Иванович Мстиславский с товарищи со всеми служивыми и с черными людьми»¹¹⁹, т. е. представители всех основных «чинов» русского общества. Аналогичным образом характеризует это собрание составитель «Карамзинского хронографа», сын боярский из Арзама-

са Баим Болтин. Обращения участников собрания к царю Василию он называет «челобитьем всей земли»¹²⁰. Таковую же характеристику находим и в разных редакциях разрядных книг, где указывается, что царь Василий оставил трон «по прошенью всех людей Московского государства»¹²¹.

Из этого круга текстов резко выделяется составленная в среде смоленских дворян «Повесть о победах Московского государства». В ней «государевы бояре и ближние люди», приложившие руку к отстранению Шуйского, охарактеризованы как люди, находящиеся во власти дьявола, подобные Иуде¹²². Этот текст заставляет вспомнить слова кн. С. И. Шаховского: «Смоляне же о том немало в тайне поскорбеша, а пособие учинити не возмогли»¹²³. Очевидно, среди находившихся в Москве смольнян произошел раскол: часть из них отъехала в лагерь к гетману Жолкевскому, а другая до конца сохраняла верность своему царю.

Таким образом, хотя в собрании участвовали лишь находившиеся в Москве бояре, дети боярские и московский посадский «мир», в глазах современников оно было представителем «всей земли», вполне правомочным решать вопрос о судьбе избранного царя.

О том, что происходило на собрании у Арбатских ворот, краткое сообщение имеется только в «Новом летописце». Патриарх Гермоген и «немногие бояре» (очевидно, те, кто принадлежал к близкому окружению царя) пытались возражать против низложения Шуйского, но вынуждены были уступить давлению остальных участников собрания.

Изложение решений собрания у Арбатских ворот одновременно с их мотивировкой находим в грамотах, рассылавшихся из Москвы по городам¹²⁴. Характерно, что решение об отстранении царя Василия от власти не сопровождалось ссылкой на какие-либо недостойные поступки царя. Просто говорится, что «всяких чинов люди всего Московского государства... услыша украинных городов ото всяких людей», что царя Василия «на Московском государстве не любят и к нему, государю, не обращаются и служить ему не хотят», постановили «бить челом» ему, «чтоб государь государство отставил для междоусобных брани». Таким образом, достаточным основанием для низложения правителя было то, что часть его подданных — жители «украинных городов» (очевидно, прежде всего рязанцы) не хотят видеть его на троне. Такое обоснование решения о низложении царя говорит о глубоком падении авторитета носителя высшей государственной власти.

Вежливые обороты грамот о «челобитье всех чинов» царю Василию лишь маскируют для их читателя принятое решение о его низложении. В этом отношении гораздо более прямо и определенно решения совещания были сформулированы в составленном тогда же тексте присяги о временном подчинении (до появления нового царя) «всех чинов» Боярской думе как высшему органу государственной власти¹²⁵: «Бывшему государю... Василию Ивановичу всеа Руси отказать и на государеве дворе не быти и вперед на государстве не сидети». Таким образом, независимо от реакции царя на «челобитье» он должен был быть лишен трона. Одновременно братья царя, Дмитрий и Иван, должны были оставить свои места в Боярской думе («с бояры в приговоре не сидети»). Вместе с тем собрание готово было предоставить бывшему царю и его братьям гарантии безопасности («и нам над государем и над государынею и над его братьями убивства не учинити и никакого дурна»).

Последующие события в разных источниках описаны по-разному. Если составитель «Нового летописца» стремился (хотя и не прямо) зародить у читателя сомнения в законности действий противников Шуйского, то неизвестные составители разрядных записей, напротив, описывали события, последовавшие за принятым на собрании решением, так, чтобы у читателя не было никаких сомнений в том, что все протекало законно и по обоюдному согласию сторон. Согласно этому источнику, с просьбой оставить трон к царю Василию направились «патриарх со всем собором да бояре князь Иван Михайлович Воротынской да Федор Иванович Шереметев и по прошенью всех людей Московского государства царь Василей государство отставил и съехал на свой двор». Одновременно «бояре ему и все люди крест целовали по записи, что над ним никакова дурна не учинити и тесноты никакой не делать»¹²⁶. Составитель «Карамзинского хронографа» Баим Болтин ничего не знает о крестоцеловании, но в остальном рисует происходящее аналогичным образом: царь «по боярскому и всея земли челобитью и совету Гермогена патриарха... государство оставил»¹²⁷. Такое освещение событий восходит, как представляется, к официальным грамотам о низложении Шуйского¹²⁸.

Сообщения других источников рисуют существенно иную картину. Так, согласно «Новому летописцу», действительно к царю Василию с собрания у Арбатских ворот был послан кн. Иван Михайлович Воротынский, но вместе с ним к царю отправились

«заводчики», т. е. те дети боярские во главе с Захарием Ляпуновым, которые первыми потребовали его низложения. Они «царя Василья и царицу сведоша с престола» — очевидно, против их желания. Составитель «Нового летописца» подчеркивает, что патриарх Гермоген не имел отношения к этому «злому совету»¹²⁹. В «Бельской летописи» также читаем, что, когда царь Василий в ответ на обращение к нему кн. И. М. Воротынского отказался оставить трон, тогда «ево с царства ссадили»¹³⁰.

По-видимому, именно эта, вторая версия соответствует действительной картине событий. В этом следует искать объяснение того, почему создатели летописных текстов ничего не знают о «записи» с гарантиями безопасности для Шуйского. Вероятно, запись эта утратила свою силу, когда царь отказался оставить трон по своей воле.

В связи с низложением царя Василия в двух наиболее авторитетных повествованиях о Смуте — «Новом летописце» и «Сказании» Авраамия Палицына — рассказывается одна и та же история, пользующаяся доверием у исследователей. Согласно этому рассказу, выступлению детей боярских против царя Василия предшествовала их негласная договоренность с пришедшими под Москву сторонниками Лжедмитрия II об одновременном низложении обоих соперничающих правителей. Когда на следующий день после низложения Шуйского представители сторон встретились у Данилова монастыря, сторонники Лжедмитрия II «посмеяшся московским людем и позоряху их» и категорически отказались низлагать своего правителя¹³¹.

Принять эту историю за действительный факт мешает то обстоятельство, что о такой договоренности ничего не знают ни приближенный Яна Петра Сапеги, составлявший дневник его похода, ни служивший в войске Сапеги ротмистр Й. Будзила. Записи в дневнике Я. П. Сапеги рисуют иную картину событий. Под 26 июля (н. ст.) в дневнике отмечены лишь стычки под стенами столицы. 27 июля, узнав о начавшихся в Москве волнениях, Лжедмитрий II отправил туда грамоту, адресованную «всем боярам и миру» с предложением прекратить сопротивление и подчиниться его власти. Вечером из Москвы к войску Лжедмитрия II вышло двое думных бояр, сообщивших о низложении Шуйского и временной передаче власти в руки Боярской думы. «Когда наши подъехали к самым воротам, — записано в дневнике, — Москва обращалась с ними любезно, стрелять не приказали. С нашими здоровались и вечером просили к себе, обещаясь завтра вступить с нами в пере-

говоры». 28-го Лжедмитрий II, ожидая начала переговоров, поехал сам утром к Москве, но другая сторона переговоров вести не стала, а вместо этого последовало обращение к сопровождавшим Самозванца русским людям: «Мы своего царя сбросили, (так) сбросьте и вы своего». После полудня московские пушки стали стрелять по тем местам, где ездил Лжедмитрий II¹³². Из контекста повествования ясно следует, что после низложения Шуйского Самозванец рассчитывал на подчинение Москвы его власти, и последовавшее заявление оказалось и для него, и для его гетмана Я. П. Сапеги неприятной неожиданностью. Как представляется, данным этого современного событиям и хорошо информированного обо всем, что происходило в лагере Лжедмитрия II, источника, следует отдать предпочтение.

Вместе с тем это не означает, что история, рассказанная А. Палицыным и составителем «Нового летописца», должна рассматриваться как плод вымысла этих авторов. По-видимому, на собрании у Арбатских ворот в качестве одного из аргументов в пользу низложения царя Василия приводился тот довод, что в этом случае сторонники Лжедмитрия II также откажутся от своего царя. Неслучайно в грамотах, сообщавших о низложении царя Василия, говорилось, что, пока он сидит на троне, его противники «к Московскому государству не обращаются», а когда он уйдет, то «б все были в соединенье и стояли за православную крестьянскую веру все заодно». Но задуманный план оказался нереализованным: сторонники Лжедмитрия II отказались его низложить. Тем самым один из важных доводов в пользу детронизации царя Василия терял силу, его положение объективно улучшалось, и появлялись возможности для его возвращения к власти.

Некоторые сведения о попытках царя Василия вернуть себе трон обнаруживаются в записках С. Жолкевского. По его словам, Шуйский, хотя и находился на своем дворе под стражей, имел возможность поддерживать связь со своими сторонниками в столице¹³³. Как рассказывал гонец гетмана в лагере под Смоленском, для надзора за низложенным правителем к нему приставили двоих бояр — Лыкова и Нагого¹³⁴. Как следует из доноса, поданного после принесения присяги на имя королевича Владислава, боярин кн. Борис Михайлович Лыков был одним из наиболее близких к царю Василию людей среди членов Боярской думы¹³⁵, и через него эти контакты и могли осуществляться. А бывшие приближенные Шуйского, возвышенные им, готовы были содействовать его

возвращению к власти («чтоб опять сидеть на Москве»). В доносе названы их имена: кн. Данило Мезецкий, Измайловы, Василий Борисович Сукин, постельничий бывшего царя Иванис Григорьевич Адодуров и некоторые другие¹³⁶. Кроме того, по словам Жолкевского, Шуйский пытался привлечь на свою сторону стрельцов, которых, по его оценке, в Москве было около 8 тысяч¹³⁷. В связи с этим стоит вспомнить о том, что царь Василий в 1609 г. освободил стрельцов от уплаты судебных и части торговых пошлин¹³⁸. Поэтому у него были известные основания надеяться, что стрельцы могут выступить в его защиту.

По сведениям, которыми располагал Жолкевский, обеспокоенные активностью низложенного правителя бояре приняли решение принудительно постричь его в монахи¹³⁹. Однако русские источники дают иную характеристику событий. Особенно показательно то, что составители разрядных записей, старательно подчеркивавшие законный характер и собрания у Арбатских ворот, и принятых там решений, и последовавшей затем процедуры низложения царя Василия, давали совсем иную характеристику последовавшим событиям. Пострижение царя Василия, по их утверждениям, произошло «самовольством», «без патриаршего ведома и боярского приговора»¹⁴⁰. В качестве организаторов насильственного пострижения выступили дети боярские, инициаторы первых выступлений против Шуйского¹⁴¹, среди них называют уже знакомых Захария Ляпунова и Федора Хомутова¹⁴². Естественно, что эти люди стремились не допустить возвращения царя на трон. Вместе с ними действовал ряд других детей боярских — один из князей Оболенских Василий Тюфякин, кн. Федор Иванович Волконский, выборный дворянин из Алексина, дорогобужанин Гаврило Григорьевич Пушкин¹⁴³. Биографические данные об этих лицах подтверждают сообщения грамот, что царем были недовольны дети боярские «украинных городов». По оценке составителей разрядных записей, в выступлении участвовали «немногие дворяне» (дети боярские, входившие в состав государева двора), основную же массу участников составляли «дети боярские городовые и всякие московские земские люди»¹⁴⁴.

Сообщение об активном участии московского посада в выступлении против Василия Шуйского подтверждается и польскими источниками. В своем донесении Сигизмунду III от 23 июля/2 августа 1610 г. С. Жолкевский сообщал, что Дмитрий и Иван Шуйские также оказались «в опасности от мира» и обратились к гетману с просьбой о защите¹⁴⁵.

Согласно наиболее подробному сообщению «Нового летописца», толпа дворян и горожан, недовольных Шуйским, ворвалась к нему на двор и потребовала, чтобы он постригся в монахи. Когда Шуйский отказался, обряд пострижения был совершен насильно, а иноческие обеты произносил за него кн. Василий Тюфякин. После этого монаха поневоле отвезли в Чудов монастырь. Все это вызвало резкое недовольство патриарха. Он «царя... Василья нарицаше мирским именем, царем, а тово князь Василья проклинаше и называше его иноком»¹⁴⁶, но этот протест ничего уже изменить не мог. С планами возвращения Василия Шуйского к власти было покончено, и русский трон окончательно стал вакантным.

В приписке к письму Сигизмунду III от 28 июля, сделанной 30 числа, сразу по получении первых известий о низложении Шуйского, гетман Жолкевский оценивал положение как исключительно благоприятное для польского кандидата. По его словам, после низложения царя Василия «бояре и все простые люди принесли присягу никому не подчиняться, кроме королевича его милости»¹⁴⁷. Скоро, однако, гетману пришлось убедиться, что дело обстоит далеко не так благоприятно, как он первоначально думал, и что ему придется вести весьма напряженную и сложную борьбу, чтобы добиться согласия русских «чинов», собравшихся в Москве, избрать королевича Владислава своим государем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Żółkiewski S. Początek i progres wojny Moskiewskiej / Opr. J. Maciszewski. Warszawa, 1966. S. 127.*
2. *Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 17.*
3. Там же. С. 18–19.
4. *Żółkiewski S. Początek... S. 121.*
5. *Ibid. S. 128.*
6. *Ibid. S. 128–130.*
7. *Ibid. S. 131–132.*
8. См. свидетельство Ю. Видекинда о том, что Д. И. Шуйский горопил шведского военачальника Я. Делагарди с выступлением в поход, чтобы освободить окруженные войска: *Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 123.*
9. РГАДА. Ф. 96 (Сношения России со Швецией). Оп. 1. Кн. 12. Л. 15 об.

10. *Żółkiewski S. Początek...* S. 138–139; *Видекинџ Ю. История...* С. 125–126.
11. *Белокуров С. А. Разрядные записи...* С. 55. Ср.: *Видекинџ Ю. История...* С. 125.
12. *Белокуров С. А. Разрядные записи...* С. 55.
13. *Diariusz drogi króla JMci Zygmunta III od szczęśliwego wyjazdu z Wilna pod Smoleńsk w roku 1609 a die 18 Augusta, fortunnego powodzenia przez lat dwie do wzięcia zamku Smoleńska w roku 1611 / Opr. J. Byliński. Wrocław, 1999. S. 159–160.*
14. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 12. Л. 12.
15. *Видекинџ Ю. История...* С. 117, 121.
16. Там же. С. 121–122.
17. *Diariusz drogi...* S. 160.
18. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 12. Л. 12 об.
19. *Видекинџ Ю. История...* С. 122–123.
20. В этом обвиняли Деллагарди русские представители на мирных переговорах 1616 г. — он намеревался деньги «дати после бою, умысля, которых людей на бою побьют, и ты теми денгами хотел закорыстоватися» (РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 12. Л. 9).
21. *Diariusz drogi...* S. 160.
22. *Elementa ad Fontium Editionis. T. 27: Res Polonica ex Archivo Mediceo Florentino II pars. Romae, 1972. № 377. P. 346.*
23. *Видекинџ Ю. История...* С. 126; *Diariusz drogi...* S. 160.
24. *Ibid. S. 160; О переходе Я. Демидова в Клушине на польскую сторону см. также в письме И. М. Салтыкова Сигизмунду III: AGAD. Archiwum Radziwillów. Dz. 2. Suppl. № 250.*
25. 16 августа 1610 г. Сигизмунд III пожаловал ему поместья в Рославском, Тверском и Московском уездах, а также вотчину Михаила Нагого (всего 600 четвертей земли): АЗР. Т. 4. № 183/СХСІ. С. 343.
26. *Żółkiewski S. Początek...* S. 140.
27. За эти заслуги И. М. Салтыков был щедро вознагражден, получив 30 июля от Сигизмунда III волость Ежинскую в Ржевском уезде: АЗР. Т. 4. № 183/СХХХІХ. С. 338. Любопытно, что пожалование было дано «боярину и воеводе ржевскому». Таким образом, воеводой во Ржеве снова стал, в соответствии с традиционной практикой, человек, присланный сверху. В своих записках С. Жолкевский говорит о Григории Валуеве как главном воеводе, с которым он вел переговоры. В действительности, по-видимому, главную роль при заключении соглашения сыграл кн. Федор Елецкий — 7 августа 1610 г. Сигизмунд III подтвердил за ним владения отца в Ржевском, Боровском и Московском уездах (Там же. № 183/СLХІІ. С. 340).
28. *Żółkiewski S. Początek...* S. 142–143; *Diariusz drogi...* S. 161.
29. Публикацию текстов договора см.: *Żółkiewski S. Pisma. Lwów, 1861. S. 205–208; Сб. РИО. Т. 142. Стб. 89–90; Цветаев Д. В. К истории Смутного*

времени. Собрание документов. М.; Варшава, 1910. Вып. 1. № 2. С. 2–4. Как отметил Д. В. Цветаев, обнаруженный им польский текст приглашения — более полный, чем другие версии.

30. *Żółkiewski S. Początek...* S. 179.
31. *Ibid.* S. 143.
32. AGAD. Archiwum Radziwiłłów. Dz. 2. Suppl. № 250.
33. *Ibid.* № 252.
34. № 73, 152, 199 смоленской десятины 1606 г.
35. № 72, 125, 250 смоленской десятины 1606 г.
36. № 64, 70, 92 смоленской десятины 1606 г.
37. АЗР. Т. 4. № 183/CXLVI. С. 339. Грамота подтверждала его права на владения в Елецком и Иванском станах Смоленского уезда. Позднее, вероятно после успешной поездки его сына в Москву, он получил часть поместья кн. Ивана Семеновича Куракина, одного из наиболее стойких приверженцев царя Василия: Там же. № 183/CCIV. С. 344.
38. Там же. № 183/CXLVII, 183/CLXIX. С. 339, 441.
39. Там же. № 183/CCXIII. С. 345; № 700 в смоленской десятине.
40. Там же. № 183/CCIII. С. 344; № 199 в смоленской десятине.
41. *Мальцев В. П.* Борьба за Смоленск. Смоленск, 1940. С. 294–295.
42. Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собр. и изд. А. Юшков (далее — Акты Юшкова). М., 1898. Ч. 1: 1257–1613 гг. М., 1898. № 297. С. 318; Народные движения в России в годы Смуты начала XVII века. 1601–1608: Сб. документов. М., 2003. № 179. С. 320.
43. *Żółkiewski S. Początek...* S. 141; *Moskwa w rękach polaków. Pamiętniki dowódców i oficerów garnizonu polskiego w Moskwie w latach 1610–1612.* Kraków, 1995. S. 171.
44. *Żółkiewski S. Początek...* S. 141; *Diariusz drogi...* S. 161.
45. ПСРЛ. Т. 34. С. 214.
46. *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1899. С. 367, 429–439.
47. Я. Задзик — III Рудницкому, 10 июня 1610 г.: Czart. Rkp. 342. K. 747.
48. *Diariusz drogi...* S. 141 — запись от 13 мая (н. ст.); сведения были получены от перебежавших на польскую сторону детей боярских из Можайска.
49. *Ibid.* S. 145 — запись от 30 мая.
50. *Ibid.* S. 147 — запись от 10 июня.
51. *Платонов С. Ф.* Очерки... С. 299, 303–305, 311–312 и др.
52. См.: *Тюменцев И. О.* Список сторонников царя Василия Шуйского (Новая находка в шведском архиве) // Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1993. С. 317–318.

53. См.: Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 239, 247; Тюменцев И. О. Список сторонников... С. 318.
54. Там же. С. 294–296.
55. Седов П. В. Поместные и денежные оклады, как источник по истории дворянства в Смуту // Архив русской истории. М., 1993. Вып. 3. С. 231–233.
56. Об указе см.: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. № 64. С. 79; То же. Комментарий. Л., 1987. С. 116–117.
57. О дате издания указа говорит тот факт, что самые ранние документы, выданные на основании его норм, относятся к маю 1610 г. Возможно, целью его издания было сплочение русского дворянства вокруг трона накануне похода русских войск к Смоленску.
58. Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII в. М., 1990.
59. Антонов А. В. Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 2002. Вып. 8. № 187, 1456, 2583, 2808.
60. Платонов С. Ф. Очерки... С. 304–305; Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 279–281, 288.
61. Там же. С. 288–289.
62. Там же. С. 283–284, 289.
63. Платонов С. Ф. Очерки... С. 313–314, 435–439.
64. Акты Юшкова. № 268. С. 286.
65. Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века / Сост. А. В. Антонов. М., 1998. Т. 2. № 254. С. 230.
66. Акты Юшкова. № 273. С. 291.
67. Акты служилых землевладельцев... Т. 2. № 255. С. 231.
68. Акты Юшкова. № 272. С. 290–291.
69. Там же. № 275. С. 294.
70. См. грамоту в Рязань от 6 октября 1608 г. с детальным обсуждением способов доставки в Москву хлеба из рязанских дворцовых сел: Там же. № 278. С. 297–298.
71. Антонов А. В. Частные архивы... № 1725–1726, 1728, 1732.
72. Акты Юшкова. № 279. С. 298–299. Прокофий Ляпунов выступает в ней, как «истинны воевода Христов и поборитель по истинне».
73. Там же. № 286. С. 305.
74. Антонов А. В. Из частной жизни служилых людей рубежа XVI–XVII века // Русский дипломатарий. М., 1999. Вып. 5. С. 165–167.

75. ПСРЛ. Т. 14. С. 97.
76. Там же. С. 99.
77. Там же. С. 97.
78. Там же. С. 98.
79. См. донесение С. Жолкевского Сигизмунду III от 20 июля (н. ст.) 1610 г. (Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871. Приложения. Стб. 95).
80. AGAD. Archiwum Radziwiłłów. Dz. 2. Suppl. № 250.
81. Его имя указано в ответе смольнян. Текст ответа см.: *Racz. Rkr.* 34. К. 160. Ф. Шушерин — дворовый сын боярский с окладом в 500 четвертей, см. № 70 в смоленской десятне 1606 г.
82. Копии договора упоминаются в ответе смольнян, как и «грамоты», о которых упоминается в донесении С. Жолкевского от 20 июля. Неясно, что такое упомянутые в ответе смольнян «советные королевские речи», посланные вместе с «грамотами».
83. См. донесение С. Жолкевского от 20 июля: Записки гетмана Жолкевского... Стб. 93.
84. См.: *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 493–496.
85. Донесение С. Жолкевского от 20 июля: Записки гетмана Жолкевского... Стб. 94.
86. См. об этом в дневнике похода Я. П. Сапеги: *Moskwa w rękach...* S. 322–323.
87. *Ibid.* S. 323 — запись от 9 июля (н. ст.).
88. *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 496–498. Ряд важных деталей содержится в письме Я. Гридича от 20 июля (н. ст.) 1610 г. см.: *Polak W.* O Kreml i Smoleńszczyznę. *Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607–1612.* Toruń, 1995. S. 152.
89. *Ibid.* S. 153.
90. *Захарьина Н. С.* Русско-крымские отношения в годы правления Василия Шуйского (1607–1610 гг.) // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX в.). Кишинев, 1980. С. 133–135.
91. ПСРЛ. Т. 14. С. 98; *Цветаев Д. В.* К истории... № 3. С. 5 (донесение С. Жолкевского Сигизмунду III после 20 июля н. ст.).
92. *Захарьина Н. С.* Русско-крымские отношения... С. 137–138. См. также сообщения сопровождавшего бояр в поездке к татарам Василия Васильевича Алабычева (*Сухотин Л. М.* Четвергчики Смутного времени (1604–1617 гг.) // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 222–223).
93. *Moskwa w rękach...* S. 325.
94. ПСРЛ. Т. 14. С. 98.
95. Там же.
96. См. записи в дневнике похода Я. П. Сапеги: *Moskwa w rękach...* S. 325–326.

97. Донесение С. Жолкевского от 20 июля: Записки гетмана Жолкевского... Стб. 95.
98. Я. Гридич — Л. Сапере, 20 июля (н. ст.) 1610 г., Можайск: Riksarkivet Stockholm. Skokloster Samlingen E8604 (d. 341).
99. *Цветаев Д. В.* К истории... № 3. С. 5.
100. Текст этого документа см.: *Racz. Rkr.* 34. К. 160–160^v.
101. Ее публикацию см.: Сборник Муханова. 2-е изд. СПб., 1866. № 107 (русский перевод).
102. Там же.
103. Я. Гридич — Л. Сапере, 26 июля (н. ст.) 1610 г., Можайск: Riksarkivet Stockholm. Skokloster Samlingen E8604 (d. 341). См. также: ПСРЛ. Т. 14. С. 100.
104. *Moskwa w gękach*... S. 326.
105. См. донесение С. Жолкевского Сигизмунду III от 28 июля (н. ст.) 1610 г.: *Цветаев Д. В.* К истории... № 4. С. 6–7.
106. ПСРЛ. Т. 14. С. 99–100.
107. См. донесение С. Жолкевского Сигизмунду III от 2 августа (н. ст.) 1610 г., Вязёмы: *Цветаев Д. В.* К истории... № 5. С. 8.
108. Это сообщение о выступлении З. Ляпунова подтверждается независимым свидетельством К. Буссова: *Буссов К.* Московская хроника 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 174.
109. ПСРЛ. Т. 34. С. 254.
110. *Żółkiewski S.* Początek... S. 146–147.
111. *Буссов К.* Московская хроника... С. 174. См. также и в рассказе кн. С. И. Шаховского об аргументах противников Шуйского: «Да отыметца царская держава от царя Василья, понеже муж крове еси, и вси людие за него мечом погибоша, и грады раскопани суть, и вся Российская держава запустение прияша»: *Шаховской С. И.* Летописная книга // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII века. М., 1987. С. 402.
112. *Попов А. Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 346.
113. *Платонов С. Ф.* Очерки... С. 627.
114. См. об этом: *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 160–161.
115. *Платонов С. Ф.* Очерки... С. 447.
116. Из хронографа 1617 года // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII века. М., 1987. С. 348.
117. *Шаховской С. И.* Летописная книга... С. 402.
118. Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 206.

119. ПСРЛ. Т. 34. С. 254.
120. *Попов А. Н.* Изборник... С. 346.
121. *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 19, 125.
122. Повесть о победах Московского государства / Изд. подгот. Г. П. Енин. Л., 1982. С. 22.
123. *Шаховской С. И.* Летописная книга... С. 402.
124. См. грамоту в Пермь от 20 июля (ААЭ. Т. 2. С. 27), грамоту в Сургут от 24 июля (СГГиД. Т. 2. № 197) — тексты грамот совпадают между собой, соответствуя, очевидно, общему образцу.
125. Текст присяги см.: АИ. Т. 2. № 287. С. 349.
126. *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 19.
127. *Попов А. Н.* Изборник... С. 346.
128. См. в грамоте в Пермь: «Государь, царь и великий князь по челобитью всех людей государство отставил».
129. ПСРЛ. Т. 14. С. 100.
130. Там же. Т. 34. С. 254.
131. Там же. Т. 14. С. 100; Сказание... С. 207.
132. Moskwa w rękach... S. 327.
133. *Żółkiewski S.* Początek... S. 148.
134. Diariusz drogi... S. 161.
135. *Тюменцев И. О.* Список сторонников... С. 318.
136. Там же.
137. *Żółkiewski S.* Początek... S. 148.
138. Законодательные акты Русского государства... Тексты. № 61. С. 78.
139. *Żółkiewski S.* Początek... S. 148.
140. *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 19, 126.
141. На это указывает «Новый летописец»: ПСРЛ. Т. 14. С. 100.
142. ПСРЛ. Т. 34. С. 254; *Попов А. Н.* Изборник... С. 346.
143. *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 19, 126; Боярские списки... Ч. 1. С. 243; Ч. 2. С. 5.
144. *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 126.
145. *Цветаев Д. В.* К истории... № 5. С. 8.
146. ПСРЛ. Т. 14. С. 100.
147. *Цветаев Д. В.* К истории... № 4. С. 7.

ИЗБРАНИЕ ВЛАДИСЛАВА

Со времени низложения Василия Шуйского до подписания соглашения об избрании Владислава прошло около двух недель. О том, что происходило в Москве в течение этих двух недель, русские источники (даже такой наиболее подробно описывающий события и хорошо информированный автор, как составитель «Нового летописца») почти ничего не сообщают. Ход событий в лагере Лжедмитрия II позволяет отчасти восстановить так называемый «Дневник Яна Петра Сапеги», но в нем почти ничего не говорится о том, что происходило в это время в Москве. Хорошо известно описание событий, происходивших в течение этого временного промежутка, которое дал гетман С. Жолкевский в своих «Записках». «Записки» написаны хотя и довольно скоро после событий, но все же тогда, когда их конечный исход уже вполне определился. Однако кроме «Записок» в распоряжении исследователей имеется два источника, современных событиям, — письма Жолкевского королю, освещающие наиболее важные моменты переговоров, и письма одного из офицеров его армии, Яна Гридича, информировавшего о происходящем своего патрона — литовского канцлера Льва Сапегу. Сопоставляя между собой данные этих трех источников, можно попытаться предложить реконструкцию событий.

Собрание у Арбатских ворот не могло ограничиться и не ограничилось решением о низложении Василия Шуйского. Одновременно были приняты еще два важных решения. Поскольку с низложением царя возник вакуум власти, собравшиеся у Арбатских ворот «чины» просили членов Боярской думы, «чтоб пожаловали, приняли Московское государство, докуды нам даст Бог государя

на Московское государство». Тогда же было принято и решение об избрании нового царя: «А выбрати государя на Московское государство им, бояром, и всяким людем, всею землею... сослався с городаы». В соответствии с этим местным властям предписывалось выбрать «изо всех чинов... по человеку» и прислать их в Москву¹. Очевидно, предполагалось, что избрание нового государя произойдет на созванном в столице Земском соборе по решению «всей земли» — представителей всех «чинов» русского общества всех входящих в состав Русского государства областей («городов»). В условиях, когда Москва оказалась окружена войсками различных кандидатов на трон, осуществить этот план не удалось.

В грамотах не содержалось никаких указаний относительно того, кого следовало бы избрать на трон. В них лишь сообщалось, что собравшиеся в Москве «чины» принесли присягу, чтобы им «всем против воров стояти заодно и вора на государство не хотети»². Тем самым Лжедмитрий II решительно исключался из числа возможных кандидатов на трон.

Из этого, однако, не следует делать вывод, что участники собрания, как думал С. Жолкевский, были сторонниками избрания Владислава. Характеризуя положение, сложившееся в стране ко времени низложения царя Василия, составители рассылавшихся по городам грамот писали, что к Москве идут иноземные войска, а «хотят... литовские люди государством Московским завладети и православную крестьянскую веру разорити, а свою латынскую веру учинити»³. А в заключительной части этих документов «всех людей Московского государства» призывали «быти в соединенье, чтоб наша православная вера не разорилась и матери бы наши, жены и дети в латынской вере не были»⁴.

Само решение о низложении Василия Шуйского было связано с надеждами на то, что таким путем удастся добиться и устранения Лжедмитрия II, и тогда обе враждебные группировки объединят свои усилия, чтобы противостоять армии Жолкевского⁵. Очевидно, что на собрании у Арбатских ворот сторонники королевича отнюдь не преобладали⁶.

30 июля (н. ст.), сразу по получении известий о низложении Шуйского, С. Жолкевский двинул войско к Москве⁷. Войско должно было стать в его руках инструментом для давления на московские «чины», чтобы заставить их избрать Владислава. Уже на пути из Вязём 2 августа он смог прислать королю первые сведения о положении, сложившемся в русской столице после

низложения царя Василия. Боясь угроз со стороны «мира», брат низложенного царя кн. Иван Шуйский обратился к гетману с просьбой о защите. Просьбу эту передал Жолкевскому стрелецкий голова Иван Дивов, сын боярский из Смоленска⁸ — очевидно, один из тех смольнян, которые сохраняли верность сверженному правителю. По словам стрелецкого головы, русская правящая элита разделилась на три группировки. Одна, во главе которой стоит патриарх, желает избрания на царство кн. Василия Васильевича Голицына, другая, во главе с Захаром Ляпуновым, агитировала в пользу Лжедмитрия II, но не добилась успеха (Захара, по его словам, «едва не убили»), и третья, во главе с кн. Ф. И. Мстиславским, склоняется к тому, чтобы избрать Владислава⁹. Борьба группировок была осложнена действиями русских служилых людей, находившихся в войске С. Жолкевского. По сообщениям гетмана, они отправили в Москву 30 детей боярских с письмом, в котором призывали поторопиться «королевицу его милости челом ударить»¹⁰. Гетман сообщал королю, что под воздействием их агитации в Москве взяли верх люди, объединившиеся вокруг кн. Ф. И. Мстиславского.

Однако Ян Гридич, отправивший свое письмо одновременно с письмом гетмана, был более осторожен в своих оценках. Судя по тому, что ему стало известно, бояре, принадлежавшие ранее к «фракции Шуйского», советовали не торопиться «с поклоном» королевицу, а сначала посмотреть, чем окончится столкновение между войсками С. Жолкевского и Лжедмитрия II¹¹. Как увидим далее, эти соображения были приняты во внимание, хотя окончательное решение оказалось иным.

В ответе на грамоту гетмана, предлагавшего свою помощь против Лжедмитрия II, составленном от имени всех «чинов» русского общества, находившихся в Москве («всех станов служилые и приказные и жилецкие люди»), его поставили в известность, что в Москве должен состояться собор для избрания нового государя. Одновременно Жолкевского просили обратиться к Яну Петру Сапеге «и всем польским и литовским людям, которые теперь с вром», чтобы те схватили Лжедмитрия II и выдали его гетману. Когда это произойдет, говорилось далее в грамоте, мы, «посоветовавшись со всеми людьми Московского государства, будем с вами ссылатся и говорить и становить о всех добрых делах, которые належат до покоя христианского»¹². Таким образом, от Жолкевского добивались, чтобы он устранил опасность, угрожавшую Москве со стороны Лжедмитрия II, одновременно не давая со своей

стороны никаких обязательств. Такое предложение еще раз покаяет, что вопрос о том, кто будет новым русским государем, еще отнюдь не был решен в пользу Владислава.

Дети боярские, передавшие Жолкевскому это послание, не скрывали, что оно написано по предложению патриарха¹³. Жолкевский не принял этого предложения, тем более что находившиеся в его войске русские дети боярские советовали как можно скорее идти к столице. 3 августа (н. ст.) польская армия подошла к Москве.

О происшедших после этого событиях С. Жолкевский подробно сообщал королю в письме от 5 августа. Здесь, у стен Москвы, состоялась встреча бояр и детей боярских, находившихся в столице, с Иваном Салтыковым, Григорием Валуевым и другими предводителями русских служилых людей в армии Жолкевского. В этот момент к Москве подошли и стали жечь одно из предместий войска Лжедмитрия II. Против него из Москвы также двинулись войска. К гетману от кн. Ф. И. Мстиславского прибыл гонец Ф. Челюсткин. Гонец сообщил, что боярин хотел встретиться с Жолкевским, но из-за нападения «воровских людей» встреча стала невозможной. Он просил оказать помощь против Лжедмитрия II или хотя бы послать к Я. П. Сапеге, чтобы тот перестал жечь город. Власти в Москве снова пытались вовлечь Жолкевского в военные действия против Лжедмитрия II, и гетман снова отказался это сделать. Он заявил, что лишь после того, как стороны достигнут соглашения, он будет готов защищать Москву со своим войском и от «вора», и от всякого неприятеля¹⁴.

В тот же день вечером к С. Жолкевскому прибыли послы от польско-литовского войска Лжедмитрия II. В сложившейся сложной ситуации, когда это войско было крайне заинтересовано в том, чтобы Лжедмитрий II занял русский трон, и, вместе с тем, хотело избежать столкновения с коронной армией, была предпринята еще одна попытка добиться соглашения между Лжедмитрием II и Сигизмундом III. Лжедмитрий II выразил готовность признать себя вассалом короля, выплатить большие суммы королю и королевичу, прислать войско, чтобы отвоевать у шведов Ливонию и помочь Сигизмунду III утвердиться на шведском троне. С этими предложениями послы ознакомили гетмана и просили дать разрешение выслать своих представителей под Смоленск для переговоров с королем¹⁵. Жолкевский считал подобное соглашение нереальным, его главной целью продолжало оставаться избрание Владислава. Именно поэтому он отказался принять прибывших

вместе с послами от войска послов Лжедмитрия II. В контактах с польско-литовским войском на службе у Самозванца и его гетманом Яном Петром Сапегой Жолкевский стремился к решению одновременно двух задач. С одной стороны, он был заинтересован в том, чтобы войска Лжедмитрия II продолжали стоять под Москвой. В сложившейся ситуации находившиеся в Москве дети боярские и посадские люди без помощи Жолкевского избавиться от этих войск не могли, и это вынуждало их искать соглашения с гетманом. С другой стороны, было нужно, чтобы это войско не пыталось овладеть Москвой, его пассивность, как результат усилий Жолкевского, должна была поднять авторитет гетмана в глазах жителей Москвы. Поэтому предложения «сапегинцев» оказались для Жолкевского выгодными. Пока войско рассчитывало на успех переговоров с королем, оно оставалось бы пассивным и не создавало бы Жолкевскому сложностей. Неудивительно, что гетман не только разрешил «сапегинцам» отправить послов к Сигизмунду III, но и советовал королю оказать им любезный прием¹⁶.

Когда послы уехали, на следующий день утром к Жолкевскому прибыл новый гонец с письмом от кн. Ф. И. Мстиславского. Содержание этого письма неизвестно, так как гетман сообщил королю лишь о своей реакции: ничего не отвечая, он отправил гонца обратно — письмо за письмом, а делу конца не будет¹⁷. Таким образом, если русские власти в Москве добивались выступления Жолкевского против «вора», стремясь отложить рассмотрение других вопросов, то гетман, напротив, обещал помощь против «вора» только после заключения соглашения и настаивал на скорейшем начале переговоров. В результате русская сторона пошла на уступки. В тот же день кн. Ф. И. Мстиславский прислал сына боярского Богдана Глебова, чтобы договориться о времени и месте встречи. Подробное изложение речи, произнесенной Б. Глебовым, сохранилось в письме Яна Гридича Льву Сапеге от 13 августа¹⁸. Глебов говорил о «гневе Божьем», постигшем за грехи Русское государство, о том, видя этот гнев, все люди «били челом государю своему бывшему, чтобы он государство оставил, что он и учинил с великой своей и всех людей скорбью». При этих словах сын боярский заплакал. Главное значение имело не это заявление, которое должно было затушевать факт насильственного низложения правителя, а последующая часть речи, в которой говорилось, что все просят Бога, чтобы он дал им такого государя, как те «природные» государи, которые правили Россией много столетий.

Далее Б. Глебов прямо сказал, что русские люди готовы обсуждать вопрос об избрании на трон королевича Владислава, «чтобы и вам и нам добро было». Однако он сразу же подчеркнул, что необходимым условием соглашения должна стать неприкосновенность православной веры.

Размышляя над итогами разговоров с представителем Боярской думы, С. Жолкевский пришел к заключению, что русских людей беспокоит только судьба их веры. Страх за судьбу веры вызывает у них патриарх — сторонник Голицына. Поэтому главную задачу переговоров гетман видел в том, чтобы успокоить русских людей на этот счет. Когда была достигнута договоренность о встрече утром 5 августа (н. ст.) на дороге у Новодевичьего монастыря, Жолкевский отправил на эту встречу своего племянника, ротмистра Александра Балабана из знатного православного шляхетского рода, откуда вышли два львовских епископа¹⁹. Он должен был рассеять сомнения русских людей относительно судьбы православия под властью польского королевича. Вместе с Балабаном на переговоры был послан подстолий львовский Станислав Домарадский²⁰. Кроме того, в состав делегации входили представители русских служилых людей — И. Н. Салтыков, представлявший интересы бывших тушинцев, заключивших февральский договор с Сигизмундом III, и Г. Л. Валуев, представлявший бывших сторонников Шуйского, капитулировавших под Царевым Займищем²¹. На встречу с ними из Москвы были высланы стольник кн. Иван Федорович Троекуров, дьяк Андрей Иванов, в 1605–1606 гг. участвовавший в переговорах с польскими послами²², дети боярские Федор Колычев и Иван Глебов²³. Ранг представителей обеих сторон говорит о том, что встреча явно носила предварительный характер и должна была подготовить почву для будущих переговоров членов Боярской думы с гетманом.

О встрече сохранилось два свидетельства, существенно по-разному освещающих то, что на ней произошло. Одно — это приписка С. Жолкевского к уже упоминавшемуся письму от 5 августа, сделанная уже после того, как встреча состоялась. По его словам, на встрече А. Балабану удалось развеять опасения русских людей относительно судьбы их веры. Жолкевский выразил намерение послать его к патриарху, чтобы успокоить Гермогена²⁴.

Однако совсем другое мы находим в сообщении второго представителя Речи Посполитой на переговорах — С. Домарадского²⁵. Согласно его сообщению, русские представители заявили о согла-

сии бояр и «всей земли» избрать на русский трон Владислава, выдвинув лишь одно условие, «чтобы их веры... королевич его милость Владислав был»²⁶. Выдвижение такого условия не было чем-то новым. Уже условия, предлагавшиеся Сигизмунду III под Смоленском бывшими сторонниками Лжедмитрия II, начинались с предложения, чтобы король своему сыну «призволил быти греческие веры»²⁷. Настойчивое выдвижение такого требования было следствием не только подозрительного отношения русских к внешнему миру, инославному и иноверному, от которого постоянно исходит опасность, и не только опасения за судьбу своей веры под властью правителя иной конфессии. Дело было также и в том, что новый правитель, принадлежавший к роду «истинных» государей, что давало ему преимущество над другими кандидатами, приняв веру своих подданных, должен был тем самым порвать связь с «чужим» миром, к которому он ранее принадлежал, и перейти в тот мир, к которому принадлежали его подданные. «И ему бы у нас вся добрая творити и закона бы нашего и устава ничем не разоряти и своего бы ему злаго прирожения забыти», — писал несколькими месяцами позднее автор «Новой повести о преславном Российском царстве»²⁸. Но именно поэтому такое решение никак не могло устроить ни короля Сигизмунда III, ни государственных деятелей Речи Посполитой. При составлении февральского договора стороны не пришли к согласию, и вопрос о вере будущего государя был в нем обойден молчанием. Но при возвращении к вопросу об избрании Владислава он снова вышел на передний план. Хотя никакие другие вопросы пока не были затронуты, уже это показывало, что проявленный Жолкевским оптимизм был явно преждевременным. Если собравшиеся в Москве русские «чины» и дали принципиальное согласие на избрание Владислава, то вопрос о том, на каких условиях он сможет стать русским царем, должен был стать предметом напряженной борьбы.

Если благодаря польским источникам мы хорошо представляем себе те ходы, с помощью которых гетман заставил русскую сторону вступить с ним в переговоры, то очевидно вместе с тем, что их авторам осталось совсем неизвестно то, как в Москве было принято решение вступить в переговоры с Жолкевским и как к этим переговорам готовились. Этот пробел лишь в очень недостаточной степени может быть восполнен русскими свидетельствами, часть из которых была записана заведомо на достаточно большой временной дистанции от описанных в них событий.

Наиболее подробные сведения содержит одна из редакций разрядных книг, свидетельства которой тем более заслуживают внимания, что при их составлении, возможно, была использована официальная документация. Согласно версии, содержащей более подробное изложение событий, решение об избрании Владислава приняли первоначально «бояре и окольные и дворяне», т. е., очевидно, Боярская дума в полном составе, и лишь затем оно получило одобрение патриарха Гермогена и других «чинов»²⁹.

Принимая решение, политическая элита русского общества столкнулась с дилеммой, которую составитель рассказа об избрании Владислава сформулировал следующим образом: «Стояти ли противу Литвы и осада укрепити и сидети во граде или послати х королю, дабы отпустил сына своего на стол Великий России»³⁰. В условиях, когда Москва фактически оказалась окружена войсками С. Жолкевского и Лжедмитрия II, значительных шансов на длительную и успешную оборону города, конечно, не было, тем более что Лжедмитрий II, используя ситуацию, сумел установить свою власть над рядом территорий, ранее признававших своим царем Василия Шуйского³¹. В таких условиях приходилось искать соглашения с одним из претендентов.

В древнерусских сказаниях о Смуте предлагаются определенные объяснения того, почему выбор Думы пал на Владислава. Разумеется, русские политики не могли испытывать особо теплых чувств к претенденту, за спиной которого стояли подошедшие к Москве иноземные войска. Как к этим войскам относились в Москве, ясно видно из высказываний о них в грамотах, посылавшихся по городам после низложения Шуйского, которые приведены выше. Выбор определялся тем, что Лжедмитрий II был еще хуже. Авраамий Палицын объяснял это страхом бояр перед возможным социальным переворотом: «Лучши убо государичю служити, нежели от холопей своих побитым быти и в вечной работе у них мучитися»³². Сходный мотив обнаруживается и в разрядных записях, где, характеризуя положение, бояре говорят патриарху, что под Москвой стоит самозванец «с русскими ворами с казаки, хотят Московское государство достигать»³³.

Эти объяснения были приняты как правильные исследователями Смуты, полагавшими, что после бегства Лжедмитрия II в Калугу его главной опорой стало казачество³⁴. Однако, как показано в исследовании И. О. Тюменцева, в Калуге продолжал существовать «двор», организованный как традиционная для русского

общества иерархия «чинов», основу которого составляли люди, принадлежавшие к окружению Лжедмитрия II еще в Тушине³⁵. В случае прихода к власти Самозванца именно они должны были занять места в первых рядах русской политической элиты, что, конечно, не могло устроить находившихся в Москве служилых людей, бывших сторонников царя Василия.

Разумеется, и мотив страха перед войском Лжедмитрия II не следует недооценивать. Однако это был не столько страх перед опасностью социального переворота, сколько обоснованные опасения перед насилиями и грабежами, которые последовали бы за вступлением этого войска в Москву. Главная военная сила Лжедмитрия II — наемное войско во главе с Я. П. Сапегой — уже в предшествующие годы сумела приобрести соответствующую репутацию в глазах русского населения Замосковского края. К тому же это войско вовсе не скрывало своих намерений любой ценой добиться щедрого вознаграждения за свою службу³⁶.

При принятии решения об избрании Владислава имел значение и другой мотив. Расколотившаяся долготлетней смутой, вызванной столкновениями различных кланов и социальных слоев, русское общество нуждалось в царе как верховном арбитре, который бы, встав над схваткой, мог бы своими решениями содействовать прекращению внутренних конфликтов. Такой роли соответствовал не Лжедмитрий II, вовлеченный во все эти внутренние конфликты, и не представитель одного из боярских кланов, а государь из «великого рода», пришедший на русский престол извне. В этом, очевидно, состоял смысл «боярского приговора», о котором говорится в разрядных записях, «что им из Московского государства государя не обирать никомо»³⁷. В продолжении Псковской 1-й летописи сохранилось сообщение, в котором говорится, как бояре обосновывали свой «приговор»: «Реша от княжеска и боярска роду... не хошем своего брата слушати: ратнии людие рускаго царя не боятся, его и не слушают и не служат ему»³⁸.

Характерно, что другой современник, Конрад Буссов, рассказывая о том, как московские «чины» обсуждали после низложения Шуйского вопрос о судьбе русского трона, приводит в своем сочинении сходные доводы в пользу избрания иноземного государя. По словам Буссова, в Москве говорили, что, «если мы сейчас выберем одного из» вельмож «царем земли нашей, другие тотчас же начнут его ненавидеть и тайно преследовать, ибо никому неохота кланяться и подчиняться себе равному». Поэтому следует

избрать «совсем чужого вельможу, который был бы прирожденным государем по отцу и по матери и не имел бы себе равного в нашей земле»³⁹.

Конечно, и Буссов, и не известный по имени горожанин Пскова писали по слухам, но в этих слухах, очевидно, воспроизводились те доводы, которые наиболее часто повторялись и потому лучше запомнились.

Эти аргументы, как представляется, и определили решение находившихся в Москве «чинов» (Боярской думы, Освященного собора, детей боярских «государева двора», дворянских отрядов, стрельцов, московского посада) вступить в переговоры с гетманом Жолкевским об избрании на русский трон королевича Владислава. Для участия в переговорах с русской стороны была избрана делегация, состоявшая из бояр кн. Ф. И. Мстиславского, кн. В. В. Голицына, Ф. И. Шереметева, окольного кн. Д. И. Мезецкого и думных дьяков Василия Телепнева и Томилы Луговского⁴⁰. Одновременно был составлен «статейный список» с изложением условий, «как ему, государю, быть на Московском государстве»⁴¹. Этим документом русские представители должны были руководствоваться на переговорах.

Когда дело дошло до встречи этих представителей с гетманом, отметившим в своих записках, что они имели полномочия «от всех чинов, станов по-нашему», то переговоры действительно начались с чтения «статейного списка» («большого свитка», по выражению Жолкевского) Василием Телепневым. К сожалению, о содержании этого документа гетман высказался предельно кратко: «Было в том свитке о перекрещении королевича в русскую веру и иных немало абсурдов»⁴². Этот пробел отчасти позволяют восполнить сообщения Яна Гридича. В статейном списке говорилось о том, что королевич должен креститься в Смоленске, а затем — короноваться по традиционному обычаю и жениться на местной уроженке; в русскую столицу с ним могли бы поехать лишь немногие польские и литовские люди «религии русской». Одновременно границы Русского государства должны были остаться такими же, какими они были до Смуты, а король должен был уйти из-под Смоленска в Литву и вывести с русской территории и свое войско, и польско-литовских наемников Лжедмитрия II. Гетман Жолкевский со своей армией, нанеся поражение Самозванцу, захватив его и передав русским людям, также должен был уйти в Речь Посполитую⁴³. Разумеется, Я. Гридич в кратком письме не

мог изложить содержание всего «статейного списка», выделив лишь те условия, которые могли представлять особый интерес для его патрона — литовского канцлера. Однако и этих сведений достаточно, чтобы составить определенное представление о планах и расчетах, которые московские «чины» связывали с воцарением Владислава.

Очевидно, что избрание польского принца должно было стать своеобразной платой за прекращение интервенции, сохранение территориальной целостности Русского государства и помощь со стороны Речи Посполитой в борьбе с Лжедмитрием II. Вместе с тем, соглашаясь на этот выбор, «чины» стремились принять целый ряд мер, чтобы ослабить связь своего будущего государя с тем «чужим миром», к которому он принадлежал по рождению. При этом дело не ограничивалось его крещением по православному обряду (что, по мнению русских людей, только и сделало бы возможной его коронацию), он должен был получить русскую жену и держать в своем окружении лишь немногих жителей Речи Посполитой, да и то только православного вероисповедания.

Такая позиция русской стороны поставила гетмана Жолкевского перед серьезными трудностями, которые он попытался обойти, ссылаясь на отсутствие у него полномочий для решения поднятых вопросов. Он предложил русской стороне принять текст февральского договора как документ, уже одобренный королем и сенаторами. Это, в свою очередь, никак не могло устроить русских представителей, так как в тексте этого договора обходились молчанием и вопрос о вере будущего государя, и вопрос о границах Русского государства. Первый день переговоров, по свидетельству Гридича, прошел в спорах о крещении королевича, которые не привели ни к какому результату.

О последующем ходе переговоров информация сохранилась очень скудная. Вплоть до 12 августа все ограничивается сообщением в одном из писем Я. Гридича. По его словам, 10 августа Жолкевского посетило около двухсот человек «детей боярских, купцов, лучших посадских людей», которые хотели выяснить, действительно ли гетман говорил боярам, что «королевич не будет нашей веры»⁴⁴. Это современное событиям сообщение осведомленного наблюдателя представляет большой интерес, так как показывает, в какой обстановке протекали переговоры, с каким напряжением следили за их ходом находившиеся в Москве дворянские отряды и посад.

Гетман, как сообщает Гридич, успокоил пришедших, сказав, что все зависит от решения королевича: «Когда будет государем вашим и привыкнет к вашему богослужению, и ваше к этому челобитье приступит, может, Господь Бог так направит сердце его, что он примет вашу веру». Этот ответ следует рассматривать не только как свидетельство незаурядного дипломатического искусства, проявленного С. Жолкевским в сложной ситуации. Он показывает также, что отрицательная реакция гетмана на предложение о крещении королевича была вызвана иными мотивами, чем аналогичная реакция на это короля Сигизмунда III. Для короля, фанатичного приверженца католической религии, неприемлем был сам переход его сына в чужую «схизматическую» веру. Для Жолкевского, наследника толерантных традиций «золотого века» польской культуры, был, напротив, неприемлем принцип принудительного навязывания кому-либо своей веры. Он считал делом вполне нормальным, что новый русский государь может, руководствуясь политическим интересом или по внутреннему убеждению, принять веру своих подданных, но, по мнению гетмана, это должно было быть его самостоятельным решением, принятым без всякого внешнего давления.

На 12 августа была назначена новая встреча русских представителей с Жолкевским, но она не состоялась из-за нападения войск Лжедмитрия II на Москву. Хотя соглашение с Я. П. Сапегой как будто дало гетману необходимое время для завершения переговоров с московскими «чинами» (лишь 14 августа послы «сапежинцев» были приняты королем под Смоленском)⁴⁵, сам факт начавшихся переговоров об избрании Владислава, который было невозможно скрыть, не мог не вызвать сильного беспокойства в польско-литовском войске Лжедмитрия II. Здесь, конечно, понимали, что в случае их успешного завершения с надеждами на щедрое вознаграждение придется окончательно проститься. Гетман С. Жолкевский пытался ослабить возможную угрозу. Как отмечено в дневнике похода Я. П. Сапеги, 9 августа он обратился с письмом к «воровскому» гетману, выражая возмущение «неслыханными условиями» русской стороны и заверяя, что король их не примет и скорее будет искать соглашения с царем Дмитрием⁴⁶. Но эти дипломатические уловки не помогли. Уже в ночь с 10 на 11 августа в лагере Лжедмитрия II стал обсуждаться вопрос о том, чтобы «с войском под Москву подойти и город спалить». 11 августа войско Самозванца начало жечь московские слободы, а 12 августа под

стенами Москвы развернулось настоящее сражение⁴⁷. Во время боя под стенами столицы к ее защитникам присоединились находившиеся в лагере Жолкевского русские служилые люди во главе с И. Н. Салтыковым и Г. Л. Валуевым. Это решило исход боя — обратившиеся в бегство войска Лжедмитрия II стали «убегать через Москву-реку вплавь, не ища брода»⁴⁸. Между коронным и «воровским» гетманами начались неприятные объяснения: «сапежинцы» упрекали Жолкевского в нарушении договоренности⁴⁹, однако отступление войск Самозванца от Москвы позволило сторонам возобновить переговоры.

13 августа перебежчики сообщали Я. П. Сапеге, что на следующий день переговоры должны завершиться и население Москвы принесет присягу королевичу Владиславу⁵⁰. Сообщение это явно опережало события, но к 13 августа на переговорах был действительно сделан большой шаг вперед. Произошло это за счет уступок с русской стороны. Как сообщал 13 августа Льву Сапеге Ян Гридич, русские представители, явившиеся к Жолкевскому «с немалой громадой дворян и людей купецких», согласились, поскольку гетман не имеет полномочий, отложить решение вопросов, касающихся крещения королевича и ряда других сюжетов, до будущих переговоров с королем. Это, однако, не устранило всех трудностей. Соглашаясь положить в основу соглашения текст февральского договора, русские представители потребовали дополнить его условием, «aby wor był zniesiony» — конечно, с помощью королевского войска⁵¹. Настойчивое выдвижение этого требования было связано не только с расчетами на восстановление традиционного общественного порядка, но и с какими-то волнениями в Москве, ряд указаний на которые обнаруживается в дневнике похода Я. П. Сапеги. Так, здесь отмечено, что 16 августа в лагерь Самозванца вышло до 3000 «простых людей» (chłopstwa), 17 августа перебежчик — «слуга боярский» — сообщал о расположении «мира» к Лжедмитрию II, 20 августа из Москвы снова вышло немало «простых людей»⁵². Правда, никакого желания сотрудничать с городскими низами Москвы «сапежинцы» не проявили. Первую партию беглецов «воровской» гетман приказал загнать обратно в город, «чтобы там тесно было», а новую партию «войско разобрало между собой», превратив их, очевидно, в своих слуг. Однако само массовое бегство простых людей в лагерь Лжедмитрия II не могло не беспокоить московские верхи. Возможно, выдвигая такое условие, русская сторона пыталась еще раз побудить Жолкев-

ского к совместным действиям против «вора», но гетман снова не пошел навстречу таким предложениям: поражение Самозванца явно сделало бы русскую сторону менее сговорчивой. Напротив, 15 августа Жолкевский послал «сапежинцам» письмо, заверяя их, что русские служилые люди вступили в бой без его ведома, и выражая надежду, что король примет условия соглашения, предложенные Лжедмитрием II ⁵³.

После встречи 13 августа переговоры возобновились 18 числа ⁵⁴, и на первый план теперь выдвинулся вопрос о гарантиях территориальной целостности Русского государства. Если другие вопросы (и в их числе такой важный, как вопрос о крещении королевича) могли быть отложены до последующих переговоров с королем, то по этому вопросу русская сторона настаивала на немедленном решении. Как сообщал С. Жолкевский, русские представители заявили ему, что без внесения в договор такого условия присяга королевичу невозможна. Теперь уже Жолкевский оказался вынужден пойти на уступки, согласившись внести в договор соответствующее условие, однако разгорелся спор вокруг формулировок. Составленный гетманом текст не захотели принять бояре, а он, в свою очередь, не согласился с их поправками ⁵⁵. В чем был предмет спора, сообщения Жолкевского выяснить не позволяют. Дело проясняет обращение к ответу гетмана на предложения бояр от 19 августа ⁵⁶ (едва ли не единственному сохранившемуся официальному документу, отражающему ход переговоров). Жолкевский в нем лишь обещал перед королем «печаловатися о том, як бы тые города к Московскому государству очистити». Такое обещание, по существу, ничем не связывало правящие круги Речи Посполитой, а русская сторона добивалась ясного и недвусмысленного обещания, что будут сохранены прежние границы.

Когда в переговорах, таким образом, наступил кризис, 20 августа Жолкевского посетило 500 человек «стольников, дворян», от имени которых к гетману обратился князь Черкасский ⁵⁷. Он обратил внимание Жолкевского на текст февральского договора, где говорилось (ст. 5), что «поместья и отчизны, хто што мел перед тым, тое и вперед мети мает». Как же, говорил он, они могут свободно владеть своими дворами и землями, если в крепостях будут распоряжаться другие? С. Жолкевский видел перед собой большую группу людей, принадлежавших к самым верхам русского общества, людей, охваченных волнением и готовых твердо настаивать на своем. Гетман понял, что без этого условия договор не будет

заклучен, и уступил. На этой встрече был составлен и одобрен участниками текст статьи, вошедшей затем в состав договора ⁵⁸.

Этот эпизод переговоров снова показывает, что, хотя переговоры и вел в основном узкий круг уполномоченных на то лиц, за ними напряженно следил гораздо более широкий круг людей, которые, когда затрагивались жизненно важные для них вопросы, прямо вмешивались в происходящее. В боярском списке 1610/1611 гг. насчитывалось 117 стольников и 232 дворян московских. Очевидно, верхи «государева двора» явились на встречу с гетманом едва ли не в полном составе, что не могло не произвести соответствующего впечатления.

Впрочем, уступчивость Жолкевского объяснялась не только этим. Наследник традиций предшествующего поколения, он считал стратегической целью восточной политики Речи Посполитой вовлечение России в орбиту ее политического и культурного влияния. К этой цели должно было привести возведение польского принца на русский трон. Однако, по убеждению Жолкевского, цель могла быть достигнута лишь в том случае, если польский кандидат будет добровольно принят русским обществом, а не насильственно ему навязан с ущемлением его интересов. Поэтому гетман согласился дать гарантии территориальной целостности Русского государства сначала под Царевым Займищем, а затем в ходе переговоров под Москвой. Соответствующее условие налагало на королевича Владислава и на его отца обязательство «города, к Московскому государству належачие... со всем, как были до нынешних смуты, к Московскому государству очистить» ⁵⁹. Это было обязательство, совершенно ясное и недвусмысленное, хотя уже в момент его заключения появились попытки искать в нем лазейки, которые позволили бы удержать Смоленщину и Северскую землю в составе Речи Посполитой ⁶⁰.

Уступки, сделанные Жолкевским, открыли путь к заключению соглашения. Покидая гетмана, удовлетворенные дети боярские предлагали ему начать составление текста договора, и уже на следующий день стороны приступили к такой работе. Однако эти действия натолкнулись на противодействие патриарха Гермогена, который, по словам Жолкевского, угрожал проклятием, и дело дошло до резких столкновений между посетившими гетмана детьми боярскими и окружавшими патриарха духовными лицами: патриарха они «лаяли, а попов, что при нем были, хотели бить, так что те бежали из церкви» ⁶¹. Недовольство патриарха понятно, так как

в текст соглашения не вошло обязательство королевича перейти в православие, но также очевидно, что недовольством патриарха пренебрегли, и он вынужден был подчиниться решениям «всей земли». Уже при составлении самого текста договора думный дьяк Василий Телепнев, связанный, по мнению Жолкевского, с патриархом и Голицыным, стал включать в него условия, с точки зрения гетмана неприемлемые. В спорах, связанных с этим, прошел день 22 августа, и 23-го Жолкевский категорически заявил, что не может принять его поправок⁶².

Пока шли переговоры, Лжедмитрий II продолжал попытки овладеть Москвой. Первое нападение было предпринято вечером 21 августа, второе — гораздо более серьезное — 24 августа, когда военные действия продолжались в течение всего дня, однако никаких успехов Самозванец не добился⁶³.

Переговоры завершились 18/28 августа, когда был окончательно составлен текст договора в двух экземплярах — русский, скрепленный печатями бояр и подписями думных дьяков, участвовавших в переговорах, и польский, с подписями гетмана Жолкевского и ряда офицеров его армии⁶⁴.

Рассмотренная здесь предыстория заключения августовского договора показывает, как представляется, полную несостоятельность прочно сохранявшегося в отечественной историографии представления (ему отдал дань даже такой глубокий знаток эпохи, как С. Ф. Платонов⁶⁵), что заключение договора было делом узкого круга бояр, захвативших власть в Москве после низложения царя Василия (так называемая «семибоярщина», о которой в действительности упоминает лишь один источник — Хронограф редакции 1617 г.⁶⁶). Уже анализ известий о событиях, связанных с низложением Василия Шуйского, показал, что в этих событиях Боярская дума оказалась неспособной подчинить своему руководству находившиеся в Москве дворянские отряды и московский посад, а в ряде случаев была вынуждена следовать за их настроениями и мириться с их действиями. За короткий промежуток времени, прошедший от переворота до заключения августовского договора, никаких существенных изменений в этом отношении не произошло. «Статейный список», в котором определялись условия, на которых Владислав мог занять русский трон, выработывался при участии всех «чинов», при их участии был определен и состав делегации, высланной на переговоры с Жолкевским. Кроме того, как показано выше, большие группы людей, представлявших ин-

тересы разных кругов русского общества, неоднократно вмешивались в сам ход переговоров. Тем самым есть все основания рассматривать августовский договор как соглашение находившихся в Москве «чинов» русского общества, представлявших Русское государство, с гетманом Жолкевским как официальным представителем государства Польско-Литовского.

Как сообщал С. Жолкевский Сигизмунду III, в основу соглашения был положен текст февральского договора⁶⁷, и сопоставление текстов это подтверждает.

Как и в февральском договоре, в соглашении с гетманом устанавливалось, что православие должно оставаться единственным официально допустимым вероисповеданием в Русском государстве, на территории которого не разрешалось строить «Римския веры и иных розных вер костелов и всяких иных вер молебных храмов». Вопрос о том, будет ли в Москве поставлен костел для людей из свиты Владислава, должен был решаться путем переговоров нового государя с Освященным собором и Боярской думой. Новый государь обязывался «иных никаких вер не вводити» и не заставлять силой православных жителей России принимать другую веру. С особой силой в договоре подчеркивалась обязанность государя заботиться о православной церкви. Он должен был не только «целбоносные гробы и мощи святых... имети в великой чести» (текст в видоизмененной форме заимствован из февральского договора), но также «церкви... чтити и украшати во всем по прежнему обычаю и от разоренья от всякаго оберегати и святым божиим иконам и пречистыя Богородицы и всем святым и чудотворным мощем поклонятися и почитати»⁶⁸. В появлении этих формулировок следует видеть определенный результат споров между светскими «чиномами» и духовными, поддерживавшими своего патриарха. Их появление в тексте договора было связано также с опасениями русских людей перед появлением государя из «инога мира», отличительными признаками которого было иконоборчество и отрицание почитания святых. Разумеется, все пожалования прежних государей церкви (как это предусматривалось и в февральском договоре) должны были сохранять свою силу.

Большой комплекс статей, по большей части дословно заимствованных из февральского договора, устанавливал, что положение русских «чинов» под властью нового государя должно остаться прежним, в судопроизводстве также должны использоваться традиционные нормы права. Как отметил еще С. Ф. Платонов⁶⁹, в

интересах заседавшей в Думе боярской аристократии в договор было внесено дополнительное обязательство «московских княженетских и боярских родов приезжими иноземцы в отечестве и в чести не теснити и не понижати»⁷⁰. Как и в февральском договоре, определялся широкий круг вопросов, которые государь должен был решать «с приговору и с совету бояр и всех думных людей»: это касалось и суда над обвиненными в измене, и установления поместных и денежных окладов, и повышения (или понижения) налогов. В отличие от широкой компетенции Думы, «вся земля» получила право лишь участвовать в пополнении Судебника новыми статьями. Таким образом, в Москве, как и под Смоленском, правящая элита, в руках которой находилось само ведение переговоров, оказалась несклонной содействовать расширению прав «всей земли».

Как и февральский договор, августовское соглашение предусматривало запрещение крестьянских переходов, сохранение зависимости холопов от своих господ — меры, направленные против казачества. Очевидно, что московские «чины», как и бывшие сторонники Лжедмитрия II, связывали с избранием польского принца надежды на прекращение Смуты и стабилизацию общественного порядка в его традиционных формах.

Что касается отношений между Россией и Речью Посполитой, то в августовском договоре, как и в февральском, эти отношения выступают в форме военно-политического союза против общих «недругов» (прежде всего татар). Как и в февральском договоре, в соглашении предусматривалась свободная торговля купцов обоих государств с уплатой обычных пошлин, а также возврат пленных (в августовском договоре уточнялось — «без выкупа»).

Что касается тех жителей Речи Посполитой, которые придут в Россию вместе с королевичем, то, как и в февральском договоре, специально указывалось, что они не должны занимать каких-либо государственных должностей ни в центральном, ни в местном аппарате управления. Они могли рассчитывать на получение в России лишь поместий и жалования. В февральском договоре отмечалось, что земли могли даваться и в вотчину «сполною обоих господарств радою». В августовский договор этот текст не вошел. Его составители, очевидно, стремились, чтобы пришельцы не получили возможности постоянно находиться в России, и хотели также исключить какое-либо вмешательство «рады» — сената Речи Посполитой — в решение внутрirosсийских дел. Нако-

нец, в текст соглашения было внесено еще одно условие, отсутствовавшее в февральском договоре: «И в Польшу и в Литву и в инья государства московских людей не разсылати, и из Польши и из Литвы на их места никаких людей не приводити»⁷¹. Таким образом, как под Смоленском, так и под Москвой русская сторона стремилась к сохранению Московского государства как самостоятельного политического целого.

Ян Гридич, сообщая Льву Сапеге о заключенном договоре, отметил, что он отличается от февральского соглашения подробным рассмотрением двух вопросов — о территориальной целостности Русского государства и о «Самозванце и его жене»⁷².

Установления по этим двум вопросам занимали заключительную часть документа.

Установление, касавшееся ухода польско-литовских войск со всех территорий, входивших в состав Русского государства до Смуты, было уже разобрано выше. К этому следует добавить, что Жолкевскому удалось добиться внесения в соглашение того пункта февральского договора, где предусматривалось «до достаточного успокоенья» государства размещение представителей Речи Посполитой «в приказах на рубежных городех» по соглашению с Боярской думой, но в августовском договоре этот текст сопровождался дополнением — «Московского государства всех чинов люди про ту статью великому государю челом бьют, чтоб того не было»⁷³. Дополнение это фактически сводило на нет сделанную уступку. К этому следует добавить, что по настоятельной просьбе московских «чинов» С. Жолкевский сразу после составления договора обратился к королю с предложением прекратить осаду Смоленска⁷⁴. Сам текст договора включал в себя обязательство гетмана обратиться к королю с таким предложением⁷⁵. Все это показывает, как упорно на переговорах московские «чины» отстаивали территориальную целостность Русского государства.

Другой вопрос, который специально рассматривался в заключительной части договора, — это вопрос об отношениях с Лжедмитрием II. В февральском договоре вопрос этот, как и ряд других, был обойден молчанием. Для решения же бывших сторонников Василия Шуйского согласиться на избрание Владислава очень существенное значение имели, как уже отмечалось выше, расчеты на восстановление с польско-литовской помощью традиционного общественного порядка, что привело бы и к утверждению руководящей роли в русском обществе его традиционной политической

элиты. Одним из важных условий достижения этой цели было устранение с политической арены тех группировок русского общества, которые, поддерживая Лжедмитрия II, претендовали на аналогичную роль. Неудивительно поэтому, что уже в соглашении, заключенное под Царевым Займищем, были включены обязательства сторон не поддерживать никаких контактов с «вором» и «промышляти над ним заодно»⁷⁶. В августовском же договоре уже подробно перечислялись обязательства, которые в связи с этим брала на себя польская сторона. Жолкевский должен был вместе с боярами «думати и промышляти», «как бы того вора изымати или убити», он должен был также «против того вора стояти и биться», а находившееся с Самозванцем польско-литовское войско «от того вора отвести». Гетману следовало также не допустить «смуты» в Московском государстве из-за каких либо действий Марины Мнишек «и отвести ее в Польшу»⁷⁷.

Договор определял и условия сосуществования с армией Жолкевского. Свободный доступ в город для нее был закрыт: посещать Москву могли лишь небольшие группы, «человек по дватцати или мало больши» с «проезжими листами» от гетмана. После окончания военной кампании против Лжедмитрия II королевская армия должна была отойти к Можайску «и там великих московских послов поворотки и указу королевского ждати»⁷⁸. Составители договора явно стремились не допустить того, чтобы, используя сложившиеся обстоятельства, королевская армия смогла бы овладеть русской столицей.

Наконец, при оценке августовского договора следует принять во внимание еще одно обстоятельство. Еще в февральском договоре отмечалась возможность того, что он может быть дополнен новыми условиями по соглашению «с патриархом и со всим освященным собором и з бояры и со всею землею». Но в то время это была лишь теоретическая возможность. В отличие от этого, в августовском договоре прямо отмечалось существование «недоговореных статей», по которым во время переговоров не было достигнуто соглашения.

Для принятия решения по всем этим вопросам русская сторона направляла послов к Сигизмунду III и его сыну под Смоленск. На этих переговорах и должны были быть окончательно определены условия, на которых Владислав должен был занять русский трон и которые он должен был соблюдать⁷⁹. Другой важной задачей, стоявшей перед послами, было заключение договора, который определял бы отношения между Россией и Речью Посполи-

той в новой ситуации, сложившейся после избрания польского принца на русский трон⁸⁰.

Таким образом, заключенное соглашение носило предварительный характер, и то, займет ли Владислав русский трон и на каких условиях, зависело от результатов переговоров русских послов с Сигизмундом III и сенаторами под Смоленском. Неслучайно в составленном после заключения договора тексте присяги Владиславу читались слова: «А ему, государю, делати во всем по нашему прошенью и по договору послов Московского государства з Жигимонтом королем и по утвержденной записи»⁸¹.

Характерно, что одновременно с составлением договора был составлен особый документ, в котором приводился перечень условий, которые гетман отказался обсуждать, ссылаясь на отсутствие полномочий. Как указывалось в преамбуле документа, обо всех этих условиях московские «чины» во главе с патриархом «приказали бить челом» Сигизмунду III и его сыну⁸². Этот документ не привлек к себе внимания отечественных исследователей. Между тем очевидно, что без его анализа нельзя в полной мере судить о том, какие условия предлагали московские «чины» своему новому государю.

Целый ряд условий касался вероисповедания правителя. Он должен был креститься «в нашу православную христианскую веру греческого закона»; особое условие налагало на него обязательство не просить благословения и не «ссылаться» «о вере» с римским папой. Кроме того, жену он должен был себе взять «в Московском государстве православную». Таким образом, одним из главных условий принятия нового государя должен был стать его полный разрыв с католическим миром, чтобы он мог полностью стать «своим» для общества, которым он должен править.

Уже в августовском договоре нашло заметное выражение стремление отгородиться от внешнего мира (католического и протестантского) и закрыть русскую территорию для деятельности представителей других христианских конфессий. В рассматриваемом перечне условий установления договора были дополнены обязательством нового государя «позволить боярам и всей земле» карать смертной казнью и конфискацией имущества тех, кто захочет «своим нерозумием от греческой веры отступить до римской».

При составлении договора русская сторона согласилась на приезд в Москву с королевичем «польских и литовских людей», добываясь только, чтобы им не давали государственных должностей.

В анализируемом документе были помещены условия, которые явно ограничивали значение этой уступки: с королевичем должны были приехать «немногие люди» (что мотивировалось разорением страны), и им нельзя было давать поместья «близко границы».

Важная особенность документа состоит в том, что в нем снова идет речь о решении вопросов, которые как будто были уже урегулированы августовским договором. Очевидно, в Москве не было уверенности в том, что польско-литовская сторона будет соблюдать эти установления договора. Так, в нем снова подчеркивалось, что король должен «очистить» все города Московского государства, «как были до нынешней смуты». Особый пункт предусматривал, чтобы король снял осаду Смоленска и «людей бы всех польских и литовских из всего Смоленского уезда приказал вывести». Кроме того, в документе говорилось, что король должен «без выкупа» освободить всех русских пленных, как без выкупа переданы Жолкевскому все польские и литовские пленные, находившиеся в Москве.

Как видно из приведенных выше сообщений Я. Гридича, ряд фигурирующих в документе условий был выдвинут русской стороной уже на первом этапе переговоров. Их включение в специальный, составленный уже после оформления договора документ показывает, что русская сторона продолжала на них настаивать.

При выработке условий соглашения русская сторона настаивала на разрыве своего нового государя с католическим миром, на полном закрытии своей территории для пропаганды католицизма, на сохранении территориальной целостности Русского государства. По всем этим вопросам добиться полного согласия не удалось, они должны были специально рассматриваться на переговорах московских «великих послов» с королем Сигизмундом III под Смоленском. Хотя сразу по заключении договора русские участники переговоров принесли присягу новому государю, на следующий день население Москвы приносило присягу в Успенском соборе⁸³, а затем из Москвы стали рассылать грамоты в различные города с предписанием привести и их население к присяге⁸⁴, то, признает ли русское общество королевича Владислава своим новым государем, зависело от того, каких результатов сумеют добиться «великие послы» под Смоленском.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ААЭ. Т. 2. № 162. С. 277; АИ. Т. 2. № 287. С. 349; СГГид. М., 1813. Ч. 2. № 197.
2. СГГид. С. 389. См. также в тексте присяги: «А вора, кто называется царевичем Дмитрием, на Московское государство не хотети» (АИ. Т. 2. № 287. С. 349).
3. СГГид. Ч. 2. № 197. С. 388.
4. Там же. С. 389.
5. См. в «Сказаниях» Авраамия Палицына: «И изберем вкупе всею землею царя и станем обще на Литву»: Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 207.
6. К такому заключению пришел в свое время еще С. М. Соловьев: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 4. С. 580.
7. См. в его приписке от 30 июля: «Jam tesz iusz woysko ruszy!» (*Цветаяев Д. В.* К истории Смутного времени. Собрание документов. М.; Варшава, 1910. Вып. 1. № 4. С. 7).
8. О нем см. в письме Я. Гридича Л. Сапеге от 2 августа (н. ст.): Riksarkivet Stockholm. SKS E 8604 (d. 341).
9. В своих «Записках» С. Жолкевский пишет о роли Захара Ляпунова и других инициаторов низложения царя Василия по иному, называя их «клиентами» кн. В. В. Голицына: *Zółkiewski S.* Początek i progres wojny Moskiewskiej / Опр. J. Maciszewski. Warszawa, 1966. S. 147). Представляется, что сообщение современного событиям документа следует считать более достоверным, тем более что оно находит подтверждение в сообщениях «Нового летописца» о связях Ляпуновых с Лжедмитрием II.
10. Текст письма С. Жолкевского Сигизмунду III от 23 июля/2 августа 1610 г. см.: *Цветаяев Д. В.* К истории... № 6. С. 8.
11. Я. Гридич — Л. Сапеге, 2 августа (н. ст.) 1610 г., Вязёмы: Riksarkivet Stockholm. SKS E 8604 (d. 341).
12. Текст документа см.: Racz. Rkp. 34. К. 162–163.
13. Ibid. К. 163–163^v.
14. *Цветаяев Д. В.* К истории... № 6. С. 9. Ф. И. Челюстин — выборный дворянин по Алексину: Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 230. В 1610 г. московский дворянин: *Сторожев В. Н.* Материалы по истории русского дворянства // ЧОИДР. 1909. Кн. 3. С. 92.
15. См. об этом подробнее: *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 501–503.
16. Письмо С. Жолкевского Сигизмунду III от 5 августа 1610 г.: *Цветаяев Д. В.* К истории... № 6. С. 9–10.

17. Там же. С. 10.
18. Я. Гридич — Л. Сапере, 13 августа, под Москвой: Riksarkivet Stockholm. SKS E 8604 (d. 341). Б. М. Глебов — выборный дворянин по Алекси-ну: Боярские списки... Ч. 1. С. 230. В 1610 г. — московский дворянин: *Сторожев В. Н.* Материалы... С. 91.
19. О нем см.: Polski Słownik Biograficzny. Kraków, 1935. Т. 1. S. 248. В апреле 1613 г. А. Балабану было пожаловано винницкое староство, в частности, за то, что он «в трактатах з народом Московским значную зичливість свою показал»: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 206. Л. 1.
20. О нем см.: Polski Słownik Biograficzny. Kraków, 1939. Т. 5. S. 303–304. С. Домарадский был участником королевского посольства в Тушине.
21. См. об этом: Diariusz drogi króla JMci Zygmunta III od szczęśliwego wujazdu z Wilna pod Smoleńsk w roku 1609 a die 18 Augusta, fortunnego powodzenia przez lat dwie do wzięcia zamku Smoleńska w roku 1611 / Опр. J. Byliński. Wrocław, 1999. S. 172.
22. См. о нем: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 204.
23. Diariusz drogi... S. 172.
24. *Цветаев Д. В.* К истории... № 6. С. 10.
25. См.: Racz. Rkp. 34. K. 165^v; Diariusz drogi... S. 172–173.
26. В своем письме С. Домарадский также писал об усилиях, предпринятых им, чтобы дискредитировать кн. В. В. Голицына в глазах русских представителей. Он выражал убеждение, что теперь князь не только не станет государем, но может лишиться боярства или головы.
27. Сб. РИО. Т. 142. С. 64.
28. Новая повесть о преславном Российском царстве // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII века. М., 1987. С. 28.
29. *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 56.
30. Рукопись Филарета // Сборник Муханова. 2-е изд. СПб., 1866. С. 295–296.
31. *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 505.
32. Сказание... С. 208.
33. *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 56.
34. Так и в классическом труде С. Ф. Платонова (*Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1899. С. 428).
35. *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 488–491.
36. Для полноты картины следует отметить, что «воры казаки» не только образовывали в составе войска Лжедмитрия особые полки, но, по-видимому, из них формировалась и значительная часть «сапежинского» войска (См.: Там же. С. 496–497). Неслучайно в начале 1611 г. Я. П. Са-

- пега писал: «У нас в рыцарстве большая половина русских людей» (СГГиД. Ч. 2. № 237. С. 508).
37. Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 56.
 38. Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 126.
 39. Буссов К. Московская хроника 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 174–175.
 40. Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 19; ср. с. 57 (здесь вместо В. Теплењева значится дьяк Василий Янов — это пример более поздней тенденциозной правки текста. В. Янов ушел с Владиславом в Речь Посполитую, а В. Теплењев занимал видные посты при дворе Михаила Федоровича).
 41. Там же. С. 19.
 42. *Żółkiewski S.* Początek... S. 150–152.
 43. Я. Гридич — Л. Сапере, 5 августа, под Москвой: Riksarkivet Stockholm. SKS E 8604 (d. 341). Современные этим событиям свидетельства Гридича подтверждают достоверность информации одной из редакций разрядных записей, что русские представители по решению Освященного собора, а также «всех чинов» должны были «на съезд ездит и договор чинить з гетманом по статейному списку»: Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 19.
 44. Я. Гридич — Л. Сапере, 13 августа, под Москвой: Riksarkivet Stockholm. SKS E 8604 (d. 341).
 45. *Diariusz drogi*... S. 173.
 46. *Moskwa w rękach polaków. Pamiętniki dowódców i oficerów garnizonu polskiego w Moskwie w latach 1610–1612.* Kraków, 1995. S. 331.
 47. *Ibid.* S. 332.
 48. См. письмо Я. Гридича от 13 августа.
 49. Тюменцев И. О. Смута в России... С. 504–505.
 50. *Moskwa w rękach*... S. 332.
 51. См. письмо Я. Гридича от 13 августа.
 52. *Moskwa w rękach*... S. 333–334.
 53. *Ibid.* S. 333.
 54. *Polak W.* O Kreml i Smoleńszczyznę. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607–1612. Toruń, 1995. S. 164.
 55. Донесение С. Жолкевского Сигизмунду III от 23 августа 1610 г. (*Цветаев Д. В.* К истории... № 7. С. 11).
 56. Сб. РИО. Т. 142. С. 109.
 57. В отписке послов из-под Смоленска, в которой говорится о данном эпизоде, отмечено, что от имени «всей земли» выступал «стольник Иван Черкасской» (Там же. С. 206). Очевидно, что имеется в виду кн. Иван Борисович Черкасский, племянник Филарета, будущий глава правительства царя Михаила в 20–30-е гг. XVII в.

58. См. донесение С. Жолкевского Сигизмунду III от 23 августа 1610 г. (*Цветаев Д. В.* К истории... № 7. С. 11–12).
59. СГГид. Ч. 2. № 199. С. 396.
60. Так, Ян Гридич в письме Льву Сапеге от 27 августа писал, что в число земель, «належащих» к Московскому государству, не входят те земли, на которые имеет «истинное право» Речь Посполитая, и выражал удовлетворение тем, что «отворилась дорога» к возвращению «у них назад своего, чем они несправедливо овладели»: Riksarkivet Stockholm. SKS E 8604 (d. 341).
61. См. донесение С. Жолкевского Сигизмунду III от 23 августа 1610 г. (*Цветаев Д. В.* К истории... № 7. С. 12). Это современное свидетельство одного из главных участников событий подтверждает достоверность сведений более поздних русских источников о противодействии патриарха заключению договора. В одном из них — составленном в 1612 г. «Плаче о пленении и конечном разорении Московского государства» — приводятся аргументы, с помощью которых Гермоген пытался воздействовать на московские «чины»: «Что всуе мятетесь и вверяете душа своя поганым поляком? Весте сами, яко издавна православная наша христианская вера греческого закона от иноплеменных стран ненавидима, коими же нравы примиримся с иноплеменники сими»: Русская историческая библиотека (далее — РИБ). СПб., 1891. Т. 13. Стб. 225.
62. См. донесение С. Жолкевского Сигизмунду III от 23 августа 1610 г. (*Цветаев Д. В.* К истории... № 7. С. 12).
63. Moskwa w rękach... S. 334–335.
64. Публикации текстов договора — подлинника польского экземпляра и копий русского (подлинник, переданный Жолкевскому, не могли разыскать уже в 30-е гг. XVII в.) экземпляра см.: СГГид. Ч. 2. № 199–200. С. 391–405; Сб. РИО. Т. 142. С. 93–109.
65. *Платонов С. Ф.* Очерки... С. 461–462.
66. РИБ. Т. 13. Стб. 1309.
67. *Цветаев Д. В.* К истории... № 7. С. 12.
68. СГГид. Ч. 2. № 199. С. 393.
69. *Платонов С. Ф.* Очерки... С. 463.
70. СГГид. Ч. 2. № 199. С. 393.
71. Там же. С. 395.
72. Я. Гридич — Л. Сапеге, 27 августа (н. ст.), под Москвой: Riksarkivet Stockholm. SKS E 8604 (d. 341).
73. СГГид. Ч. 2. № 199. С. 394.
74. *Цветаев Д. В.* К истории... № 10. С. 18.
75. Со своей стороны Жолкевскому обещали убедить защитников Смоленска принести присягу королевицу: СГГид. Ч. 2. № 199. С. 397.

76. Сб. РИО. Т. 142. С. 89.
77. СГГид. Ч. 2. № 199. С. 396.
78. Там же. С. 397.
79. См. в договоре: «И во всем государю королевичу Владиславу Жигимонтовичу делати по нашему прошенью и по договору послов с великим государем Жигимонтом королем и по сей утвержденной записи»: Там же. С. 397.
80. «Как бы меж государьми и их государствы о всем договор и докончание учинилося».
81. Сб. РИО. Т. 142. С. 110–111.
82. Публикацию документа см.: *Цветаев Д. В.* К истории... № 9. С. 13–16.
83. См. донесение С. Жолкевского Сигизмунду III от 18/28 августа 1610 г. (*Цветаев Д. В.* К истории... № 10. С. 18).
84. См. грамоты соответствующего содержания — в Пермь от 19 августа, в Казань от 30 августа (ААЭ. Т. 2. № 164, 165).

НАКАНУНЕ ПЕРЕГОВОРОВ

Сразу после составления договора началась подготовка «великого посольства» под Смоленск. Именная роспись участников посольства сохранилась в составе материалов Литовской Метрики¹. Как правильно отметил Л. В. Черепнин, посольство, отправленное от имени «всех чинов», и состояло из представителей этих «чинов»². Однако представительство от разных «чинов» было очень неравномерным. Хотя первое место среди «великих послов» принадлежало ростовскому митрополиту Филарету, представителей «духовного чина» в составе посольства было очень мало. Митрополита сопровождали архимандрит Новоспасского монастыря Евфимий, игумен Николо-Угрешского монастыря Иона, протопоп Кирилл из Вознесенского монастыря и келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын. Таким образом, митрополита сопровождали протопоп из кремлевского монастыря, настоятели двух подмосковных обителей и троицкий келарь, представлявший в Москве интересы Троицкой обители. Это заставляет подозревать, что на собраниях в Москве, где выработывались и утверждались условия, на которых Владислав мог вступить на русский трон, присутствовали вместе с патриархом и митрополитом Филаретом лишь духовные лица из Москвы и подмосковной округи.

Во главе светской части посольства стояли боярин кн. В. В. Голицын, окольник кн. Д. И. Мезецкий и думный дворянин В. Б. Сукин, а также думный дьяк Т. И. Луговской. Другие «чины» «двора» были представлены в составе посольства очень скупо — двое московских дворян, трое стольников, двое стряпчих, двое жильцов.

Основную часть посольства составляли «дворяне из городов» — по одному, иногда по два человека от «города» — уездной дворян-

ской корпорации. 42 «дворянина» представляли 32 «города» и новгородские пятины. Так как в состав посольства вошли дети боярские, которые к этому времени находились в Москве, то эти данные дают определенное понятие о размерах дворянских отрядов, находившихся в Москве в то время, когда велись переговоры с Жолкевским. Даже если бы каждый «город» был представлен небольшой группой из нескольких десятков человек, то и тогда следовало бы принять, что в Москве к этому времени находились сотни детей боярских, а хорошо известно, что один отряд смолян, представленный в составе посольства Андреем Романовичем и Иваном Курб. Уваровыми, насчитывал в своем составе несколько сотен человек. Анализируя состав «городов», представители которых вошли в состав посольства, можно отметить, что в Москве находились дети боярские всего нескольких городов исторического центра Русского государства — Замосковского края, географически наиболее близкого к столице (Дмитров, Ярославль, Кострома, Галич). Напротив, в составе посольства оказались широко представлены дети боярские запада и юго-запада России. На западе это были Ржева-Володимирова, Зубцов, Торопец, Бежецкий Верх, Старица, Вязьма, Дорогобуж. Дети боярские этих уездов, очевидно, подобно смолянам ушли в Москву после битвы под Клушином, отступая перед королевской армией. Особенно широко были представлены города Заокско-Брянского края — Брянск, Козельск, Болхов, Мещовск, Белев, Серпейск, Алексин, Таруса, Калуга, Воротынский, Лихвин, Карачев, Орел, Мценск. Это были земли вокруг Калуги — столицы Лжедмитрия II. В составе посольства были и дети боярские «городов», занятых войсками Лжедмитрия II во время его похода на Москву, таких как Медынь и Кашира³. Одни из этих детей боярских, очевидно, были вынуждены подобно детям боярским западных уездов вернуться в Москву после битвы под Клушином, другие, вероятно, нашли в столице приют, уходя от наступающих войск Лжедмитрия II.

Это проливает дополнительный свет на мотивы, побуждавшие собравшихся в Москве детей боярских принять решение об избрании Владислава и одновременно упорно настаивать на том, чтобы по заключенному договору польская сторона взяла на себя обязательство вывести войска из западных уездов Русского государства и в то же время направить свою армию против «вора». Разумеется, они хотели сохранить за собой (или даже — вернуть) свои земельные владения, но эти владения должны были остаться

в составе Русского государства. Как представляется, «дворяне из городов» вошли в таком большом количестве в состав посольства, чтобы проследить за тем, чтобы в текст окончательного договора об избрании Владислава были внесены именно эти обязательства.

Кто же были эти представители «городов»? Определенный ответ на этот вопрос дает сравнение с недавно изданным списком выборных дворян 1606–1607 гг.⁴ Представители девяти «городов» в составе посольства (Болхов, Верея, Калуга, Кашин, Козельск, Лихвин, Мещовск, Рязань, Серпейск) уже в 1606–1607 гг. были «выборными дворянами» с высокими поместными окладами от 450 до 600 четвертей⁵. Несомненно, эти люди принадлежали к верхушке местных дворянских корпораций, хотя в ряде случаев, как, например, представитель Калуги Иван Кузьмич Бегичев, они представляли интересы лишь той части дворянской корпорации, которая не подчинилась Лжедмитрию II. К этой местной дворянской верхушке следует отнести и ряд представителей «городов», у которых в боярском списке 1606–1607 гг. обнаруживаются близкие родственники или однородцы (Тула, Белев, один из представителей Серпейска, Алексин).

Боярский список 1606–1607 гг. в своей заключительной части не сохранился., отсутствуют данные по многим уездам запада и Замосковского края. Однако ряд сведений о статусе лиц, представлявших «города» этих регионов в составе посольства, можно извлечь из боярского списка 1602–1603 гг. Так, представитель Зубцова князь Юрий Ив. Шаховской в 1602–1603 гг. был выборным дворянином по этому городу с высоким поместным окладом. Выборными дворянами, правда, с более низкими поместными окладами 250–300 четвертей, были в 1602–1603 гг. представители таких «городов» в составе посольства, как Вязьма, Дмитров, Кострома, Ярославль⁶. Все это позволяет сделать вывод, что среди представителей «городов» в составе посольства можно выделить многочисленную группу представителей местной дворянской верхушки.

Однако людьми такого сравнительно высокого статуса круг дворянских участников посольства не ограничивался. В ряде случаев можно констатировать, что представители «городов» в 1606–1607 гг. еще не входили в состав выборных дворян даже в тех уездах, где местную дворянскую корпорацию представляла довольно многочисленная группа. Так, Воротыньск в составе двора представляли 16 человек, но воротынец Федор Меньшово Матов в их число не входил. Это, впрочем, понятно, так как, когда снаряжа-

лось посольство под Смоленск, в Москве могли и не найти высокопоставленных представителей многих дворянских корпораций.

Что касается других «чинов» русского общества, то их представительство в составе посольства было незначительным — один стрелецкий голова и семь московских стрельцов, восемь подьячих, «дворовые люди» — чарочник и сытник. Люди, готовившие посольство, явно стремились к тому, чтобы в его составе были представители всех значимых социальных групп традиционного русского общества (в составе посольства совсем не было казаков), но их представители явно не должны были играть сколько-нибудь серьезной роли. Особенно обращает на себя внимание очень незначительный удельный вес представителей посада самого большого русского города — Москвы. В составе посольства городское сословие представляли гость Иван Кошурин и четверо «торговых людей» (среди них «портной мастер», «москотильник», «серебряник» — очевидно, достаточно зажиточные ремесленники).

Такой состав посольства, как представляется, связан с тем, что по-настоящему лишь дворянство было той активной силой, которая низложила Шуйского и избрала Владислава. Правда, это были по преимуществу представители тех групп дворянства, которые с развитием событий оказались в критическом положении, утратив доступ в собственные владения.

Послы получили верительные грамоты и датированный 17 августа подробный наказ «от всяких чинов Московского государства»⁷. Текст наказа позволяет судить о том, какие цели ставились перед посольством. Послы должны были добиваться заключения с королевичем и его отцом такого договора, в который были бы внесены все те условия, которые русская сторона выдвинула на переговорах с Жолкевским и которые гетман не принял, ссылаясь на отсутствие полномочий.

Особенно упорно послы должны были настаивать на принятии королевичем православия. Уже в посольских «речах», предназначенных для публичного прочтения на первом приеме послов королем, было выдвинуто настойчивое пожелание, чтобы «государь наш королевич пожаловал, крестился в нашу православную христианскую веру греческого закона»⁸. Имелось в виду не только принятие королевичем православия, но и его повторное крещение по православному обряду. В послании патриарха и Освященного собора, обращенном непосредственно к самому Владиславу, его призывали «приклониться» к «всего мира прощению» и принять кре-

щение, «им же очистятца твои ереси»⁹. При этом предполагалось, что крещен будет королевич Филаретом и архиепископом Сергием в Смоленске¹⁰ и в Москву прибудет уже православным¹¹. Послы должны были заявить, что если королевич не крестится, то «Московское государство конечно о том оскорбитца и будет о том великая печаль и сетованье»¹². В этом вопросе послы не могли идти ни на какие уступки. Им специально предписывалось не вступать ни в какие споры о вере с «учителями», которых могут прислать к ним сенаторы. В ответ на все возможные контрпредложения следовало заявить: «Иного приказы о том никоторого нет»¹³. Все это лишь отчасти можно объяснить необходимостью считаться с неуступчивостью патриарха и поддерживавшего его московского духовенства. Взгляды духовенства, что лишь православное крещение может сделать нового государя полностью «своим», несомненно разделялись всеми московскими «чинами».

Вместе с тем знакомство с наказом показывает, что русская сторона на переговорах рассчитывала добиться изменения в свою пользу и некоторых условий августовского договора. Так, договор предусматривал, что вопрос о том, устроить ли в Москве костел для людей из свиты Владислава, должен стать предметом коллективного обсуждения нового государя и русских «чинов». В наказе же послам предписывалось добиваться эту статью «отставить и Московского государства людей тем не оскорбити»¹⁴. Договор предусматривал, что в лагере под Смоленском должен быть обсужден вопрос о возмещении королю расходов на войну («про кошт и наклад королевской») «и про заплату польским и литовским людем». Послы должны были ходатайствовать, чтобы король «убытки свои и наклады отставил»¹⁵.

Знакомство с содержанием наказа показывает, что его составители исходили из того, что уже под Смоленском могло быть выработано соответствующее соглашение, скрепленное присягой короля, его сына и сенаторов, и после этого королевич, который, по их представлениям, находился вместе с отцом в военном лагере¹⁶, мог бы отправиться вместе с послами в Москву «на свой царский престол не мешкая»¹⁷. В крайнем случае допускалось, что решение ряда спорных вопросов будет отложено и затем урегулировано путем переговоров между Сигизмундом III и новым русским царем при участии «всей земли»¹⁸.

Следует согласиться с польским исследователем В. Поляком, который, проанализировав текст наказа, констатировал, что пози-

ция русской стороны на переговорах должна была быть жесткой, возможность каких-либо серьезных уступок не предусматривалась¹⁹.

Из чего исходили составители наказа, придерживаясь именно такой позиции, на чем основывались их расчеты?

Как представляется, они исходили из того, что такое соглашение было очень выгодно для короля Сигизмунда, сын которого стал бы государем огромной страны, союзником и опорой своего отца. Разумно полагая, что прочно овладеть русским тронem можно лишь при поддержке со стороны русского общества, московские «чины» считали, что ради достижения этой цели король пойдет навстречу их требованиям. Привыкшие традиционно тесно связывать между собой «государство» и личность «государя», они были искренне убеждены, что все спорные вопросы в отношениях между Россией и Речью Посполитой потеряют свое значение, когда обе страны окажутся под властью членов одной семьи. Не будет же король отбирать Смоленщину и Северскую землю у собственного сына.

В Москве, конечно, знали, что власть короля в Речи Посполитой ограничена и что верховным органом власти, от которого зависит принятие наиболее важных решений, является сейм. В перечне условий, составленном одновременно с договором, отмечалось, что выработанное под Москвой соглашение должно быть утверждено на сейме «речью посполитой духовной и светской»²⁰, но это утверждение явно воспринималось как формальность. Неслучайно послы должны были добиваться того, чтобы сразу после выработки под Смоленском соглашения королевич выехал в Москву, не дожидаясь созыва сейма²¹. По-видимому, несмотря на все конкретные знания о политическом устройстве Польско-Литовского государства, король воспринимался московскими «чинами» как правитель, подобный их прежним государям, способный решать все вопросы своей властью. А так как, по их представлениям, он был заинтересован в утверждении своего сына на русском троне, то на переговорах не должно было возникнуть серьезных трудностей.

Руководствуясь иными мотивами, стремился создать благоприятную обстановку для будущих переговоров гетман Жолкевский. Уже послы, которых гетман прислал к Сигизмунду III после битвы под Клушином, добивались, чтобы «король как можно скорее послал за королевичем»²². В письме от 28 августа, сообщая о заключении августовского договора и принесении присяги, он писал о русских людях: «Как можно судить по жестам и плачу их, они искренне хотят [иметь государем] королевича его милость»²³. В письме

от 7 сентября, сообщая королю, что состав посольства под Смоленск уже определен, Жолкевский одновременно информировал его о том, что бояре через князя Василия Голицына (одного из главных руководителей посольства) заявили патриарху, что будут ходатайствовать, чтобы королевич крестился, но, даже если он этого не сделает, «волен Бог да государь, мы ему уж крест целовали и ему нам прямить» (эти слова в письме воспроизведены по-русски)²⁴. Гетман снова заверял Сигизмунда III в том, что русские люди дадут все новые доказательства того, что они, от самых знатных до самых малых, «искренне, а не лицемерно желают правления» Владислава. В заключение Жолкевский выражал убеждение, что король «ex animi sententia» сможет прийти к соглашению с послами по всем вопросам²⁵.

С. Жолкевский, как показывает избранный им образ действий, исходил из того, что ради достижения стратегической цели — утверждения Владислава на русском троне и вовлечения России в орбиту польского политического и культурного влияния, а условия августовского договора, по его мнению, создавали благоприятные возможности для достижения такой цели в будущем — следовало идти навстречу пожеланиям русского общества.

В лагере под Смоленском положение дел видели в ином свете²⁶.

Уже заключение соглашения под Царевым Займищем вызвало серьезное недовольство короля и его окружения. В письме от 11 августа Сигизмунд III выражал удивление тем, что Жолкевский согласился внести в него такие условия, которые король не захотел включить в текст, выработанный при его участии под Смоленском. Так, король порицал гетмана за то, что тот обещал «костелов Римских в Московском государстве не строити». Однако еще более важно то, что король порицал согласие гетмана на избрание Владислава, поскольку решение об этом не может быть принято без санкции сейма. Последнее замечание производит странное впечатление, так как в соглашении, выработанном под Смоленском, было зафиксировано согласие короля дать своего сына на русский трон без каких-либо оговорок. Таким образом, в то самое время, когда Жолкевский прилагал усилия, чтобы возвести Владислава на русский трон, в королевском лагере стали искать уловки, чтобы отказаться от данного обещания. Сигизмунд III порицал гетмана за чрезмерную уступчивость, предлагая обращать большее внимание на «уловки (forte) этого народа», который по своей природе не может вести себя иначе²⁷. Начиная с этого момента в письмах Сигизмунда III (в отличие от писем Жолкевско-

го) характерной чертой становятся выпады против русских, постепенно принимающие все более резкую и язвительную форму.

Уступчивость гетмана так беспокоила короля, что 29 августа, еще не зная о заключении августовского договора, он отправил к Жолкевскому письмо, снова призывая его быть твердым. Сигизмунда III возмущало то, что русский народ выдвигает разные условия «не как стесненный несчастьем, а как наисвободнейший». Гетман должен продиктовать нужные Речи Посполитой условия мира, а не идти навстречу пожеланиям русской стороны, а тех, кто является противниками польской кандидатуры, следует подчинить силой («siły na upór a prędkości potrzeba») ²⁸.

Более конкретные инструкции были направлены Жолкевскому с Александром Госевским и Федором Андроновым ²⁹. Ряд пунктов касался возможных условий договора об избрании королевича. Так, следовало категорически отклонять требования о принятии королевичем православия и добиваться постройки в Москве костела для Владислава и людей из его свиты ³⁰. Однако главная цель, которой должны были добиваться (совместно с гетманом) королевские эмиссары, заключалась в том, чтобы убедить московские «чины» согласиться на временную передачу власти над Россией в руки Сигизмунда III ³¹. Первая попытка в этом направлении была предпринята еще в начале 1610 г., но она сразу натолкнулась на сопротивление с русской стороны. К тому же в то время следовало идти на уступки, чтобы лишить царя Василия его сторонников. Теперь, после прихода польско-литовских войск под Москву и низложения Шуйского, по мнению короля и его окружения, сложились благоприятные условия для того, чтобы попытаться достичь своей цели.

Идти навстречу предложениям русской стороны и посылать в Москву королевича Владислава Сигизмунд III решительно не собирался. Характерно в этой связи то, что даже после заключения августовского договора королевич не был вызван в военную ставку отца, а продолжал находиться в Вильне. Мотивы, определившие такое решение, были изложены во врученном посланцам под Москву особом письме короля Жолкевскому ³².

Один из аргументов заключался в том, что перед выступлением в поход король сделал публичное заявление, что он начинает войну в интересах Речи Посполитой, «а не для личной выгоды». В этих условиях решение отправить в Москву Владислава, принятое без согласия сейма и помимо него, могло бы вызвать волнения в Речи

Посполитой, и король, успокоив «чужое» государство, привел бы в беспорядок свое собственное.

Знакомство и с последующими разделами письма, и с другими действиями Сигизмунда III после августовского договора показывает, что этот аргумент, рассчитанный на гетмана как приверженца традиционных порядков в Речи Посполитой, в действительности имел второстепенное значение. Действительно, важные политические соглашения должны были утверждаться сеймом, но из этого вытекало лишь то, что решение об отъезде Владислава в Россию должно было быть одобрено сеймом. Однако после заключения августовского договора король не предпринял никаких шагов для скорого созыва сейма. И поступил он так потому, что вовсе не хотел посылать Владислава в Москву. О подлинных причинах этого говорилось в следующих разделах письма.

Сигизмунд III полагал, что его сын (которому к тому моменту исполнилось 15 лет) не обладает достаточным опытом, чтобы управлять столь обширным государством. Еще большие опасения вызывала у короля возможность дурного влияния русского общества на молодого принца. Это «такой народ, — писал Сигизмунд III Жолкевскому, — которому [уже] из-за его религии опасно доверять, грубых обычаев и твердого сердца, у которого жестокость заменяет право, а несвобода стала его природой, где грубые обычаи, а жизнь полна разврата». Это крайне отрицательное мнение Сигизмунда III о русских людях следует иметь в виду при анализе его последующих действий по отношению к русскому обществу и Русскому государству.

В основной инструкции излагались аргументы, которые следовало предложить московским «чинам», чтобы они согласились не требовать немедленного приезда Владислава в Москву³³.

А. Госевский (вместе с Ф. Андроновым) должен был убеждать московские «чины», что главной задачей сейчас является прекращение «смуты», т.е. устранение «вора» и приведение к повиновению тех, кто не желает подчиняться столице. Этого можно добиться одним походом (*yednym zajazdem*) короля во главе его войска. Поэтому пока не может быть речи о том, чтобы польско-литовское войско покинуло русскую территорию, а польские гарнизоны оставили пограничные «замки». Наоборот, московские «чины» должны позаботиться о сборе средств на содержание этого войска. Чтобы бояре проявили понимание, их следовало познакомить с текстом предложений, которые прислал королю Лжедмитрий II.

В инструкции содержался и ряд конкретных указаний, касавшихся воздействия на разные группы русского общества. Так, в

инструкции дважды говорилось о намерениях короля успокоить патриарха и других духовных лиц «лаской и жалованием своим». Но, разумеется, речь могла идти лишь о смягчении противодействия со стороны духовенства королевским планам, опорой для них в русском обществе оно стать не могло.

Своей опорой в русском обществе Сигизмунд III предполагал сделать группу бояр во главе с кн. Ф. И. Мстиславским, о которой ему было известно из писем С. Жолкевского, что она поддерживает кандидатуру Владислава. Именно Мстиславскому и людям его круга были адресованы аргументы, которые должны были убедить их не настаивать на немедленном приезде Владислава. О характере ряда конкретных доводов позволяет судить текст грамоты короля Ф. И. Мстиславскому, отправленной в Москву с А. Госевским³⁴. Из нее видно, что бояр запугивали угрозой, исходившей от Лжедмитрия II. Он «бояр и дворян и всяких людей многих побил лютыми смертьми», а владения других «роздал худым людям, каков сам», «и бояру у себя устроил боярских холопей, а вас всех хочет побить». Мстиславского и людей его круга подталкивали к тому, чтобы они сосредоточили власть в своих руках, расправившись с теми, кто или сам хотел занять трон, или поддерживал связи с «вором», или вообще был заинтересован в продолжении Смуты; всех этих людей следовало по крайней мере выслать из Москвы.

Если бояре не станут настаивать на приезде Владислава и дадут королю «много времени», чтобы привести в порядок дела в России, тогда Сигизмунд III обещал удовлетворить их просьбы о пожалованиях и обсудить с ними вопрос о «правах и обычаях» в Русском государстве. В грамоте Мстиславскому король также обещал жалование, владения, «права и вольности». Обращает на себя внимание то, что эта тема поднималась при контактах с достаточно широким кругом представителей московской знати, которые, по расчетам короля и его советников, должны были сосредоточить в своих руках власть в России. Создается впечатление, что, убежденный в глубокой безнравственности русского общества, Сигизмунд III рассчитывал таким образом просто «купить» необходимую для осуществления его планов часть русской политической элиты.

В соответствии с избранной линией король предписывал Жолкевскому записать в договоре, что Владислав может приехать в Россию только после «успокоения» Русского государства и одобрения соответствующего соглашения сеймом³⁵.

Ф. Андронов с письмами от короля приехал к С. Жолкевскому за несколько дней до подписания договора³⁶. Жолкевский, однако,

не принял во внимание эти указания, так как отдавал себе отчет в том, что на предложенных условиях московские «чины» соглашения заключать не будут. К этому следует добавить, что войско, давно не получавшее жалования, грозило оставить службу, и гетман мог утратить один из главных инструментов воздействия на русскую сторону³⁷. С такой оценкой ситуации вынужден был согласиться и сам королевский посланец. «А которые речи, — писал он Льву Сапеге, — и розумели, что было в договоре не так были потребны, еднак же пришло до змусу» (т. е. были принуждены согласиться). Далее Андронов разъяснял: «А гды было не учинить договоров по их воле, тогда было конечно пришло на то — доставать их саблею и огнем»³⁸.

Из этой объективной оценки делались, впрочем, совсем разные выводы. Если Жолкевский полагал, что договор не противоречит долгосрочным интересам Речи Посполитой, то Ф. Андронов советовал лишь для виду согласиться с этим соглашением, но готовиться к его пересмотру: «Лутче с ними тепере обойтись по их штукам, а гды придут до рук, тогда и те их штуки мало что помогут».

Получив первые известия о заключении договора, Сигизмунд III сразу же сообщил Жолкевскому, что некоторые условия он принять не может: порядок в России не может быть обеспечен, если польские войска не будут находиться в пограничных крепостях и в самой Москве. Король также категорически отказывался снять осаду со Смоленска, пока не добьется «возвращения Короне того, что давно от этого народа отняли». Такая позиция короля обещала большие трудности на переговорах. Ведь сам августовский договор был заключен только потому, что С. Жолкевский дал согласие на сохранение территориальной целостности Русского государства в тех границах, в каких оно существовало до Смуты. Король снова призывал гетмана к осторожности: «Это, — высказывал он снова свое мнение о русских людях, — народ лицемерный и, когда он войдет в наибольшую близость с кем, больше всего думает о том, как его обмануть»³⁹.

Однако откликами на отдельные пункты соглашения дело ограничиться не могло. Ожидавшийся скорый приезд под Смоленск русских «великих послов» ставил короля и сенаторов перед необходимостью выработать план действий в новой ситуации, создавшейся после заключения августовского договора.

Об аргументации, использовавшейся в спорах по этому поводу, и некоторых общих итогах, к которым пришли король и окружавшие его политики, дает понятие сохранившееся в ряде списков

«Рассуждение о королевиче его милости и государстве Московском». В некоторых списках авторство «Рассуждения» приписано восходящей звезде политической жизни Речи Посполитой князю Е. Збаражскому. Для цели данного исследования важно то, что текст его был внесен в ведущуюся в лагере под Смоленском подканцлерскую книгу, — аргумент в пользу того, что изложенные здесь доводы получили одобрение Сигизмунда III и его ближайшего советника, коронного подканцлера Ф. Крыйского⁴⁰.

Анализ этого текста дает интересный материал для понимания не только целей и методов восточной политики Речи Посполитой, но и представлений политической элиты этого государства о русском обществе и внутренних отношениях в нем.

«Рассуждение» делится на две части. В первой излагаются аргументы за вступление королевича на русский трон, во второй — против.

Аргументы «за» — немногочисленны, но весомы. Автор перечисляет те выгоды, которые принесет не только Речи Посполитой, но и королевской династии возведение Владислава на русский трон.

Речи Посполитой это принесет спокойное соседство, организацию эффективной обороны от набегов татар, победу в войне со Швецией за Ливонию. Кроме того, значительная часть «народа шляхетского» могла бы найти себе в России средства к существованию, что привело бы к ослаблению внутреннего напряжения в стране и к росту расположения шляхты к королю.

Существенны и выгоды, которые при этом получит династия. Не только будет упрочено положение Сигизмунда III в Речи Посполитой, но и сам трон в Польско-Литовском государстве при сохранении свободной элекции фактически окажется в руках польской ветви династии Ваза. Владислав или сам сумеет занять польско-литовский трон, или поможет это сделать брату. Наконец, получив в свое распоряжение богатые людские и материальные ресурсы России, династия сможет вернуть себе утраченный шведский трон.

В «Рассуждении» приводится и ряд других доводов в пользу такого решения. Если король не согласится на выбор Владислава, то русские могут избрать другого, враждебного к Речи Посполитой претендента, так как без государя они жить не могут, а таким государем может быть только иностранец, поскольку они постановили не избирать царя из своей среды. Хотя автор «Рассуждения» не говорит об этом прямо, имелась в виду опасность того, что русские могут возвести на трон принца из враждебной Сигизмунду III шведской ветви династии Ваза.

Наконец, автор «Рассуждения» подчеркивает, что следует договариваться с русскими, так как в распоряжении короля нет военной силы, с помощью которой он мог бы завоевать Россию, прежде всего из-за недостатка средств для снаряжения большой армии. Отказ дать Владислава приведет к возобновлению войны, средств на оплату войска не хватит, и оно отправится в Речь Посполитую искать на собственной территории средств на свое содержание, а это вызовет недовольство шляхты по отношению к королю и его политике.

Следует отметить при анализе уже этой части «Рассуждения», что, приводя аргументы в пользу необходимости искать соглашения с русскими «чинами», автор был о них далеко не лучшего мнения. «Глупый народ», — так характеризует он русских уже в первой части своего сочинения.

Что касается доводов в пользу отрицательного решения вопроса, то их гораздо больше, и они заполняют основную часть «Рассуждения».

Здесь значительное место занимает характеристика внутренних отношений в русском обществе, опираясь на которую автор в дальнейшем строит свои заключения и рекомендации. Это общество, в котором прежние «природные» государи поддерживали порядок благодаря страху. Теперь это общество находится в состоянии внутренней анархии и раздоров, престиж власти утрачен, о чем говорит судьба государей начиная с Ивана IV, которых подданные убивали или свергали с престола. Правящая элита расколота на враждебные группировки, борющиеся между собой за власть. Кроме того, низы общества вышли из повиновения. В результате эти низы используют в своих интересах конфликты между верхами, а верхи пытаются использовать низы в борьбе за власть. Другая важная черта этого общества — враждебное отношение к полякам и их вере, неслучайно на переговорах с Жолкевским русские требуют крещения королевича, следовательно, они не считают его христианином.

Из этих наблюдений следовал вывод, что русские не согласятся на то, чтобы королевича сопровождали польские советники и польское войско. А не имея в своем распоряжении ни того, ни другого, молодой и не имеющий опыта принц не сможет установить порядка в русском обществе. В результате Владислав попадет под нежелательное влияние русской среды (по выражению автора, «утонет в их глупости») и, скорее всего, станет орудием

одной из группировок в борьбе за власть, превратившись, соответственно, в объект ненависти для других. В таких условиях и сама жизнь принца могла бы трагически оборваться. Что касается присяги на верность королевичу, то ей нельзя придавать значения: русские уже неоднократно нарушали присяги своим государям (сначала Лжедмитрию I, затем Шуйскому), да и согласились они на выбор Владислава не по добровольному желанию, а принужденные необходимостью («*jakoż ten wolno obiera, komu nad szyją stoją*»).

Другая группа доводов имела целью убедить читателя, что опасности, к которым приведет отказ дать королевича, не так велики, а выгоды, которые может принести Речи Посполитой его выбор, не столь очевидны. Здесь автор как бы полемизировал с собственными доводами, изложенными в первой части его «Рассуждения».

Сопоставив все выводы «за» и «против», автор «Рассуждения» констатировал, что самым лучшим решением было бы, чтобы управление Россией оказалось в руках такого опытного государственного деятеля, как Сигизмунд III, который, когда обстоятельства сложатся более благоприятно, смог бы передать свою власть сыну. У составителя «Рассуждения» не было сомнений в том, что такое решение встретит сопротивление со стороны русских людей, которые предпочтут молодого принца, которого они могли бы воспитать по-своему, иноземному государю, чуждому их вере и обычаям. Особенно сильное сопротивление это встретило бы со стороны духовенства, которому хорошо известна репутация Сигизмунда III как рьяного католика (*zelosus in fide*).

Принимая это во внимание, составитель «Рассуждения» полагал, что такое решение следует скрывать от русских и, наоборот, заверять их, что обещания относительно королевича будут выполнены, чтобы они «о чем-либо другом не подумали». Но одновременно следует королевича не присылать, ссылаясь на то, что ранее следует добиться «успокоения» государства, «чтобы не в опустошенные края, а на полное государство он приехал». Одновременно следовало доказывать, что без согласия сейма решение об отправке Владислава в Москву не может быть принято. Так удастся добиться отсрочки и выиграть время.

Когда тем самым в России появился бы опасный вакуум власти, следовало бы воспользоваться этой ситуацией, чтобы убедить представителей русской политической элиты согласиться временно передать управление страной в руки Сигизмунда III и принести ему при-

сягу. При этом представителей этой элиты (*ductores*) следовало привлекать обещаниями личных выгод (*privatnymi obietnicami*), доказывая, в частности, что все пожалования, которые сделает Сигизмунд как временный правитель, сын его должен будет подтвердить. У всех людей, отмечал автор «Рассуждения», даже и у духовных лиц, есть амбиции, которые следует использовать. Он рекомендовал также предложить, чтобы знатные лица отправили своих сыновей служить при дворе будущего монарха (в таком случае они могли бы стать заложниками).

«Рассуждение» заканчивалось конкретными советами в связи с приближающимся началом переговоров с «великим посольством». Никакого обсуждения вопроса о том, на каких условиях Владислав сможет занять русский трон, автор «Рассуждения» не предполагал. Он предлагал обсудить с послами лишь три вопроса: «О безопасности правителя, о выгодах Речи Посполитой и об оплате войска». Содержание всех трех кратких формулировок сравнительно легко расшифровать. Первая формула означала, что для обеспечения безопасности правителя необходимо добиться «успокоения» государства, т. е. добиться от послов согласия на ввод польско-литовских войск во внутренние районы России. Вторая формула означала, что на переговорах должен был быть поставлен вопрос о передаче Речи Посполитой спорных территорий — Северной земли и Смоленщины. Третья означала необходимость возмещения Речи Посполитой военных расходов. Так как русским людям, полагал автор «Рассуждения», трудно будет согласиться на эти предложения, то до обсуждения других вопросов дело даже не дойдет.

Настоящие переговоры должны были вести в Москве с представителями русской элиты (очевидно, с помощью предложенных ранее методов) направленные туда королевские послы. Важная роль отводилась и находившемуся в Москве гетману Жолкевскому, который должен был занимать своим войском города, подавлять и высылать из Москвы противников польских планов. Автор «Рассуждения» полагал, что в результате всех предпринятых действий на будущий сейм могло бы прибыть из России посольство с просьбой о том, чтобы Сигизмунд III принял на себя управление Россией, и тогда король смог бы выехать в Москву.

Советы автора «Рассуждения» относительно линии поведения на переговорах под Смоленском, как увидим далее, были приняты во внимание лишь частично. Однако доводы в пользу того, чтобы никаких серьезных переговоров об избрании королевича не вести, а добиться передачи власти над Россией в руки Сигизмунда III, получили

полное признание короля и политиков, окружавших его в лагере под Смоленском.

Почему предпочтение было оказано такому решению, удивления не вызывает. Больше удивляют представления автора «Рассуждения» о том, какими путями можно добиться такого решения. Он, как видно из его собственных слов, понимал, что такое предложение не встретит благоприятной реакции с русской стороны, но не предлагал никаких мер, которые могли бы смягчить остроту этой реакции. Ни о каких уступках или признании за русским обществом каких-либо новых «прав» речи не было. Все надежды, по существу, возлагались на коррумпированность русской политической элиты, хотя в своем анализе состояния русского общества автор «Рассуждения» сам констатировал, что эта элита расколота серьезными противоречиями, низы не повинуются верхам и общество находится в состоянии анархии. И в этих условиях он считал возможным добиться подчинения огромной страны путем разных форм подкупа ограниченной группы «предводителей». Налицо было серьезное противоречие между оценкой ситуации и практическими выводами, но, судя по всему, это противоречие не было осознано ни автором «Рассуждения», ни его высокопоставленными читателями.

Таким образом, накануне начала переговоров под Смоленском позиции сторон резко расходились. Послы прибывали с инструкциями твердо настаивать на условиях, выработанных московскими «чинами» накануне переговоров с Жолкевским, а Сигизмунд III и сенаторы вообще не намерены были серьезно обсуждать этот вопрос, так как их целью после достигнутых успехов было уже не избрание Владислава, а подчинение русского общества власти польского короля. А эта цель должна была быть достигнута с помощью закулисных действий в Москве, а не под Смоленском.

Накануне официального приема послов королем Лев Сапега писал жене: они прибыли «просить королевича, которого берут себе государем, король же хочет себе желать, а не королевичу, а они до сих пор не дают о том ни слова сказать и вовсе короля не хотят. И так, боюсь, что из всего этого не будет ничего»⁴¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Опубликовано в: АЗР. Т. 4. № 182. С. 319; Сб. РИО. Т. 142. С. 182–184.
2. Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 164.

3. О подчинении этих городов Лжедмитрию II см. в дневнике похода Я. П. Сапег: Moskwa w rękach polaków. Pamiętniki dowódców i oficerów garnizonu polskiego w Moskwie w latach 1610–1612. Kraków, 1995. S. 322 (запись от 7 июля). S. 328 (запись от 30 июля).
4. Народные движения в России в годы Смуты начала XVII века. 1601–1608: Сб. документов. М., 2003. С. 140–155.
5. Там же. С. 144, 146–151, 154.
6. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 242, 200–201, 210, 238.
7. Текст наказа опубликован в: Сб. РИО. Т. 142. С. 135–171 (сохранился полностью). Верительные грамоты, датированные сентябрем, см.: Там же. С. 172–173.
8. Там же. С. 140.
9. Там же. С. 173 и сл.
10. Там же. С. 146.
11. Там же. С. 152.
12. Там же. С. 151.
13. Там же. С. 152.
14. Там же. С. 163–164.
15. Там же. С. 158.
16. См. в наказе: «Да как король и королевич пожалуют, велят им быти у себя» (Там же. С. 135).
17. Там же. С. 141.
18. Предусматривалась возможность такого решения для вопросов о возмещении расходов и о границах (Там же. С. 159, 167).
19. *Polak W.* O Kreml i Smoleńszczyznę. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607–1612. Toruń, 1995. S. 209.
20. *Цветаев Д. В.* К истории Смутного времени. Собрание документов. М.; Варшава, 1910. Вып. 1. № 9. С. 17.
21. Сб. РИО. Т. 142. С. 169.
22. *Polak W.* O Kreml... S. 175.
23. *Цветаев Д. В.* К истории... № 10. С. 18.
24. Что побудило бояр к такому шагу, находящемуся в явном противоречии с содержанием наказа, остается неясным. Возможно, имелся в виду отказ от этого требования, если остальные вопросы будут решены в соответствии с интересами русской стороны. На переговорах под Москвой вопрос о крещении королевича был отложен, в то время как вопрос о границах должен был быть решен немедленно.
25. *Racz. Rkr.* 33. K. 177–178. В более раннем письме от 31 августа гетман даже высказывался в том духе, что находящееся под Москвой войско можно было бы уменьшить до 2–3 тысяч человек (Ibid. K. 175–175^v).

26. Вопрос о взглядах короля и его окружения на положение дел подробно рассмотрен В. Поляком, на результаты исследования которого автор опирается в этой части своей работы.
27. *Цветаев Д. В.* К истории... № 12. С. 22.
28. Там же. № 15. С. 27–28.
29. Передача инструкций через Ф. Андронова указывает на участие в их составлении бывших сторонников Лжедмитрия II во главе с М. Г. Салтыковым.
30. *Polak W.* О Kreml... S. 185.
31. В. Поляк правильно констатирует, что в этом был смысл всего выработанного плана действий, хотя прямо эта цель в документах не была обозначена: *Ibid.* S. 186.
32. *Цветаев Д. В.* К истории... № 14. С. 26–27.
33. Там же. № 13. С. 23–25.
34. АИ. Т. 2. № 288.
35. *Цветаев Д. В.* К истории... № 15. С. 27.
36. *Polak W.* О Kreml... S. 186–187.
37. Уже когда посланец гетмана А. Жолкевский вручал королю трофей, захваченные под Клушином, послы от войска просили Сигизмунда III скорее выплатить положенное им жалование (*Ibid.* S. 174). В своем письме С. Жолкевскому король объяснял, что жалование он выплатить не может, и полагался на дар «убеждения его милости пана гетмана» (см. копию ответа от 14/24 августа в бумагах Д. В. Цветаева: РГАДА. Ф. 364. Оп. 1. № 145. Л. 58). Об этом же говорилось в инструкции Яну Радзиминьскому, посланному королем к войску 26 августа (Там же. Л. 62).
38. АИ. Т. 2. № 299.
39. *Цветаев Д. В.* К истории... № 16. С. 29–30.
40. О списках памятника см.: *Polak W.* О Kreml... S. 180. «Рассуждение» использовано по публикации в издании: *Moskwa w gękach...* S. 123–138.
41. *Prochaska A.* Wyprawa na Smoleńsk (Z listów litewskiego kanclerza r. 1609–1611) // *Kwartalnik litewski.* 1911. S. 74.

ПОД СМОЛЕНСКОМ И В МОСКВЕ

Главным источником, позволяющим реконструировать ход переговоров под Смоленском, является статейный список «великого» посольства. В настоящее время этот источник недоступен для изучения (возможно, вообще утрачен), и в распоряжении исследователей имеется лишь его подробный пересказ, сделанный известным собирателем исторических материалов второй половины XVIII в. И. И. Голиковым¹. О характере пересказа позволяет судить его сопоставление с сохранившимся фрагментом одной из посольских отписок, опубликованным в 142-м томе «Сборников Русского исторического общества»; в нем содержится описание переговоров в ноябре 1610 г. Как показывает принятая в России практика, тексты таких отписок с большой точностью воспроизводились в тексте статейного списка.

Сопоставление показывает, что И. И. Голиков пересказывает текст, весьма близкий по содержанию к отписке, в ряде случаев между текстами обнаруживаются дословные совпадения². И. И. Голиков дает сокращенное изложение, но так как он сокращает источник, более обширный по содержанию, то в его пересказе обнаруживаются детали и сообщения, которые отсутствуют в отписке³. Правда, наряду с пересказом статейного списка в тексте обнаруживаются также эмоциональные оценки поведения участников событий с обеих сторон, явно принадлежащие самому Голикову, которые, однако, четко вычлениются по своему характеру из остального текста повествования, выдержанного в совершенно иной манере. Прделанное сопоставление позволяет согласиться с мнением таких авторитетных исследователей, как С. М. Соловьев или С. Ф. Платонов, которые, рассматривая текст И. И. Голикова

как добросовестный пересказ недоступного (или утраченного) источника, широко использовали его для реконструкции событий.

«Великое» посольство, получив благословение от патриарха в Успенском соборе, покинуло Москву 11 сентября ст. ст., и на протяжении оставшейся части месяца посольский караван медленно двигался на запад по смоленской дороге, с трудом собирая продовольствие на свое содержание в разоренной войной местности⁴. Еще не доехав до Смоленска, 30 сентября послы отправили в Москву отписку с очень важным и неприятным сообщением.

Послы сообщали, что в королевский лагерь приезжают многие русские дети боярские, которые получают от короля грамоты на поместья и вотчины, после того как принесут присягу на имя короля и королевича. Кроме того, как выяснили послы, такой же двойной присяги король требует и от тех дворян, которые уже ранее принесли присягу на имя королевича, а также от жителей осажденного Смоленска⁵. Это сообщение показывает, что для членов Боярской думы — участников посольства, деятельность королевской канцелярии, начавшаяся уже в феврале 1610 г., ранее оставалась неизвестной — они явно сообщали о ней в Москву как о неожиданной новости.

Новость эта, несомненно, должна была стать для послов неприятной неожиданностью. Заключенный в августе 1610 г. договор, несмотря на принесенную присягу, не давал королевичу Владиславу никаких прав на власть в России до тех пор, пока окончательно не будет решен вопрос об условиях, на которых он будет править страной. Что касается отца будущего монарха, то какое-либо его участие в управлении Россией вообще не предполагалось и никаких прав в этом отношении заключенное с гетманом соглашение ему не предоставляло. Действия Сигизмунда, раздающего пожалования русским людям и требующего от них присяги на свое имя, показывали, что он не желает согласиться с таким положением дел, не считает себя связанным с условиями августовского договора и готов навязывать русской стороне желательные для него решения. Все это не обещало русским дипломатам легких переговоров.

7 октября послы прибыли в королевский лагерь под Смоленском⁶, но здесь не торопились с началом переговоров. Лишь 12-го состоялся официальный прием у короля, на котором послы передали официальную просьбу русских «чинов», чтобы король «пожаловал, дал на Московское государство сына своего королевича

Владислава». В соответствии с данным им наказом послы просили, чтобы королевич «крестился в нашу православную веру греческого закона» и как можно скорее направился в Москву ⁷.

Настоящие переговоры начались 15 октября. На этой встрече дьяк Т. Луговской зачитал текст условий, на которых московские «чины» соглашались передать Владиславу власть над Россией и по которым во время переговоров в августе не было достигнуто договоренности ⁸. Русские предложения охватывали, как было показано выше, широкий круг вопросов, однако в своем ответе сенаторы сосредоточили свое внимание лишь на той части предложений, которые предусматривали вывод польско-литовских войск из России. Сенаторы заявили, что это совершенно невозможно. В России продолжается Смута, и король не может дать сына на «неуспокоенное» государство. Он намерен идти с войском на Калугу против «вора» и так положить конец Смуте. Когда в России наступит «успокоение», король направится на сейм просить согласия сословий на отъезд Владислава в Россию ⁹. Такой же позиции придерживалась польско-литовская сторона и на последующих встречах.

Это был, по существу, отрицательный ответ на предложения русской стороны договориться об условиях, на которых Владислав мог бы править Россией, и скорей прислать принца в Москву. Наоборот, предложенный план действий отодвигал решение вопроса на неопределенный срок, так как время созыва сейма не было установлено даже приблизительно.

Выдвигая на первый план вопрос о мерах по «успокоению» страны с помощью польско-литовского войска, сенаторы явно следовали тактике, предложенной составителем «Рассуждения» — ставить перед послами трудные для решения вопросы и тем содействовать затягиванию переговоров. Неслучайно на встрече 20 октября перед послами был поставлен и вопрос о возмещении военных расходов, которые несла Речь Посполитая ради «успокоения» Московского государства ¹⁰.

Однако для выдвижения таких предложений и, в частности, плана похода самого короля на Калугу были и другие причины, связанные с положением, сложившимся к началу мирных переговоров на территории Северной земли.

К лету 1610 г. польско-литовским войскам удалось овладеть значительной частью территорий, служивших «яблоком раздора» между Россией и Речью Посполитой, в том числе рядом главных

центров Северной земли. Местные служилые люди и воеводы принесли присягу, а ряд из них даже посетил лагерь под Смоленском, получив от короля грамоты¹¹. Однако достигнутые результаты оказались непрочными. С уходом польско-литовских войск с занятых территорий начался переход местных служилых людей на сторону Лжедмитрия II. О том, что происходило летом 1610 г. в Северной земле, нас информирует донесение, сохранившееся в составе одной из книг Литовской Метрики¹². Перешли на сторону Лжедмитрия II служилые люди из Новгорода-Северского во главе со своими воеводами кн. Федором Барятинским и Милакой Моис. Карповым и принесшие присягу «его королевской милости» служилые люди из Почепа. Был предпринят большой поход служилых людей из «верховских» городов (Брянска, Трубчевска, Карачева) и из городов Северной земли (Путивль, Новгород-Северский, Камарицкая волость) на Стародуб, один из немногих городов, где власти Речи Посполитой поместили польско-литовский гарнизон. Служилые люди Стародубского уезда перешли на сторону нападавших, польско-литовские войска были разбиты, и командовавший в походе вместе с М. Карповым детьми боярскими из Новгорода-Северского П. Безобразов отвез захваченных пленных к Самозванцу в Калугу. В возвращенном Стародубе разместился 2-тысячный гарнизон во главе с Ектором Рындиным, командовавшим в походе брянчанами. Пришлось снова посылать в уже подчиненный было край отряды запорожских казаков, которые сожгли Козельск и Мещовск¹³.

Все это делало очевидным, что население Северной земли явно не желает подчиняться власти Сигизмунда III и для «освоения» этой территории придется направить туда королевскую армию. Однако часть этой армии находилась под Москвой, и для планов Сигизмунда III и его окружения ее местонахождение там было необходимостью. Другая же часть этой армии осаждала Смоленск, который, как ключевой пункт на пути, ведущем из Москвы в Вильне, представлял для правящих кругов Речи Посполитой гораздо больший интерес, чем северские крепости. Первоначально в окружении короля надеялись, что после битвы под Клушином, когда Смоленск уже не мог рассчитывать на быстрое снятие осады, город капитулирует. 10/20 июля в переговоры со смольнянами вступили находившиеся в королевском лагере бывшие сторонники Лжедмитрия II и служилые люди, находившиеся в Царевом Займище, рассказавшие о поражении русской армии и

предлагавшие сдать город. В сложившейся ситуации стал колебаться сам смоленский воевода. Перебежчики передали его слова: «Города я не выдержу, люди вымерли»¹⁴. Стали колебаться и сидевшие в осаде дети боярские: для них, как и для смольнян, сидевших с Шуйским в Москве, после битвы под Клушином стало ясно, что им не удастся вернуться в свои поместья с победоносной русской армией. 24 июля н. ст. Я. Задзик писал своим патронам из лагеря под Смоленском, что дети боярские готовы сдать город, но не решаются выступить с этим открыто, боясь духовенства и посадского «мира»¹⁵.

8 августа в лагерь Сигизмунда III перебежали из Смоленска двое детей боярских — кн. Василий Морткин, сын боярский смоленского архиепископа, и городской сын боярский Михаил Суцев. Они не только подробно рассказали об организации обороны города и указали наиболее удобное место для штурма у Крылашевых ворот. Они выступали от имени группы из нескольких десятков детей боярских, среди которых были лица, принадлежавшие к самой верхушке смоленской дворянской корпорации, как выборный дворянин Иван Макшеев. Они не решались выступить открыто с требованием капитуляции, но обещали сделать это, если королевские войска усилят осаду. Заговор был раскрыт, его участники арестованы¹⁶. Задержанные дети боярские искали защиты у смоленского архиепископа Сергия¹⁷. Настроения владыки сильно переменялись по сравнению с начальным периодом осады, когда он требовал от воеводы более энергичных действий. Находясь под арестом, М. Б. Шеин вспомнил слова Сергия: «Уж бы лучше нам поддаться за присягой их, хотя бы нас потом и высекли»¹⁸. Однако каких-либо реальных результатов эти колебания настроений части защитников Смоленска не имели. Когда 28 июля н. ст. была предпринята очередная попытка склонить защитников города к капитуляции, М. Б. Шеин отказался принять соответствующий «лист» от короля¹⁹.

Одновременно с этими попытками переговоров королевская армия стала готовиться к штурму города. Помимо иных важных соображений имели значение, как отметил в своих записках С. Жолкевский, личные амбиции брацлавского воеводы Яна Потоцкого, принявшего командование войсками с отъездом гетмана из лагеря²⁰. В отсутствие командующего он рассчитывал добиться успеха, все лавры которого достались бы только ему. При подготовке штурма он, однако, столкнулся с серьезными трудностями

ми: если осадные орудия были доставлены и могли начать обстрел города, то пехоты было очень мало. Надежды возлагались на приход в королевский лагерь больших отрядов казаков, но те совсем не торопились под Смоленск. 17 июля Я. Задзик писал, что они предпочитают грабить деревни в районе Брянска²¹. С приходом казаков трудности сразу не исчезли. Казаки были готовы лезть по лестницам на стены, но требовали отдать им город на разграбление, и военачальники были вынуждены согласиться на это²².

28 июля н. ст. начался обстрел смоленской крепости, а на следующий день был предпринят штурм. Однако осажденные успешно заделывали проломы в стенах, а сильный огонь артиллерии не позволил осаждавшим подняться на эти стены, тем более что казаки не показали особого усердия²³.

Попытки штурма в первых числах августа также закончились неудачно. Не приводили ни к каким результатам и попытки переговоров²⁴. В последующие дни военные действия под Смоленском прекратились. 14 августа Я. Задзик сообщал своему патрону, что осадные работы больше не ведутся и нет каких-либо надежд на казаков²⁵. За день до этого с казацкими «старшими» беседовал Л. Сапега и под впечатлением разговора писал жене: брацлавский воевода уверял короля, что «казаки рвутся к штурму, обещают либо здесь умереть, либо взять Смоленск. Но казаки об этом и не думают»²⁶.

По-видимому, приход казацкого войска во главе с гетманом Калеником побудил военачальников 21 августа предпринять еще одну попытку овладеть смоленской крепостью, но из-за сильного артиллерийского огня осаждающие снова вынуждены были отступить, понеся серьезные потери²⁷. По сведениям, которыми располагал К. Радзивилл, эти потери были гораздо больше, чем указано в дневнике похода. После всех штурмов Смоленска из 2000 немецких наемников осталось 600 чел., запорожских казаков, «которых силой гнали» на штурм, погибло до 1000 человек²⁸.

Таким образом, все попытки овладеть Смоленском с помощью силы закончились полной неудачей. Тем более активно король и его советники попытались использовать возможности, открывшиеся после подписания августовского договора.

Как уже указывалось, при выработке этого соглашения относительно Смоленска была достигнута договоренность, что гетман Жолкевский будет ходатайствовать перед королем о прекращении осады города, а Боярская дума должна предложить смольнянам

принести присягу королевичу Владиславу²⁹. В соответствии с договоренностью к Шеину были направлены с грамотой трое детей боярских, которые прибыли в лагерь под Смоленском 5 сентября н. ст. В дневнике похода Сигизмунда III отмечено, что они привезли приказ смоленскому воеводе от кн. Ф. И. Мстиславского, «чтобы покорился воевода смоленский и бил челом королю его милости»³⁰. Совсем иначе изложены указания Боярской думы в показаниях М. Б. Шеина: «Чтобы бил челом государю, чтобы сына своего на царство дал, над Смоленском никаких военных замыслов не чинил»³¹. Именно его сообщение, очевидно, правильно передает содержание боярской грамоты, так как соответствует достигнутой под Москвой договоренности.

7 августа н. ст. гонцы смогли попасть в Смоленск, откуда 10 числа к королю прибыли шесть послов от всех «чинов», которые просили, «чтобы королевича дал им в государи, а они хотели крест целовать». Одновременно они ходатайствовали, чтобы король прекратил обстрел крепости и отвел войска³². Таким образом, договоренность, достигнутая под Москвой, была выполнена, но это не удовлетворяло короля и его окружение. Когда на следующий день послы пригласили, чтобы дать им ответ, Л. Сапега, порицая смольнян за сопротивление, которое они оказали королю, объявил, что они не должны ставить никаких условий, «так как они от давних времен принадлежали к государству его королевской милости и были и являются подданными его королевской милости». Они могут только просить о милосердии, и тогда сенаторы станут ходатайствовать перед королем, чтобы смольняне могли сохранить свою веру и свое имущество³³. Сообщая о начавшихся переговорах жене, Л. Сапега писал: смольняне «хотят на имя королевича присягать, а король хочет, чтобы сначала королю, а потом королевичу присягали»³⁴.

Таким образом, избрание Владислава на русский трон король и сенаторы рассчитывали использовать, чтобы решить в пользу Речи Посполитой спор с Россией из-за Смоленска. По их расчетам, избрание Владислава должно было окончательно лишить смольнян надежд на получение помощи из Москвы, и им не оставалось бы ничего другого, как капитулировать перед победителем.

Однако ответ на эти требования, последовавший 14 сентября, надежд не оправдал. Смольняне заявили, что не желают отделяться от Москвы, да и Москва не давала согласия на переход их под власть другого государя. По сведениям перебежчиков, дети бояр-

ские, стрельцы и духовенство якобы заявили, что им все равно, жить под властью короля или его сына, «только бы сохранили свою веру и свои права», но возобладала точка зрения посадского «мира», не желавшего отделения Смоленска от России³⁵.

Трудно сказать, насколько точно эти сообщения отражали расстановку сил в осажденном городе. Существенно то, что в конце концов взяло верх отрицательное отношение к польско-литовским предложениям. М. Б. Шеин и дети боярские на встрече с Л. Сапегой заявили, что решение об отделении Смоленской земли от России не может быть принято без согласия всех московских «чинов», и предложили отложить переговоры до приезда из Москвы «великих» послов³⁶. Хотя перебежчики продолжали приносить сведения о том, что дети боярские и стрельцы желают сдать крепость, «не дожидаясь послов», на последующих встречах позиция смольнян осталась прежней. Тогда в королевском лагере решили прибегнуть к угрозам: 30 сентября в город были посланы королевские универсалы с заявлением, что, если город не будет сдан в течение трех дней, король отдаст владения сидящих в осаде детей боярских другим помещикам, присягнувшим королю. Посадским людям король угрожал конфискацией имущества и смертной казнь³⁷.

Однако и этот шаг не привел к желаемым результатам.

Позиция смольнян все же оставляла властям Речи Посполитой определенную возможность мирным путем добиться своей цели. Поскольку смольняне заявляли, что не могут действовать против желания московских «чинов», то можно было рассчитывать, что они сдадутся, если окажется, что такой шаг соответствует желаниям Москвы. Король и сенаторы рассчитывали, что соответствующих заявлений удастся добиться от «великих» послов, представлявших московские «чины» под Смоленском. Это было главное, чего они рассчитывали добиться на предстоящих переговорах.

Если составитель «Рассуждения» рекомендовал лишь использовать разные предлоги, чтобы затягивать переговоры с «великими» послами, то сенаторы — участники переговоров хотели добиться того, чтобы послы, опираясь на авторитет правительства в Москве, которое жители Смоленска считали законным, убедили смольнян принести присягу Сигизмунду III и согласиться на ввод в Смоленск польско-литовского гарнизона. После этого, подчинив Смоленск своему контролю, королевская армия, выступив против «вора», овладела бы и Северной землей, и к тому времени, когда пришлось бы решать вопрос об условиях, на которых поль-

ский кандидат будет управлять Россией, спорные территории были бы закреплены за Речью Посполитой и русское общество было поставлено перед совершившимся фактом.

В результате вместо вопроса об условиях, на которых новоизбранный царь Владислав мог бы управлять Россией, главным содержанием переговоров стал вопрос о Смоленске.

Вопрос о том, что жители Смоленска должны принести присягу королю и королевичу, был поставлен уже на второй встрече послов и сенаторов 17 октября. И тогда же сенаторы потребовали от послов: «И вам бы учинити, велеть смольняном крест целовати королю и королевичу»³⁸. С этого момента именно этот вопрос стал главным предметом обсуждения на всех последующих встречах.

Русские послы не оправдали возлагавшихся на них надежд. Они не только пытались обратить своих собеседников к обсуждению вопроса об условиях, на которых Владислав будет править Россией³⁹, но и отказались как-то поддержать выдвинутые сенаторами предложения. Они высказались резко отрицательно об идее похода Сигизмунда III на «вора», заметив, что такие действия приведут лишь к полному разорению страны. По их мнению, для действий против Лжедмитрия II было вполне достаточно тех войск, которые уже находились около Москвы во главе с Жолкевским⁴⁰. Они также резко отклонили предложение склонять жителей Смоленска принести присягу Сигизмунду III, заявив, что «того им не токмо зделать, но и помыслить не можно»: «по совету всей земли» на русский трон избран не король, а королевич, и только ему население России может приносить присягу⁴¹. Они предлагали представителям польско-литовской стороны пока, до выработки окончательного соглашения, подтвердить августовский договор и начать выполнять записанные в нем обязательства, включая снятие осады со Смоленска и вывод польско-литовских войск с русской территории⁴². Однако представители Речи Посполитой продолжали настаивать на своих предложениях и, более того, прямо заявили, что вовсе не считают себя связанными условиями августовского договора («нам до той гетманской записи дела нет») ⁴³.

Два обстоятельства способствовали ужесточению официальной позиции Речи Посполитой на переговорах: поведение многих представителей русской правящей элиты по отношению к Сигизмунду III и вступление польско-литовского войска в Москву.

Отправляя отписку в Москву о раздаче Сигизмундом III жалованных грамот, люди, стоявшие во главе посольства, вероятно,

ожидали, что Боярская дума, как высший орган государственной власти во время междуцарствия, выступит с протестом против этих действий польского короля. Но этого не произошло. Более того, ряд видных деятелей этого круга, по-видимому, самостоятельным путем пришел к выводу, сходному с одним из заключений автора «Рассуждения», что новый царь должен будет подтвердить пожалования, сделанные его отцом, и стало искать милостей польского короля. Так, 11 сентября 1610 г. перед выездом послов под Смоленск сам глава Думы кн. Ф. И. Мстиславский обратился с письмом к Льву Сапеге, прося его похлопотать перед королем за одного из членов посольства стольника И. В. Головина. Как следует из польских помет на обороте письма, речь шла о пожаловании Головину чина окольничего⁴⁴. Тогда же другой влиятельный член думы Ф. И. Шереметев также обратился к Льву Сапеге, чтобы тот поддержал его просьбу «о вотчинных своих деревнишках». «А служба моя и правда ко государю королю и ко государю царю, — писал он, завершая свое письмо, — ведома гетману Станиславу Станиславовичу»⁴⁵.

Таким образом, хотя вопрос о том, станет ли Владислав царем и на каких условиях, еще не был окончательно решен, отдельные члены Думы уже торопились признать за отцом будущего монарха право раздавать должности и земли в России. Такие обращения наглядно подтверждали представления политиков из окружения короля о коррумпированности русской правящей элиты, убеждали Сигизмунда III в реальности его планов и подталкивали к действиям по их реализации.

К действиям в этом направлении побуждало короля и появление польско-литовского войска в московской крепости. Остается не вполне ясным, как дело дошло до принятия такого решения. По мнению С. Ф. Платонова, бояре «боялись распушенной московской толпы, в которой замечалась склонность к вору»⁴⁶. Такая опасность была особенно реальной, когда войско Лжедмитрия II стояло под Москвой. Однако в договоре, составленном в эти дни, специально оговаривалось, что польско-литовские «ратные люди» не должны входить в Москву и могут приезжать в город лишь за продовольствием небольшими группами «человек по дватцати или мало больши». В том же договоре было четко установлено, что после окончания военных действий против Лжедмитрия II армия Жолкевского отойдет к Можайску и будет здесь ждать выработки окончательного соглашения об избрании Владислава⁴⁷.

Что же заставило Боярскую думу изменить свою позицию? Что произошло в Москве в первые недели после заключения договора?

Первый вопрос, который необходимо было решить участникам августовского договора, был вопрос о Лжедмитрии II и сопровождавшем его польско-литовском войске. Договор налагал на гетмана обязательство «думати и промышляти с... бояры, как бы того вора изымать или убити», и сразу после подписания соглашения русская сторона стала добиваться его выполнения. Вести военные действия и тем ослабить свою и так достаточно немногочисленную армию никак не входило в планы гетмана, тем более что полного доверия к своим московским партнерам у него не было⁴⁸. Поэтому он пытался добиться путем переговоров, чтобы войско Я. П. Сапеги перестало поддерживать Лжедмитрия II и отошло от Москвы. В донесении королю С. Жолкевский очень кратко коснулся этих переговоров, отметив лишь, что на свои предложения получил «наглый ответ»⁴⁹. Подробнее этот эпизод освещен в дневнике похода Я. П. Сапеги. Войско заявило, что не желает ни оставлять Лжедмитрия II, ни уходить от Москвы, пока не получит вознаграждения за «кровавые заслуги». А что касается того, что Москва присягнула королевичу, «то они не знают, какую пользу это принесет отечеству»⁵⁰. Единственным результатом переговоров на этом этапе стал рост напряженности в отношениях между Лжедмитрием II и польско-литовским войском.

Как справедливо указал И. О. Тюменцев⁵¹, во время стояния друг против друга армий С. Жолкевского и Лжедмитрия II начался переход ряда городов Замосковского края на сторону Лжедмитрия II. В дневнике похода Я. П. Сапеги отмечено, что через два дня после заключения августовского договора в лагерь Самозванца прибыли с «челобитными» послы из Суздаля, Владимира, Юрьева и Галича⁵², еще через два дня здесь появились послы из Ростова⁵³. Возможно, здесь считали, что правительство в Москве уже не располагает реальными силами и следует договариваться с Самозванцем. Однако это были весьма непрочные успехи, так как посольства явно отправились в дорогу, когда в городах еще не знали о подписании августовского договора, и поэтому их позиция могла измениться. Эти успехи не могли ослабить зависимость Лжедмитрия II от польско-литовского войска, а на это войско заключение августовского договора не могло не оказать влияния. Уже после начала смоленского похода Сигизмунда III ротмистры

и солдаты войска, первоначально отнесшиеся резко отрицательно к действиям короля, стали постепенно склоняться к тому, чтобы перейти на королевскую службу, если король вознаградит их за «заслуги» и даст какое-либо владение (имелась в виду Северская земля) Лжедмитрию II. После заключения августовского договора эти настроения должны были усилиться, так как теперь у Лжедмитрия II явно не было реальных возможностей занять Москву и завладеть царской казной. В «коле» обсуждался вопрос, искать ли соглашения с королем или уйти с Лжедмитрием II на юг⁵⁴.

Тем временем С. Жолкевский принял решение демонстрацией силы (а если понадобится, и военными действиями) принудить войско Я. П. Сапеги к заключению необходимого соглашения. К лагерю Я. П. Сапеги неожиданно подступила армия Жолкевского, к которой присоединились вышедшие из Москвы русские войска. Некоторое время войска двух гетманов стояли друг против друга, а затем начались переговоры. Демонстрация силы подействовала, в сапежинском войске перевес взяли те, кто хотел соглашения с королем. От имени короля С. Жолкевский обещал, что войско получит от Сигизмунда III вознаграждение, а Самозванец — Самбор или Гродно во владение⁵⁵. В итоге 27 августа/6 сентября «генеральное коло» решило «контракты с его милостью паном гетманом заключить и царя его милость к тому приводить, чтобы с его милостью паном гетманом контракты заключал»⁵⁶. Дальше, однако, возникли трудности: Лжедмитрий II резко отказался вести переговоры с гетманом, заявив, что он предпочтет добывать кусок хлеба трудом у крестьянина, чем кормиться из рук короля⁵⁷.

Узнав об этом, гетман и бояре приняли решение захватить Лжедмитрия II в Николо-Угрешском монастыре, где он находился вместе с женой, направив к обители войско. Лжедмитрия II, однако, предупредили, и он поспешно бежал из монастыря на юг со своей свитой и частью русских приверженцев. Как сообщал гетман Сигизмунду III, помимо домашних слуг его и Марины на юг ушел лишь отряд из 500 человек, состоявший из детей боярских и донских казаков. Из польского войска никто за ним не последовал. Русские люди, оставшиеся в лагере Лжедмитрия II и в лагере Я. П. Сапеги, по оценке С. Жолкевского около 2,5 тысяч человек, принесли присягу королевичу Владиславу⁵⁸. Точность сообщения Жолкевского в определенной степени подтверждают данные другого источника — записи в дневнике похода Я. П. Сапеги. Так, в нем отмечено, что в ночь с 6 на 7 сентября русских

людей, находившихся в лагере Я. П. Сапеги, посетил Салтыков и от имени гетмана заверил их в его расположении⁵⁹, а 5/15 сентября приехавший из Москвы сын боярский Зубатый (видимо, из известного костромского рода) привел к присяге на имя королевича находившихся в том же лагере донских казаков⁶⁰.

В записках Жолкевского сохранилось сообщение об одном важном эпизоде, имевшем место после того, как русские служилые люди из войска Лжедмитрия II принесли присягу королевичу. Их верхушка, по выражению Жолкевского «бояре и лучшие паны московские», обратилась к гетману с просьбой, чтобы за ними сохранились думные чины, полученные ими от Самозванца. Гетман поддержал их просьбу и просил бояр в Москве принять их «по-братски», что, по его мнению, способствовало бы уходу и других служилых людей от Лжедмитрия II. Бояре ответили, что готовы принять их как заблудших братьев, но о признании за ними думных чинов не может быть и речи⁶¹. Хорошим комментарием к этому сообщению Жолкевского и свидетельством сильного раздражения знатных родов против «новых людей», пытающихся, пользуясь Смутой, проникнуть в ряды правящей элиты, могут служить высказывания боярина кн. В. В. Голицына на смоленских переговорах. Говоря о себе как о человеке, занимающем в Думе место, по праву принадлежавшее его предкам, князь, принадлежавший к одному из наиболее знатных аристократических родов, одновременно подчеркивал: «И не купленное было у нас боярство, и не за Москвою в бояре ставлены, и вору добра не искивали, и крест не целовали, и у вора не бывали, и ничего от него не хотели»⁶².

Исход этого эпизода достаточно ясно показывает, что после заключения августовского договора положение дел было далеко от того, чтобы гетман мог диктовать московским «чинам» свою волю.

Как представляется, наиболее важное значение этот эпизод имел именно для бывших сторонников Лжедмитрия II. Дело было не только в том, что, столкнувшись с отказом, часть его бывших думцев решила вернуться к своему государю⁶³. Еще более важно, что этот эпизод показал бывшим тушинцам, вернувшимся в Москву с армией С. Жолкевского, что только при поддержке Сигизмунда III они могут надеяться занять видное место в рядах русской правящей элиты.

Как бы то ни было, Лжедмитрий II бежал, его русское войско под Москвой распалось, связи его с польско-литовским войском оказались разорваны, и начались переговоры с гетманом об усло-

виях перехода сапежинцев на королевскую службу. Переговоры продолжались долго, но после обещаний (в том числе и письменных) гетмана и офицеров его армии поддержать их ходатайства перед королем 14/24 сентября бывшее польско-литовское войско Лжедмитрия II двинулось от Москвы «кормиться» в Северскую землю⁶⁴, где должно было столкнуться со служилыми людьми, сохранявшими верность Самозванцу.

Именно тогда, когда русской столице перестала угрожать серьезная внешняя опасность, члены Боярской думы поставили перед гетманом вопрос о необходимости размещения в Москве польско-литовского гарнизона.

На переговорах с русскими послами в 1615 г. уже после окончания Смуты Александр Госевский говорил о том, что членов Думы обеспокоили отъезды детей боярских к «вору», начавшиеся сразу после заключения августовского договора: на третий день бежал Михаил Богучаров «с товарищи», а через два дня за ним последовал Федор Чулков (один из членов тульской дворянской семьи?) «с товарищи»⁶⁵. Непонятно, чем могли напугать бояр отъезды нескольких детей боярских в условиях, когда армия Лжедмитрия II распалась, а в Москве находилось многочисленное дворянское войско.

Дело в том, что после заключения договора и ухода из-под Москвы Лжедмитрия II начался разъезд служилых людей из столицы. Как показано выше, основную массу дворянского войска составляли отряды детей боярских из западных уездов, занятых королевской армией, и юго-западных, занятых двигавшимися к Москве войсками Лжедмитрия II. И у одних, и у других появилась возможность вернуться в свои поместья. Смоленские стрельцы, вернувшиеся в Смоленск 7 сентября н. ст., сообщили, что смольнян, «дворян и детей боярских», отпустили из Москвы «тому ныне девятой день». Все они поехали к королю «бити челом... о поместьях», так как гетман обещал поддержать их ходатайства перед Сигизмундом III⁶⁶. Интересную параллель к этому свидетельству дает сохранившийся в одной из книг Литовской Метрики посланный королю гетманом Жолкевским список смоленских помещиков, принесших присягу королевичу Владиславу. В этот список внесено свыше 170 человек⁶⁷. Примеру смольнян последовали дети боярские других западных уездов.

Кроме того, большое количество детей боярских западных уездов отправилось под Смоленск в качестве вооруженного кон-

воя «великого» посольства — 755 смолян, 88 брянчан, 71 сын боярский из Зубцова, 60 рославцев⁶⁸. Наконец, большой военный отряд во главе с И. М. Салтыковым и Г. Валуевым был направлен на северо-запад, чтобы склонить население городов и уездов, державшихся ранее Лжедмитрия II, принести присягу королевичу Владиславу. Как видно из отписок И. М. Салтыкова, в отряд Г. Валуева входили дети боярские из Торопца, Великих Лук, Ржевы Пустой, Невеля, Пскова, Белой⁶⁹ — бывшие сторонники Василия Шуйского, у которых также появился шанс вернуться в старые поместья. Кроме того, гетман отправил на родину большую часть отрядов иностранных наемников, находившихся на царской службе, выплатив им жалование из казны⁷⁰.

Необходимо было также продолжать военные действия против Лжедмитрия II, чтобы не дать ему возможности закрепиться на землях русского юга. Как сообщал Жолкевский Сигизмунду III, сразу после бегства Самозванца он говорил боярам, что необходимо скорее послать войска, чтобы занять Калугу и другие города. Для участия в таком походе он был готов выделить 3-тысячный отряд⁷¹.

Как говорил позднее гетман на переговорах под Смоленском, вместе с поляками на юг должно было отправиться русское войско во главе с боярами кн. Иваном Михайловичем Ворогынским и Иваном Никитичем Романовым и окольниковым Семеном Васильевичем Головиным⁷². Судя по высокому рангу военачальников, с ними в поход должно было отправиться весьма значительное по размерам войско.

Именно в этой ситуации члены Боярской думы стали проявлять беспокойство о том, что будет происходить в столице, где среди посадского населения есть сторонники Лжедмитрия II, когда в ней совсем не останется военных сил. По свидетельству «Нового летописца», эти опасения искусственно разжигали члены «синклита», связанные с королем Сигизмундом⁷³. Как вспоминал на переговорах в 1615 г. Александр Госевский, к гетману «в полки» прибыли члены Боярской думы, а с ними дети боярские и «гости и торговые люди», и просили, «штыбы гетман с войском шол стояти в Москву и вместе с бояры того оберегал, чтоб люди московские не шатнулисе к вору калужскому, а иных бы людей воинских вместе с воеводами и с ратными людьми московскими слал под Калугу над вором промышляти»⁷⁴. Как видим, и из этих высказываний ясно, что вопрос о вступлении польского

войска в Москву был поднят в связи с планами организации большого похода на Калугу.

Для Жолкевского, разумеется, было выгодно, чтобы польско-литовское войско находилось в центре России и уже своим присутствием оказывало влияние на происходившие там события, но размещать войско в самом городе казалось ему опасным. В случае возникновения конфликта войско, состоявшее из конницы, непривычной к пешему бою, в среде враждебного населения могло бы оказаться в тяжелом положении⁷⁵. Поэтому первоначально было принято решение четырехтысячный польско-литовский корпус «положить в Девиче монастыре и по слободах, а в Москву их не вводить»⁷⁶. Но патриарх не согласился на размещение войска в женском монастыре.

После этого, согласно рассказу А. Госевского, бояре на встрече с патриархом стали настаивать на размещении войска в Москве. Особенно, по его словам, настаивал на вводе войска И. Н. Романов, даже заявивший: «А ныне, только гетман пойдет с войском прочь от столицы, и нам идти за ним, а голов наших не выдати вору». В итоге, после того как были составлены «статьи», определявшие порядок отношений королевской армии с населением, патриарх дал согласие на вступление польского корпуса в Москву⁷⁷.

Существенно по-иному описывают обстоятельства, при которых произошел ввод польских войск в Москву, современные событиям польские источники. Это присланное Жолкевским сообщение из Москвы⁷⁸, вошедшее в дневник похода Сигизмунда III⁷⁹, и письмо Яна Гридича Льву Сапеге от 7 октября⁸⁰. Ряд важных деталей можно обнаружить в материалах, подготовленных для переговоров 1615 г. русской стороной.

Согласно первому из этих источников, когда 26 сентября А. Госевский приехал в Москву, чтобы договориться с боярами о выделении домов для размещения войска, какой-то монах ударил в колокол, созывая горожан, с криком, что в город вступает польское войско. Этот призыв, очевидно, встретил такой отклик у жителей московского посада, что «были в страхе бояре сами и пришли сразу к его милости пану гетману, чтобы еще с этим (т. е. вводом войска) до третьего дня задержаться». Очевидно, что в отличие от членов Думы население Москвы видело в польско-литовском войске чужую, враждебную силу, вовсе не хотело видеть его в городских стенах, и бояре были вынуждены с этим считаться. Как увидим далее, против ввода войск в Москву выступали не только посадские люди.

Новое, еще более серьезное столкновение на этой почве произошло 1 октября, когда против ввода войск выступил патриарх; созвав большое собрание горожан и служилых людей⁸¹, он резко выступил на нем не только против ввода войск, но и против всей политики, приведшей к заключению августовского договора. Наиболее подробно высказывания патриарха переданы в письме Гридича. Патриарх призывал не верить обещаниям польско-литовской стороны, «так как народ литовский никогда не соблюдал слова, данного Москве, всегда был ее врагом». Конкретным примером этого являются действия гетмана. Он позволил «вору» уйти из-под Москвы и не предпринимает против него никаких действий. Русское войско высылают против Лжедмитрия II, а польское войско хочет тем временем войти в столицу. Патриарх призывал закрыться в городе и силой не допускать туда гетмана и его войско.

При низложении Шуйского, а затем при заключении августовского договора политические решения были приняты московскими «чинами» несмотря на противодействие патриарха, с мнением которого не посчитались и которого довольно грубо поставили на место. Однако за сравнительно недолгое время, прошедшее с момента подписания договора, в настроениях горожан и находившихся в Москве служилых людей стали происходить перемены, способствовавшие усилению позиции патриарха. Доводы патриарха, по-видимому, встретили такой отклик со стороны участников собрания, что он счел возможным потребовать от членов Боярской думы, чтобы они явились к нему, а когда те отказались, ссылаясь на то, что заняты «государским делом», патриарх заявил, что тогда он сам придет к ним со всеми участниками собрания. Бояре были вынуждены явиться и в течение двух часов опровергали доводы патриарха. На помощь боярам поспешил А. Говсевский, сообщивший через кн. Василия Черкасского⁸², кто будет командовать войском, посланным под Калугу, и обещавший, что это войско будет отправлено в ближайшие дни.

После этого настроения участников собрания изменились, и бояре воспользовались этим, чтобы снова в достаточно грубой форме поставить патриарха на место: «расходясь, то сказали патриарху, чтобы смотрел за порядком в церквях, а в земские дела не вдавался, так как перед тем никогда того не бывало, чтобы попы государскими делами распоряжались». Однако о единодушном одобрении действий бояр говорить не приходится, так как в сообщении Жолкевского указывается, что четырех человек бояре

приказали посадить в тюрьму, а на следующий день Михаил Глеб. Салтыков, кн. Голицын (Иван или Андрей Вас.), Федор Ив. Шереметев и дьяк Иван Тарасьевич Грамотин специально объезжали «бунтовщиков», «громя» их и «напоминая»⁸³. В этих четырех лицах и следует, вероятно, видеть тех неназванных членов «синклита», которые, по свидетельству «Нового летописца», особенно активно добивались введения в Москву польского гарнизона.

Все это показывает, что, несмотря на принятие московскими «чинами» важного решения об избрании польского принца на русский трон, у них в полной мере сохранялось осторожное, подозрительное отношение к стоявшим под Москвой «литовским людям». Ничего удивительного в этом нет, так как само это решение и принималось для того, чтобы польско-литовские войска ушли с русской территории. Лишь надежды на то, что с помощью этих войск удастся избавиться от «вора», заставляла московские «чины» мириться с присутствием королевской армии под Москвой. При появлении осложнений эта настороженность сразу же проявилась. Правда, боярам удалось овладеть ситуацией, но их успех был непрочным, тем более что обещание выслать польско-литовские войска под Калугу так и не было, как увидим далее, выполнено.

В своем труде о Смуте С. Ф. Платонов подчеркивал негативные последствия решения Боярской думы. В результате, по его мнению, «не бояре стали владеть делами в Москве, а то войско, из которого они думали создать себе опору и орудие»⁸⁴. Действительно, со вступлением польского войска в Москву его роль, его возможность влиять на события, происходившие в русской столице, значительно возросли. Тем более что одновременно С. Жолкевский добился у Боярской думы назначения А. Госевского начальником Стрелецкого приказа⁸⁵. Так, лучшие пехотные части русской армии — полки московских стрельцов — оказались в прямом подчинении у иноземного начальника. С. Ф. Платонов был прав, утверждая, что польско-литовская армия в Москве «служила, конечно, не московским боярам, а своей родине и собственным интересам»⁸⁶. Роль, которую могло сыграть войско, зависела от того, в чем заключались его «собственные интересы». В сентябре-октябре 1610 г. во главе армии стоял гетман С. Жолкевский, стремившийся возвести польского принца на русский трон, сотрудничая с русским обществом, а войско, как увидим далее, поддерживало в этом гетмана.

Как отмечалось выше, решение об избрании Владислава было принято Боярской думой, населением Москвы и находившимися

в столице дворянскими отрядами, и последующие месяцы должны были показать, как отнесутся к этому решению другие города, подчинившиеся московскому правительству.

Сразу после принятия решения об избрании Владислава началась рассылка по городам грамот с сообщением о принятом решении, к грамотам прилагался текст августовского договора и текст присяги новому государю⁸⁷.

В октябре С. Жолкевский уже мог сообщить Сигизмунду III о первых результатах этой деятельности. К этому времени принесли присягу многие города Замосковского края — Владимир, Кострома, Ярославль, Переславль, Ростов, Суздаль, Углич, Кашин, на севере — Вологда, Белоозеро, Тотьма, на Оке — Касимов, Коломна, Нижний Новгород. Из Казани и Астрахани ответа еще не было⁸⁸. Особое внимание московское правительство уделяло признанию нового государя на северо-западе, где значительная часть территории продолжала считать своим государем Лжедмитрия II⁸⁹. Как уже отмечалось выше, в сентябре 1610 г. туда был направлен целый военный корпус во главе с И. М. Салтыковым и Г. Валуевым. Из отписок И. М. Салтыкова Сигизмунду III можно узнать, как происходило признание новой власти в этом регионе. Дело оказалось нелегким. Когда И. М. Салтыков в конце сентября пошел к Новгороду, митрополит и духовенство выразили готовность «поминать» на богослужениях Владислава, но новгородский посад отказался присягать ему до того, как вернутся посланные в Москву челобитчики и «список с утвержденные записи привезут». Лишь после возвращения челобитчиков они выразили готовность принести присягу и впустить И. М. Салтыкова в Новгород. Однако по требованию новгородских горожан он должен был целовать крест, что он войдет в Новгород лишь «с ратными с рускими людьми, а литовских никаких людей в город не пустить»⁹⁰. Таким образом, отношение к «литовским людям» несколько не улучшилось после подписания августовского договора. От этого соглашения новгородцы, как и московские «чины», ожидали как можно более быстрого вывода польско-литовских войск с русской территории.

Задачей другого воеводы, Г. Валуева, было добиться принесения присяги населением западной части Новгородской земли. В Торжке к середине октября ему удалось добиться успеха: воевода Александр Чеглоков и все население присягнуло Владиславу. Дальше, однако, возникли трудности. Добиться таким же путем мирного

подчинения Великих Лук — главного опорного пункта сторонников Лжедмитрия II в регионе — не удалось. Как сообщал в Новгород Г. Валуев, «на Луках... воруят и крепятца». 14 октября он направился «с нарядом» к этому городу⁹¹, но лишь к концу декабря ему удалось им овладеть⁹². В Псков также была направлена «грамота... от Еромогена патриарха и от всех московских бояр больших», и сюда же И. М. Салтыков направил воеводу Корнилу Чеглокова с военным отрядом, но все ограничилось переговорами, и псковичи «креста не целовали королевичу»⁹³.

Одну из причин упорства, с которым жители некоторых городов северо-запада России отказывались присягать Владиславу, указал сам И. М. Салтыков в своей отписке. Несмотря на заключение августовского договора, по западным уездам страны ходили польско-литовские отряды, которые вели себя так, как в завоеванной земле. «Великие» послы писали с дороги о продолжающемся разорении уездов Ржевы и Зубцова, об осаде одним из таких отрядов Осташкова⁹⁴. Не лучше обстояло дело и в тех уездах, где действовал И. М. Салтыков: Торопецкий уезд разоряли какие-то «ротмистры», в Старой Русе чинил насилия «полковник козатцкой Лаврин Руднитцкой». «И слыша, государь, — писал И. М. Салтыков королю, — про их такое разоренье, Луки Великие и Невль хотят от них сидети в осаде». И. М. Салтыков просил короля вывести войска с этих территорий, выражая надежду, что после этого «воровская смута» на западе страны прекратится⁹⁵.

Из отписок И. М. Салтыкова хорошо видно, что решения о присяге Владиславу жителями Торопца и Новгорода были приняты не вполне добровольно: под Торопцом во время принятия решения стоял Г. Валуев с целым военным корпусом, под Новгородом с И. М. Салтыковым был большой отряд присягнувших Владиславу еще до заключения августовского договора детей боярских Бежецкой пятины⁹⁶.

Эти наблюдения, однако, нет оснований относить к тем замосковным, северным и приокским городам, которые, по сведениям Жолкевского, в сентябре-октябре 1610 г. присягнули Владиславу. У московского правительства просто не было военных сил, чтобы посылать их в каждый из этих городов. Более того, в нашем распоряжении имеются данные об активной поддержке в эти месяцы местным дворянским войском московского правительства. Так, в конце сентября н. ст. Прокопий Ляпунов осадил и заставил капитулировать Пронск — один из главных опорных пунктов сторон-

ников Лжедмитрия II в Рязанской земле. 1 октября н. ст. воевода Мирон Андр. Вельяминов, по приказу из Москвы собрав войско, разбил «воровских людей» и занял город Шацк⁹⁷.

Принесение присяги означало, что население этих городов и уездов (прежде всего социальные верхи, полномочные принимать соответствующие решения) одобрило условия соглашения, выработанные при участии московских «чинов». Это был несомненный успех, особенно если принять во внимание, что совсем недавно ряд городов Замосковского края целовал крест Лжедмитрию II⁹⁸. Это был успех не только московских «чинов», но и другой стороны, заключившей договор — гетмана Жолкевского, курс которого на возведение польского принца на русский трон путем соглашения с русским обществом получил поддержку этого общества. Вместе с тем С. Жолкевский понимал, что достигнутый успех окажется непрочным, если он не будет закреплен выработкой на переговорах под Смоленском соглашения, отвечающего интересам русского общества, и быстрым приездом в Москву нового государя. Одновременно гетман, как он сам отметил позднее в своих записках, ознакомившись с инструкциями, данными Ф. Андронову и А. Госевскому, был серьезно обеспокоен проявившимся в них стремлением добиться перехода власти над Россией в руки Сигизмунда III. Опыт, приобретенный к тому времени в контактах с представителями разных кругов русского общества, привел этого полководца и политика к убеждению, что «люди народу московского» никоим образом не согласятся на такое решение. Если б стало известно о таких намерениях короля, то это, по его мнению, привело бы «к большим волнениям и затруднению всех дел»⁹⁹. Гетману ничего не оставалось, как ехать в королевскую ставку и отстаивать правильность выбранной политической линии. На стороне гетмана стояло войско. Находясь в центре огромной чужой страны, вдали от родины, в окружении отнюдь не дружественного и с большой настороженностью наблюдавшего за пришельцами населения, офицеры и солдаты королевской армии, вероятно, стихийно ощущали нереальность королевских планов и уже поэтому поддерживали гетмана. Как записал позднее один из офицеров королевской армии М. Мархоцкий, когда войско стало возражать против его отъезда, гетман прямо заявил: «Если я не поеду, королевич к вам не приедет». «И, — писал далее М. Мархоцкий, — согласились мы на его отъезд, а иначе его бы не отпустили»¹⁰⁰.

Как вспоминали на переговорах 1615 г. представители Речи Посполитой, при отъезде гетмана из Москвы в конце октября н. ст. ¹⁰¹, его провожала Боярская дума во главе с Ф. И. Мстиславским, проститься с гетманом высыпало на улицы население Москвы ¹⁰². В этом находили свое отражение надежды, что гетман сумеет добиться одобрения королем и сенаторами условий, предложенных ему московскими «чинами».

Как рассказывает С. Жолкевский в своих записках, его перед отъездом посетил князь Ф. И. Мстиславский, «a z nim pod sto boiar przedniejszych». Они просили, чтобы король как можно скорее ехал на сейм, чтобы утвердить там условия соглашения, выработанные вместе с русскими послами под Смоленском, и сразу после сейма доставил в Москву королевича Владислава, их нового государя. «Так как знаем, — говорили они, — что из-за молодости королевич не смог бы совладать со столь важными делами, то пусть бы король его милость до его зрелых лет управляет государством» ¹⁰³.

В чем смысл этого выступления, которое как будто противоречит заявлениям самого гетмана, что русские люди никогда не согласятся на передачу власти над Россией в руки Сигизмунда III ¹⁰⁴? Во-первых, стоит отметить, что гетман, весьма точный в своих определениях, не говорит о том, что к нему официально обратилась с такими предложениями Боярская дума как высший орган власти в государстве. В кн. Ф. И. Мстиславском и сопровождавших его лицах следует видеть тех представителей политической элиты русского общества, которым А. Госевский должен был «тонко и тихо» дать знать о намерениях короля ¹⁰⁵. Их выступление, вероятно, и следует рассматривать как реакцию на услышанное. В. Поляк обратил внимание на то, что эти люди соглашались на временное (до совершеннолетия принца) правление Сигизмунда III. Однако они выставляли при этом определенные требования: принятие условий, предложенных во время августовских переговоров, и приезд принца в Москву. Это, как представляется, была попытка группировки во главе с Ф. И. Мстиславским нащупать почву для возможного соглашения с королем. Это были взгляды одной, сравнительно небольшой группировки, и при общей оценке положения гетман мог не принимать их во внимание.

9 ноября н. ст. состоялся торжественный въезд гетмана в королевский лагерь под Смоленском ¹⁰⁶.

В своих записках гетман привел ряд доводов, которыми он пытался убедить короля в правильности избранной им политиче-

ской линии. Следует, доказывал он, искать соглашения, идти навстречу пожеланиям русского общества («z inklinacją narodu tego... zgodzić»). Если бы инструкции, которые дал А. Госевскому Сигизмунд III, стали бы известны русским людям, то «отступился бы, конечно, тот народ (от Владислава. — Б. Ф.) и кого-нибудь иного взяли себе государем». Началась бы новая война, а войско не стало бы ее вести, не получая жалования.

Указал гетман и на те выгоды, которые принесет избрание Владислава на русский трон и Речи Посполитой, и самой королевской династии. Избрание Владислава обеспечило бы в будущем его вступление и на польский трон, открывались бы новые возможности и для возвращения Швеции под власть польской ветви династии Ваза ¹⁰⁷.

В этих аргументах, важных самих по себе, для короля не было ничего нового. Все они были приведены в первой части «Рассуждения» и там же были опровергнуты с помощью убедительных для монарха доводов. Неудивительно, что «закрыты были уши короля его милости для убеждений гетмана» ¹⁰⁸. На переговорах под Смоленском, как увидим далее, гетман, следуя возложенным на него обязанностям, выступил как участник осуществления планов, противником которых он был в действительности.

Отъезд Жолкевского из Москвы стал важной вехой в истории контактов русского общества с властями Речи Посполитой, так как именно после этого приверженцы совсем иной политической линии получили свободу действий в самом центре Русского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Опубликовано в издании: *Голиков И. И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. М., 1790. Т. 2.
2. Ср.: Там же. С. 121–122 и Сб. РИО. Т. 142. С. 204; *Голиков И. И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. С. 123, 124 и Сб. РИО. Т. 142. С. 205, 207.
3. См., например, указание, что о разрешении отправить гонца в Москву гетман уведомил послов через своего племянника (*Голиков И. И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. С. 119), или сообщение, что на встрече 18 ноября по болезни отсутствовал митрополит (Там же. С. 120).
4. Там же. С. 32–34.
5. Там же. С. 34–35.
6. Там же. С. 37.
7. Текст посольских речей, зачитанных на приеме, см.: *Racz. Rkp.* 33. К. 226^v–228.

8. Голиков И. И. Дополнения к деяниям Петра Великого. С. 53–54.
9. Там же. С. 54, 56. См. также заявление сенаторов на заседании 23 октября: Там же. С. 77–78.
10. Там же. С. 69–73.
11. См. об этом подробнее в главе «Перед столкновением».
12. РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 507. Л. 843–843 об. См. также: *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 505.
13. Запись в дневнике похода под 26 сентября н. ст.: *Diariusz drogi króla JMci Zygmunta III od szczęśliwego wyjazdu z Wilna pod Smoleńsk w roku 1609 a die 18 Augusta, fortunnego powodzenia przez lat dwie do wzięcia zamku Smoleńska w roku 1611* / Опр. J. Byliński. Wrocław, 1999. S. 186.
14. *Ibid.* S. 166.
15. Я. Задзик — В. Гембицкому, 24 июля 1610 г.: *Riksarkivet Stockholm. Extranea IX. Polen. № 105*; Я. Задзик — Ш. Рудницкому, 24 июля 1610 г.: *Czart. Rkp. 342. K. 767*.
16. См.: Смутное время Московского государства. Вып. 6: Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг. / Под ред. и с предисл. Ю. В. Готье. М., 1912. № 149, 158; *Diariusz drogi...* S. 171. Подробнее об этом: *Мальцев В. П.* Борьба за Смоленск. Смоленск, 1940. С. 308–310.
17. Памятники обороны Смоленска... № 193.
18. *Czart. Rkp. 106. K. 169*. См. также в «Новом летописце», что М. Б. Шеин «с архиепископом бяше в розни для того, что архиепископ хотяше город здати королю»: ПСРЛ. Т. 14. С. 103.
19. *Diariusz drogi...* S. 167.
20. *Żółkiewski S.* Początek i progres wojny Moskiewskiej / Опр. J. Maciszewski. Warszawa, 1966. S. 171.
21. Я. Задзик — В. Гембицкому, 17 июля 1610 г.: *Riksarkivet Stockholm. Extranea IX. Polen. № 105*.
22. П. Стабровский — К. Радзивиллу, 20 июля 1610 г.: *Archiwum Radziwiłłów. Dz. 5. № 14931*.
23. *Diariusz drogi...* S. 167–169; *Żółkiewski S.* Początek... S. 171–173.
24. 7 августа Лев Сапега писал жене, что послал вести переговоры одного из русских служилых людей, «но как только стал говорить о Шуйском, что его в чернецы постригли, сразу начали в него стрелять и едва его не убили»: *Prochaska A.* Wyprawa na Smoleńsk (Z listów litewskiego kanclerza r. 1609–1611) // *Kwartalnik litewski.* 1911. S. 70.
25. Я. Задзик — В. Гембицкому, 14 августа 1610 г.: *Riksarkivet Stockholm. Extranea IX. Polen. № 105*.
26. *Prochaska A.* Wyprawa... S. 70.
27. *Diariusz drogi...* S. 173–175. Здесь же помещен длинный перечень убитых и раненых во время штурма (*Ibid.* S. 175–180).

28. Письмо Кр. Радзивилла брату Янушу от 16 сентября 1610 г.: *Archiwum Radziwiłłów. Dz. 4: Listy K. Radziwiłła. T. 22. Korp. 299.*
29. *Цветаев Д. В.* К истории Смутного времени. Собрание документов. М.; Варшава, 1910. Вып. 1. № 10. С. 18.
30. *Diariusz drogi...* S. 183.
31. *Czart. Rkp. 105. № 40. S. 165.* Им же названы имена гонцов, доставивших грамоту.
32. *Diariusz drogi...* S. 183.
33. *Ibid.* S. 183–184.
34. *Prochaska A. Wyprawa...* S. 72.
35. *Diariusz drogi...* S. 184.
36. *Ibid.* S. 184–185.
37. *Ibid.* S. 186–187.
38. *Голиков И. И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. С. 62. Вместе с тем в королевском лагере послы были в изоляции и не могли общаться с находившимися там смоленскими помещиками (Там же. С. 178).
39. См. их заявление на встрече 20 октября: Там же. С. 74.
40. Там же. С. 54, 59–60.
41. Там же. С. 63.
42. Там же. С. 63, 66, 69.
43. Там же. С. 69.
44. АИ. Т. 2. № 291.
45. Там же. № 298.
46. *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1899. С. 464.
47. СГТИД. Ч. 2. № 199. С. 397.
48. После заключения договора он писал Сигизмунду III: «И постоянно слежу за тем, чтобы тех, которых они хотят, чтобы ваша королевская милость уничтожила, не раньше уничтожать, чем узнаю их искренность» (*Цветаев Д. В.* К истории... № 10. С. 18).
49. Донесение С. Жолкевского Сигизмунду III от 28 августа/7 сентября 1610 г.: Там же. № 11. С. 19.
50. *Moskwa w rękach polaków. Pamiętniki dowódców i oficerów garnizonu polskiego w Moskwie w latach 1610–1612.* Kraków, 1995. S. 337.
51. *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 505.
52. *Moskwa w rękach...* S. 336.
53. *Ibid.* S. 337.
54. *Ibid.*
55. См. описание событий в источниках обеих сторон — донесении Жолкевского (*Цветаев Д. В.* К истории... № 11. С. 19–20) и дневнике похода Я. П. Сапеги (*Moskwa w rękach...* S. 337–339). См. также: *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 506–507.

56. Moskwa w rękach... S. 339.
57. Ibid.
58. *Цветаев Д. В.* К истории... № 11. С. 21.
59. Moskwa w rękach... S. 340.
60. Ibid. S. 342.
61. *Żółkiewski S.* Początek... S. 159–160.
62. *Голиков И. И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. С. 167.
63. *Żółkiewski S.* Początek... S. 160.
64. *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 510–511.
65. АЗР. Т. 4. № 209. С. 476.
66. АИ. Т. 2. № 290. См. также в письме Л. Сапеги жене о приезде в королевский лагерь большой группы смольнян из Москвы 10/20 сентября: *Prochaska A.* Wyrpawa... S. 72.
67. РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 507. Л. 837а–842.
68. Сб. РИО. Т. 142. С. 184.
69. Там же. С. 118.
70. *Żółkiewski S.* Początek... S. 166.
71. *Цветаев Д. В.* К истории... № 11. С. 21.
72. *Голиков И. И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. С. 106.
73. ПСРЛ. Т. 14. С. 102.
74. АЗР. № 209. С. 476.
75. О сомнениях гетмана см. в записках офицера его армии М. Мархоцкого: *Moskwa w rękach...* S. 79–80.
76. АЗР. № 209. С. 477.
77. Там же.
78. Его текст см.: *Racz. Rkp.* 33. К. 253–254.
79. *Diariusz drogi...* S. 188–190.
80. Кóгн. 1709. К. 283–283^v.
81. Как отмечено в материалах, подготовленных для переговоров 1615 г. под Смоленском, «о том приходили к Гермогену патриарху Одоевские, Долгорукие, Борятинские и Пушкины и иные многие дворяне» (РГАДА. Ф. 79, Кн. 30. Л. 183 об.).
82. Вероятно, имеется в виду стольник кн. Василий Петрович Ахамашуков-Черкасский.
83. Как отмечено в материалах для переговоров под Смоленском в 1615 г., при этом «многих дворян честных людей и детей боярских били и бесчестили, за приставов давали и в тюрьмы посылали» (РГАДА. Ф. 79. Кн. 30. Л. 128–128 об.).
84. *Платонов С. Ф.* Очерки... С. 464.
85. *Żółkiewski S.* Początek... S. 166–167.

86. Платонов С. Ф. Очерки... С. 465.
87. См. грамоты в Пермь от 19 августа (ААЭ. Т. 2. № 164), в Казань от 30 августа (Там же. № 165).
88. *Diariusz drogi*... S. 191. 19 ноября 1611 г. в Казани разъезд поместных земель производился «по государеву, цареву и великого князя Владислава Жигимонтовича всеа Русии указу»: Центральная Научная библиотека Академии Наук Литвы. Ф. 16. № 17. Л. 1.
89. Как отмечалось в дневнике похода Я. П. Сапеги, еще 25 августа н. ст. он принимал в своем лагере под Москвой гонцов из Великих Лук, Пскова и Ивангорода (*Moskwa w rękach*... S. 335).
90. Сб. РИО. Т. 142. С. 115–117.
91. Там же. С. 118.
92. Псковские летописи / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955. Вып. 2. С. 275.
93. Там же. С. 273–274; Сб. РИО. Т. 142. С. 122.
94. Голиков И. И. Дополнения к деяниям Петра Великого. С. 34.
95. Сб. РИО. Т. 142. С. 119–122.
96. Там же. С. 117. Дети боярские принесли присягу 17 августа перед «паном» О. Премиславским и И. Ярцевым, которых прислали к ним воеводы Торжка (Там же. С. 82–83).
97. *Diariusz drogi*... S. 195; *Станиславский А. Л.* Челобитная Вельяминовых — источник по истории России начала XVII в. // Советские архивы. 1983. № 2. С. 37.
98. Еще через два дня после подписания августовского договора Самозванец принимал «челобитные» от жителей Владимира, Суздаля, Галича и Юрьева: *Moskwa w rękach*... S. 336.
99. *Żółkiewski S.* Początek... S. 168.
100. *Moskwa w rękach*... S. 82.
101. О дате отъезда см.: *Polak W.* O Kreml i Smoleńszczyznę. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607–1612. Toruń, 1995. S. 211.
102. *Żółkiewski S.* Początek... S. 171.
103. *Ibid.* S. 170.
104. На это обратил внимание В. Поляк: *Polak W.* O Kreml... S. 211.
105. См. инструкции Сигизмунда III А. Госевскому и Ф. Андронову: *Цветаев Д. В.* К истории... № 13. С. 24.
106. *Diariusz drogi*... S. 193.
107. *Żółkiewski S.* Początek... S. 177–179.
108. *Ibid.* S. 179.

МОСКОВСКИЕ УСПЕХИ СИГИЗМУНДА III

Главной фигурой в осуществлении планов, которые должны были привести к передаче власти над Россией Сигизмунду III, стал Александр Госевский, которого с этой целью король, как уже отмечалось выше, направил в Москву еще до заключения августовского договора. Александр Госевский, староста пограничного Велижа и одновременно сотрудник королевской канцелярии, затем королевский секретарь, именно в эти годы стал делать карьеру, которая в конце концов привела его в ряды литовских магнатов¹. 13 августа 1610 г. он получил высокий пост референдаря Великого княжества Литовского², что, несомненно, говорит о расположении к нему монарха.

В грамоте 1617 г. на Пунскую державу, составленную, когда А. Госевский стал уже писарем Великого княжества Литовского, т. е. явно при участии самого заинтересованного лица, в перечне его заслуг указывалось, что, когда его послали в Москву, «строптивость народу московского он осмотрительной скромностью... предусмотрительно и умело умерял и сдерживал... своими уговорами, гуманностью и благоразумными поступками смягчал обычную ненависть этого чужого и невежественного народа к народу польскому и литовскому в его коварных замыслах», но не его вина, что его «разумные советы не могли смягчить бесчеловечности и обычаев московских»³. Однако в противоречии с этой идеальной автохарактеристикой донесение из Великих Лук, подробно проанализированное в одном из предшествующих разделов работы, которое А. Госевский написал в самом начале его деятельности в годы Смуты, рисует велижского старосту как жесткого и циничного политика, который, зная, что истинные цели, которые

преследуют его начальники, не соответствуют устремлениям и желаниям русских людей, готов их сознательно вводить в заблуждение, обманывать, чтобы достичь поставленных целей.

Одной из задач, поставленных перед Госевским, было, как уже отмечалось, искать в Москве опору для политики короля в кругу приверженцев Мстиславского, привлекая их обещаниями пожалований. Однако еще бóльшая роль в осуществлении этих планов отводилась находившимся в королевском лагере бывшим сторонникам Лжедмитрия II, участвовавшим в заключении февральского договора. Отношения короля Сигизмунда III и его окружения с этой группой людей на протяжении весны-лета 1610 г. пережили определенную эволюцию. Еще в феврале 1610 г. глава этой группы людей — боярин М. Г. Салтыков, о чем говорилось в одном из предшествующих разделов работы, доказывал, что русское общество может принять Владислава, но не согласится подчиниться власти Сигизмунда III. Теперь этот круг людей уже был готов содействовать планам передачи власти над Россией в руки короля. Очевидно, к этому времени у них уже сложилось убеждение, что лишь при поддержке короля они смогли бы занять видное место в рядах русской политической элиты.

О роли, которая отводилась этим людям в осуществлении королевских планов, говорит уже тот факт, что именно один из них, Федор Андронов, был отправлен с королевскими инструкциями в Москву за несколько дней до отъезда туда А. Госевского. Хотя М. Г. Салтыков отзывался о нем с презрением как о «простом» человеке («отец его в Погорелом городище торговал лаптями»⁴), этот уроженец Погорелого городища был в действительности богатым купцом, который вел крупные дела и породнился с рядом московских гостей; при Борисе Годунове его взяли в гостиную сотню⁵. Видимо, тогда он узнал, какие возможности для обогащения может принести обладание постами в государственном аппарате, и затем постарался воспользоваться теми возможностями для административной карьеры, которые открылись перед ним в бурные годы Смуты. При Лжедмитрии II он сумел возглавить Приказ Большого Прихода, ведавший сбором основных государственных доходов в царскую казну⁶. С первым бегством Самозванца в Калугу он этот пост утратил и рассчитывал вернуться к управлению русскими финансами с помощью Сигизмунда III.

Ф. Андронов прибыл в Москву за несколько дней до заключения августовского договора и после подписания соглашения на-

правил литовскому канцлеру Льву Сапеге письмо с советами, как следует действовать в сложившейся ситуации. Он признавал, что при настроениях населения Москвы («мало их, кто бы бунтовщиком не был») можно было заключить только такой договор, какой заключил гетман. Однако к этому документу не следует относиться серьезно, его подписание следует использовать для организации в Москве перемен, благоприятных лишь для королевских планов.

Польские войска, по его мнению, следовало удержать под Москвой, к ним русские «слуги его королевской милости» должны присоединить организованную ими военную силу — «колко тысяч стрелцов и казаков» «для бунтовства», т. е. подавления возможных беспорядков. Следовало бы также принять меры для устранения из Москвы всех тех «бунтовщиков», которые могли бы оказать противодействие осуществлению королевских планов, прежде всего наиболее ревностных сторонников царя Василия («которые туту были при Шуйском и болши броили, нежели сам Шуйский»). Особенно важным делом он считал смену руководства в приказах, чтобы там сидели люди, «которые бы его королевскому величеству прямили, а не Шуйского похлебцы». Все эти перемены создали бы благоприятные условия для прибытия в Москву Сигизмунда III ⁷. Возможно, приложением к этому письму служил опубликованный недавно И. О. Тюменцевым список наиболее ревностных сторонников Василия Шуйского из числа членов Боярской думы, высших чинов «государева двора» и дьяков, сидевших в приказах, «Московского государства ушники, которые Московское государство в разоренье и в смуту привели при князи Василье Шуйском» ⁸. С этими же планами «чистки» связан, вероятно, и сохранившийся в одной из книг Литовской Метрики список из 39 смоленских помещиков («Imiona dzieci boiarskich, ktory z ks. Wasilem i z Michalem w radzie byli» ⁹. Общий смысл советов очевиден: осуществление королевских планов в них тесно связывалось с возвышением того круга бывших сторонников Лжедмитрия II, к которому принадлежал сам Ф. Андронов.

В заключение письма Ф. Андронов просил пожаловать Степана Соловецкого, как и он, бывшего дьяка Лжедмитрия «из торговых мужиков» ¹⁰. В дневнике похода Сигизмунда III Степан Соловецкий упоминается как человек, прибывший 3 сентября н. ст. в королевский лагерь с сообщением о заключении августовского договора и об отправке из Москвы к королю «великих» послов ¹¹. Очевидно, С. Соловецкий и привез с собой письмо Ф. Андропова.

К тому времени, когда С. Соловецкий выезжал из Москвы, там помимо Андропова появилась целая группа знатных тушинцев. Вместе с армией С. Жолкевского пришел под Москву Иван Мих. Салтыков. Затем, как следует из письма Сигизмунда III С. Жолкевскому, написанного в начале сентября 1610 г., вместе с А. Госевским под Москву были отправлены «московские бояре», которые должны были своими советами помочь гетману при ведении переговоров¹², очевидно, имелись в виду наиболее знатные лица из числа бывших сторонников Лжедмитрия II, находившихся в смоленском лагере. Их имена можно узнать из рассказа «Нового летописца» о том, как после заключения августовского договора в Успенский собор пришли к патриарху и стали уговаривать его согласиться на избрание Владислава «богаотметьники Михайло Салтыков да князь Василей Масальской с товарищи». Таким образом, вместе с Госевским под Москву приехали действительно наиболее знатные среди бывших тушинцев — бояре М. Г. Салтыков и кн. В. М. Масальский. В рассказе далее упоминается тушинский окольныйничий Михаил Андр. Молчанов, которого патриарх велел выгнать из церкви как «еретика». В том же рассказе упоминается еще ряд людей, которые впоследствии, по пророчеству патриарха, умерли «злой смертью», — тушинский окольныйничий кн. Федор Фед. Мещерский, Григорий Кологривов и тушинский дьяк Василий Юрьев¹³. В сообщении Жолкевского о волнениях в Москве перед вступлением в нее польских войск упоминается как активный участник событий бывший думный дьяк Лжедмитрия II Иван Тарасьевич Грамотин¹⁴. Таким образом, сразу после подписания августовского договора в Москве появилась целая группа бывших приверженцев Лжедмитрия II, прежде всего из числа тушинской знати. Эти люди, как и Андронов, должны были изучать положение в Москве и давать свои советы королю. Как представляется, их посланцем был Михаил Молчанов, прибывший в королевский лагерь вместе со Степаном Соловецким¹⁵.

По-видимому, после обсуждения поступивших предложений в королевском лагере были приняты решения, получившие отражение в ряде документов, вышедших из королевской литовской канцелярии в начале 20-х чисел сентября н. ст. 1610 г. и в письме, которое 1 октября н. ст. король отправил А. Госевскому. В письме король выражал удовлетворение тем, что в Москве есть люди, которые хотят присягать королю и «говорят, что сделали бы это еще под столицей, если бы знали, что такова наша воля». При помощи

таких людей, писал король, «наше предприятие может быть доведено до конца»¹⁶.

Упоминание о людях, находившихся «под столицей» явно имеет в виду бывших сторонников Лжедмитрия II, некоторое время находившихся в военном лагере под стенами русской столицы. Круг этих людей, как установил уже С. Ф. Платонов, позволяет полнее очертить грамота Сигизмунда III от 21 сентября 1610 г., адресованная «боярам нашим и окольниковым и дворянам и дьяком думным великого государства Московского»¹⁷. В этой грамоте король приказывал («приказуем вам») вернуть дворы в Москве и «животы», захваченные Шуйским, и назначить «четвертное жалованье по их окладу» группе людей, «которые приехали к нашему королевскому величеству и почали служитьи преж всех». Это — бывшие тушинские бояре Михаил Глеб. Салтыков, кн. Василий Мих. Масальский, Никита Дм. Вельяминов, окольниковые Михаил Анд. Молчанов, кн. Федор Фед. Мещерский, Тимофей Вас. Грязной, кравчий Лев Плещеев, думные дьяки Иван Тарас. Грамотин, Федор Ив. Андронов, Иван Ив. Чичерин и дьяки Степан Соловецкий, Овдоким Витовтов, Федор Апраксин, Василий Юрьев. Стоит отметить, что в грамоте члены «воровской» думы — бояре и окольниковые — названы с теми званиями, которые были ими получены у Лжедмитрия II.

Как установил Л. М. Сухотин¹⁸, тогда же был составлен желательный список назначений в приказы¹⁹. Согласно этому проекту начальником Стрелецкого приказа должен был стать Иван Мих. Салтыков. Он, очевидно, должен был в соответствии с советами Ф. Андропова превратить московских стрельцов в военную силу, способную стать орудием осуществления королевских планов. В другом военном ведомстве — Пушкарском приказе — должен был сидеть тушинский окольниковый кн. Юрий Дм. Хворостинин, по непонятным причинам не упомянутый в разобранный выше грамоте Сигизмунда III. В Ямском приказе должен был сидеть боярин Никита Дм. Вельяминов. В Монастырском — окольниковый Михаил Андр. Молчанов. В Посольском приказе должен был сидеть Иван Тарас. Грамотин, в Поместном — Иван Ив. Чичерин, «у челобитных» Федор Ив. Андронов. Бывшие тушинские дьяки должны были сидеть и в четвертных приказах: в Новгородской четверти Степан Соловецкий, в Устюжской — Федор Апраксин. В Разряде должен был сидеть еще один тушинский дьяк — Василий Юрьев. Внимание составителей перечня привлек и Земский двор — учреждение,

отвечавшее за поддержание порядка в столице, в нем должен был сидеть выборный дворянин из Тушина Иван Фед. Зубатый²⁰.

Таким образом, назначения в приказы должны были получить люди, ранее служившие Лжедмитрию II, которые затем пришли в начале 1610 г. под Смоленск, прежде всего те из них, кого король грамотой от 21 сентября 1610 г. открыто взял под свое покровительство.

Правда, в перечне назначений есть и люди, о связях которых с тушинским лагерем данных нет, но, вероятно, к сентябрю 1610 г. они вступили в контакт с очерченным выше кругом лиц. Так, вероятно, обстояло дело с думным дьяком Афанасием Ив. Власьевым, стоявшим во главе Посольского приказа при Борисе Годунове и Лжедмитрии I. Сосланный после смерти Лжедмитрия I в Уфу²¹, он, вероятно, получил высокое назначение по протекции своего подчиненного, а затем сослуживца Ивана Грамотина. Его предполагалось сделать казначеем.

То же, по-видимому, следует сказать о гостях Иване Юрьеве и Кирилле Сазонове-Скробовицком, которые, согласно перечню, должны были сидеть на Казенном дворе. Что касается К. Скробовицкого, то последовавшее затем пожалование его в думные дьяки и передача ему поместья П. Ф. Басманова ясно говорят о его тесных связях с рвавшейся к власти группировкой²². В перечне также такие лица, как М. А. Молчанов или И. И. Чичерин, названы с теми чинами, которые они получили в Тушине.

Сведения, содержащиеся в этих двух документах, позволяют очертить основные контуры соглашения между Сигизмундом III и бывшими сторонниками Лжедмитрия II: король обещал сохранить за ними сословный статус, полученный в Тушине, и владения, наделить их выгодными должностями, а те, сосредоточив в своих руках главные нити управления страной, должны были способствовать переходу власти над этой страной в руки Сигизмунда III. Для короля обращение к нему бывших тушинцев было доказательством реальности его планов и, вероятно, укрепляло в нем убеждение в коррумпированности русской правящей элиты. При этом забывалось, что речь шла о группе людей, не пользовавшихся авторитетом в русском обществе, людей, чей социальный статус был сомнительным, что и заставляло их искать внешней опоры в лице польского монарха. Их поддержки было совершенно недостаточно для достижения тех целей, которые ставил перед собой Сигизмунд III, но король, по-видимому, этого не понимал.

При реализации договоренности между Сигизмундом III и бывшими тушинцами возникли некоторые вопросы, требовавшие дополнительного урегулирования. Как отметил Л. М. Сухотин²³, хотя в марте 1610 г. наиболее видные члены тушинского посольства к Сигизмунду III получили от него пожалования на весьма значительные земельные владения, с реализацией этих пожалований после подписания августовского договора возникли трудности. Значительная часть этих земель находилась в руках у бывших сторонников Василия Шуйского, которые стали теперь верными подданными королевича Владислава, и отбирать у них эти земли было нельзя.

Поэтому 20 сентября из королевской канцелярии был выдан ряд грамот, предоставлявших новые пожалования вместо тех, которые оказалось невозможно реализовать. Михаилу Глеб. Салтыкову были переданы Чаронда (бывшее владение М. В. Скопина-Шуйского) и Тотьма. Его сын получил Вагу — бывшее владение Дмитрия Шуйского. Иван Никитич Салтыков получил погост Озеры в Ярославском уезде — бывшее владение кн. И. М. Глинского. Михаил Андр. Молчанов получил село Шахово в Ярославском уезде и слободку в Юрьевском уезде. Лев Афан. Плещеев — село Бели в Можайском уезде. Особенно щедрое вознаграждение получил соратник Ф. Андропова — Степан Соловецкий. Вчерашний «торговый мужик» получил Великосельскую и Завацкую волости в Галицком уезде и Хотунскую волость в Коломенском уезде²⁴.

Вместе с ними получил грамоту на свои владения в Луцком, Псковском и Невельском уездах думный дворянин Григорий Леонт. Валуев, денежный оклад которого был одновременно увеличен со 100 до 150 руб.²⁵ Это — явное свидетельство присоединения видного в прошлом воеводы Василия Шуйского к этому кругу людей. Неслучайно именно Г. Валуев был послан с Иваном Мих. Салтыковым на северо-запад.

Король не скупился на пожалования, раздавая волости, погосты и города. За такие щедрые милости он вправе был требовать от новых подданных усердной и верной службы. Кроме того, щедрый характер пожалований имел еще и другой смысл — они должны были связать будущее благополучие одаренных с сохранением власти в руках дарителя, особенно тогда, когда щедрость пожалования была несоразмерна (как в случае со Степаном Соловецким) социальному положению одаренного.

Задуманный план сразу начал осуществляться. 21 сентября в Москву была послана грамота о назначении И. М. Салтыкова начальни-

ком Стрелецкого приказа²⁶. Назначение это не осуществилось только потому, что И. М. Салтыкова в это время уже не было в Москве. Тогда же, по-видимому, был вызван в Москву Аф. Власьев²⁷. На важную сторону королевских планов, а также на взаимоотношения Сигизмунда с Боярской думой проливает свет еще один документ, вышедший из королевской канцелярии 25 сентября. Это была грамота, выданная двум братьям Ржевским, членам семьи рязанских детей боярских. Делая успешно карьеру, братья Андрей, Иван и Григорий Никитины дети Ржевские сумели войти к 1606/1607 г. в ряды высшего слоя «государева двора» — дворян московских²⁸. Двое старших братьев — Андрей и Иван — успешно продолжали карьеру в лагере Лжедмитрия II, став боярами Самозванца²⁹. Грамотой от 25 сентября Сигизмунд III жаловал Ивану Никитичу Ржевскому чин окольничего, а его младшему брату Григорию — думного дворянина, их сыновья должны были стать стольниками. Одновременно предписывалось вернуть отобранные у них земли, доведя их до размеров «первой данины». Кроме того, Ивану Никитичу были даны и новые поместья в Рязанском уезде. 28 сентября последовала еще одна грамота, касавшаяся уже целого ряда членов рода Ржевских, предоставлявшая им право, «чтобы с городов своих по выбору служили»³⁰, т. е. чтобы все они начинали нести службу в составе «государева двора».

Не подлежит сомнению, что семья Ржевских принадлежала к числу тех бывших тушинцев, которых Сигизмунд III взял под свое особое покровительство. Тем более заслуживает внимания, что король не признал за И. Н. Ржевским полученного в Тушине боярского сана, предоставив ему более низкий чин окольничего. При так ярко отразившемся в документах расположении монарха к этой семье происшедшее следует объяснить лишь тем, что король уже знал от Жолкевского об отказе московских «чинов» признать за бывшими тушинцами «сенаторские» чины, полученные ими от Лжедмитрия II. Король не решился действовать вопреки желанию Думы и, желая провести своих сторонников в ее состав, стал сам жаловать думные чины и проявил при этом осторожность, пожаловав И. Н. Ржевскому чин меньший, чем тот, что он имел в Тушине. Этот пример показывает, что там, где Дума четко и ясно формулировала свою позицию, король был вынужден с ней считаться. Вместе с тем очевидно, что выработанный в королевском лагере план действий предусматривал не только передачу его сторонникам управления приказами, но и включение их в состав высшего органа государственной власти — Боярской думы.

Важное место в королевских планах занимала фигура А. Госевского, который должен был направлять деятельность думы в нужную сторону. Позднее на мирных переговорах 1615 г. А. Госевский утверждал, что он лишь командовал находившимися в Москве польско-литовским войском: «не был есьми боярином и никаким урядником московским и в дела земские московские не вдавался»³¹. Это утверждение, однако, легко опровергается сохранившейся в одной из старых описей записью о не дошедшем до нас предписании Сигизмунда III Боярской думе: «О Гонсевском, чтоб они о всяком деле сидели и думали заедино и вершили всякое дело вместе, а ево от того не отгорожали»³². Это распоряжение не осталось пустым звуком. В январе 1611 г., характеризуя сложившиеся к этому времени в Москве порядки, дьяк Афанасий Евдокимов говорил: «С бояры ж сидит и владеет пан Александр Госевский, а называют его старостой московским... и приходят к нему дьяки с доклады вверх и к нему во двор, а стоит он в Кремле городе на Борисовском дворе Федоровича Годунова»³³. После предоставления ему королем особых полномочий А. Госевский занял положение наместника («старостой» в Речи Посполитой назывался наместник короля, представлявший его особу в отсутствие государя), представлявшего отсутствовавшего царя и в этом качестве вставшего во главе всего государственного аппарата. Характерна в этом плане такая деталь, как указание дьяка, что к Госевскому ходят с докладами «вверх», — здесь по отношению к велижскому старосте употреблено слово, служившее обычно для обозначения царских покоев, где принималось окончательное решение по всем важным вопросам. Как увидим далее, анализ фрагментов делопроизводства Поместного приказа первой половины 1611 г. вполне подтверждает правильность той характеристики роли и значения Госевского, которую дал дьяк А. Евдокимов.

Все распоряжения Сигизмунда III о пожаловании «чинов» и земель, о том, что Боярская дума должна решать дела только вместе с Госевским, были совершенно незаконными. Августовский договор не предоставлял никаких прав по управлению Россией отцу будущего монарха, более того, и сам Владислав не мог выступать в этой роли, пока не будут окончательно выработаны условия, на которых новый монарх будет управлять Россией. Однако никакого серьезного сопротивления эти распоряжения не встретили и были приняты Боярской думой к исполнению.

Правда, некоторые осложнения все-таки возникли. Интересное свидетельство на этот счет сохранилось в записках М. Мархоцкого. Оно касается реакции на пожалование чина окольного Ивану Никитичу Ржевскому. И. Н. Ржевский доставил соответствующий королевский «лист» в Москву, где он был зачитан на заседании Думы. Как отмечает Мархоцкий, на заседании присутствовал А. Госевский, так как он постоянно бывал на таких заседаниях, был там и сам мемуарист. Стоит отметить присутствие не только А. Госевского, но и польских офицеров на заседаниях высшего органа государственной власти России. С резкой репликой по поводу назначения выступил боярин князь Андрей Вас. Голицын. Один из мотивов его записанного Мархоцким выступления — возмущение тем, что «людей малого положения с нами, великими, верстают, как с равными»³⁴.

Надо отметить, что назначение Ржевского в действительности не было чем-то необычным на фоне практики пожалований в думные чины, начало которой было положено Лжедмитрием I и которая получила продолжение при Василии Шуйском, когда в Думу стали назначаться представители фамилий, члены которых никогда ранее не заседали в Думе. Примером может служить пожалование царем Василием 2 февраля 1608 г. «чина» окольного Артемию Вас. Измайлову³⁵, происходившему, как и Ржевские, из семьи рязанских детей боярских. Такая политика закономерно вызывала недовольство старинной знати, подчеркивавшей подлинный, истинный характер своего боярства. Как говорил брат князя Андрея, Василий Вас. Голицын (эти слова в иной связи уже приводились выше), явно противопоставляя себя подобным выдвиженцам, «по божьей милости отца моего и деда из Думы не высылавали... и не купленное было у нас боярство³⁶ и не за Москвою в бояре ставлены»³⁷. Эта практика вызывала к себе присторженное внимание и недовольных лиц второго плана, считавших себя более достойными, чем те, которых вопреки традиции ввели в состав Думы. Именно в это время, в конце 1610 — начале 1611 г., один из таких людей, Василий Ром. Алферьев, написал сочинение, в котором старательно собрал материал о таких назначениях, подчеркивая, что целый ряд таких людей «ис предков в боярех и окольных не бывали» и менее знатны, чем Алферьевы³⁸. Острота реакции кн. А. В. Голицына, возможно, была связана с тем, что старинная знать ожидала от нового монарха возвращения к традиционным порядкам.

С этой точки зрения целый ряд черт в поведении новой власти вызывал недовольство в этой среде. Ряд данных, касающихся этой стороны дела, обнаруживается в материалах, подготовленных для переговоров под Смоленском в 1615 г. В этих материалах неоднократно подчеркивалось, что король поставил во главе Русского государства «не из рады своего знатного пана, обычного человека старосту велижского»³⁹. В этом решении поставить во главе Думы человека, не равного им по положению, бояре с основанием могли видеть проявление известного пренебрежения к себе. Это пренебрежение ощущалось тем сильнее, что хорошо была известна связь Госевского с литовской канцелярией — он, согласно московскому пониманию, «со Львом Сапегой был в подьячих»⁴⁰. Если в Речи Посполитой работа в канцелярии была этапом нормальной карьеры, которая в дальнейшем могла привести на самые высокие государственные должности, то в Московской Руси дело обстояло иначе — здесь работа в канцелярии была делом дьяков и подьячих, представителей социальной группы, стоявшей на лестнице социальной иерархии гораздо ниже тех знатных родов, к которым принадлежали члены Думы.

Недовольство, как видно из тех же материалов, вызывало и поведение присланного королем в Москву «торгового детины» Федора Андропова. Обращаясь к А. Госевскому, составители этих материалов писали от имени бояр: «Нихто нас так при прежних великих государех наших не бесчещивал, что тот детина Фетка Одронов, а ты его на то на все попускал. А только б не ты, и ему было как на то помыслить, что ему было против нас говорить и нас бесчестить»⁴¹. Поведение Андропова было настолько вызывающим, что М. Г. Салтыков нашел нужным обратиться к Льву Сапеге с жалобой на то, что «многие люди... оскорблены по приговору торгового детины Федора Андропова». Он также жаловался на то, что велижский староста Андронову «потакает, а меня бесчестит и дел делати не дает». С явным преувеличением он даже утверждал: «Со Мстиславского с товарищи и с нас дела сняты, а на таком правительстве и вера положены»⁴².

Таким образом, с точки зрения настоящей знати, традиционные нормы отношений новой властью в целом ряде пунктов были нарушены, и выступление А. В. Голицына было выражением ее недовольства.

К этому, однако, отнюдь не сводилась «великая кривда», которую, по словам кн. А. В. Голицына, русская сторона терпит от «поляков». Главное — это то, что королевич, которого избрали госу-

дарем, не приехал, а в роли правителя России фактически выступает король: «Именем королевским, а не его грамоты к нам пишут, именем королевским земли и должности дают». Такому ненормальному положению должен быть положен конец: или пусть такие действия прекратятся, или пусть русские люди будут свободны от своей присяги новому государю. Хотя, по наблюдениям М. Мархоцкого, недовольны были многие, лишь кн. Андрей, человек, по его оценке, «animuszu dobrego I urody pięknej», осмелился это недовольство открыто выразить, что дало возможность А. Госевскому игнорировать его выступление⁴³.

Таким образом, несмотря на свое недовольство целым рядом шагов новой власти, Боярская дума не выступила открыто против действий отца будущего монарха и его представителя в Москве.

На ненормальность положения, когда король Сигизмунд III раздает грамоты на русские земли, обратили внимание и «великие послы», еще находясь на дороге к Смоленску. Однако во время переговоров этот вопрос был поднят только один раз, на встрече 2/12 ноября. Послы, ссылаясь на то, что по августовскому договору «польским и литовским людям у всяких земских дел в приказах не быти и не владети», выразили удивление тем, что «ныне, и до государя нашего прихода, поместья и вотчины дают». Однако прекратили спорить, когда Лев Сапега заявил: «Государь наш московских людей, прибегающих к его милости, от себя не отгоняет, да и кому ж до прихода королевичева жаловать, как не его величеству»⁴⁴. Послы пытались противодействовать политике короля, но делали это тайно: рассылали грамоты, чтобы к Сигизмунду III «бити челом о поместьях и всяких делах не ездили». Стоит, однако, отметить, что, когда об этих действиях стало известно «панам» и они стали предметом обсуждения, послы не заявили о незаконности пожалований короля, а лишь заметили, что это «может весь народ привести в сумнение»⁴⁵.

Таким образом, следует констатировать, что политическая элита, стоявшая в это время у кормила правления, хотя и понимала незаконность действий Сигизмунда III, не пыталось сколько-нибудь энергично им противодействовать. Чем же объяснить то, что политическая элита русского общества в важный, переломный момент оказалась неспособной отстаивать коренные интересы страны?

С. Ф. Платонов в понимании происходящего шел за заявлениями московских бояр на переговорах 1615 г. Бояре тогда заявляли А. Госевскому, что власть в Москве находилась в руках А. Госев-

ского и его «советников» — бывших тушинцев, а все остальные члены Думы чувствовали себя «все равно что в плену», они «в то время... живы не были». Как темпераментно писал исследователь, «вокруг поруганного боярства и ниспровергнутой Думы начиналась политическая вакханалия меньшей „братьи“, желавшей снов, власти, богатства и думавшей, что ей легко будет завладеть Москвой путем унижения и низменного раболепства перед иноверным победителем»⁴⁶. Упомянутую здесь «меньшую братью» ученый отождествлял с выходцами из Тушина.

Уже Л. М. Сухотин, анализируя фрагменты делопроизводства Поместного приказа первой половины 1611 г., сделал ряд наблюдений, которые явно не вписывались в схему Платонова⁴⁷. В недавнее время И. О. Тюменцев, прослеживая судьбы дьяков в годы Смуты, обратил внимание на то, что далеко не все дьяки и подьячие, служившие Сигизмунду III, побывали в тушинском лагере⁴⁸.

Следует согласиться с С. Ф. Платоновым, что бывшие тушинцы занимали в королевских планах особое место, и введение их в состав Думы было одной из первостепенных задач московской политики короля. Однако сопоставление списка королевских пожалований со списком лиц из близкого окружения царя Василия, составленным сразу после его низложения, показывает, что искали королевских милостей далеко не только люди из Тушина. Так, судя по этому списку, особым доверием царя пользовался стольник Иван Вас. Измайлов: «был у Шуйского у чародеев и коренщиков, ближе ево и не было»⁴⁹. В конце октября 1610 г. он выехал из Москвы вместе с гетманом С. Жолкевским во главе большой группы дворян хлопотать о королевских пожалованиях⁵⁰. Хлопоты его увенчались успехом, 15 ноября н. ст. он получил от Сигизмунда III поместья в Ярославском, Старицком и Алексинском уездах, так что размер его поместья достиг оклада 900 четвертей — и был назначен оружничим «заведовать всяким оружным делом господарским и всякими оружными мастерами». Он же сумел выхлопотать пожалования поместий в Мещовском уезде для своего родича, также близкого в прошлом Шуйскому окольничего Артемия Вас. Измайлова⁵¹.

Особо близким к царю Василию лицом был и думный дворянин Василий Борисович Сукин, он «людей втай сажал по Шуйского веленью». Его даже обвиняли в том, что он участвовал в организации заговора, чтобы вернуть на трон уже низложенного правителя⁵². В. Б. Сукин не только получил 30 октября н. ст. по-

жалования от Сигизмунда III⁵³, но и активно сотрудничал с советниками короля в деле развала «великого» посольства.

В список близких к царю Василию людей был внесен и думный дворянин, который «у царицы за кушаньем сидел», Иван Никиф. Чепчугов⁵⁴. В декабре 1610 г. он был назначен ясельничим и получил от короля черную волость Мериновскую (около Кинешмы) — бывшее владение кн. Дмитрия Шуйского⁵⁵. Перечень дьяков — приверженцев Шуйского открывал думный дьяк Василий Осипович Янов, «Шуйскому по жене племя»⁵⁶. Это не помешало ему стать в дальнейшем едва ли не главным лицом среди дьяков — приверженцев Сигизмунда III и Владислава⁵⁷. В списке фигурирует и смоленский сын боярский Михаил Бегичев, которому дьячество было дано «за шептанье»⁵⁸. 12 декабря н. ст. 1610 г. он был назначен дьяком в Казанский приказ⁵⁹.

Логика действий таких людей понятна. Добившись более высокого положения благодаря милостям царя Василия, они вынуждены были, чтобы его сохранить, искать милостей у отца нового государя. Таким образом, состав «меньшей братьи», о которой писал С. Ф. Платонов, далеко не исчерпывался людьми из Тушина.

Искали королевских милостей и достаточно высокопоставленные люди, не принадлежавшие к близкому окружению свергнутого царя. Так, вероятно, благодаря хлопотам одного из посольских дворян, Бориса Иван. Пушкина, получил поместья в Коломенском уезде думный дворянин и сокольничий Гаврила Григ. Пушкин⁶⁰, а думный дворянин Иван Мих. Пушкин с сыновьями получил подтверждение прав на козельские владения⁶¹.

Особенно важно, что хлопотать о таких пожалованиях стал и целый ряд представителей старинной знати, занимавших самые высокие места на лестнице социальной иерархии.

В неоднократно уже упоминавшемся списке в числе членов Думы, особо близких к царю Василию, фигурирует боярин кн. Иван Сем. Куракин⁶², один из главных воевод этого правителя. Как отметил сам С. Ф. Платонов⁶³, уже в октябре 1610 г. И. С. Куракину были возвращены «маегности его, которые упростили разные люди в Смоленском уезде»⁶⁴. 9 декабря он получил часть села Пурех — вотчины кн. Ив. Ив. Шуйского⁶⁵. Грамотой от 9 января 1611 г. И. В. и П. В. Морозовым было предоставлено возмещение «вместо села Яковцова, што отдано князю Ивану Семеновичу Куракину»⁶⁶. Еще более значительные пожалования И. С. Куракин получил в следующем 1611 г. Так как земли, розданные смоленским помещи-

кам, отобрать у них не удалось, И. С. Куракину было пожаловано бывшее поместье кн. Вас. Мих. Масальского — село Ваче Муромского уезда — свыше 1000 четвертей земли. Это пожалование было сделано в июне 1611 г., когда вся страна была охвачена восстанием и Первое ополчение осадило Москву. Позднее за то, что он «против изменников своих крепко стоит», король пожаловал князю дворцовое село Белое и слободу Кестомскую в Пошехонском уезде⁶⁷. Неизвестно точно, когда, вероятно для лучшего несения службы, он получил еще и 300 руб.⁶⁸. В декабре 1611 г. по просьбе князя, награждая его за службу, Сигизмунд III назначил его дворецким Казанского дворца⁶⁹.

Послам, отправленным в 1615 г. для переговоров под Смоленск, «для обличения» польско-литовских комиссаров был наряду с другими документами передан текст грамоты Сигизмунда III князю, в которой ему предлагалось «говорить» «Московского государства всяким людям», чтобы они выбрали на русский трон Сигизмунда III⁷⁰. Так как подобные грамоты, как увидим далее, были посланы кроме него только М. Г. Салтыкову и Ф. Андронову, то становится понятным, почему при царе Михаиле говорили, что И. С. Куракин «с польскими и литовскими людьми на разоренье Московскому государству советник был»⁷¹. Участие кн. И. С. Куракина в планах заговора в пользу Сигизмунда III сближает его с группой бывших тушинцев, и в этом плане его поведение отличалось от поведения большинства членов Думы.

Однако документы, на которых обратил внимание Л. М. Сухотин, касающиеся двух таких в будущем видных деятелей царствования Михаила Федоровича, как кн. Б. М. Лыков и Ф. И. Шереметев, показывают, что в иных отношениях в поведении кн. И. С. Куракина не было ничего исключительного.

Из них выясняется, что по челобитьям Б. М. Лыков, посылавший гонцов к Сигизмунду III в Вильну, получил в августе 1611 г. по двум королевским «листам» земли целого ряда «изменников» — свыше 3000 четвертей земли⁷².

Еще более значительные владения получил от Сигизмунда III Ф. И. Шереметев. В декабре 1610 г. ему было отдано с. Песочна в Рязанском уезде, отобранное у Коробьиных, после смерти кн. Василия Мих. Масальского он получил его поместье в Борисоглебском уезде — 1000 четвертей земли, а в мае 1611 г. в награду за верность ему была пожалована целая Корсаковская волость в Суздальском уезде — еще 2000 четвертей земли⁷³.

Все эти члены Думы никак не производят впечатление людей, подчиняющихся Сигизмунду III лишь под воздействием страха. Наоборот, щедрые пожалования говорят о заинтересованности короля в поддержке таких людей и о его готовности платить за такую поддержку.

Одним из немногих членов Думы, о ком, кроме кн. Андрея Голицына, известно, что у него были неприятности с польско-литовскими властями — его обвиняли в сношениях с Лжедмитрием II⁷⁴, — был князь Иван Мих. Воротынский. Однако сохранившиеся записи о двух утраченных королевских «листах» рисуют эти отношения в ином свете. Одна из этих грамот, выданная по челобитью боярина, подтверждала его права на Нижегородскую вотчину — село Княгинино, которую ранее король передал было Михаилу Салтыкову. В другой грамоте содержалось обещание короля «пожаловать» князя за то, что тот «служит правдою и с великим раденьем»⁷⁵. Размолвка, очевидно, была в конце концов преодолена. Однако было бы явным упрощением искать объяснение характера отношений между Боярской думой и Сигизмундом III лишь в корыстных интересах отдельных, хотя бы и весьма влиятельных, ее членов.

Пассивность, проявленная Боярской думой в этот важный переломный момент русской истории, ее неспособность противостоять явно незаконным действиям Сигизмунда III коренилась в ряде важных особенностей положения верхушки дворянского сословия в России рубежа XVI–XVII вв. Как уже отмечалось в главе о русском обществе, Иван Грозный и его преемники сделали много для того, чтобы русская знать перестала быть политически опасной для московских государей, связи этой элиты с населением на местах были разорваны, из самостоятельной, влиятельной политической силы — родовой знати — русская аристократия превратилась в знать служилую, тесно связанную с находящейся в Москве резиденцией монарха и зависящей от его милостей. Все это сопровождалось ростом роли и значения самого института верховной власти и лица, в котором этот институт физически воплощался.

Последствия такого положения вещей не замедлили сказаться, когда в годы Смуты выявилась неспособность этой элиты контролировать и регулировать своими действиями положение на местах. Тем сильнее эта элита возлагала свои надежды на приход нового государя, который восстановит традиционный обществен-

ный порядок и вернет знати ее традиционное право управлять страной вместе с монархом. Отсюда ориентация на сотрудничество с Сигизмундом, подогревавшаяся у некоторых представителей этого слоя надеждами на пожалования и милости. Престиж власти монарха (даже в таком непривычном обличье) был очень высок, возможность прямого противодействия отцу будущего государя была психологически невозможной, а конфликт с ним мог лишить каких-либо перспектив на сохранение важного и почетного места при новом правлении. Поэтому протесты против действий Сигизмунда III оказались такими робкими и непоследовательными. Наконец, большое психологическое значение имело принесение присяги новому государю. Даже наиболее критически настроенный кн. Андрей Голицын лишь ставил вопрос об освобождении русских людей от присяги, признавая до этого необходимость повиноваться людям, представлявшим перед русским обществом нового государя.

Ряд обстоятельств, о которых отчасти уже шла речь выше, дополнительно способствовал тому, что Дума оказалась неспособной на последовательное сопротивление действиям Сигизмунда III.

Еще в правление Бориса Годунова в соответствии с традиционной практикой Дума формировалась из представителей княжеских и боярских родов, обладавших наследственным правом занимать места бояр и окольничих (единственным существенным исключением было введение в состав Думы ряда родственников правителя, ранее не принадлежавших к первостепенной знати)⁷⁶. Эта традиционная практика была нарушена Лжедмитрием I, который стал давать думные чины как вознаграждение за заслуги людям, которые по своему сословному статусу ранее не имели на это права. Так, он пожаловал думные чины сразу нескольким князьям Масальским, хотя члены этого рода никогда ранее в состав Думы не входили. В нарушение всех установленных норм членами Думы окольничими были сделаны думные дьяки Василий Яковл. Щелкалов и Афанасий Ив. Власьев, по рождению вообще не принадлежавшие к верхнему слою дворянского сословия⁷⁷. Если последний шаг Лжедмитрия I никак не повлиял на практику пополнения Думы, то практика назначения в состав этого органа за особые заслуги детей боярских, принадлежавших к родам, ранее в составе Думы не представленным, получила продолжение в правление царя Василия Шуйского. Примерами могут служить пожалования чина окольничего таким людям, как

Артемий Вас. Измайлов, кн. Данила Ив. Мезецкий, кн. Василий Фед. Масальский, принадлежавшим к родам, которые ранее не имели своих представителей в Думе⁷⁸.

Таким образом, уже к концу правления царя Василия в составе Думы присутствовала целая группа людей, обязанных своим пребыванием у кормила правления Российским государством исключительно милости монарха. Для людей этого круга, как представляется, было особенно трудно психологически противостоять распоряжениям монарха.

К этому следует добавить, что к концу 1610 — началу 1611 г. благодаря распоряжениям Сигизмунда III состав Боярской думы существенно пополнился за счет получивших от него думные чины бывших приверженцев Лжедмитрия II. Правда, боярский чин получили от Сигизмунда III всего 5 человек (кн. Ю. Н. Трубецкой, И. Н. Салтыков, И. М. Салтыков, Н. Д. Вельяминов, кн. Г. П. Ромодановский)⁷⁹, но из 22 окольных 9 к концу 1610 г. получили свой сан от короля⁸⁰. Целый ряд этих людей (такие, как Т. В. Грязной, М. А. Молчанов, И. Н. Ржевский, Д. О. Крабов) никак не могли бы рассчитывать на получение такого сана при сохранении традиционного порядка назначений. Все эти люди не только не могли противодействовать распоряжениям Сигизмунда III, они и в состав Думы были введены, чтобы обеспечить их исполнение.

Такое поведение русской знати — обладателей думных чинов (той социальной группы, на которой традиционно лежала ответственность за обеспечение управления государством и которая традиционно участвовала в решении всех важных вопросов, касавшихся судеб страны) привело к ряду опасных последствий. Готовность Думы мириться с действиями короля, принимая их к исполнению, воспринималась Сигизмундом III и его советниками как отражение отношения к этим действиям населения всей страны и убеждала их в правильности избранной политической линии, которую польский монарх продолжал проводить в жизнь в конце осени 1610 и зимой 1610/1611 гг.

При постоянных финансовых трудностях, которые испытывал Сигизмунд III во время смоленского похода, неудивительно, что его особое внимание привлек вопрос о пополнении царской казны, содержимое которой он рассчитывал использовать в своих интересах. На эту сторону дела обратил внимание уже Федор Андронов в своем первом письме из Москвы, советуя принять меры для пополнения царской казны, расхищенной после низложения

Василия Шуйского⁸¹. Советы эти были услышаны. 3 ноября король приказал Думе стараться вместе с А. Госевским, чтобы «задержанные доходы, пошлины и повинности vybrати и до казны господарской, як наиранее, знести»⁸².

Еще раньше, 30 октября он предписал взять в казну вотчины и поместья Шуйских и принять меры к возвращению незаконно розданных изделий из драгоценных металлов и пожалованных разным лицам дворцовых и черных земель⁸³.

Тогда же король позаботился о назначениях, благодаря которым его распоряжения не остались бы пустым звуком. Он назначил дворецким бывшего боярина Лжедмитрия I и Лжедмитрия II кн. Василия Мих. Масальского. На нового дворецкого возлагалась обязанность, чтобы земли, «что к дворцу господарскому належит, отыскивал и на особы наши господарские збирал»⁸⁴. А 7 ноября и Федор Андронов был послан на Казенный двор «в товарищи» к боярину Василию Петровичу Головину⁸⁵, члену рода, представителя которого были уже два века казначеями московских государей.

Теперь, когда сбор доходов оказался под контролем ставленников короля, открылись возможности для того, чтобы возложить на русскую казну расходы по содержанию части находившихся в России польско-литовских войск, прежде всего отрядов бывших тушинцев, недавно присоединившихся к королевской армии. В описи архива Посольского приказа 1626 г. сохранились записи о двух королевских «листах», присланных после этого в Москву. По одному из них предписывалось выдать Александру Зборовскому — предводителю отряда тушинцев, присоединившегося к войскам Жолкевского перед битвой при Клушине, «деньгами и собольми и золотыми на 1000 рублей», по другому следовало выдать 2000 руб. Яну Петру Сапеге⁸⁶.

Яркую характеристику порядков, установившихся с назначением Андропова на Казенном дворе, находим в материалах, подготовленных для переговоров под Смоленском в 1615 г. Хотя А. Госевский предложил боярам «казну переписывать», оказалось, что «как бояре запечатают, а придут опять в казну, а печати боярских нет, печать Федыки Одропова». В ответ на вопросы он объяснял, что «распечатывал» казну по приказу А. Госевского⁸⁷. Так появилась возможность распоряжаться собранными в казне деньгами и без ведома Думы.

В конце ноября был предпринят другой важный шаг. В Поместном приказе по распоряжению короля был посажен дьяк Иван

Тарасевич Грамотин⁸⁸ — бывший думный дьяк Лжедмитрия II, одна из наиболее видных фигур в круге тех людей, которые, по признанию самого Сигизмунда III, «почали» ему «служити преже всех». Тем самым под контроль польско-литовской власти попало распределение большей части земельного фонда, находившегося в обладании светских феодалов. Как показал предпринятый Л. М. Сухотиным анализ сохранившихся фрагментов делопроизводства Поместного приказа первой половины 1611 г., на этом посту Грамотин оказался не только хорошим товарищем других бывших тушинцев, обогащению которых (в том числе и незаконному) он всячески содействовал, но и послушным исполнителем не только предписаний короля, но и распоряжений Александра Госевского. Именно к велижскому старосте обращались дети боярские, желавшие получить новые поместья, и после его одобрительной резолюции соответствующие решения принимались Боярской думой.

Впрочем, в целом ряде случаев наместник Сигизмунда III обращался со своими распоряжениями и непосредственно к Грамотину, и они выполнялись и при отсутствии боярского приговора⁸⁹. Тем самым у короля и его представителей открывались еще более широкие, чем ранее, возможности для привлечения на свою сторону детей боярских.

Вместе с тем сделанные назначения означали начало намеченной еще в сентябре 1610 г. чистки органов аппарата от сторонников («похлебцов») Василия Шуйского⁹⁰ и передачи их постов сторонникам Сигизмунда III.

Одновременно происшедшее побудило и собравшихся в Москве бывших тушинцев активизировать свои действия. Сказанное выше о поведении представителей русской знати никак не может повлиять на выводы, сделанные еще С. Ф. Платоновым, об особом месте этого круга людей в политической жизни России того времени. Если для большинства членов Боярской думы Сигизмунд III был отцом будущего государя, с которым следовало ладить в ожидании будущих милостей и пожалований, то интересующая нас группировка с самого начала ставила своей целью переход власти над Россией в руки короля Сигизмунда, что позволило бы ей обеспечить себе руководящее положение при управлении страной.

Как смотрел на положение дел в стране и какие предлагал способы достижения этой цели боярин Михаил Глебович Салтыков — главная политическая фигура среди людей этого круга, показывают его письма к литовскому канцлеру Льву Сапеге. Чело-

век с большим к этому времени политическим опытом, он не обольщался относительно прочности позиций московского правительства после заключения августовского договора. Уже в первом из своих писем он через Льва Сапегу рекомендовал властям Речи Посполитой действовать быстрее, «покамест города от Москвы не отстанут и к вору ся не приложат». Уже в этом письме он рекомендовал королю, не тратя силы на осаду Смоленска «идти... к Москве не мешкая»⁹¹.

Второе, более позднее письмо позволяет судить о том, какие меры он принимал для осуществления этого предложения и как он представлял себе его реализацию. Из письма ясно, что М. Г. Салтыков через одного из членов кружка — кн. Федора Мещерского — предлагал королю «идти в Москву не мешкая, а славу бы пустить во всяких людях, что идет на вора к Колуге».

Затем, как указывается в письме, М. Г. Салтыков «бояр и всяких московских людей на то привел», что они приняли решение послать к королю князя Андрея Фед. Масальского, «чтоб пожаловал король сына своего, государство очистил, вора в Колуге доступил». Далее М. Г. Салтыков разъяснял, что добился принятия такого решения для того, чтобы король объявил, что в соответствии с поданной ему просьбой идет на Калугу, а в действительности двинулся с войском к Москве и захватил не ожидающую нападения столицу. Когда король подойдет с войском к Можайску, М. Г. Салтыков пришлет к нему своего племянника Ивана Никитича — «и о всяких мерах... с ним прикажу, как королю к Москве притить», т. е., очевидно, о тех мерах, которые к этому времени предпримут М. Г. Салтыков и члены его кружка, чтобы обеспечить вступление королевских войск в Москву.

«А под Смоленском, государь, — обращался М. Г. Салтыков в заключительных строках письма к Льву Сапеге, — королю что стоять? Коли будет король в Москве, тогда и Смоленск совсем его»⁹².

Письмо М. Г. Салтыкова представляет большой интерес в нескольких отношениях. Во-первых, оно проливает дополнительный свет на характер взаимоотношений Сигизмунда III с Боярской думой. Разумеется, к решению просить короля выступить в поход на Калугу Думу подтолкнул М. Г. Салтыков и его единомышленники среди думных «чинов», но само принятие такого решения, само обращение с такой просьбой к королю показывает, как неуверенно чувствовало себя московское правительство к концу осени 1610 г. Его явно беспокоила опасность со стороны

Лжедмитрия II. До намечавшегося похода на Калугу русского и польского войска дело не дошло. Лжедмитрию II удалось удержать под своей властью Северскую землю, заокские города с Калугой, целый ряд территорий в Поволжье с такими центрами, как Арзамас и Астрахань, его продолжала поддерживать значительная территория на северо-западе России. Еще 6 декабря 1610 г. из королевской канцелярии были посланы грамоты, «чтоб обратились» — в Псков, Ям, Копорье, Ржеву Пустую, Невель и Великие Луки⁹³. Некоторые данные даже указывают на то, что к концу осени территория, находившаяся под властью Лжедмитрия II, расширилась. Так, в середине ноября большая группа брянских помещиков обратилась к королю с просьбой дать новые поместья взамен прежних, которые «воровские люди держат»⁹⁴. По той же причине Артемий Измайлов не смог вступить во владение пожалованными ему землями в Мещовском уезде⁹⁵. 1 декабря 1610 г. «черкасы, казаки и татары», пришедшие из Михайлова, пытались захватить Зарайск⁹⁶. Отбивший у «воров» Шацк Мирон Вельяминов был осажден в городе пришедшими из Темникова «понизовыми людьми» во главе с Яном Кернозицким⁹⁷. Появление Кернозицкого на службе у Самозванца не было случайным: часть польско-литовских войск, служивших ранее Лжедмитрию II, не получая жалованья от короля, начала уходить в Калугу⁹⁸. Кроме того, на помощь к Лжедмитрию II пришел 6-тысячный отряд ногайцев⁹⁹.

Перед этой опасностью Дума чувствовала себя бессильной — в грамоте, доставленной 25 декабря ст. ст. «великим послам» под Смоленск, бояре писали, что «войска у них московского нет и они сами оборониться от вора безсильны»¹⁰⁰. Помощи они ждали от Сигизмунда III, и в этом, несомненно, следует видеть одну из причин их уступчивости в отношениях с королем.

Вместе с тем из письма ясно видно, что уступчивость Боярской думы имела свои границы, и М. Г. Салтыков не рискнул предлагать ей прямо и открыто признать Сигизмунда III правителем России. Одно дело было искать расположения отца будущего монарха и просить у него (в отсутствие сына) земель и чинов, другое дело было согласиться на подчинение страны правителю чужого государства. Очевидно, что истинные цели посольств кн. Ф. Ф. Мещерского и кн. А. Ф. Масальского остались Боярской думе неизвестными.

Во-вторых, для М. Г. Салтыкова и людей его круга было очевидно, что планы возведения Сигизмунда III на русский трон не

встрелят поддержки ни Боярской думы, ни населения Москвы. Отсюда их советы королю действовать тайно, скрывая свои истинные цели, чтобы заставить несогласных врасплох и лишить их способности сопротивляться.

В переговорах о судьбе русского трона, разумеется, принимал участие и А. Госевский. О результатах он сообщал королю в донесении от 10 декабря н. ст., пересказ которого сохранился в письме Я. Задзика от 18 декабря н. ст.¹⁰¹. А. Госевский убеждал Ф. И. Мстиславского и «других бояр», чтобы короля «за пана себе взяли», так как молодой королевич не справится с решением государственных дел. Бояре, однако, признавая справедливость этого довода, не соглашались на это, так как тогда «более далекие крепости восстали бы и появилась у них причина для смены» (государя?). Поэтому они советовали, чтобы король привез сына в Москву и обещал по достижении им совершеннолетия передать ему власть над Русским государством. Возможно, тогда русские согласились бы на временное подчинение власти Сигизмунда III.

Очевидно, А. Госевский, следуя полученным инструкциям, попытался открыть королевские планы кругу людей, принадлежавших к «партии» Мстиславского. Однако и у этой части традиционного состава Боярской думы, которую польская сторона считала наиболее расположенной к королю, эти планы не вызвали энтузиазма, а их одобрение сопровождалось рядом существенных оговорок. Видно, кроме того, что бояре (как и М. Г. Салтыков) отдавали себе отчет в том, что притязания Сигизмунда III столкнутся с открытым сопротивлением населения страны.

Кн. Федор Фед. Мещерский, по-видимому, прибыл в королевский лагерь в первой половине ноября 1610 г. Привезенные им предложения явно имелись в виду в сообщении из королевского лагеря, отправленном нунцию в Вильну 13 числа этого месяца. В нем говорилось, что в Москве многие дворяне желают коронации Сигизмунда III и советуют ему как можно скорее выехать в Москву. Именно получив такие сведения, король отклонил предложения гетмана Жолкевского послать королевича в Москву вместе с несколькими сенаторами в качестве советников¹⁰². Очевидно, сделанные предложения произвели впечатление на короля, и он стал серьезно их обдумывать.

26 ноября н. ст. князь А. Ф. Масальский прибыл в лагерь под Смоленском¹⁰³. Характерно, что, несмотря на официальный характер его миссии, о ней не были поставлены в известность «великие послы», которым Боярская дума сообщила об этом много позже,

грамотой, полученной 25 декабря¹⁰⁴. 27 ноября А. Ф. Масальский был принят королем¹⁰⁵. Вопрос о походе короля на Москву обсуждался на тайном собрании находившихся в лагере сенаторов, но те не пожелали взять на себя такую ответственность; было принято решение запросить мнение всех членов сената¹⁰⁶.

Планы похода к Москве были временно отложены, но отнюдь не оставлены. Одна из причин проявленной сенаторами сдержанности была, несомненно, связана с тем, что опасались оставить в тылу королевской армии не подчинившийся Смоленск. В этих условиях как можно более скорое решение вопроса о Смоленске становилось для короля и политиков из его окружения все более настоятельной необходимостью.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. его биографию: *Polski słownik biograficzny*. Т. 8/3. Wrocław etc., 1960. S. 339–340.
2. *Urządnicy centralni i dostojnicy Wielkiego Xięstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku*. Spisy / Opr. H. Lulewicz, A. Rachuba. Kórnik, 1994. S. 173.
3. РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 92. Л. 109.
4. АИ. Т. 1. № 306/1.
5. *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1. С. 228–229.
6. *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 307.
7. АИ. Т. 2. № 299.
8. *Тюменцев И. О.* Список сторонников царя Василия Шуйского (Новая находка в шведском архиве) // *Археографический ежегодник за 1992 год*. М., 1993. С. 318–319.
9. РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 507. Л. 842 об.
10. О нем см. *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 307, 555.
11. *Diariusz drogi króla JMci Zygmunta III od szczęśliwego wyjazdu z Wilna pod Smoleńsk w roku 1609 a die 18 Augusta, fortunnego powodzenia przez lat dwie do wzięcia zamku Smoleńska w roku 1611* / Opr. J. Byliński. Wrocław, 1999. S. 182.
12. *Цветаев Д. В.* К истории Смутного времени. Собрание документов. М.; Варшава, 1910. Вып. 1. № 16. С. 29.
13. ПСРЛ. Т. 14. С. 101.
14. *Diariusz drogi...* S. 190.
15. *Ibid.* S. 182.

16. *Цветаев Д. В.* К истории... № 18. С. 32.
17. СГГид. Ч. 2. № 208.
18. *Сухотин Л. М.* Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611гг. // ЧОИДР. 1911. Кн. 4. С. V.
19. АИ. Т. 2. № 314.
20. О нем см. *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 557.
21. О Аф. Власьева см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие. XV–XVII вв. М., 1975. С. 98.
22. Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. С. 121.
23. *Сухотин Л. М.* Земельные пожалования... С. XIX–XXI.
24. АЗР. Т. 4. № 183. С. 347–349. № ССXXXVI–ССXXXVIII, CCLI.
25. Там же. С. 348. № ССXXXIX.
26. Об этом документе см.: Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 120.
27. «Велено дьяка Офонася Власьева ис тюрьмы выпустить и велено ему быть на месте козначеем и думным диаком по прежнему»: СГГид. Ч. 2. № 218, «лист» 68. Здесь, видимо, не знали о смерти Власьева.
28. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 259.
29. *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 544.
30. АЗР. Т. 4. С. 350. № CCLXIV; С. 351. № CCLXXIII; С. 356. № CCCXXIX.
31. АЗР. Т. 4. № 209. С. 479.
32. *Сухотин Л. М.* Земельные пожалования... С. XI.
33. ААЭ. Т. 2. № 170/II.
34. Moskwa w rękach polaków. Pamiętniki dowódców i oficerów garnizonu polskiego w Moskwie w latach 1610–1612. Kraków, 1995. S. 86.
35. *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 97.
36. Не следует ли видеть в этих словах указание на то, что Шуйский, нуждаясь в средствах, продавал чины незнатным людям?
37. *Голиков И. И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. М., 1790. Т. 2. С. 167.
38. *Анхимюк Ю. В., Павлов А. П.* Местнический памфлет Алферьевых против «новых бояр» // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7.
39. РГАДА. Ф. 79. Кн. 30. Л. 127–127 об.
40. Там же. Л. 641.
41. Там же. Л. 137–137 об.
42. АИ. Т. 2. № 306/I.
43. Moskwa w rękach... S. 86.
44. *Голиков И. И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. С. 113.

45. Там же. С. 133.
46. *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1899. С. 473.
47. О них речь идет ниже.
48. *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 306–307.
49. *Тюменцев И. О.* Список сторонников... С. 318.
50. *Голиков И. И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. С. 108.
51. АЗР. Т. 4. С. 374. № CDXCVI; С. 376. № DIV–DV. О карьере И. В. Измайлова в годы Смуты см. подробнее: *Лаврентьев А. В.* «Полашь Ивана Васильевича Измайлова». Итальянский меч и его русские владельцы эпохи Смутного времени (в печати).
52. *Тюменцев И. О.* Список сторонников... С. 318.
53. АЗР. Т. 4. С. 368. № CDLV.
54. *Тюменцев И. О.* Список сторонников... С. 318.
55. АЗР. Т. 4. С. 397. № DCCIII; С. 399. № DCCXIII.
56. *Тюменцев И. О.* Список сторонников... С. 318.
57. О нем см. *Веселовский С. Б.* Дьяки... С. 600. См. также «лист» Сигизмунда III Льву Сапеге от 15 апреля 1619 г. с перечислением заслуг дьяка (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 96. Л. 112 об.–113) и более подробную грамоту от 8 марта 1621 г. (Там же. Кн. 97. Л. 223 об.–224).
58. *Тюменцев И. О.* Список сторонников... С. 319.
59. АЗР. Т. 4. С. 399. № DCCXV.
60. Там же. С. 368. № CDLI.
61. Там же. С. 384, 385. № DLXXX.
62. *Тюменцев И. О.* Список сторонников... С. 318.
63. *Платонов С. Ф.* Очерки... С. 457.
64. АЗР. Т. 4. С. 364. № CDXIV.
65. Там же. С. 396. № DCC.
66. Там же. С. 403. № DCCLII.
67. *Сухотин Л. М.* Земельные пожалования... С. 50 и сл.
68. Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 116. О назначении пожалования см. в изложении аналогичного «листа» кн. Ю. Н. Трубецкому — «дати за службу на подмогу»: Там же. С. 124.
69. Там же. С. 124.
70. РГАДА. Ф. 79. Кн. 30. Л. 177 об.
71. Цит. по: *Платонов С. Ф.* Очерки... С. 457.
72. *Сухотин Л. М.* Земельные пожалования... С. 83–85.
73. АЗР. Т. 4. С. 395. № DCXC, 407. № DCCLXII.
74. См. *Scrutinium zdrady na Moskwie.* — *Racz.* 33. K. 255–255v.

75. Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 124, 126, 127.
76. О Боярской думе в годы правления Бориса Годунова см. *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 63–66.
77. *Ульяновский В. И.* Российские самозванцы: Лжедмитрий I. Киев, 1993. С. 49–52.
78. О практике пополнения думы в годы правления Василия Шуйского см. *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 279–283. Об оценках этих назначений с точки зрения традиционных норм см.: *Анхимюк Ю. В., Павлов А. П.* Местнический памфлет...
79. И. М. Салтыков 21 сентября 1610 г. получил назначение «быти в Стрелецком приказе в боярех» (Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1. С. 120), Ю. Н. Трубецкой получил «привилей на боярство думное» 26 октября 1610 г. (АЗР. Т. 4. С. 364. № CDXIII). Упоминания о королевском «листе» с пожалованием боярского сана кн. Г. П. Ромодановскому см.: СГГид. Ч. 2. № 228, «лист» 63. И. Н. Салтыков получил боярский сан 14 февраля 1611 г. (СГГид. Ч. 2. № 232). При каких обстоятельствах вошел в думу «боярин» Лжедмитрия II Н. Д. Вельяминов, установить не удалось, но его присутствие в боярском списке 1610/1611 г. в перечне бояр (*Сторожев В. Н.* Материалы по истории русского дворянства // ЧОИДР. 1909. Кн. 3. С. 75) заставляет предполагать существование соответствующего пожалования Сигизмунда III.
80. И. Н. Ржевский был пожалован в окольные 25 сентября 1610 г. (АЗР. Т. 4. С. 350. № CCLXIV). Кн. В. А. Звенигородский — 30 ноября (АЗР. Т. 4. С. 389. № DCXXII). Кн. Ф. А. Звенигородский — 3 декабря (АЗР. Т. 4. С. 391. № DCXXXVII). Сохранились упоминания о несохранившихся королевских «листах» на чин окольного кн. Ф. Ф. Мещерскому (Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 120), И. В. Головину (Там же. С. 121) и об аналогичной грамоте Д. О. Крабову, сгоревший во время пожара Москвы (АЗР. Т. 4. С. 411. № DCCLXXIII). О каких-либо аналогичных документах для кн. Ю. Д. Хворостинина, Т. В. Грязного и М. А. Молчанова сведений нет, но имеющиеся около их фамилий в боярском списке 1610/1611 г. пометы «пущон при Литве» (*Сторожев В. Н.* Материалы... С. 76–77) не оставляют сомнений в том, что они были введены в состав Думы по распоряжению Сигизмунда III. Кн. Ю. Д. Хворостинин в момент составления боярского списка 1610/1611 гг. был еще стольником, а Т. В. Грязной — московским дворянином (*Сторожев В. Н.* Материалы... С. 79, 89).
81. АИ. Т. 2. № 299.
82. АЗР. Т. 4. С. 370. № CDLXVI.
83. Там же. С. 366–367. № CDXXXVII.

84. Там же. С. 370. № CDLXVII–CDLXVIII.
85. Там же. С. 372. № CDLXXIX. В боярский список 1610/1611 г. Ф. Андронов был внесен как «казначей и думной дворянин» (*Сторожев В. И. Материалы...* С. 77).
86. Описание архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 122–123. Вместо денег А. Зборовскому выдали из казны серебряные ковши: СГГиД. Ч. 2. № 218, «лист» 49.
87. РГАДА. Ф. 79. Кн. 30. Л. 172 об.
88. АЗР. Т. 4. С. 388. № DCVIII.
89. *Сухотин Л. М.* Земельные пожалования... С. VIII–X.
90. Изданный И. О. Тюменцевым список сторонников Василия Шуйского обрывается на записи о «поместных дьяках». Имена их не названы, но ясно, что в Поместном приказе были приверженцы царя Василия, которых и сменил Грамотин.
91. АИ. Т. 2. № 306/I.
92. АИ. Т. 2. № 306/II. Действия заговорщиков, по-видимому, не ограничивались одной Москвой. В материалах, подготовленных для переговоров под Смоленском в 1615 г., упоминалось письмо А. Госевского И. М. Салтыкову в Новгород с предложением, чтоб он «новгородцов и новгородские пригороды приводил на королево имя»: РГАДА. Ф. 79. Кн. 30. Л. 181–181 об.
93. АЗР. Т. 4. С. 394. № DCLXXXIV.
94. Там же. С. 374. № CDXCV.
95. Там же. С. 382. № DLIV.
96. См. запись на Уставе — вкладе кн. Д. М. Пожарского в Никольский собор в Зарайске: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Примечания. Т. 10–12. СПб., 1853. С. 180.
97. *Станиславский А. Л.* Челобитная Вельяминовых — источник по истории России начала XVII в. // Советские архивы. 1983. С. 37. См. также: *Попов А. Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 349. Вероятно, за заслуги в борьбе с «ворами» Мирону Вельяминову было пожаловано 8 декабря 1610 г. поместье в Романовском уезде (АЗР. Т. 4. С. 395. № DCXCV).
98. См. записи в дневнике похода Я. П. Сапеги от 10 октября и 4 ноября: *Moskwa w gękach...* S. 347, 350. См. также в ответе Сигизмунда III на просьбы гетмана Жолкевского о войске, стоявшем в Иосифо-Волоколамском монастыре — по сведениям, которыми располагал король, «большая их половина пошла к самозванцу»: РГАДА. Ф. 364. Оп. 1. № 145. Л. 60.
99. *Голиков И. И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. С. 84.
100. Там же. С. 152.

101. Текст приведен в кн.: *Polak W.* O Kreml i Smoleńszczyznę. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607–1612. Toruń, 1995. S. 228–229.
102. Фр. Симонетта — кардиналу Сципиону Боргезе от 23 ноября н. ст. 1611 г.: Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Krakowie. Teki rzymskie. T. 56.
103. *Diariusz drogi...* S. 197.
104. *Голиков И. И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. С. 166.
105. *Diariusz drogi...* S. 197.
106. Фр. Симонетта — кардиналу Сципиону Боргезе от 2 января 1611 г.: Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Krakowie. Teki rzymskie. T. 56.

СПОРЫ ПОД СМОЛЕНСКОМ

К концу октября 1610 г. после целого ряда встреч сенаторов с русскими послами главным содержанием переговоров стал вопрос о Смоленске. Определились и позиции сторон. Сенаторы настаивали на том, чтобы смольняне принесли присягу Сигизмунду III и впустили в город польско-литовский гарнизон. По их расчетам такие действия должны были подготовить почву для инкорпорации Смоленской земли в состав Речи Посполитой. Но именно по этим причинам и «великие послы», и сидевшие в осаде смольняне, соглашаясь на то, чтобы была принесена присяга королевичу Владиславу как новому русскому государю, преемнику прежних русских правителей, упорно возражали и против присяги Сигизмунду III, и против ввода в крепость «литовских людей». Позиции сторон в этом отношении оставались неизменными почти до самого конца переговоров.

Сам ход переговоров обстоятельно рассмотрен на основании главного источника — пересказа статейного списка переговоров, сделанного И. И. Голиковым, в рассказе о Смуте С. М. Соловьева.

В соответствии с темой исследования будут затронуты лишь те аспекты переговоров, которые дают материал для характеристики русского общества этого времени и позволяют судить о его реакции на политику Речи Посполитой. Один из таких вопросов — вопрос об отношении к развернувшимся спорам смоленских детей боярских, находившихся за пределами смоленской крепости. В одном из предшествующих разделов работы отмечалось, что после заключения августовского договора большое количество смоленских детей боярских, сидевших в Москве в осаде, получило возможность вернуться в родные места, и большая их группа уже в

конец сентября 1610 г. появилась в королевском лагере под Смоленском, большой отряд смольнян (115 чел.) входил в состав военного конвоя, сопровождавшего «великое посольство». Многие дети боярские оказались в королевском лагере, чтобы получить у короля Сигизмунда грамоты на свои поместья, к чему их прямо побуждали польско-литовские власти. Если до битвы при Клушине, как отмечалось выше, такие грамоты получили свыше 50 смоленских помещиков, то после заключения августовского договора таких людей оказалось значительно больше. По подсчетам В. П. Мальцева, с сентября по декабрь такие грамоты получили уже 140 смоленских детей боярских. Если учесть, что в 1606 г. в смоленской дворянской корпорации насчитывалось свыше 1200 чел., то следует констатировать, что в королевскую канцелярию обратилось сравнительно небольшая часть смоленских помещиков, однако к их числу принадлежали многие представители местной дворянской верхушки ¹.

Несомненно, в выдаче таких грамот власти Речи Посполитой видели важный шаг на пути к включению Смоленщины в состав Польско-Литовского государства, а в людях, ходатайствовавших в королевской канцелярии о грамотах на поместья, — таких, кто уже выразил согласие с такой перспективой. Насколько были основательными эти расчеты, выяснилось, когда в ходе переговоров наметился очередной кризис.

Надежды послов на то, что с приездом гетмана С. Жолкевского обстановка на переговорах изменится к лучшему, не оправдались. Каково бы ни было истинное мнение гетмана о положении дел, он был вынужден присоединиться к общей линии польско-литовских представителей на переговорах, а их усилия были направлены на то, чтобы закрепить достигнутые ранее успехи вводом в Смоленск польско-литовского гарнизона. На встрече, состоявшейся 18 ноября ст. ст., сенаторы заявили, что решение всех вопросов (в том числе и вопроса о созыве сейма для достижения окончательной договоренности об условиях воцарения Владислава) откладывается до того времени, когда смольняне согласятся впустить в крепость польско-литовский отряд. Кроме того, они угрожали, что, если в ближайшие дни такая договоренность не будет достигнута, король возобновит осаду и прикажет штурмовать город ².

В этой критической ситуации «у панов рад одва упростили сроку до завтра» и собрали совещание, чтобы запросить мнение не только всех членов посольства, но и смольнян — детей боярских, прибывших вместе с посольством в королевский лагерь. Решение

участников совещания оказалось единодушным: все они «говорили накрепко, чтоб... однолично на том стояти, чтоб в Смоленск польских и литовских людей не пустити ни одного человека», так как в этом случае в будущем «нам Смоленска не видать»³.

Этот текст проливает свет на отношение смоленских детей боярских к развернувшемуся спору. Они брали грамоты на поместья от отца будущего государя в расчете на то, что новый царь будет считаться с волей своего отца, но это вовсе не означало признания власти польского короля. Они вовсе не желали отделения Смоленска от Русского государства⁴. На совещании в ночь с 18 на 19 ноября они лишь высказали свое мнение в ответ на просьбу послов. В дальнейшем они попытались сами активно вмешаться в события. Как отмечено в пересказе статейного списка, сделанном И. И. Голиковым, 28 декабря смоленские дети боярские прислали к сенаторам с «челобитьем» Ивана Бестужева⁵. Содержание «челобитья» изложено И. И. Голиковым в следующих словах: «Бьем мы челом королю о том, что все люди Московского государства приговорили и излюбили, а нас бы королевское величество тем же пожаловал, а с Москвою розниться не хотим». Как представляется, в этом челобитье мы имеем дело с отсылкой на текст августовского договора, где в ответ на предложение С. Жолкевского «быти и польским и литовским людем в приказах на рубежных городех до достаточного успокоенья Российского государства» было записано: «Московского государства всех чинов люди про ту статью великому государю челом бьют, чтоб того не было»⁶. Смольняне заявляли, что присоединяются к этому челобитью и не желают отделяться от России. Смольнян не стали слушать и «выгнали с бесчестьем». Но смольняне на этом не остановились. 30 января 1611 г. сенаторов снова посетили от имени смоленских детей боярских Иван Бестужев с товарищами, заявившие о своей солидарности с позицией «великих послов»: «Они не могут ни креста целовать королю, ни людей его в крепость пустить, а целуют они с радостью крест королевичу по московской записи»⁷.

Все эти факты ясно показывают, что смоленские помещики не желали присоединения Смоленской земли к Речи Посполитой и что власти Речи Посполитой не намерены были принимать во внимание их желания⁸.

Для темы настоящего исследования важно рассмотреть, к каким доводам правового порядка обратились стороны, обосновывая свою позицию на переговорах.

Русские послы первоначально указывали на то, что польско-литовская сторона должна просто утвердить выработанный под Москвой текст договора, однако, когда сенаторы заявили, что не считают себя связанными этим соглашением, и стали выдвигать различные требования, великие послы выступили с более глубоким обоснованием своей позиции. Разумеется, послы заявляли, что они не могут отступить от данного им наказа. Такие ссылки были обычными для деятельности русских дипломатов, но важно, что послы специально объяснили, что их заставляет так поступать. Врученные им инструкции были выработаны при участии не только патриарха и Думы, но и людей, принадлежавших ко всем «чинам» русского общества. Поэтому они не могут быть изменены «без совету всего государства»⁹. Они напомнили гетману, что на переговорах с ним «вся земля» настаивала на сохранении Русского государства в его прежних границах, и если теперь послы поступят иначе, то им «от всее земли быти в ненависти и в проклятье»¹⁰. Послы могут только выполнять волю «всей земли»: «И что нам от земли повелят, то мы и учиним»¹¹.

Эти высказывания являются еще одним важным свидетельством перемен, происходивших в сознании древнерусского общества в годы Смуты, когда сложилось представление о «всей земле» как верховном сословном органе¹². Более того, в отсутствие государя «вся земля» (собрание представителей всех «чинов» русского общества) оказывается в представлении этого общества вообще верховным органом власти, который только и правомочен принимать важные политические решения, касающиеся судеб и интересов страны.

Во всем этом было много общего со сложившимися гораздо раньше в Польско-Литовском государстве представлениями о роли сейма как собрания представителей главного сословия — дворянства, которое с наступлением бескорольевья становилось высшим органом власти в государстве. В связи с этим большой интерес вызывают заявления сенаторов, в которых отразились их представления о возможной роли и послов, и «всей земли». Ряд таких заявлений был сделан сенаторами на встрече с послами 26 октября ст. ст.

Вот первое из них: «Пришли есте не с указом, а к указу и не от государя пришли есте с челобитьем, а от Москвы к государю нашему, и что государь вам укажет, то вы и делайте». Затем в ходе переговоров оно было повторено с некоторыми важными смысловыми нюансами: «Приехали вы к государю нашему в челобитчи-

ках не от государя, а от земли, слушайте ж государя нашего повеленье, что вам прикажет, то и делайте»¹³.

Хотя в дальнейшем такие заявления не повторялись (вероятно, потому, что не оказали надлежащего воздействия на послов), само их появление заслуживает внимания, а их анализ дает важный материал для понимания отношения руководящего круга польско-литовских политиков к русскому обществу и их целей.

Если в русском обществе этих лет постепенно складывалось представление о том, что не только монарх является воплощением государства, что наряду с ним существует и «вся земля», которая несет ответственность за судьбы страны и за дурные поступки монарха, которым она не препятствует¹⁴, то сенаторы навязывали русской стороне модель отношений, согласно которой государь (даже иноземный) стоит бесконечно выше «всей земли», которая должна лишь повиноваться его приказаниям.

Что такие высказывания в устах сенаторов не были чем-то случайным, показывает их сопоставление с речью одного их главных участников переговоров — подканцлера коронного Ф. Крыйского на сейме 1611 г.¹⁵ Как бы возражая возможным оппонентам, предлагавшим вести переговоры с русскими людьми, Крыйский обращался к ним с целым рядом риторических вопросов. С кем вести переговоры? «Государя у этого народа нет, он не является свободным, воспитан под властью тиранов». О чем вести переговоры? «Если о Московском государстве и столице, то они уже у нас в руках, если о государе, то должны того принять, кого им дадут, и терпеть то, что прикажет победитель».

В отношении Речи Посполитой к ее восточному соседу, в представлениях польско-литовских политиков о возможных целях восточной политики этого государства к концу XVI в. можно отметить проявление двух тенденций. Одна из них была связана с представлениями о расширении границ Речи Посполитой благодаря вовлечению России в орбиту польского культурного влияния и предоставлению дворянству соседнего народа прав и привилегий польской шляхты. Странником таких взглядов есть основание считать гетмана С. Жолкевского. Другая была связана с представлениями о заключении «неравноправной унии», когда Русское государство превратилось бы в неравноправный придаток Речи Посполитой. Общий правитель обоих государств избирался бы на трон польско-литовскими магнатами и шляхтой без какого-либо участия русских людей. В России он оставался бы

самодержавным государем, использовавшим ее силы и средства в интересах Речи Посполитой. Приведенные выше высказывания позволяют говорить о короле и его советниках как приверженцах именно такого решения.

В записках офицера московского гарнизона С. Маскевича сохранилось интересное сообщение о беседах, которые он и его товарищи вели в Москве с русскими детьми боярскими. «В разговорах, — писал С. Маскевич, — наши хвалили им вольности, чтобы, с нами соединившись, ее добыли». Но, по словам Маскевича, реакция русских современников была сдержанной: «Ваша вольность для вас хороша, а наша неволя для нас». «У вас, — говорили они, — более могущественный угнетает более худого; вольно ему взять у более худого имение и его самого убить». В польско-литовском обществе никто не может гарантировать более бедному сохранение его «вольности», а в русском царь может защитить самого бедного сына боярского от самого богатого боярина¹⁶. Очевидны различия между позицией сенаторов под Смоленском и королевских офицеров — простых шляхтичей, которые совсем не были против того, чтобы русские дети боярские приобрели те же «вольности», которыми обладала польская шляхта. Очевидно также, что дети боярские не хотели этих «вольностей» не от темноты и невежества, а поскольку обладали знанием о том, сколь несовершенным оказывалось практическое осуществление этих «вольностей» в особенности в восточных, граничащих с Россией областях Речи Посполитой¹⁷.

Возможно, в ходе дальнейших дискуссий отношение русского дворянства к шляхетским «вольностям» могло бы и измениться, но начавшийся диалог не получил продолжения на более высоком уровне. На переговорах сенаторы не предлагали представителям русского общества каких-либо «прав» и «вольностей», они, напротив, требовали подчиняться распоряжениям их государя, в частности относительно Смоленска.

Еще до приезда гетмана С. Жолкевского в королевский лагерь «великие послы» выразили желание связаться с Москвой, чтобы получить указания, как отвечать на предложения сенаторов¹⁸. Но в течение достаточно долгого времени сенаторы не давали на это разрешения: как писали послы в своей отписке в Москву, они с такой просьбой обращались к сенаторам «многжида, и они нам не отказали, а послать не поволители»¹⁹. Очевидно, Сигизмунд имел основания опасаться, что из Москвы послы не получат благоприятных для него указаний. Со временем, однако, позиция короля и

сенаторов в этом вопросе изменилась. Добиться от послов уступок не удалось, а предпринятый было новый штурм Смоленска закончился так же неудачно, как и предшествующие²⁰. Вместе с тем успехи, достигнутые в Москве, обнаружившаяся далеко заходящая уступчивость Боярской думы, готовой выполнять распоряжения Сигизмунда III, давали основание надеяться, что с помощью Думы удастся сломить сопротивление послов и жителей Смоленска и добиться заключения соглашения, отвечающего интересам короля и Речи Посполитой.

21 ноября 1610 г. Сигизмунд III обратился со специальным посланием к Боярской думе²¹. В основном ее содержание воспроизводило то, что уже ранее на переговорах излагали послам сенаторы. Отвечая согласием на просьбу «дать королевича», король одновременно объяснял, что все вопросы, касающиеся условий, на которых Владислав будет править Россией и Речью Посполитой в будущем, будут решены на сейме, но в настоящее время король не может направиться на сейм, так как в его отсутствие не удастся добиться «успокоения» Московского государства: Лжедмитрий II еще силен, ему на помощь идут отряды татар. «А нам видит се спотреба, — писал король, — первой вора калужского знесть и зглядить и людей его... развести, покарать и выгнать». Но король не может идти против «вора» и оставить Смоленск, так как, по имеющимся у него сведениям, в Смоленской крепости много сторонников «вора», которые «за него сидеть и умирать хотят», и сам смоленский воевода М. Б. Шеин послал к нему своего гонца.

Но грамота была написана не только для того, чтобы еще раз сформулировать позицию польско-литовской стороны на переговорах. Откладывая решение всех важнейших вопросов до созыва сейма, он одновременно настоятельно советовал дать послам указания для немедленного решения некоторых вопросов: «о знесении вора», о «воровстве смоленских сидельцев», которые поддерживают этого «вора», а также о возмещении расходов, понесенных королем во время похода, и выплате жалованья польско-литовскому войску.

Сообщения о связях смольнян и их воеводы с Лжедмитрием II, использовавшиеся и во время переговоров с послами, чтобы обосновать требование о вводе польско-литовского гарнизона в Смоленск, вызывают сильные сомнения в своей достоверности, им противоречит тот хорошо известный факт, что Смоленск на западе России был одним из главных центров сопротивления Лжедмитрию II, нет указаний на какие-либо контакты смольнян с

Самозванцем и в сохранившихся документах смоленской воеводской избы, не вызвали эти сообщения доверия к себе и у послов²². Эта версия, несомненно, была пущена в ход для того, чтобы дать хоть какое-то обоснование требованию о вводе в Смоленск польско-литовского гарнизона. Сигизмунд III стремился, используя страх членов Боярской думы перед Лжедмитрием II, добиться быстрого решения двух вопросов — сдачи Смоленска и получения средств из царской казны для дальнейшего ведения военных действий.

О результатах, к которым привел этот шаг короля, можно судить по содержанию грамот великим послам и смольнянам, доставленным под Смоленск 25 декабря. Грамоту послам доставил Борис Грязной, бывший стольник Лжедмитрия II и один из участников февральского посольства 1610 г.²³ — очевидно, круг бывших сторонников Лжедмитрия II в Москве стремился держать эти контакты под своим контролем. Хотя И. И. Голиков не полностью воспроизвел содержание грамоты, все же можно установить, что Боярская дума не во всем пошла навстречу требованиям короля. Так, здесь читаем, что о «коште и накладе» Дума будет договариваться с А. Госевским, «как... Московское государство успокоится». Однако по вопросу о Смоленске Боярская дума пошла на уступку. Послы должны были согласиться на то, чтобы смольняне принесли присягу не только королевичу, но и королю и чтобы они выпустили в город польско-литовский гарнизон²⁴.

Другой гонец — Василий Колединский — привез грамоту смольнянам с аналогичными предложениями. Грамота заканчивалась словами: «...а только не учнете делати по нашему совету... и не учнете бити челом им, великим государем, и мы вам объявляем, что вам от нас помочи не будет некоторые... и вам бы однолично всякой умысл оставити, крест целовати по их государской воле»²⁵. Еще не дождавшись реакции на свое послание, король послал в Москву новую грамоту с гонцом Лукашем Исайковским²⁶. В этой грамоте (ее содержание излагается в тексте ответа Боярской думы)²⁷ Сигизмунд III уже прямо жаловался на послов, что они с Михаилом Шеиным «намовы не чинят», и поэтому тот не целует креста королю. Он снова рекомендовал боярам «одписать, не задерживаясь», чтобы смольняне принесли присягу и выпустили в крепость «литовских людей». Одновременно боярам было передано устное пожелание короля, чтобы послы отправились в Вильну для встречи с королевичем. Такое пожелание вполне понятно, так как Сигизмунд III не предполагал вести с послами никаких серьезных

переговоров. После решения вопроса о судьбе Смоленска они были ему вообще не нужны, и он хотел бы отправить их подальше, чтобы они своим нежелательным вмешательством не затруднили бы его действия по «успокоению» Московского государства.

Бояре ответили, что они направят новую грамоту Шеину, чтобы он привел смольнян к присяге и впустил в город польско-литовский гарнизон. При этом, однако, бояре настаивали на том, чтобы Смоленск не был оторван от Русского государства. Таким образом, уступчивость Думы имела свои границы.

Для короля Сигизмунда такие оговорки, как представляется, большого значения не имели. Важно было то, что Боярская дума приказывала впустить польско-литовский гарнизон в Смоленск. Однако и послы, и смольняне отказались подчиниться приказам Думы. С развернутым обоснованием их позиции выступил на встрече 27 октября ст. ст. кн. Василий Вас. Голицын. «Отпускали нас, — говорил он, — патриарх и бояре и все люди Московского государства», именно они, а не «одни бояре» дали послам их наказ. А теперь бояре изменяют эти указания «мимо патриарха и всего освященного собора и не по совету всех людей Московского государства»²⁸. Поступать так бояре не вправе — «надобно ныне делати по общему совету всех людей, а не одним бояром, всем государь надобен»²⁹.

Выступления эти исходили от главных послов, но отражали точку зрения всего посольства. Как видно из публикации И. И. Голикова, решение не признавать правомочными боярские грамоты было принято на собрании всех членов посольства. Решение это аргументировалось не только тем, что грамоты были написаны «без ведома всея земля», но и тем, что они, подчинившись боярам, «останутся... от патриарха в проклятии, а от всей земли в омерзении»³⁰.

Когда и на следующей встрече, 28 октября, позиция послов не изменилась, сенаторы дали волю своему возмущению. Когда послы уходили с места переговоров, «и паны рада послов лаяли, а говорили: не послы то, воры»³¹.

Таким образом, послы продолжали отстаивать зародившееся и формировавшееся в годы Смуты представление, что в отсутствие государя лишь «вся земля» — собрание представителей всех «чинов» русского общества — может быть высшим органом власти, полномочным решать вопросы, касающиеся судеб всего общества (как, например, вопрос о том, кто станет во главе этого общества как его новый государь). Так в своеобразной местной форме на русской почве был сформулирован один из главных принципов

идеологии средневекового сословного общества — «то, что касается всех, должно быть одобрено всеми».

Хотя именно на этом принципе (если говорить о дворянстве Речи Посполитой) основывалась деятельность высшего органа государственной власти этого государства — сейма, сенаторы не проявили готовности с ним считаться, столкнувшись с его проявлением на русской почве. Если на раннем этапе споров они требовали подчинения русского общества распоряжениям государя, то теперь речь шла о распоряжениях Боярской думы. «Варварское» общество, воспитанное в условиях «тирании», должно было, в представлении сенаторов, беспрекословно повиноваться приказам сверху, и, когда этого не произошло, их охватило возмущение.

То обстоятельство, что Боярская дума, выступая со своими предписаниями, не смогла при этом заручиться поддержкой духовенства, представителей дворянства и посада (как это имело место при подписании августовского договора), явно говорило о слабости позиций московского правительства в стране. Это, в свою очередь, ставило под вопрос те успехи, которых достиг Сигизмунд III, подчиняя это правительство своим распоряжениям. Объективно это было серьезным предостережением для короля и его советников, которого они не смогли и не захотели заметить.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Мальцев В. П.* Борьба за Смоленск. Смоленск, 1940. С. 318.
2. Сб. РИО. Т. 142. С. 202–203.
3. Там же. С. 204.
4. Так ход событий показал правильность предостережений послов, советовавших сенаторам не переоценивать достигнутых успехов: смольняне берут грамоты, чтобы сохранить свои поместья и вотчины, а не по доброй воле: *Голиков И. И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. М., 1790. Т. 2. С. 65.
5. *Голиков И. И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. С. 173–174; Иван Бестужев — выборный дворянин Иван Дм. Бестужев. № 19 в смоленской десятне 1606 г.: *Мальцев В. П.* Борьба ... С. 365.
6. СГГид. Ч. 2. № 199. С. 394.
7. *Голиков И. И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. С. 191–192.
8. Эти выступления смоленских детей боярских никак не отмечены ни в дневнике похода Сигизмунда III, ни в письмах польских и литовских политиков с информацией о переговорах.

9. Голиков И. И. Дополнения к деяниям Петра Великого. С. 104–105.
10. Сб. РИО. Т. 142. С. 206–207.
11. Голиков И. И. Дополнения к деяниям Петра Великого. С. 115.
12. Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 159–166.
13. Голиков И. И. Дополнения к деяниям Петра Великого. С. 88–89.
14. См. подробнее: Яковлев А. «Безумное молчание». (Причины Смуты по взглядам русских современников ее) // Сборник статей, посв. В. О. Ключевскому. М., 1909.
15. Соответствующий раздел выступления опубликован: Цветаев Д. В. Царь Василий Шуйский и места погребения его в Польше. Варшава. 1910. Т. 1. С. 69.
16. Moskwa w rękach polaków. Pamiętniki dowódców i oficerów garnizonu polskiego w Moskwie w latach 1610–1612. Kraków, 1995. S. 182.
17. Ряд ярких примеров бесправия шляхты в ее спорах с магнатами–князьями на территории украинских воеводств Речи Посполитой см.: Яковенко Н. М. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993. С. 110–112.
18. Голиков И. И. Дополнения к деяниям Петра Великого. С. 90.
19. Сб. РИО. Т. 142. С. 208.
20. Diariusz drogi króla JMci Zygmunta III od szczęśliwego wyjazdu z Wilna pod Smoleńsk w roku 1609 a die 18 Augusta, fortunnego powodzenia przez lat dwie do wzięcia zamku Smoleńska w roku 1611 / Opr. J. Byliński. Wrocław, 1999. S. 198–199.
21. Текст послания (без начала): Сб. РИО. Т. 142. С. 186–197. См. также: Racz. Rkp. 33. K. 229^v–232.
22. Голиков И. И. Дополнения к деяниям Петра Великого. С. 120–121. Сб. РИО. Т. 142. С. 199, 201, 203–204.
23. Голиков И. И. Дополнения к деяниям Петра Великого. С. 151.
24. Там же. С. 152–153.
25. Там же. С. 154.
26. Выехал 16 декабря н. ст.: Polak W. O Kreml i Smoleńszczyznę. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607–1612. Toruń, 1995.
27. Текст грамоты бояр см.: Racz. Rkp. 33. K. 237–237^v.
28. Голиков И. И. Дополнения к деяниям Петра Великого. С. 164–165.
29. Там же. С. 169–170.
30. Там же. С. 159–160. То же заявили посольские дворяне и сенаторам, пытавшимся обвинить послов в том, что те скрывали от членов посольства боярские грамоты. (Там же. С. 175).
31. Там же. С. 172. Ср. Diariusz drogi... S. 205. Интересно отметить, что в дневнике похода Сигизмунда III о позиции послов сказано вскользь, и их аргументы не приведены.

НОВЫЕ УСПЕХИ СИГИЗМУНДА III

В январе 1611 г. положение выглядело внешне как весьма благоприятное для королевских планов. Прежде всего изменилось положение на северо-западе России. На Рождество 1610 г. Григорий Валув с дворянским ополчением и отрядами запорожских казаков сумел взять штурмом один из главных центров, которые удерживали сторонники Лжедмитрия II, — Великие Луки. Триста стрельцов и детей боярских укрылись в крепости, но, когда сдались, были перебиты казаками. После этого Невель и Заволочье принесли присягу королевичу¹. Из королевского лагеря был отправлен представитель, который должен был принять эти города у запорожцев и организовать сбор доходов в королевскую казну. В дальнейшем предполагалось передать их в управление назначенных королем старост². В Великие Луки для управления городом и уездом был послан Ян Война Ясенецкий, в Невель — Скотницкий, в Заволочье — полоцкий хорунжий Голубицкий. Г. Валуву был послан приказ идти к Пскову, «чтобы эту крепость под власть его королевской милости приводить»³.

Изменилась в пользу короля и ситуация на юге. Посланный в конце 1610 г. под Серпухов с отрядом ротмистра Христофора Высочинского кн. Юрий Никит. Трубецкой добился того, что население этого города принесло присягу Владиславу⁴. Вскоре после этого 11/21 декабря в Калуге татарами был убит Лжедмитрий II, и начался распад его лагеря⁵. Уже на следующий день после убийства один из ближайших сподвижников «царя» кн. Григорий Петр. Шаховской предложил калужскому «миру», что он поедет в Москву с «повинной»⁶. Его предложение не было принято, и в Москву были посланы другие лица — стольник Михаил Матв.

Бутурлин и дьяк Богдан Сутупов. Узнав о смерти Лжедмитрия II, Боярская дума приказала кн. Юрию Никит. Трубецкому идти «ис Серпухова в Калугу»⁷.

Уже 17 декабря ст. ст. Боярская дума извещала воевод Торопца, что из бывшей столицы Лжедмитрия, Калуги, в Москву «прислали дворян и детей боярских и лутчих посацких людей с повинною челобитною». К этому же времени «добили челом» новому государю — Владиславу — такие города, как Тула, Алексин, Медынь⁸. В разрядных записях сохранилось сообщение о посылке 25–26 декабря детей боярских приводить к присяге население Козельска и Тулы⁹. 3 января 1611 г. присланный из Серпухова кн. Ю. Н. Трубецкой привел к присяге население Калуги¹⁰. Как стало известно послам под Смоленском, и ряд других городов — Орел, Болхов, Белев, Карачев «целовали крест королевичу по московской записи, и воевод в те города с Москвы бояре прислали»¹¹. Принес присягу Владиславу и Одоев¹². Таким образом, на всей территории страны успешно утверждалась власть московского правительства, проводившего политику сотрудничества с Сигизмундом III.

В деле подчинения этого правительства власти Сигизмунда III к январю 1611 г. также были достигнуты заметные успехи. Помимо раздачи земель и «чинов» королевская канцелярия стала все более широко использовать практику назначения на конкретные должности. Первый шаг в этом направлении был предпринят 29 октября н. ст., когда по рекомендации гетмана Жолкевского заместником Вязьмы был назначен кн. Иван Енгилдеев¹³, но с ноября 1610 г. такие назначения начали становиться правилом. 18 ноября Нелюбу Суколенову был «дан лист на воеводство на Вологде»¹⁴, 30 ноября «по челобитию Оксентия Сназина велено ему быти в воеводах в Костроме или в котором ином городе»¹⁵. 2 декабря воеводой на Белоозеро был назначен Андрей Нелюбович Суколенов¹⁶, 3-го — Матвей Ржевский был назначен воеводой в Ярославль¹⁷, 6 декабря Венедикту Хомутову «велено... быти в воеводах в Орешке»¹⁸. 13 декабря боярам было «велено» послать Филимона Мих. Озерова воеводой «в Романов или Балахну»¹⁹.

Но, может быть, наиболее симптоматичным было то, что в королевской ставке под Смоленском стали производить назначения и на гораздо более низкие должности. Характерно, что уже вслед за назначением вяземского воеводы последовало пожалование на «подьячество вяземское»²⁰, 3 декабря Семену Тютчеву было «велено быть в приказных в Муроме»²¹. Сохранились также сведения

об утраченных королевских «листах», по которым Иван Горихвостов был назначен дьяком в Нижний Новгород ²², а Богдану Исакову 3 января 1611 г. было предложено или «быть у дела» в Новодевичьем монастыре, или стать одним из «приказных людей» вологодского архиепископа ²³. В декабре 1610 г. под Смоленском были назначены и ключники в Кормовой и Хлебный дворцы ²⁴.

Наконец, в декабре 1610 г. из королевской канцелярии стали посылать в Москву распоряжения и по другим вопросам. Так, 3 декабря «по челобитью торгового человека Третьяка Клепикова велено в Разбойном приказе дело вершители» ²⁵, 6 декабря по челобитью Михаила Молчанова было приказано «дать суд на князя Федора Волконского» ²⁶. Тогда же Тимофей и Третьяк Клепиковы получили под Смоленском «полетной лист», определивший порядок уплаты ими долгов по кабалам ²⁷. Нижегородскому воеводе кн. Александру Репнину на Рождество 1610 г. было послано распоряжение разыскать и вернуть беглых крестьян Григория Доможирова ²⁸.

Продолжал Сигизмунд распоряжаться и казной. В декабре 1610 г. по его требованию были высланы под Смоленск меха, присланные из Сибири ²⁹. Другим распоряжением он предписывал выплатить из казны 1640 руб. Григ. Шорину и другим купцам «за соболи, что взял у них под Смоленском» ³⁰.

Сигизмунд III стал чувствовать себя столь уверенно, что начал раздавать города в управление своим офицерам. Так, 9 декабря 1610 г. Рославль с уездом был отдан в управление ротмистру Янушу Порыцкому ³¹. В королевской канцелярии стал обсуждаться вопрос о рассылке из Москвы на воеводства в дальние города людей, вызвавших недовольство Сигизмунда III: папский нунций сообщал в Ватикан, что кн. Андрея Вас. Голицына хотят отправить на воеводство за 200 миль от Москвы сроком на 3 года ³².

С декабря 1610 г. заметно ускорился процесс перехода отдельных отраслей государственного управления в руки угодных королю лиц. 2 декабря «во дворец» был назначен дьяк Василий Нелюбов ³³. 4 декабря Андрей Иванов и Степан Соловецкий были назначены дьяками Новгородской чети, а Сарыч Линева посажен в Новгородском разряде ³⁴, 12 декабря Михаил Бегичев получил назначение в Казанскую избу ³⁵, 19 января дьяками в Большой дворец были назначены Михаил Тюхин и Богдан Губин ³⁶.

Тогда же король позаботился о том, чтобы передать своим приверженцам важнейшие придворные чины. 5 декабря стал кравчим посланец М. Г. Салтыкова, кн. Андрей Фед. Масальский ³⁷, 11 декаб-

ря ясельничим был назначен Иван Никиф. Чепчугов³⁸. 21 января вместо И. В. Измайлова оружничим был назначен Лев Афан. Плещеев, бывший кравчий Лжедмитрия II и один из участников февральского посольства к Сигизмунду III³⁹. Таким образом, несмотря на проявления преданности со стороны Измайловых, важная придворная должность была передана одному из людей круга М. Г. Салтыкова. Завершила перемены грамота Сигизмунда III от 20 января 1611 г.⁴⁰, установившая распределение приказов в соответствии с проектом, намеченным еще в сентябре. В Пушкарском приказе был посажен кн. Юрий Дм. Хворостинин, в Ямском — Никита Дм. Вельяминов, в Большом приходе — кн. Федор Фед. Мещерский, в Монастырском приказе — Тимофей Вас. Грязной, в Панском приказе — М. А. Молчанов. Все эти люди, введенные Сигизмундом III в Думу, принадлежали к кругу бывших сторонников Лжедмитрия II, которые «почали» служить королю «прежде всех» и на поддержку которых Сигизмунд III мог рассчитывать при осуществлении своих планов.

Одновременно в ряд приказов были назначены новые дьяки. В Устюжскую четверть — Федор Апраксин, на старый Земский двор — Семейка Дмитриев, на новый Земский двор — Афанасий Царевский. Судя по пометам в боярском списке 1610/1611 г., эти люди стали дьяками «при Литве»⁴¹.

Боярская дума снова пошла навстречу требованиям Сигизмунда III относительно Смоленска. 23 января Иван Никитич Салтыков⁴² доставил в королевский лагерь грамоту Боярской думы смольнянам. Как впоследствии вспоминал М. Б. Шеин, в грамоте предписывалось, чтобы он «во всем отдался на волю и ласку короля»⁴³. 29 января Иван Безобразов доставил туда же грамоту, скрепленную рукоприкладствами членов Думы, в которой послам снова предписывалось убедить смольнян выполнить требования Сигизмунда III, а затем ехать к королевичу в Вильну⁴⁴. Наконец, начали колебаться и сами «великие» послы, отступив от своей первоначальной позиции. Они уже стали соглашаться на вступление в Смоленск небольшого отряда (100 чел.) при условии, что король со всем войском отойдет от города⁴⁵.

Королевская канцелярия под Смоленском продолжала работать с большим размахом. На протяжении декабря 1610 г. здесь было выдано 90 грамот на владения (по данным реестра пожалований Сигизмунда III). Служилые, а отчасти и торговые люди, улавливая происходившие перемены, направлялись искать мило-

сти в королевском лагере. Помимо бывших здесь постоянными гостями людей «столичных чинов» не менее часто стали появляться рядовые служилые люди не только из близлежащих западных уездов, но подчас и с территорий, далеко отстоявших от Смоленска. Так, например, 3 декабря служилые татары Асан и Яким Кучумовы получили поместье в Ростовском уезде⁴⁶. 9 декабря Гаврила Вас. Исканский получил грамоту на поместье брата в Романовском уезде⁴⁷. Тогда же Семен Фед. Сытин получил грамоту с распоряжением о возврате ему его поместья в Галицком уезде⁴⁸. Вместе с ним приехала искать милости целая группа галицких детей боярских⁴⁹.

Все это как будто говорило о том, что власть короля на русской территории постепенно укрепляется, и создаются благоприятные условия для перехода в его руки не только фактически, но и юридически всей полноты власти в Русском государстве. Но уже в январе 1611 г. стали обнаруживаться тревожные симптомы.

Правда, и в начале 1611 г. люди, принадлежавшие к столичным чинам, продолжали, добиваясь новых владений и новых поместных и денежных окладов, посещать королевскую ставку. Так, в январе 1611 г. лично выехал под Смоленск один из новых членов Думы боярин кн. Григорий Петр. Ромодановский, который добился не только назначения ему поместного оклада в 2000 четвертей, но и королевского распоряжения наделить его в счет оклада «из-ызмненничьих и из выморочных поместий». 3 февраля князь подал королевскую грамоту боярам в Москве⁵⁰. Приверженцы короля из числа бывших сторонников Лжедмитрия продолжали получать щедрые пожалования. Так, Льву Афан. Плещееву, наделенному должностью оружничего, 24 января был одновременно установлен поместный оклад в 1200 четвертей и пожаловано свыше 700 четвертей земли «в Бежецкой пятине ис черных волостей»⁵¹.

Составить цельное представление о деятельности королевской канцелярии в январе 1611 г. не так легко, так как большой реестр пожалований Сигизмунда III, использованный в предшествующих разделах работы, обрывается на записи от 9 января, и это единственная запись, датированная первым месяцем 1611 г.⁵² Правда, сохранился и опубликован содержащийся в одной из книг Литовской Метрики особый реестр с записями пожалований за этот месяц⁵³. Однако этот реестр составлялся иначе, чем предшествующий. Сохранился, а также известен по упоминаниям целый ряд королевских «листов» этого времени о пожаловании лю-

дям столичных «чинов» должностей, чинов, поместных и денежных окладов, владений (некоторые из этих документов уже упоминались на предшествующих страницах). О выдаче этих «листов» в сохранившемся реестре за январь никаких записей нет. В нем, очевидно, фиксировались лишь земельные пожалования рядовым служилым людям.

Сопоставление этого реестра с предшествующим реестром пожалований Сигизмунда III позволяет отметить одну важную особенность. Круг служилых людей, посещавших королевскую ставку, чтобы хлопотать о пожалованиях, серьезно изменился. Среди получателей королевских «листов» мы видим теперь только детей боярских из западных и северо-западных уездов Русского государства⁵⁴. Служилые люди других регионов перестали ездить за пожалованиями под Смоленск. В этом нельзя не видеть один из важных симптомов нарастания напряженности в отношениях между польско-литовской властью и значительной частью русского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. письмо Л. Сапеги — начала 1611 г.: *Prochaska A.* Wyprawa na Smoleńsk (Z listów litewskiego kanclerza r. 1609–1611) // *Kwartalnik litewski.* 1911. S. 76.
2. См. текст инструкции Александру Служу, отправленному 10 февраля 1611 г. в Великие Луки: *Racz. Rkr.* 33. K. 270–270v.
3. *Ibid.* K. 271.
4. *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 217, 256.
5. *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 515–516.
6. *АИ.* Т. 2. № 307.
7. *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 217.
8. *Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века / Сост. А. В. Антонов.* М., 1998. Т. 2. № 185. С. 174.
9. *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 256.
10. *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 515–516. О положении в Калуге после смерти Лжедмитрия II см.: *Смирнов И. И.* Конрад Буссов и его хроника // *Буссов К.* Московская хроника. 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 28–30.
11. *Голиков И. И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. М., 1790. Т. 2. С. 198.

12. См. запись об этом в дневнике похода Я. П. Сапеги от 19 января н. ст. 1611 г.: *Moskwa w rękach polaków. Pamiętniki dowódców i oficerów garnizonu polskiego w Moskwie w latach 1610–1612.* Kraków, 1995. S. 358.
13. АЗР. Т. 4. С. 366. № CD XXXV.
14. Там же. С. 379–380. № DXXXII.
15. Там же. С. 388. № DCX.
16. Там же. С. 390. № DCXXVIII.
17. Там же. С. 391. № DCXLI.
18. Там же. С. 394. № DCLXXXI.
19. Там же. С. 400. № DCCXXVIII.
20. Там же. С. 367. № CDXXXIX.
21. Там же. С. 391. № DCXLII.
22. Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. С. 119.
23. Там же. С. 120.
24. АЗР. Т. 4. С. 390–391, 399.
25. Там же. С. 391. № DCXXXVIII.
26. Там же. С. 394. № DCLXXXII.
27. Там же. № DCLXXIX.
28. Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 116.
29. Сб. РИО. Т. 142. С. 216.
30. Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 119. Григорий Шорин был под Смоленском в ноябре 1610 г.: Сб. РИО. Т. 142. С. 204.
31. АЗР. Т. 4. С. 396–397. № DCCI.
32. Фр. Симонетта — кардиналу Сципиону Боргезе, 2 января 1611 г.: *Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Krakowie. Teki rzymskie.* Т. 56.
33. Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 121.
34. АЗР. Т. 4. С. 392. № DCLIV.
35. Там же. С. 399. № DCCXV.
36. Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 118.
37. АЗР. Т. 4. С. 393. № DCXII.
38. Там же. С. 399. № DCCXIII.
39. Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 116.
40. СГГиД. М., 1813. Ч. 2. № 219. Ср. РГАДА. Ф. 79. Кн. 30. Л. 133 об.
41. *Сторожев В. Н.* Материалы по истории русского дворянства // ЧОИДР. 1909. Кн. 3. С. 58.
42. *Голиков И. И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. С. 183. См. в описи архива Посольского приказа: «Лист от короля к бояром, велено Ивана Микитина сына Салтыкова отпустить к королю под Смоленск, писан от Рождества Христова 1611-го генваря в 2 день» (Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 116). Эта запись об

утраченном документе ясно показывает, что поездка была предпринята по приказу короля.

43. См. запись допроса Шеина: Czart. Rkp. 105. № 40. К. 165.
44. *Голиков И. И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. С. 185–186.
45. Там же. С. 176.
46. АЗР. Т. 4. С. 390. № DCXXXV.
47. Там же. С. 395. № DCXCIII.
48. Там же. С. 396. № DCXCVIII.
49. Там же. С. 399–401. № DCCXVI, DCCXVIII, DCCXIX, DCCXXXI.
50. Текст грамоты Сигизмунда III от 23 января н. ст. с пометами на ней см.: СГГид. Ч. 2. № 220.
51. Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 118–119.
52. АЗР. Т. 4. С. 403.
53. *Сухотин Л. М.* Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 гг. // ЧОИДР. 1911. Кн. 4. С. 117–122.
54. Единственное исключение составляют князья Семен, Иван и Матвей Прозоровские, выхлопотавшие королевскую грамоту на родовую вотчину – село Прозорово (*Сухотин Л. М.* Земельные пожалования... С. 118).

НАРАСТАНИЕ НАПРЯЖЕННОСТИ И КРИЗИС

В августе-сентябре 1610 г. значительная часть населения России поддержала ту программу «умиротворения» страны, которая была зафиксирована в тексте августовского договора. На условиях этого договора — «по московской записи» — приносили присягу Владиславу и города юга России после смерти Лжедмитрия II. К этому времени, когда пошел четвертый месяц с момента заключения соглашения, стало становиться все более ясным, что ожидания, которые связывало с ним русское общество, не оправдываются.

Русские люди связывали надежды на прекращение Смуты и восстановление порядка со скорым приездом нового государя, но к началу 1611 г. новый государь не только не приехал, но и не было известно, когда это произойдет. В январе 1611 г. даже Боярская дума решилась обратить внимание Сигизмунда III на такое положение. Бояре писали, что «такова тяжка времени долго терпети не могут. И вам бы, великому государю... свое государское милостивое обещание делом совершити», королевича «отпустить вскоре, покаместа Московское государство конечно не разорится»¹.

Московские «чины» рассчитывали, что польско-литовские войска помогут поскорее покончить с «калужским вором» и затем покинут русскую территорию, но и эти ожидания не оправдались. Никакого похода против Лжедмитрия II предпринято не было. Король и его окружение были даже заинтересованы во временном существовании Самозванца на южных окраинах государства, угроза с его стороны заставляла московских бояр искать поддержки у короля. Все ограничилось посылкой на границу с владениями Лжедмитрия II войск Яна Петра Сапеги, которые никаких серьезных военных действий не вели².

Польско-литовские войска не только не отошли на запад, как это предусматривалось в августовском договоре, но разместились в самом центре страны — Москве. 14 октября н. ст. на содержание войска были выделены приставства на территории Замосковского края³. О том, как отправленные из Москвы отряды собирали средства на свое содержание, сохранилось свидетельство в грамоте из Ярославля в Вологду: «И к нам в Ярославль с Москвы паны приезжали и кормы на нас правили нещадно»⁴. По свидетельству С. Маскевича, сбор кормов сопровождался многочисленными актами насилия: «Вели себя так, как кому хотелось, и у самого большого боярина, если хотели, жену или дочь брали насильно»⁵. Таким образом, офицеры и солдаты королевской армии вели себя ничуть не лучше, чем действовавшие на той же территории в недалеком прошлом войска из Тушина.

На юге, в городах по верхней Оке, стояли войска Я. П. Сапеги, вымогавшие у населения поборы, как привыкли это делать в Тушине⁶. Во время пребывания в приокских городах, как вспоминали в начале 1611 г. князья Юрий и Дмитрий Трубецкие, эти войска «Алексин высекли и сожгли, к Крапивне и к Белеву приступали»⁷.

В западных уездах страны содержание королевской армии также возлагалось на местное население. Так, 20 ноября 1610 г. Сигизмунд III передал полку Павла Рутцкого, стоявшему в Иосифо-Волоколамском монастыре, сбор в свою пользу доходов с дворцовых сел в Волоцком и других уездах⁸. В материалах, подготовленных для переговоров под Смоленском, отмечалось, что «Рутцкои с товарищи и черкасы, стоя около Москвы на Волоке... многих Московского государства всяких людей побивали и грабили»⁹. Очевидно, насилия солдат этого полка произвели особенно сильное впечатление. Для армии, стоявшей под Смоленском, также были выделены «приставства». В результате даже те местные дети боярские, которые получили грамоты на поместья от Сигизмунда III, не могли пользоваться доходами со своих владений. Один из них, И. И. Зубов, обращаясь к королю и к Владиславу, в своей челобитной писал: «наше поместейцо держат в приставстве поляки и литва... велите, государи, то наше поместейцо из приставства очистити»¹⁰.

Положение усугубил приход зимой 1610/11 г. на русскую территорию больших отрядов запорожских казаков, которые стали разорять южные города, присягнувшие Владиславу¹¹.

Русские люди рассчитывали, что договор обеспечит не только скорый уход иноземных войск, но и сохранение территориальной

целостности Русского государства в тех границах, в каких оно существовало до Смуты. Но и эти ожидания не оправдались. И после подписания договора королевская армия продолжала осаждать и штурмовать Смоленск, хотя население и власти города неоднократно выражали готовность принести присягу королевичу.

Росту напряженности содействовали, как увидим далее, проникновение в русское общество слухов, что Сигизмунд III сам хочет взять в свои руки власть над Россией, а это ставило под угрозу ее существование как самостоятельного государства.

Вызывая раздражение в обществе, действия новой власти одновременно вели к тому, что стала ослабевать поддержка, которую до сих пор ей оказывал правящий слой. Стоит отметить, что, как наиболее вопиющий пример беззакония новой власти в материалах, подготовленных для переговоров под Смоленском, приводились произведенные в начале 1611 г. назначения в приказы. Такими назначениями «достойных отцовских детей... всех из всех приказов зринули», а на их место поставили «самых худых людей, торговых мужиков детей, молодых детишек боярских»¹². Особенно возмущало пожалование думных чинов выходцам из купеческой среды. На переговорах 1615 г. послы с возмущением говорили, что «прислали... в казначеи кожевника детину Фетку Ондронова, в думные дьяки овчинника Степана Соловецкого да замошника Баженка да суконника Кирилка Скробовицкого, Васку Юрьева поповича и иных таких же простых худых людей»¹³. Все эти назначения делались за взятки: «Хто даст Лву (Сапеге. — Б. Ф.) пару соболей, то дьяк думный, а хто сорок — тот боярин и окольничий»¹⁴. Хотя подношения, конечно, имели место, решающей роли они, разумеется, не играли. Речь шла о передаче органов управления в руки бывших сторонников Лжедмитрия II, в преданности которых новая власть была уверена. Но это одновременно означало и оттеснение на второй план тех групп правящей верхушки, в руках которых эти органы ранее находились. Как отмечалось в тех же материалах для смоленских переговоров, А. Говсевский «старых дьяков, которые были при прежних царях, всех отженул прочь, а иным ничего делать не велел»¹⁵. Такое одностороннее покровительство бывшим тушинцам вело к расколу в правящем слое, часть его, оттесненная на второй план, в случае конфликта между новой властью и обществом уже могло и не оказаться на стороне власти.

О том, какой силы достигло напряжение к началу 1611 г., гово-

рят события, происходившие в это время в Казани. 7 января в город приехал дьяк Афанасий Евдокимов, по-видимому присланный сюда на службу из Москвы¹⁶. От него здесь узнали, что власть в городе находится в руках командующего польско-литовским войском А. Госевского, а не Боярской думы, и сама столица фактически оккупирована иноземным войском: пушки с городских стен перенесены в Кремль, литовские люди заняли дворы в Кремле, а их владельцев «ссылали... за Деревянной город», на воротах в Кремле, Китай-городе и Белом городе «стоят литовские люди», по улицам также «ездят на конех литовские люди, а русским людям по утру рано и в вечеру поздо ходить не велят». Одновременно дьяк сообщил, что «королевича под Смоленским нет», а бояре уговаривают патриарха, чтобы он «благословил» целовать крест Сигизмунду III.

Эти рассказы произвели такое впечатление, что «всякие казанские служилые и жилецкие люди» приняли решение разорвать связи с Москвой и перейти под власть Лжедмитрия II. В составленном в связи с этим тексте присяги — «крестоцеловальной записи» — помимо высказываний о повиновении этому правителю читалось: «И от литовских людей нам никаких указов не слушати и с ними не ссылатися и против их стояти и битись до смерти»¹⁷.

События в Казани, к которой присоединилась Вятка, оказались локальным эпизодом, не вызвавшим каких-либо отзвуков в других русских центрах, тем более что через несколько дней после принятия казанцами такого решения в город пришло известие об убийстве Лжедмитрия II.

Совсем другой резонанс в обществе получило выступление патриарха Гермогена против короля Сигизмунда III и боярского правительства в Москве. Патриарх стоял у истоков освободительного движения в Москве и на территории Замосковского края¹⁸. Патриарх, последовательно поддерживавший во время Смуты царя Василия, первоначально разделял вместе с ним его непопулярность. При низложении царя Василия, а затем при избрании Владислава с его мнением не посчитались. Однако отношение к нему стало меняться, когда ход событий стал подтверждать правильность его предостережений, что польско-литовская сторона не станет выполнять взятые на себя обязательства. Патриарх согласился на избрание Владислава с большими колебаниями и лишь при условии, что королевич примет православную веру¹⁹. Гермоген обратился к Владиславу с особым посланием,

убеждая его перейти в православие²⁰. Во время переговоров под Смоленском польско-литовская сторона дипломатично заявила, что вопрос о крещении — личное дело королевича²¹. Однако для патриарха и других духовных лиц, несомненно, имело значение, что одновременно Лев Сапега заявил, что Владислав, как христианин, не нуждается в повторном крещении²². Запись споров по этому поводу между Львом Сапегой и Филаретом была послана Филаретом Гермогену²³, и это не могло не оказать влияния на позицию последнего. В отличие от членов Думы Гермоген не искал сотрудничества с Сигизмундом III: он не просил короля о подтверждении прав патриархии на ее владения²⁴.

В конце ноября 1610 г. произошло первое резкое столкновение между Боярской думой и патриархом. Когда Сигизмунд III потребовал от Боярской думы дать указания послам относительно нужного решения вопроса о Смоленске и Думой были подготовлены тексты грамот, в которых послам предлагалось «во всем положиться на короля»²⁵, то была предпринята попытка добиться одобрения этих грамот патриархом и духовными «властями». С этой целью патриарха на его дворе посетили Михаил Глеб. Салтыков и Федор Андронов, а, когда попытка кончилась неудачей, «на утрее» к нему прибыл сам глава Боярской думы кн. Ф. И. Мстиславский. Патриарх не только отказался скрепить своей подписью такие грамоты, но и заявил: «А будет такие грамоты писати, что во всем положитца на королевскую волю и послом о том королю бити челом и клясться на ево волю, и то ведомое стало дело, что нам целовати крест самому королю, а не королевичю и я таких грамот не токмо, что мне руки приложити, и вам не благословляю писати и проклинаю, хто такие грамоты напишет»²⁶.

Составление грамот патриарх воспринял как подтверждение уже распространявшихся слухов, что Сигизмунд III желает сам занять русский трон, отсюда — такая острая реакция на представленные ему документы. Но этим патриарх не ограничился, он собрал в Успенском соборе посадских людей Москвы, и здесь приняли решение, «что им королю креста не целовати»²⁷. Тем самым патриарх вступил в открытый конфликт и с королем Сигизмундом, и с группой его русских сторонников, которые готовили почву к переходу в его руки всей власти над Россией, и его действия получили поддержку со стороны московского посада. От более активных действий патриарха удерживал страх перед опасностью со стороны Лжедмитрия II. С его смертью поведение патриарха

резко изменилось.

По мнению ряда исследователей, после смерти Лжедмитрия II патриарх открыто призвал население Русского государства к восстанию против польско-литовских интервентов и боярского правительства в Москве.

Уже русские современники по-разному описывали действия, предпринятые патриархом на рубеже 1610/1611 гг. По мнению одних, патриарх лишь «обличал» действия «литовских людей» и «московских изменников», но не призывал к восстанию против них, по утверждениям других, «города» поднялись на восстание именно по призыву патриарха. Споры современников получили продолжение в спорах исследователей²⁸.

Как представляется, решению вопроса могут способствовать известия современных событиям польских источников, которые не были известны участникам дискуссии. Прежде всего здесь следует назвать письмо Я. Задзика, отправленное из лагеря под Смоленском 8 января н. ст. 1611 г. В этом письме Задзик сообщал своему патрону, что, узнав о смерти Лжедмитрия II, патриарх публично заявил: «Легко теперь этих поганых и разбойников истребить можем, когда у нас согласие будет и один только в земле неприятель». Тогда же он выразил свое убеждение, что обещания прислать королевича — один обман, а власть над Россией хочет захватить король²⁹. Таким образом, к этому времени в лагере под Смоленском было известно, что после смерти Лжедмитрия II патриарх публично говорил, что следует восстать против незваных пришельцев.

Несколько позже, в конце января, Задзик уже мог сообщить новые известия о положении дел в России. Положение это, по его словам, серьезно ухудшилось, так как «патриарх взбунтовал людей», указывая на то, что король не выполняет свои обещания. Так как далее в письме говорится, что «отпали» Нижний Новгород и Рязань³⁰, очевидно, что патриарх, как стало известно в смоленском лагере, «взбунтовал» именно население этих городов. Сделать это он мог, лишь посылая туда своих гонцов или свои грамоты.

Сообщения этих современных событиям писем заставляют со всей серьезностью отнестись к заявлению А. Госевского на переговорах под Смоленском, что 8 января 1611 г. патриарх отправил с Василием Чертовым³¹ «смутную грамоту» в Нижний Новгород, откуда ее списки рассылались в Кострому, Галич и другие города³².

Текст документа, попавший в руки Госевского, был им предъявлен русским представителям на переговорах («и мы вам грамоту читаем»), поэтому можно отнестись с доверием к его пересказу содержания грамоты: «Князь Федор Иванович Мстиславский со всеми иными боярами и думными людьми Москву Литве выдали, а вора, дей, в Калуге убито, и они б... собрався все в збор, со всеми городаы шли к Москве на литовских людей»³³. Содержание этого сообщения находится в полном соответствии с тем, что сообщают о действиях и настроениях патриарха другие источники. Опыт контактов с Боярской думой в ноябре 1610 г. должен был убедить патриарха в том, что бояре «Москву Литве выдали», а сообщение о «смерти вора» должно было показать русским людям, что в стране остался «только один неприятель», против которого следует выступить с оружием в руках.

И. А. Хворостинин в 20-е гг. XVII в. оставил свидетельство о спорах, которые вызвали эти действия патриарха в русском обществе. Как писал ученый князь, «недостойт духовну человеку суще дерзати на кровопролитие поучением и отбегати и удолятися от мирских»³⁴. Однако для патриарха война, к которой он призывал, вовсе не была обычной войной. Хотя в пересказе А. Госевского вопрос о причинах похода к Москве, к которому призывал Гермоген, был обойден молчанием, в иных источниках, как об этом будет сказано ниже, содержатся ясные указания, что Гермоген призывал изгнать пришельцев, от которых исходит опасность не только для страны, но и для веры. К войне за сохранение «истинной веры» от опасности, грозящей со стороны латинских еретиков, патриарх, конечно, считал себя вправе призывать.

Существенно дополняют рассказ А. Госевского пересказ патриарших грамот в записках С. Маскевича³⁵. Очень важным представляется его сообщение, что в этих грамотах патриарх освобождал русских людей от присяги, принесенной Владиславу. По своему положению в русском обществе Гермоген был тем единственным лицом, которое было правомочно совершить этот акт, снимавший важный психологический барьер, удерживавший русских людей от противодействия избранному государю и лицам, представлявшим на русской почве его интересы.

Другое важное дополнение — это сообщение С. Маскевича о целях того похода к Москве, к которому призывал патриарх. Это — очищение страны от неприятеля и избрание государя «из своей крови», при котором в стране сохранится истинная вера. Лучше

поступить так, чем принимать «царя из латинского рода, которого силой суют нам в руки, вслед за королем придет упадок всей земли и народа нашего, разорение храмов и веры христианской».

Когда грамоты патриарха попали в руки А. Госевского, последовали репрессии. «Дьяки, подьячие и всякие дворовые люди» патриарха были арестованы, «а двор его весь разграблен», но это не привело к разрыву его связей с городами Замосковского края. 12 января в Нижний Новгород вернулись его посланцы к патриарху, который «приказывал с ними... речью» идти походом на Москву³⁶.

Грамоты и обращения патриарха ориентировали русское общество на безусловную и последовательную конфронтацию с Речью Посполитой как с частью латинского мира, от которого исходила угроза существованию государства, народа и истинной веры.

Обоснованию такой ориентации служили и другие тексты, возникшие в кругу жителей Москвы, разделявших взгляды патриарха. Здесь прежде всего следует назвать так называемую «грамоту смольнян», присланную в Нижний Новгород в конце января 1611 г.³⁷ Как убедительно показал С. Ф. Платонов, грамота представляла собой своеобразное агитационное произведение, которое должно было поднять русское общество на борьбу с «литовскими людьми»³⁸.

Грамота содержала обращение от имени присягнувших Владиславу смоленских помещиков к населению Москвы. Грамота начиналась с констатации того, что и они, и жители Москвы «дались без всякого противления литовским людям», чтобы сохранить свою веру, жизнь и имущество. Но эти ожидания не осуществились. Православная вера «поругана», храмы «разорены», смольняне, приехавшие в королевский лагерь под Смоленском, чтобы выкупить из плена своих близких, лишь потеряли свои деньги и ничего не добились. От «литовских людей» и нельзя ожидать ничего хорошего, так как «вас же всех Московских людей... зовут себе противниками и врагами себе». Заключенный договор не будет выполнен, и королевич в Москву не приедет: «Все люди в Польше и Литве никакo того не поступятца, что дать королевича на Московское государство мимо своего государства». Более того, в грамоте далее говорилось, что по решению «всей земли» на сейме «положено о том, чтоб вывезть лучших людей и опустошить всю землю и владети всею землею Московскою». В действительности подобных решений принято не было: на сейме 1609 г. вопрос о войне с Россией не обсуждался, а следующий сейм собрался лишь в сентябре 1611 г. Однако эти утверждения появились не на пустом месте,

в них есть все основания видеть реакцию на появившиеся в польской публицистике тех лет предложения превратить Россию в колонию Речи Посполитой по образцу испанских колоний в Америке.

Если патриарх Гермоген лишь в общей форме говорил о том, что не следует полагаться на уверения польско-литовской стороны, то создатели воззвания подкрепили эти утверждения конкретными доводами. Подчинившись, подчеркивалось в воззвании, русские люди «в вечную работу и в латинство пошли». Если они не хотят оказаться в порабощении и утратить свою веру, они должны «всею землею общею стати за православную крестьянскую веру, покаместа еще свободны, а не в работе и не в плене разведены».

Одновременно с этим призывом к восстанию ради спасения страны и веры воззвание содержало и обличение находящихся в Москве «предателей крестьянских», которые готовы служить завоевателям «для своего ненасытного грабления». Именно они призывают короля прийти и захватить Москву: «Только, де, не притти самому королю со многими людьми к Москве и не вывести с Москвы лучших людей и Московскою, де, землею не владети». Очевидно, планы московских сторонников Сигизмунда III получили огласку, и это способствовало утверждению представления о боярском правительстве в Москве как силе, готовой ради своих корыстных интересов способствовать покорению России захватчиками.

Со сторонниками освободительного движения в Москве было связано появление, по-видимому уже в феврале 1611 г.³⁹, еще одного агитационного произведения — «Новой повести о преславном Российском царстве». Ее автор снова (и еще более подробно) обосновывал положения, содержащиеся в «воззвании смольнян». Как и авторы воззвания, автор «Новой повести» подробно доказывал, что не следует надеяться на то, что Речь Посполитая станет выполнять условия августовского договора, «понеже от давних лет мыслят на наше великое государство все они окаянники и безбожники»⁴⁰. Вопреки договору в стране находится и разоряет ее иноземное войско, которое одних убивает, а с других взимает «безмерныя и неподьятныя кормы», а в Москве иноземный гарнизон притесняет горожан, силой отбирая у них приглянувшееся имущество: посаженный на Казенном дворе «смерд» Федор Андронов пересылает к Сигизмунду «великое царское сокровище», собранное «от многих лет многими государи — самодержцы, великими князи и цари всеа Руси»⁴¹.

Все это, по мнению автора «Повести», свидетельствовало о

том, что Сигизмунд III не только не желает прислать сына в Москву, но «и сам зде жити не хочет». Тяжелым положением, в котором оказалась Россия, когда «извелся» «царский корень» и начались смуты, король хочет воспользоваться, чтобы разорить и поработить Московское государство. Король хочет, говорилось в «Повести», «нас конечно погубити и под меч подклонити, и подружия наши и отроды в работу и в холопи поработити и прижитие наше пограбити». Власть над покоренной и разоренной страной он хочет передать в руки своих «подручников», которые будут собирать для него «дани-обраки всякия тяжкия»⁴².

Сейчас, пока королевская армия задержана под Смоленском, король скрывает свои намерения и обманывает русских людей, но, как только ему удастся овладеть городом и он сможет со своим войском прийти к «царствующему граду», все эти зловещие планы начнут осуществляться⁴³.

Автор не только стремится развеять все возможные иллюзии читателя относительно польского короля и его политики, он одновременно убеждает читателя, что тот не должен рассчитывать и на то, что боярское правительство в Москве сможет защитить его интересы. Эти «земледержцы» «растлилися умы своими и восхотеша в велицей славе быти... не по своему достоинству саны честны достигнути»⁴⁴ и поэтому согласились стать орудием в осуществлении планов польского короля. Эти люди, боярин М. Г. Салтыков и его сторонники, «многих маловременным богатством и славою прельстили и иных закормили и везде свои слухи и доброхоты поистоновили и поизнасадили»⁴⁵. С иронией и возмущением писал автор «Повести» о «смерде» Федоре Андронове, за которым «полцы велицы всяких чинов люди... ходят и милости и указа от него смотрят»⁴⁶. Правда, некоторые из «высоких чинов и боярских родов», которые находятся в Москве «по всех по нас жалеют и радят», но они «не могут ничево учинити и не смеют стати»⁴⁷.

Из всего этого следует один главный вывод: русские люди, не полагаясь ни на кого, должны взяться за оружие и стать «храборьски за православную веру и за все великое государство, за православное христианство». Примером для них должны служить защитники Смоленска, отказывающиеся сдать город королевской армии, «великие послы», требующие от короля выполнения условий августовского договора, патриарх Гермоген, один противостоящий проискал изменников в Москве.

«Новая повесть» представляет особый интерес, в частности по-

тому, что, высказывая мысли и соображения, очень близкие к тем, которые излагались в грамотах патриаршего круга, автор этого произведения явно не был в контакте с этим кругом людей. Характерно, что он призывал русских людей подняться на восстание, даже не имея от патриарха «словесного повеления и ручного писания». Такого «повеления» и не могло быть, так как патриарх по своему положению не мог «повелевати на кровь дерзнути»⁴⁸. Следовательно, о рассылавшихся по стране с начала 1611 г. патриарших грамотах он ничего не знал⁴⁹.

Этот пример показывает, что наблюдения за событиями, происходившими после августовского договора, приводили разных людей к сходным выводам о том, что от польско-литовской стороны не приходится ждать ничего хорошего, и русские люди, не рассчитывая на правительство в Москве, должны взяться за оружие, чтобы изгнать из страны иноземные войска.

Особого внимания заслуживают признания автора в заключительной части его сочинения, что он сам принадлежит к тем верхам русского общества, которые еще недавно искали милостей от короля, и что ему такие милости были оказаны («Аз же у них ныне зело пожалован») ⁵⁰. Тем самым появление «Повести» следует рассматривать как важный симптом зарождающегося раскола в среде столичных «чинов», ранее вместе с членами Боярской думы искавших милостей Сигизмунда III.

Патриарх был не единственным, кто зимой 1610/1611 г. нашел нужным обратиться к русским людям. По свидетельству А. Госевского, и Филарет «с-под Смоленска смутные грамоты писал, буд-то король королевича на Московское государство дати не хочет, и они ж бы от Москвы на время отложилися» ⁵¹. Это свидетельство говорит о том, что ростовский митрополит был настроен не так радикально, как глава русской церкви. Он не исключал, по-видимому, того, что августовский договор еще мог вступить в силу. «Кампания неповиновения», когда города отказались бы выполнять приказы Москвы, должна была заставить Сигизмунда III выполнить условия соглашения.

На таких же, более умеренных позициях стоял первоначально и центр сопротивления, возникший на южных окраинах России, на Рязанщине. Его деятельность была связана с Прокопием Ляпуновым. Положение П. Ляпунова, как авторитетного лидера рязанского дворянства еще более упрочилось осенью 1610 г., когда его власть утвердилась над вторым по значению центром Рязан-

ской земли — Пронском. Подобно многим другим представителям верхов русского общества, Прокопий Ляпунов первоначально выступил в поддержку августовского договора. По свидетельству С. Жолкевского, П. Ляпунов привел Рязанскую землю к присяге на верность Владиславу и присылал продовольствие для польско-литовского войска в Москве. Между ним и С. Жолкевским завязалась оживленная переписка («писал часто письма пану гетману, а пан гетман к нему») ⁵². Когда брат Прокопия Захар отправился под Смоленск как один из дворян «великого» посольства, С. Жолкевский по просьбе братьев рекомендовал их вниманию короля ⁵³.

Из упоминаний о Захаре Ляпунове в публикации И. И. Голикова, видно, что под Смоленском рязанский сын боярский жаловался, что послы «все делают собою», а от дворян «все таят» ⁵⁴. Благодаря такой ловкости он не только добился подтверждения прав на прежние владения, но и сумел получить от короля целый ряд пожалований: 20 ноября 1610 г. он получил грамоту на подмосковное поместье кн. Д. И. Шуйского с. Океево, а 13 декабря — на с. Дегтяное в Рязанском уезде ⁵⁵. Однако в отличие от своего брата Прокопий не обращался к королю с подобными просьбами, хотя, как человек для русской политической элиты новый, он был более, чем многие другие, заинтересован в закреплении за ним и его семьей крупных пожалований царя Василия.

К сожалению, в нашем распоряжении нет никаких данных о деятельности Прокопия Ляпунова после капитуляции Пронска ⁵⁶. В некоторых русских нарративных источниках, написанных уже после окончания Смуты, указывалось, что к активным действиям для изменения положения, сложившегося в стране, лидера рязанского дворянства побудила грамота патриарха Гермогена. Так считал, например, кн. Семен Иванович Шаховской ⁵⁷. Это сообщение получает определенное подтверждение в свидетельствах Баима Болтина, упоминавшего о посылке патриаршей грамоты в Переяславль-Рязанский ⁵⁸, и И. А. Хворостинина о патриаршей грамоте, посланной рязанскому архиепископу ⁵⁹. Ту же точку зрения можно обнаружить и в источнике, близком по времени к происходившим событиям. Так, из Ярославля писали в Вологду во второй половине февраля 1611 г., что патриарх обратился «на Рязань к Прокопию Ляпунову и во все Украинские города и в Понизовые», и после этого Прокопий Ляпунов стал искать контактов с городами Замосковного края ⁶⁰. Как увидим далее, разбор грамо-

ты Ляпунова позволяет выявить в ней места, которые указывают на знакомство с патриаршей грамотой. Однако из создавшегося положения Прокопий Ляпунов видел первоначально иной выход, чем патриарх.

В самом конце 1610 г. (или в начале 1611 г.) П. Ляпунов обратился с посланием к Боярской думе в Москве. Более подробное сообщение об утраченном тексте сохранилось лишь в записках С. Жолкевского. Как отметил гетман, это был обширный текст, содержащий много цитат из Священного Писания. От Боярской думы Ляпунов требовал ясного ответа на вопрос, прибудет ли королевич в Москву согласно договору или нет. Одновременно он заявил, что Рязанская земля, следуя присяге, готова признать Владислава государем, но никогда не признает правителем Сигизмунда III⁶¹. И дело не ограничилось словесными заявлениями. В конце декабря⁶² бояре из Москвы с тревогой сообщали королю: Ляпунов «со всею Рязанью отложился, и вашего государского повеления ни в чем не слушает и слушати не велит... а ваши государские денежные доходы и хлеб збирает к себе»⁶³. Прокопий Ляпунов сделал то, что должна была сделать, но не сделала Боярская дума: он объявил, что до приезда в Москву (в соответствии с условиями договора) избранного государя Рязанская земля не будет выполнять распоряжений Сигизмунда III, не имеющего никаких прав на власть над Россией, и не будет давать никаких средств правительству, которое подчиняется этим распоряжениям.

Вопрос о кандидатуре королевича тем самым не снимался с повестки дня (в сохранившемся кратком пересказе послания читаем, что с приездом королевича Ляпунов выражал готовность лично прибыть в Москву и засвидетельствовать ему свою преданность)⁶⁴, но и Боярской думе, и Сигизмунду III, и его окружению ясно давалось понять, что, если они хотят видеть на русском троне польского принца, то королевичу следует поскорее приехать в Москву, а королю отказаться от попыток управлять Россией. Опасность для бояр и Сигизмунда III не ограничивалась отпадением Рязанской земли. Как сообщали бояре королю, Ляпунов «воевод и голов с ратными людьми от себя посылает и города и места заседает, и в городех дворян и детей боярских прельщает»⁶⁵.

В краткой записке о событиях в России сообщается, что перед тем, как обратиться к боярам, Ляпунов с отрядом посетил Калугу⁶⁶. Неудивительно, что, принеся присягу на верность Владиславу, жители Калуги и находившееся в городе отряды служилых людей

и казаков заявили, что до приезда нового государя не будут подчиняться московскому правительству. Его посланец кн. Ю. Н. Трубецкой был вынужден бежать из города⁶⁷.

Распространявшаяся по стране кампания неповиновения создала большие трудности при снабжении продовольствием польско-литовского войска в Москве. В новой грамоте, отправленной к королю с ловчим Иваном Ром. Безобразовым⁶⁸, бояре сообщали, что в Москву привезли мало продовольствия, так как одни места разорены, а в других «посадские и волостные люди отвечают, что живности полякам и литве давать не хотят», и «польским и литовским людям почал быть недостаток и нужда великая»⁶⁹.

Вслед за обращением к Боярской думе Прокопий Ляпунов стал рассылать по стране воззвания, в которых уже был поднят вопрос о переходе от неповиновения к активным действиям. Текст воззвания попал в руки Александра Госевского около 20 января н. ст., когда грамоту передал ему один из людей круга М. Г. Салтыкова, кн. Василий Фед. Масальский, находившийся с военным отрядом в Муроме: он задержал рязанских детей боярских, которые везли грамоты Прокопия и всех рязанских «чинов» в Муром и Нижний Новгород⁷⁰. Грамота в Нижний Новгород сохранилась в польском переводе⁷¹. После вступления, в котором говорилось о несчастьях, постигших Русскую землю, и о заключении августовского договора, составители грамоты излагали свое понимание этого документа. Владислав, по этому соглашению, должен быть принять православие, чтить церковь и править страной, как прежние московские государи: «И никаким способом обычая нашей земли не отменять и польским людям в Московском государстве не быть». Эта вступительная часть грамоты — еще одно яркое свидетельство того, какие ожидания связывало русское общество с августовским договором. Однако, констатировалось далее в тексте грамоты, договор не был выполнен, и возникла опасность подчинения иноземной власти и утраты истинной веры. Главные свои обвинения рязанцы направляли не против польского короля (как следовало ожидать), а против «первых людей Московской земли», которые, прельстившись суетной славой мира сего, отступили от истинной веры, «приложившись к западным». Они — подобны Иуде, подобны волкам в овечьей шкуре, которые бросаются на свою паству, чтобы ее погубить. Беспрецедентная острота этих обвинений показывает, как низко пал авторитет московского правительства, послушно подчинявшегося Сигизмунду III. Состави-

тели грамоты призывали всех православных христиан объединиться и совместно выступить против «противных спасению нашему неприятелей Бога». В отличие от основной части документа, выдержанной в стиле высокой риторики, избыточной выразительными и цитатами из Писания, заключительная часть, содержащая конкретные предложения, написана языком, близким к языку деловых документов. Прокопий Ляпунов призывал идти «всей землей к царствующему граду Москве»: там «все православные христиане, вся земля Московского государства, учиним совет, кому быть на Московском государстве государем».

Идея похода к Москве была, очевидно, заимствована из патриарших грамот, как и возможная цель похода. Но П. Ляпунов был еще далек от непримиримой позиции патриарха. Этот шаг не означал еще полного отказа от кандидатуры Владислава. В грамоте говорилось, что если король выведет свои войска из России, пришлет королевича в Москву и согласится на его переход в православие, то «мы ему, государю, вся земля рады и крест ему, государю, целуем». Однако составители грамоты не исключали того, что развитие событий может пойти совсем по другому пути. Если король, говорилось в ней, «захочет силой своей нас подчинить без правды, изменив своему крестному целованию», то против него выступят «все православные христиане», «все края Российской земли». По мысли создателей грамоты, «вся земля», отказав в повиновении московскому правительству, должна была, собрав под Москвой свое войско, поставить Сигизмунда III перед четким выбором: или возведение его сына на русский трон в соответствии с условиями, предложенными русскими послами под Смоленском, или война со всем другим обществом, которое отдаст предпочтение другому кандидату.

21 января н. ст. А. Госевский информировал Сигизмунда III о мерах, принятых им для подавления возникшего на Рязанщине локального очага восстания. В Рязанскую землю он направил полк во главе с М. Струсем, но сам признавал, что этот полк слишком мал, чтобы добиться успеха. Положение серьезно улучшилось бы, если бы к нему присоединились войска Я. П. Сапеги. Госевский дважды писал к нему, предлагал выступить против Рязани, обратились к нему и бояре⁷². Как сообщал позднее сам Я. П. Сапега, 14 января он получил от бояр из Москвы грамоту «с великим прошением», чтобы «шел на рязанские места»⁷³. Бояре также пытались направить против Ляпунова находившегося в Ту-

ле Ивана Заруцкого⁷⁴.

В королевском лагере под Смоленском сведения о начавшихся волнениях восприняли первоначально с известным удовлетворением. Происшедшее воспринималось как возможность подавить последние очаги недовольства в стране и тем окончательно упрочить власть Сигизмунда III⁷⁵. «Не перестаем, — писал король 8 февраля 1611 г. Я. К. Ходкевичу, — стараться о том, чтобы эта едва ли не последняя сила здешних изменников могла быть людьми нашими как можно скорее уничтожена и подавлена»⁷⁶. 27 января король сам обратился к Я. П. Сапеге, предлагая ему двинуться на Рязань⁷⁷. Туда же был направлен 3-тысячный отряд казаков во главе с полковником Наливайко, разорявший ранее бывшие владения Лжедмитрия II на юге⁷⁸.

Предпринятые шаги по большей части не принесли тех результатов, на которые рассчитывали. Полк Струся, по-видимому, не выступил в поход, так как не двинулось с места войско Я. П. Сапеге. Вместо того чтобы начинать серьезную войну, войско наемников, озабоченное тем, чтобы дороже продать свои услуги, стало вести переговоры, чтобы выяснить, не выплатит ли ему жалованье новый царь, которого выберут русские «чины»⁷⁹. Что касается Заруцкого, то он просто отослал «боярскую грамоту» в Рязань⁸⁰. Был осуществлен лишь набег казаков Наливайко на Рязанскую землю. Вместе с ним, по сообщению «Нового летописца», был послан отряд русских служилых людей во главе с Исаем Сунбуловым⁸¹. Этот выходец из знатного рязанского рода, вероятно, должен был убедить местных служилых людей отказаться от поддержки Ляпунова. Прокопий Ляпунов был осажден в Пронске, и его выручил воевода Зарайска кн. Дмитрий Мих. Пожарский, пришедший на помощь, «собрася с Коломничи и с Рязанцы». После этого кн. Дмитрий Мих. Пожарский был отозван в Москву, а на его место послан Никита Дм. Вельяминов⁸². Посылка в небольшой городок воеводой боярина и одновременно человека, принадлежавшего к кругу сторонников М. Г. Салтыкова, показывает, какое значение придавали в Москве сохранению контроля над этим центром Рязанской земли. Однако вряд ли Вельяминову удалось создать серьезные затруднения для Ляпунова.

Важным шагом по пути развития освободительного движения стало соглашение между рязанским дворянством и бывшими сторонниками Лжедмитрия II, не только теми, которые находились в Туле с Иваном Заруцким, но и теми, которые находились в Калу-

ге с князем Д. Трубецким. Начало такому сближению положила, вероятно, поездка Ляпунова в Калугу. Свидетельством того, что в начале 1611 г. такое соглашение уже существовало, может служить написанная в это время грамота князей Юрия и Дм. Трубецких Я. П. Сапеге, где прямо указывалось, что «вся земля Российского государства в одном добром совете». В той же грамоте указывалось, что о полученных от Я. П. Сапеге предложениях князья писали в Тулу и Прокопию Ляпунову и ожидают приезда детей боярских от «Прокофья и от всей земли», чтобы обсудить ответ на предложения гетмана⁸³.

Основой для соглашения послужили условия, изложенные Прокопием Ляпуновым в рассылавшихся им по стране грамотах, которые почти дословно пересказываются в грамоте князей: «А нын мы всею землею о том же стоим, чтоб Жигимонт король... сына своего... на Московское государство... дал и сам бы от Смоленска отшел, изо всеи бы земли Российского государства польских и литовских людей вывел, а земли пустошить и разорять не велел». Правда, о том, как поступит «вся земля» в случае отказа короля выполнить условия, в грамоте не говорилось⁸⁴. Составители грамоты с особым ударением подчеркивали, что позиция, которой они придерживаются, — это позиция всей страны: «За то, господине, встала вся земля, а от Московского государства никто не отстает и дурна не заводит никто»⁸⁵. Эти настойчивые утверждения позволяют предполагать, что объединение, во главе которого встал Прокопий Ляпунов, во второй половине января 1611 г. не ограничивалось только Рязанщиной и приокскими городами. Подтверждения этому обнаруживаются в самом тексте грамоты. В ней указывается, что для обсуждения предложений Я. П. Сапеге князья просили прислать представителей не только Ляпунова, но и «понизовых ратных воевод»⁸⁶, что позволяет думать, что уже в это время к союзу Рязани и приокских городов присоединились и города Поволжья.

Об авторах «боярской» грамоты, присланной Я. П. Сапеге, князья высказались, что ее писали «отступники, забыв Бога и души свои, истинной христианской веры отметники»⁸⁷. «Вся земля» объединилась, помимо Боярской думы, сидевшей в Москве, и против нее.

Из грамоты, посланной 27 января из Рязани в Нижний Новгород, выясняется, что рязанцы и со «всех Северских и Украинных городов со всякими людьми давно крест целовали, что» им «за Московское государство... со всею землею стояти вместе заодин и

с литовскими людьми битись до смерти»⁸⁸. Таким образом, по-видимому, к середине января русские земли к югу от Оки уже объединились против боярского правительства в Москве и польско-литовских войск на русской территории.

Как отмечалось выше, уже на раннем этапе развития движения Прокопий Ляпунов стремился установить связи с городами на север от Оки и прежде всего с таким наиболее близким к Рязанской земле крупным центром, как Нижний Новгород. Наряду с Рязанью Нижний Новгород в январе 1611 г. стал другим крупным русским центром, отказавшим в повиновении боярскому правительству в Москве⁸⁹. Предпринятая попытка, как уже отмечалось выше, не удалась, и контакты завязались по инициативе Нижнего Новгорода. 24 января Рязань посетили нижегородские послы, сообщившие об устных приказах Гермогена, в которых, по-видимому, речь шла о необходимости как можно скорее организовать поход на Москву⁹⁰. Они извещали, что жители Нижнего Новгорода и Балахны приняли решение об организации такого похода, скрепив его коллективной присягой — «крестоцелованием». Послы передали рязанцам текст «крестной записи», предлагая принести по ней присягу и «стать за Московское государство за один». Они хотели также узнать, где им с рязанцами «сходитца»⁹¹. Само обращение с таким вопросом показывает, что нижегородцы были уверены в успехе своего обращения, и они не ошиблись.

В ответ на это обращение Прокопий Ляпунов в грамоте от 27 января изложил планы похода на Москву, выработанные на юге. Войска должны были двигаться к Москве по разным направлениям из Тулы, Калуги и Рязани. Вместе с рязанским ополчением на Коломну должна была двигаться «понизовая сила», стоявшая под Шацком — еще одно свидетельство участия в освободительном движении городов Поволжья.

Последние слова грамоты характеризовали положение в Коломне — городе, откуда для ополчений южных городов открывалась прямая дорога на Москву. Здесь сидел воеводой уже упоминавшийся неоднократно Василий Бор. Сукин, которому король дал «Коломну в путь», но, сообщалось в грамоте, «коломенские, господа, дворяне и дети боярские и черные люди, с нами в одной мысли». Эти слова проливают свет на положение на тех территориях, где население еще подчинялось Боярской думе и где еще сидели присланные из Москвы воеводы.

Нижегородцев просили сообщить о походе ратей с юга «в по-

низовские города и поморские и к Андрею Просовецкому» — главе казацкого войска, служившего ранее Лжедмитрию II, которое к этому времени стояло на территории Замосковского края⁹². 31 января рязанские послы прибыли в Нижний Новгород «для договора»⁹³.

Заключение соглашения о походе на Москву между двумя центрами освободительного движения имело особое значение для развития освободительного движения на север от Оки. Правда, первые усилия по объединению областных миров для похода на Москву здесь стали предпринимать еще до установления контактов с Рязанью, но теперь эта деятельность резко активизировалась и, побуждая другие «города» к походу на Москву, нижегородцы уже могли ссылаться на соглашение, заключенное с южными городами.

Еще до вступления в сношения с Рязанью нижегородцы писали в Вологду, предлагая «собрати всяких ратных людей конных и с лыжами и велети им со всею службою готовым быти в поход к Москве». Теперь, извещая жителей Вологды о грамотах Ляпунова и приезде рязанских послов, нижегородцы снова настойчиво призывали вологжан «государству Московскому помочь на польских и литовских людей учинити вскоре»⁹⁴.

Тогда же встал вопрос о присоединении к восстанию такого важного центра, как Ярославль⁹⁵. Столкновения с «польскими и литовскими людьми» начались, когда посланцы стоявшего в Москве войска стали вымогать у жителей города «кормы», не ограничиваясь какими-либо рамками. В итоге «панам в кормех отказали... крест целовали на том, что было панам на Москве и во всех городех не быти». Однако каких-либо новых шагов за этим решением не последовало⁹⁶. После получения грамот от Ляпунова нижегородцы предложили жителям Ярославля, «свестися с окольными городы», выставить войско для участия в походе на Москву. Пунктом для сбора войск был назначен Владимир. Это обращение в Ярославль имело место в начале февраля 1611 г. Тогда же, 7 февраля в другой город Верхнего Поволжья, Кострому, была прислана грамота из Нижнего Новгорода «о добром совете»⁹⁷. Присоединение к восстанию Ярославля имело большое значение, так как теперь этот крупный центр взял на себя в значительной мере задачу привлечения к восстанию Поморских городов и Великого Новгорода.

Соглашение между Рязанью и Нижним Новгородом привело и к изменению положения в приокском районе. Так, в упоминавшейся выше отписке из Нижнего в Вологду указывалось, что к Москве «из Мурома идет окольный воевода князь Василий Фе-

дорович Масальский, а с ним многие города»⁹⁸. Совсем недавно кн. В. Ф. Масальский перехватил и передал А. Госевскому грамоту Ляпунова в Нижний Новгород, а теперь он стоял во главе ратных людей, готовившихся к походу на Москву. Так, высланные из Москвы для управления городами воеводы стали покидать боярское правительство и переходить на сторону восставших. Как увидим далее, в числе руководителей формировавшейся армии оказался в феврале 1611 г. и Артемий Вас. Измайлов, еще недавно выпрашивавший пожалования у Сигизмунда III.

Наконец, следует отметить, что началось восстание и в центральной части Замосковского края. Прокопий Ляпунов писал в Нижний Новгород: «А Володимир, господа, и иные города с нами одномысленны»⁹⁹.

Картину, которая вырисовывается на основании отдельных грамот, посылавшихся из одних центров движения в другие, можно сопоставить с общей оценкой положения в стране в грамоте, отправленной Боярской думой Сигизмунду III во второй половине января 1611 г. Обеспокоенные бояре, кратко пересказав содержание грамот Ляпунова, сообщали, что от короля отступили не только Ляпунов с Рязанской землей, но и понизовые и северские города, перестали подчиняться Москве Казань и Астрахань. В некоторых городах продолжали сидеть присланные из Москвы «приказные люди», но добиться выполнения распоряжений Боярской думы они были не в состоянии. «Приказные люди», как говорилось в грамоте, сообщали в Москву, что «в тех городах у всех людей такое слово: пока великий государь королевич... на свой царский маестат на Москву не придет, и до тех часов ваших государских листов ни в чем слушать не хотят и денежных доходов до Москвы не везут и вперед до вашего государского королевича приходу не хотят давать». Если же король не пришлет сына, «то им, сославшись со всеми городами, против вас, великого государя, стать и польских и литовских людей из Московского государства высылать и с ними биться»¹⁰⁰. Как показал Л. М. Сухотин, анализируя пометы на боярском списке 1610–1611 гг., такие воеводы, как суздальский — окольничий Иван Петр. Головин, ярославские — Василий Петр. Головин и Третьяк Корсаков, вологодский — Гаврила Григ. Пушкин, не присоединились к ополчению: вместо них были выбраны другие воеводы, возглавившие позднее войско в походе на Москву¹⁰¹.

Сопоставление свидетельств, исходящих от разных сторон, ри-

сует одну и ту же картину. В течение месяца Боярская дума полностью утратила контроль над значительной частью страны, где власть перешла в руки объединений местного населения. Между ними была достигнута договоренность о совместных действиях, об организации похода к Москве, который тем или иным способом должен был вывести Московское государство из того тяжелого кризиса, в котором оно оказалось.

Важно, что договоренность между отдельными объединениями опиралась на широкое согласие в русском обществе. Из Рязани в Нижний Новгород обращались «всякие служилые люди и торговые и черные Рязанские области». В соответствии с этим и в состав рязанского посольства в Нижний Новгород входили люди «всяких чинов». Сама грамота Ляпунова в Нижний Новгород, повторявшая, очевидно, соответствующий текст нижегородской грамоты в Рязань, была адресована духовенству, «дворянам и детям боярским, головам литовским и стрелецким и казачьим, и земским старостам, и целовальником и всем посадским людям, и пушкарем, и стрельцом, и казаком». Анализ этого перечня показывает, что в принятии важного решения о поисках соглашения с Рязанью помимо местного дворянства и духовенства приняли участие разные группы «служилых людей по прибору» (включая в их состав и казаков) и посадское население Нижнего Новгорода.

Ряд наблюдений, сделанных в научной литературе при анализе переписки между отдельными центрами начинавшегося движения, подкрепляет такой вывод¹⁰²: в посольствах, направлявшихся из одного центра в другой, участвовали на равных правах дети боярские и посадские люди, об участии в принятии решений широкого круга людей, принадлежавших к разным социальным слоям, говорит и характер рукоприкладств на грамотах из одного центра в другой. Начинаясь освободительное движение с самого начала выступало как движение, осуществлявшееся при активном участии всего общества ради решения важнейшей задачи — сохранения России как самостоятельного государства и освобождения ее территории от иностранных войск.

К началу февраля приобрел четкие очертания план похода на Москву, выработанный на юге. Здесь же был создан какой-то общий орган для руководства движением, так как, излагая Артемию Вас. Измайлову и Никите Васильевичу, воеводам Владимира, принятые решения, Прокопий Ляпунов ссылался на «приговор всей земли». Войска для походов на Москву должны были собираться

в двух городах — в Коломне и Серпухове. Войска из Тулы, Калуги и северских городов должны были собираться в Серпухове, а войска из Владимира, Нижнего Новгорода, Рязани, Шацка — в Коломне. Из Шацка должно было подойти войско во главе с Иваном Кернозицким, а с ним «Мордва и Черемиса Луговая и Нагорная, и Темниковцы, и Алатарцы». Войско это было собрано на землях Среднего Поволжья, еще недавно подчинявшихся власти Лжедмитрия II. Таким образом, не только верховские города и Северская земля, но и земли Поволжья, стоявшие ранее на стороне Лжедмитрия II, присоединились к восстанию.

Прокопий Ляпунов принял меры к тому, чтобы занять оба города, где должны были собираться войска для похода. В Коломне, где Василия Бор. Сукина сменил воевода Иван Вас. Плещеев, как извещал Ляпунов владимирских воевод, уже находились «многие рязанские люди», а в Серпухов 1 февраля был послан с отрядом стрельцов из Переяславля голова Иван Можаров¹⁰³.

Однако, несмотря на ссылки предводителя рязанцев на «приговор всей земли», принятые на юге решения не могли быть обязательными для городов на север от Оки. Здесь продолжали выполнять намеченный уже ранее план, по которому войска из замосковных и поморских городов должны были собираться во Владимире. Сюда пришли ратные люди из Муромы во главе с кн. В. Ф. Масальским¹⁰⁴, сюда уже 8 февраля из Нижнего Новгорода отправили «голов с сотнями», вслед за которыми должны были выступить главные силы, собравшиеся в Нижнем Новгороде¹⁰⁵. Сбор войск во Владимире не противоречил плану Ляпунова, но, как показывает дальнейший ход событий, собравшиеся во Владимире войска направились затем не к Коломне, а по «большой московской дороге» к Переяславлю-Залесскому¹⁰⁶.

Все это показывает, что какого-либо единого центра, руководившего восстанием в целом, не существовало. По крайней мере, главные центры к северу от Оки, такие как Нижний Новгород или Ярославль, должны были договариваться с другими «мирами» о совместных действиях, не обладая по отношению к ним какими-либо средствами воздействия, кроме «доброего совета». Отдельным «мирам» приходилось самим принимать важные политические решения, собирая информацию о положении в стране и выясняя позицию соседей. Так, в Костроме, получив 7 февраля грамоту из Нижнего Новгорода о «доброем совете», постарались договориться о «доброем совете» с соседним Галичем, одновременно обратились

в Вологду, добиваясь, чтобы вологжане не только прислали к ним «ратных людей», но и побудили Белоозеро и другие города «нас не подати, стояти вместе заодин»¹⁰⁷. Вместе с тем очевидно, что при всей раздробленности движения налицо было сильное стремление отдельных «миров» объединить свои действия на основе «добраго совета».

Как бы то ни было, несмотря на имевшиеся разногласия, была начата подготовка к походу на Москву, и целый ряд крупных городов перешел на сторону восставших без серьезного сопротивления¹⁰⁸. Все это не обещало ничего хорошего ни боярскому правительству в Москве, ни властям Речи Посполитой.

Если относительно конкретного плана действий существовали определенные разногласия, то в феврале 1611 г. была достигнута общая договоренность относительно целей движения. Договоренность эта отразилась в тексте «крестоцеловальной записи», по которой стали приводить к присяге население отдельных центров. Текст «записи» был прислан в Ярославль из Нижнего Новгорода, и 16 февраля по нему принесло присягу и население города, и прибывшие в Ярославль татары из Романова. Затем текст «записи» был отправлен из Ярославля в Вологду. При тексте этой грамоты текст «записи» и сохранился¹⁰⁹. Участники движения принесли клятву «от Московского государства не отстати, а королю польскому и литовскому креста не целовати и не служити и не прямити ни в чем... Московское государство от польских и литовских людей очищати». Так, главной целью движения провозглашалось освобождение от подчинения России иноземной власти и очищение русской территории от иноземных войск.

Вместе с тем даже в этой напряженной ситуации в обстановке всеобщего неповиновения, перераставшего в восстание, вопрос о возведении польского принца на русский трон еще не был окончательно снят с повестки дня. В заключительной части «крестоцеловальной записи» говорилось: «А буде король не даст нам сына своего на Московское государство, и польских и литовских людей с Москвы и изо всех московских и украинных городов не выведет, и из-под Смоленска сам не отступит, и воинских людей не выведет, и нам битися до смерти». Таким образом, участники движения были готовы выполнить свои обязательства, принятые по августовскому договору, и возвести королевича на русский трон, если бы такой ценой удалось добиться прекращения интервенции, вывода иностранных войск и сохранения территориаль-

ной целостности Русского государства. Тем самым перед правящими кругами Речи Посполитой еще в феврале 1611 г. оставался выбор: или выполнение условий августовского договора, или война со всем русским обществом.

Происходившее в стране не могло не оказать влияния на позицию Боярской думы. В сложившейся ситуации вынашивавшиеся тайными сторонниками Сигизмунда III планы похода на Москву стали нереальными. Решительный перевес получили взгляды тех, кто связывал надежды на восстановление традиционного порядка (с Боярской думой как верховным органом власти в стране) с приходом в Москву нового государя. В возможно более быстром приезде этого государя бояре видели единственный выход из создавшейся ситуации. Его приезд опроверг бы распространявшиеся Ляпуновым слухи об опасных, направленных против России замыслах короля и привел бы к прекращению волнений. Через своего посла ловчего Ивана Ром. Безобразова Дума просила как можно скорее прислать в Москву Владислава ¹¹⁰.

Происходившее в стране вызывало глубокое беспокойство и наместника Сигизмунда III в Москве Александра Госевского. Уже в середине января 1611 г. он писал, имея в виду недавние планы похода короля в Москву: «Я теперь из-за такой перемены в людях предостерегаю и прошу ради Бога, чтобы сюда король его милость без королевича не ехал, ибо, если бы без королевича приехал, несомненно, должно бы дойти до великого и неисчислимого кровопролития» ¹¹¹. К началу февраля в лагере под Смоленском было уже хорошо известно и о размахе начавшегося восстания, и о требованиях восставших ¹¹². Тогда же прибыли послы от Боярской думы с просьбой как можно скорее прислать в Москву королевича.

Король и его советники оказались перед трудным выбором. Войска для того, чтобы попытаться силой подавить восстание, в их распоряжении не было, а посылать королевича в Москву и выполнять условия августовского договора они также не собирались. Выход из положения видели в обращении к дипломатическому искусству С. Жолкевского. Уже 16 января 1611 г. более близко знакомый с положением дел в стране А. Госевский просил гетмана скорее приехать в Москву, так как без него удержать город не удастся ¹¹³, об этом же он постоянно просил и короля ¹¹⁴. Добивалось как можно более скорого приезда гетмана в Москву и само находившееся в столице войско, ходатайствуя об этом у короля ¹¹⁵. Об этом же просили гетмана король и сенаторы ¹¹⁶. Так

как о каких-либо серьезных переменах политической линии речь не шла, очевидно, имелось в виду, что гетман благодаря своему дипломатическому искусству и связям, которые он приобрел в русском обществе, сумеет успокоить население новыми обещаниями относительно скорого приезда королевича. Гетман, однако, решительно отказался, ссылаясь на нездоровье. О подлинных причинах его отказа стало известно сравнительно недавно после введения в научный оборот писем Я. Задзика.

Гетман, писал он, отказывается ехать «больше всего по той причине, что утратил весь свой кредит у этого народа, потому что ни в одном деле, о котором он договорился, не только ничего не обещано, но даже и надежды не подано»¹¹⁷. Заключение в этих словах краткая оценка политики Сигизмунда III по отношению к России позднее в развернутой форме была изложена гетманом на страницах его записок.

Все дело ограничилось посылкой в феврале 1611 г. грамоты Боярской думе, в которой король заверял в чистоте своих намерений, благодарил за избрание королевича, призывал, чтобы «лживой скаске не верили», предлагал не прислушиваться к «тем вором, которые нам в том добра не хотят»¹¹⁸. Такой документ вряд ли мог удовлетворить даже членов Думы, тем более он не мог оказать никакого воздействия на участников освободительного движения¹¹⁹.

С конца февраля 1611 г. главные центры восстания вплотную приступили к осуществлению своих планов похода на Москву, а территория, охваченная восстанием, значительно расширилась. В последних числах месяца началось движение войск из городов Замосковского края к Владимиру. 24 февраля выступило в поход костромское ополчение во главе с Федором Ив. Волконским¹²⁰. Ярославская рать во главе с Иваном Ив. Волинским 1 марта находилась в 5 верстах от Ростова¹²¹, а нижегородская рать во главе с князем Александром Ив. Репниным к 1 марта уже находилась во Владимире. 10 марта собравшиеся здесь войска выступили в поход на Москву¹²². Еще ранее началось движение на юге — 3 марта войска во главе с Прокопием Ляпуновым «пошли с Коломны под Москву со снарядом и с обозом дошаным»¹²³. К тому времени, когда собравшиеся рати «разных городов» выступили в поход на Москву, восстание охватило и поморские города.

Еще в середине февраля здесь не было определенного представления о том, что происходит в стране. 18 февраля 1611 г. из Перми писали в Вятку, что у них «в Перми Великой вестей ника-

ких нет и грамот... ни откуда ни с какими вестями не бывало»¹²⁴. Большую роль в том, чтобы осведомить города севера России о происходящем, сыграл Устюг. Сюда поступали «отписки из-под Смоленска, и из Нижнего Новгорода, и с Рязани», а отсюда их копии посылались «в Новгород Великий и на Колмогоры, и на Вагу и к Соле Вычегоцкой и на Вычегду и на Вымь»¹²⁵. Когда к концу февраля — началу марта здесь получили необходимые «вести», в Поморье также начался сбор войск для похода на Москву. Так, в Соли-Вычегодской, получив 28 февраля грамоту из Ярославля «о добром совете и о ратных людях», провели мобилизацию, «собрав со всяким боевым оружием с малыя сошки по три человека», и собравшуюся рать отправили «в сход к воеводам и под Москву Московскому государству помочь учинити»¹²⁶. Подчас мобилизация проводилась в очень сжатые сроки. Так, «вести» из Устюга о сборе ополчения были доставлены в Пермь лишь 9 марта¹²⁷, а уже 13 марта «в полки» под Москву было отправлено 150 ратников¹²⁸.

В грамоте, посланной из Костромы в Казань в марте 1611 г., говорилось, что жители Костромы пошли в поход, «сослався со всеми Поморскими... городами», а в грамотах, отправленных из Ярославля в Казань и Великий Новгород¹²⁹, уже конкретно сообщалось об участии в походе на Москву ратных людей «с Вологды и с Поморских городов с воеводою с Федором Нащокиным».

Еще одним серьезным ударом по власти московского боярского правительства стали события, происходившие в первой половине марта 1611 г. в Новгороде. После того как в город пришла грамота из Ярославля с подробным сообщением о выступлении ратей «разных городов» в поход на Москву, в Новгороде произошел переворот. Представлявшие в Новгороде боярское правительство воеводы Иван Мих. Салтыков и Корнила Чеглоков были арестованы. В Новгороде приступили к сбору войска для отправки под Москву. Особенно важно, что 12 марта из Новгорода был послан воевода Левонтий Вельяминов «на... литовских людей в Старую Русу»¹³⁰. Таким образом, Новгород не только перешел на сторону восставших, но и начал военные действия против находившихся на северо-западе России польско-литовских войск.

Единственной серьезной неудачей организаторов ополчения стала попытка привлечь к участию в восстании Казанскую землю. Несмотря на обращения из Ярославля, Костромы и от воевод собравшейся во Владимире армии, власти Казани объявили о своем присоединении к ополчению лишь в конце апреля 1611 г.¹³¹ Од-

нако и без участия казанских ратей тех ратных людей «разных городов», которые уже двигались к Москве, и тех, которые лишь некоторое время спустя могли появиться на театре военных действий, было вполне достаточно для того, чтобы начать «очищение» Московского государства от вражеских войск.

Таким образом, несмотря на то что движение началось стихийно, «снизу» и в нем на протяжении всего рассматриваемого периода отсутствовал единый руководящий центр, десятки уездных объединений на огромной территории России в сжатые сроки двух-трех месяцев сумели достичь договоренности об общих целях движения, выработать план совместных действий, провести мобилизацию военных сил и приступить к его выполнению. Трудно найти более убедительное доказательство несостоятельности представлений Сигизмунда III и круга его советников о русском обществе, привыкшем находиться под властью «тиранов» и исполнять их приказы и неспособном к каким-либо самостоятельным действиям.

Благодаря чему стал возможным такой феномен? Определенный ответ на этот вопрос попытался дать Н. Л. Рубинштейн, анализируя сохранившиеся документы из архивов поморских городов. Исследователь показал, что уже 1608–1609 гг. оставленные центральным правительством на произвол судьбы перед угрозой нападения польско-литовских войск из тушинского лагеря посадские и волостные миры создали выборные органы, которые занялись организацией самообороны, фактически присвоив себе некоторые важные функции органов государственной власти на местах. Они взяли на себя и мобилизацию населения для разного рода оборонительных работ, и сбор по разверстке отрядов для ведения военных действий. Одновременно они взяли в свои руки сбор государственных доходов, из которых выплачивалось жалованье участникам этих отрядов. Авторитет выборных органов опирался на решения «мира», принимавшиеся на сходе и скреплявшиеся коллективной присягой. Объективно все это вело к консолидации и усилению самостоятельности сословных объединений населения в рамках волостного или городского «мира». Та же необходимость борьбы с общим врагом вела к установлению взаимодействия между «волостными» «мирами» и посадской общиной города, когда крестьянские «выборные» или «приговоренные» люди участвовали в работе городского схода. Между объединениями сельских и городских «миров» на отдельных территориях стали завя-

зываются широкие контакты, связанные с обменом информации о положении в стране и действиях противника и с достижением договоренности о совместных усилиях. Выработанные в 1608–1609 гг. навыки самоорганизации и установленная в те же годы система связей зажили новой жизнью в период формирования Первого ополчения ¹³².

Наблюдения Н. Л. Рубинштейна в настоящее время могут быть дополнены материалом более раннего времени, относящимся к иному региону России. Имею в виду найденные В. И. Корецким фрагменты переписки между отдельными центрами Поволжья осенью 1606 г. ¹³³ Наиболее выразительные свидетельства сохранились относительно объединения, которое возникло на территории Арзамасского уезда. В его состав входили «дворяне, дети боярские и всякие служилые люди и земские посадские и волостные люди». По их общему «приговору» было принято решение выслать под Нижний Новгород отряды детей боярских, татар, мордвы и стрельцов ¹³⁴. Таким образом, на территории одного уезда для общих совместных действий объединились целый ряд сословных групп: дети боярские, служилые люди по прибору, посадские люди, государственные крестьяне. Сходный характер носило другое объединение, возникшее на территории Нижегородского уезда, в состав которого входили наряду с детьми боярскими и «служилыми людьми» также «бортники» и «мордва» ¹³⁵, т. е. некоторые группы государственных крестьян. Отсутствие в его составе посадских людей легко объясняется тем, что центр уезда, Нижний Новгород, находился в ином политическом лагере. Знакомство с этими документами показывает, что образование сословных объединений, о которых речь шла выше, произошло на землях Среднего Поволжья уже в годы восстания южных окраин России против правительства Василия Шуйского. При всем лаконизме сохранившихся немногочисленных документов очевидно их принципиальное сходство с сословными объединениями на севере России. Они также проявляют способность объединиться для защиты общих интересов. Те же отписки показывают их способность принимать важные самостоятельные решения (например, об осаде Нижнего Новгорода) и осуществлять конкретные шаги для их выполнения. В предшествующих главах работы приведен ряд доводов и аргументов в пользу того, что процесс консолидации и роста самостоятельности сословных групп имел место и на территориях северо-запада России, оказавшихся с 1608 г. под властью

Лжедмитрия II. Хотя между интересами отдельных сословных групп возникали подчас серьезные расхождения, тенденция к самостоятельности в защите своих интересов прослеживается и здесь достаточно четко.

На территории, подчинявшейся власти Василия Шуйского, сословные объединения, сложившиеся на землях севера России, также не представляли собой уникального явления. Так, хорошо известно, что в таком крупном центре, как Нижний Новгород, уже с осени 1609 г. грамоты направлялись в другие города от имени духовенства, дворянства, посада и разных групп служилых людей по прибору¹³⁶, т. е. к этому времени уже сложилось то сословное объединение, которое в начале 1611 г. вступило в сношение с Рязанью.

В борьбе с тушинцами стали создаваться и сословные объединения на территории Замосковского края. В восстаниях конца 1608 г. в Галиче и Костроме совместно выступали служилые люди, посад, дворцовые крестьяне¹³⁷. Хотя между интересами отдельных сословных групп и здесь были налицо серьезные противоречия, приводившие подчас к острым конфликтам¹³⁸, но с весны 1609 г. процесс создания таких сословных объединений резко усилился, высокой степени достигло и взаимодействие между ними¹³⁹.

В сохранившихся условиях не могло быть и речи о том, чтобы одна Боярская дума или Боярская дума вместе со столичными чинами самостоятельно решала вопросы, касающиеся судеб России. Этого и не произошло. Как показано выше, заключение августовского договора произошло при участии находившегося в Москве дворянского войска и населения самой столицы. Еще более существенно, что фактически соглашение вступило в силу лишь тогда, когда сословные областные объединения одобрили его условия. Король Сигизмунд III и круг его советников под Смоленском не захотели принять этого во внимание, не стали искать соглашения с русским обществом на основе условий августовского договора, а попытались по своему произволу пересмотреть условия соглашения, используя в качестве орудия боярское правительство в Москве. Такая политика находилась в глубоком противоречии с итогами эволюции, которую прошло русское общество в годы Смуты, и закономерно столкнулась с резко отрицательной реакцией с его стороны.

Следует также сказать, что областные «миры» на огромной территории России поднялись на борьбу не только потому, что власти Речи Посполитой не желали считаться с ними, но и потому,

что для них были неприемлемы те цели, к которым стремились власти Речи Посполитой — подчинение России власти польского короля, превращение ее в несамостоятельный придаток Польско-Литовского государства ¹⁴⁰.

То, что десятки областных миров сумели в достаточно краткие сроки объединить свои силы для защиты государственной самостоятельности России, свидетельство глубокого патриотизма русского общества. Те, кто не присоединился к ополчению, а предпочел остаться в Москве с польско-литовским войском, рассматривались как изменники, и «совет всей земли» стал передавать их земли другим лицам ¹⁴¹.

С начала марта 1611 г. рати, выступившие в поход на Москву, двигались по разным направлениям к русской столице, не встречаясь с серьезным сопротивлением. Источники сообщают лишь о двух серьезных попытках препятствовать распространению восстания, когда из Москвы в начале февраля 1611 г. было послано польско-литовское войско и отряд русских служилых людей во главе с кн. Иваном Сем. Куракиным. По сведениям, которыми располагали в королевском лагере под Смоленском, им удалось разбить под Владимиром один из отрядов, которые шли к Ляпунову, а затем «и сам Владимир почти весь высекли» ¹⁴². Однако, судя по современным русским источникам, поход закончился полной неудачей. Когда 11 февраля отряд И. С. Куракина подошел к Владимиру, владимирцам на помощь пришло стоявшее в Суздале войско А. Просовецкого, нападавшие были отбиты, при этом попал в плен кн. Иван Бор. Черкасский — будущий глава правительства царя Михаила ¹⁴³. В начале марта была предпринята еще одна попытка помешать продвижению к Москве. Стоявший со своим отрядом на Киржаче кн. И. С. Куракин посылал войска «под Олександрову слободу», но нападавшие снова были отбиты ¹⁴⁴. Вероятно, за эти свои заслуги в борьбе с «изменниками» И. С. Куракин и получил щедрые пожалования от Сигизмунда III.

Ограниченный характер военных действий понятен: польско-литовское войско не покидало Москву, боясь утратить контроль над столицей ¹⁴⁵.

Развитие событий заставило в конце концов короля и его окружение внести изменения в свою политическую линию. После совещания короля и сенаторов ¹⁴⁶ в Москву в конце марта 1611 г. было направлено посольство во главе с племянником гетмана, Адамом Жолкевским. Послам предписывалось ¹⁴⁷ заверить патри-

арха и бояр, а в случае необходимости выступить «на Лобном месте перед всем миром» с заявлением о том, что Сигизмунд III хочет только прекратить кровопролитие и установить мир в России. Они должны были убеждать, что король не хочет посягать на православную веру и не претендует на власть над Россией. Они должны были также объяснять, что король не может вывести войска из России, пока не прекратятся выступления Ляпунова и других «воров» и в стране не будет установлен порядок.

Во всем этом не было ничего нового. Как некоторые жесты, свидетельствующие о желании короля пойти навстречу просьбам бояр, следует рассматривать заверения послов, что король пришлет в Москву одного из членов сената, чтобы тот представлял нового государя до его приезда, и что в ближайшее время будет принято решение о созыве сейма.

Гораздо больший интерес представляет заключительный раздел инструкции, в котором в определенном противоречии с предшествующим текстом послы получали полномочия заявить, что, если «московский народ» захочет видеть на престоле кого-либо иного, а не Владислава, то король, если Речи Посполитой вернут отобранные в прошлом ее земли и возместят военные расходы, готов помочь русским в установлении такого порядка в их государстве, какого они сами желают.

Как видим, развитие событий заставило правящие круги Речи Посполитой серьезно задуматься над реальностью планов подчинения России и начать нащупывать иной путь установления отношений с восточным соседом, например с помощью заключения выгодного для Речи Посполитой договора. Замысел этот был в данных условиях мало реальным. Боярская дума, в контакт с которой должны были вступить послы, реальной властью в стране не обладала, а с восставшими послы дела иметь не могли. Восстание в Москве сделало миссию А. Жолкевского неактуальной еще до того, как он мог приступить к работе над поставленной перед ним задачей.

Сведения источников о положении в Москве во время и сразу после подписания августовского договора, приведенные в предшествующих разделах настоящей работы, показывают, что поддержка этого соглашения посадским населением Москвы и в то время была отнюдь не единодушной. Достаточно многочисленный слой людей готов был отдать предпочтение Лжедмитрию перед королевичем Владиславом. Когда в октябре 1610 г. были за-

держаны лазутчики Лжедмитрия II, у одного из них была обнаружена грамота Самозванца «до купцов и до миру», а другой сообщил, что видел в Калуге привезенные из Москвы «челобитные повинные из слобод»¹⁴⁸. То, что происходило в последующие месяцы, никак не могло способствовать росту симпатий населения столицы к польско-литовскому гарнизону.

А. Госевский отдавал себе отчет в том опасном положении, в котором оказалось его войско перед лицом большого и становившегося все более враждебным города. Как рассказывал А. Госевский на переговорах 1615 г. он, «учинивши совет с боярами на Москве, людей созывал многими разы на Лобно», призывая их сохранять спокойствие¹⁴⁹. Уговорами, дело, конечно, не могло ограничиться. О других принятых мерах можно узнать из записок офицера гарнизона С. Маскевича. Как он сообщает, А. Госевский еще до начала восстания, «по совету расположенных к нам бояр» (тайных сторонников Сигизмунда III), поспешил разослать находившиеся в столице стрелецкие войска по разным городам, чтобы польско-литовский гарнизон остался единственной серьезной военной силой в Москве¹⁵⁰. Посадскому населению было велено под угрозой смертной казни сдать оружие, и стража, стоявшая у ворот день и ночь, осматривала все возы, чтобы на них не провезли в город оружие. Пытавшихся это сделать карали смертью¹⁵¹.

Напряжение постепенно нарастало. «На торгу» рыбу, мясо и другие продукты продавали «литовским людям» по все более высокой цене. В «тесных местах» в Деревянном городе начались нападения на отдельных солдат и офицеров¹⁵². Особенно сильное беспокойство охватывало польско-литовское войско, когда в Москве на большие праздники собирались массы народа из округи и других городов. Как отмечено в записках С. Маскевича, от Рождества до Крещения все войско стояло в полной боевой готовности, не расседывая коней¹⁵³.

Эти свидетельства польских участников событий могут быть дополнены рассказом ранее служившего Лжедмитрию II немецкого офицера К. Буссова, который в первые месяцы 1611 г., по-видимому, находился в Москве¹⁵⁴. По словам К. Буссова, первое выступление москвичей с протестом против бесчинств польско-литовских солдат и с требованием, обращенным к А. Госевскому и ротмистрам (как лицам, скрепившим свои подписями августовский договор), чтобы они либо «в кратчайший срок добились приезда избранного царя», либо покинули Москву, имело место уже 25 января¹⁵⁵. Не-

которое успокоение наступило после того, как Госевский обещал «написать его величеству и попросить, чтобы молодой государь был направлен сюда как можно скорее», а затем зачитал московскому «миру» «письмо о том, что его величество избранный царь скоро прибудет в Москву»¹⁵⁶. Однако, поскольку за этими заявлениями не последовало никаких реальных шагов, недовольство снова стало возрастать.

Особенно отрицательную реакцию москвичей, по сообщению Буссова, вызвали меры, принятые польско-литовским гарнизоном для обеспечения своей безопасности. Жители столицы говорили, что поведение солдат показывает, что они «хотят подчинить» их «и властвовать» над ними. «Мы действительно избрали польского государя, но не для того, чтобы каждый простой поляк был господином над нами и нам, московитам, пришлось бы пропадать, а для того, чтобы каждый у себя оставался хозяином». Стали раздаваться и такие высказывания об избранном царе, что «если уж он до сих пор не приехал, так пусть и вовсе не является»¹⁵⁷. 13 февраля произошли столкновения между солдатами гарнизона и продавцами хлеба на торгу на берегу Москва-реки, и Госевскому с трудом удалось предотвратить перерастание начавшихся беспорядков во всеобщее восстание¹⁵⁸.

Когда войска Прокопия Ляпунова стали двигаться к Москве, А. Госевский предпринял попытку вступить с ним в переговоры. В посольство, направленное к Ляпунову, вошли, по его словам, архимандрит Чудова монастыря, «протопоп Спасской», боярин Михаил Александрович Нагой, полковник Ян Дуниковский и ротмистр Ян Гречиц¹⁵⁹. Таким образом, по форме это было совместное посольство московского духовенства, Боярской думы и польско-литовского войска.

Послы должны были предложить Ляпунову заключить соглашение, по которому был бы установлен срок, до которого стороны должны были дожидаться прибытия королевича и воздерживаться от военных действий. Если бы королевич к установленному сроку не прибыл, польско-литовское войско должно было покинуть Москву. Как представляется, А. Госевский пошел на этот шаг под давлением с двух сторон — со стороны Боярской думы и со стороны войска.

Для Думы такая отсрочка давала возможность попытаться еще раз добиться приезда королевича в Москву и благодаря этому заключить соглашение с восставшими¹⁶⁰ и сохранить свое традици-

онно высокое положение в русском обществе. Войско, находившееся в самом центре огромной чужой страны и с каждым днем ощущавшее растущую враждебность местного населения, как бы стихийно ощущало нереальность тех планов подчинения России, которые разрабатывались в королевском лагере под Смоленском. Войско было недовольно тем, что подписанный договор не выполняется и что король, следуя своим личным интересам (желая сам сесть на русский трон), поставил войско в опасное положение. В записках Мархоцкого встречаем сообщение о том, что на военном совете в январе 1611 г. предлагали послать под Смоленск и просить короля скорее прислать сына в Москву¹⁶¹. В то время офицеры гарнизона не решились на то, чтобы «учить короля, как он должен войну кончить». Но позднее, когда положение стало совсем угрожающим, войско 23 февраля н. ст. направило к королю своих послов, чтобы поставить его в известность о начавшихся волнениях в стране, причиной которых стала задержка с приездом нового государя и известие, что «Ваша королевская милость королевича его милость государем этому народу дать не хочешь». Так как король не выполняет условий соглашений и одновременно не присылает помощи, то, писали из войска, «Ваша королевская милость ничего себе больше от нас ожидать не должны»¹⁶². Так настроенное войско могло заставить Госевского пойти на переговоры с Ляпуновым. Что касается самого Госевского, то, возможно, он стремился прежде всего выиграть время, чтобы затем, получив подкрепление, разговаривать с восставшими на языке оружия.

Осуществление этого плана сорвало вспыхнувшее в Москве восстание. В рассказах русских исторических произведений о Смуте с редким единодушием излагается версия о том, что польско-литовское войско и русские изменники планировали массовую резню населения Москвы и убийство патриарха на Вербное воскресенье (17/27 марта)¹⁶³.

В определенном противоречии с этой версией находятся свидетельства польских офицеров в упомянутых выше записках М. Мархоцкого и С. Маскевича, свидетельствующие, что польско-литовские военачальники стремились избежать столкновения с населением большого города¹⁶⁴. К тому же следует учитывать, что определенные надежды войско, конечно, возлагало на посольство к Ляпунову.

Однако такие утверждения появились на страницах русских исторических сочинений неслучайно. В записках М. Мархоцкого отмечено, что в день праздника «боярин Салтыков» — Михаил

Глеб. Салтыков, глава тайных сторонников Сигизмунда III, сказал: «Вам сегодня Москва дала причину, а вы их не били, так они вас в следующий вторник будут бить, а я того ждать не буду, взяв свою жену, поеду к королю». К этим высказываниям М. Мархоцкий дал следующий комментарий: М. Г. Салтыков ожидал, что во вторник к городу подойдут отряды Ляпунова, и поэтому предлагал напасть на жителей Москвы до того, как они соединятся с восставшими¹⁶⁵. Таким образом, для возникновения подобных слухов была реальная причина — русские «изменники» действительно носились с планами превентивного избияния жителей города¹⁶⁶. Приведенные здесь высказывания Салтыкова показывают, что желание делать карьеру при поддержке Сигизмунда привело, по крайней мере наиболее активных людей из круга тайных сторонников короля, к полному разрыву духовной связи со своей страной и народом.

На следующий день после Вербного воскресенья пришли, по свидетельству С. Маскевича, сообщения лазутчиков, что к городу с трех сторон приближаются русские войска, и на военном совете было принято решение выйти в поле против неприятеля. Но это решение не было выполнено, так как во вторник утром в Москве начались волнения¹⁶⁷. Следует согласиться с проницательным замечанием М. Мархоцкого, что начавшиеся столкновения не соответствовали интересам ни польской, ни русской стороны, так как объективно жители Москвы были заинтересованы в том, чтобы соединить свои силы с войсками Первого ополчения¹⁶⁸. Однако сведения о близком приходе войск Ляпунова стали известны не только польским военачальникам, но и жителям Москвы. Как записал современник и участник событий ученый грек Арсений Элассонский, сторонник боярского правительства, «глупые без роду из народа... с радостью и великим голосом кричали: „Пришел Прокопий Ляпунов!“»¹⁶⁹. Накапливавшаяся ненависть к иноземным солдатам прорвалась наружу. Столкновения, начавшиеся с того, что один из офицеров стал заставляя извозчиков в Китай-городе поднимать пушки на одну из башен¹⁷⁰, быстро переросли во всеобщее побоище. По свидетельству Арсения Элассонского, в столкновениях с поляками участвовали слуги многих боярских дворов вопреки приказам своих господ¹⁷¹. Столь узкой оказалась общественная поддержка Думы даже в самой столице в первый день волнений. Как вспоминал позднее А. Госевский, поднявшие восстание «черные люди» «посланцев боярских лаяли и их побить

хотели»¹⁷².

Бой продолжался до ночи, и польско-литовское войско вынуждено было отступить за стены Кремля и Китай-города¹⁷³, «а Белый и Деревянный городы со всем большим народом москвичи осели, в набаты и в колоколы всю ночь били»¹⁷⁴.

В среду утром бояре попытались добиться прекращения волнений. Сведения об этом эпизоде известны лишь польским источникам, но их информация находит подтверждение в независимом сообщении Арсения Элассонского. Как вспоминал в 1615 г. А. Госевский, «большие бояре вси, князь Федор Иванович Мстиславской с товарищи, выехав в Белый город, хотели уговором кровь унять»¹⁷⁵. Что услышали бояре в ответ на уговоры, А. Госевский не сообщил, но об этом можно узнать из сохранившегося сообщения о восстании офицера из полка М. Струся. Восставшие поносили их («лаяли»), крича: «Жида вы, как и литва, скоро мы их и вас шапками закидаем и рукавами выметем». Несколько по-иному переданы слова восставших Арсением Элассонским: «Пришел Прокопий Ляпунов, сегодня и завтра мы всех вас истребим»¹⁷⁶. Оба сообщения, как видим, не противоречат, а скорее дополняют друг друга. По свидетельству Госевского, восставшие стали стрелять в членов Думы, и те были вынуждены удалиться, не сумев ничего сделать.

Опасаясь поражения в борьбе с численно превосходящим противником, польско-литовское войско, чтобы взять верх, прибегло к тому же способу, что и крымская орда при осаде Москвы в 1571 г., и начало жечь город. К концу среды значительная часть города уже была охвачена пожаром, и ночью было светло, как днем, но войско и в четверг продолжало поджигать дома. Как отметили и М. Мархоцкий, и С. Маскевич, продолжать поджоги советовали «расположенные к нам бояре», чтобы противник не мог использовать постройки для возведения укреплений¹⁷⁷. По сообщению «Нового летописца», «Михайло Салтыков первой нача жечь двор свой»¹⁷⁸. Начался грабеж города, который покидало население¹⁷⁹. Как сообщал сын боярский Алексей Безобразов, доставивший королю донесение А. Госевского о восстании, солдаты «бросились в Китай-город, церкви, купеческие лавки, которые тут очень обильны (товаром) были, дворы боярские и всю крепость разграбили и ободрали»¹⁸⁰. С пятницы к сожженной и разграбленной Москве с разных сторон стали подходить русские войска¹⁸¹. Записанное в королевской канцелярии сообщение А. Безобразова начиналось

словами, которые как бы раскрывали основной смысл происшедших событий. По его словам, против короля выступили все, кроме «нескольких или десятка думных бояр, начиная с патриарха злого человека... почти вся Москва»¹⁸². Таким образом, между всем русским обществом, кроме кучки бояр, сидевших с польско-литовским гарнизоном в осаде в Кремле, и Польско-Литовским государством начался открытый конфликт, принявший форму вооруженного противостояния.

Правда, в то время, когда войска Первого ополчения подходили к Москве, восстание еще не охватило западных уездов Русского государства.

В первые месяцы 1611 г., когда бóльшая часть страны уже была охвачена восстанием, дети боярские Бельского, Вяземского, Великолукского, Дорогобужского, Можайского, Пусторжевского, Ржевского, Смоленского и Торопецкого уездов продолжали получать грамоты на владения в королевской канцелярии под Смоленском¹⁸³.

По-видимому, началом перемен стал переворот в Великом Новгороде. Как сообщали сами новгородцы, присоединившись к ополчению, они отправили грамоты в Псков, Ивангород, Торопец, Великие Луки, Невель, Порхов, Заволочье, «чтоб стали с нами вместе»¹⁸⁴. После этого восстание стало охватывать и западные уезды. Выше уже упоминалось о посылке из-под Смоленска Яна Войны Есенского управлять от имени короля Великими Луками. Как выясняется из грамоты, выданной ему Сигизмундом III 23 ноября 1611 г., он «за зменю людей московских на том же замку в вязенью у них был»¹⁸⁵. Стали резко меняться и настроения детей боярских на Смоленщине.

О том, насколько серьезные и глубокие перемены произошли в настроениях местного дворянства, лучше, чем что-либо другое, свидетельствует тот факт, что один из наиболее преданных сторонников Сигизмунда III Иван Никит. Салтыков решил не только оставить службу королю, но и возглавить начинавшееся восстание. Появившись в лагере под Смоленском в конце января 1611 г., он требовал от великих послов, чтобы они, выполняя приказ Думы, подчинились распоряжениям короля, набрасывался на них «с бранью»¹⁸⁶. По-видимому, за эти заслуги 14 февраля н. ст. король пожаловал ему боярский сан¹⁸⁷. Еще 4 апреля он убеждал «великих послов» «делати о Смоленску» «по боярским грамотам»¹⁸⁸. Неудивительно, что именно Салтыкова нашли нужным поставить во главе похода против восставших¹⁸⁹. Вместе с ним в поход было

отправлено много «людей смолян и других городов»¹⁹⁰ и отряд «литовских людей». Когда войска отошли достаточно далеко от Смоленска, «литовские люди» на ночлеге были перебиты спящими. Единственный оставшийся в живых был отправлен с грамотой к Сигизмунду III. Согласно польскому сообщению об этом событии, И. Н. Салтыков требовал, чтобы король ушел из-под Смоленска, в противном случае будут перебиты все польско-литовские люди, находящиеся в Москве, «и твою землю литовскую будем также пустошить, как и ты нашу»¹⁹¹.

Знакомство с сохранившейся грамотой к Сигизмунду III¹⁹² показывает, что И. Н. Салтыков обращался к Сигизмунду от имени детей боярских и других служилых людей целого ряда западных уездов — Смоленска, Дорогобужа, Вязьмы, Можайска, Зубцова, Белой, Старицы, Великих Лук, Холма. Знакомство с этим перечнем показывает, что восстание охватило всю западную окраину Русского государства.

Грамота начиналась с констатации того, что король нарушил все взятые на себя обязательства, и с обвинений в том, что он «Московское государство до конца разорил... желая Московским государством завладеть силой и отдать» русских «в неволю полякам». От имени детей боярских И. Н. Салтыков требовал от короля уйти с войском из-под Смоленска, «поместья... и отчины от приставов освободить, польских и литовских людей из Московского государства вывести».

Одновременно он давал понять, что дети боярские западных уездов отнюдь не одиноки: «А теперь все Московское государство в соединении». Мне, писал И. Н. Салтыков, «из многих городов бояре и воеводы и всякие служилые люди писали, что все согласно за православную веру и московское разорение готовы умереть».

Все эти сведения дают необходимый комментарий к сообщению «Нового летописца», что король по всему Смоленскому уезду «посла роты и повеле дворян побивати»¹⁹³. Составитель «Нового летописца» объяснял это тем, что король узнал о намерении смолян «ехати под Москву в русские полки». В действительности это была реакция на восстание западных уездов России. Начался массовый уход детей боярских с территорий, занятых королевской армией. По мнению составителя «Нового летописца», дети боярские уходили в Калугу. Источники, более близкие к месту событий, рисуют иную картину. Согласно созданной в среде смоленских детей боярских «Повести о победах Московского государст-

ва», дети боярские уходили в Рославль и в Брянск к воеводе Василию Петр. Шереметеву¹⁹⁴. Одной из главных задач восставших на западных окраинах стала организация войска, которое заставило бы королевскую армию уйти из-под Смоленска. Восставшим удалось установить связь со Смоленском. Как говорил М. Б. Шеин на допросе, сначала гонец, некий Уваров, сообщил о разорении Москвы и отъезде И. Н. Салтыкова, затем новый гонец Афанасий Дымов привез грамоту от И. Н. Салтыкова, которую прочли перед «всем миром». В ней содержались острые обвинения по адресу короля и обещание помощи. Затем пришли гонцы от В. П. Шереметева из Брянска, сообщившие, что из Брянска послано войско во главе с кн. Федором Барятинским и что к Смоленску идет также Юрий Беззубцев из Путивля¹⁹⁵. Если учесть, что в 1610 г. кн. Федор Петр. Барятинский был воеводой в Новгороде-Северском¹⁹⁶, а Ю. Беззубцев уже в 1606–1607 гг. был известным предводителем служилых людей Путивльского уезда¹⁹⁷, то очевидно, что речь шла об организации крупного похода, в котором должны были действовать совместно собравшиеся в Брянске и Рославле дети боярские из западных уездов и дети боярские из северских городов¹⁹⁸.

Помощь, однако, запоздала. 2 июня 1611 г. польско-литовские войска взяли штурмом Смоленск. Дети боярские, двигавшиеся на помощь городу, вынуждены были вернуться в Брянск, а затем по приговору «всей земли» направились на земли Среднего Поволжья¹⁹⁹. Среди детей боярских, дошедших до Нижнего Новгорода, «бегаючи от гонения литовских людей», были дети боярские Смоленского, Бельского, Дорогобужского, Вяземского и Рославского уездов²⁰⁰.

Когда после заключения Деулинского мира Сигизмунд III стал выдавать жалованные грамоты на земли западных уездов, отошедшие под власть Речи Посполитой, то жалованные грамоты Сигизмунда III получил лишь десяток местных владельцев, в то время как смоленская дворянская корпорация насчитывала свыше 1200 чел. Все дворянство западных уездов Русского государства (за малыми исключениями) предпочло оставить свои поместья, но не подчиняться иноземной власти. Хотя остаться на этих землях местные дети боярские не могли, их восстание, как представляется, сыграло свою роль, задержав королевскую армию на западе страны. Войска, собравшиеся под Москвой, получили передышку для того, чтобы создать верховный орган власти — «совет всей земли» — и принять меры к установлению порядка на зем-

лях, оказавшихся под его властью.

События, происшедшие в Москве в марте 1611 г., стали переломными в истории отношений между русским обществом и Речью Посполитой. Теперь уже не было речи о каком-либо соглашении, о возможности возведения польского принца на русский трон. Составленная весной 1611 г. новая крестоцеловальная запись возлагала на русских людей обязательство «королю и королевичу креста не целовать и не прямити ни в чем, некоторыми делы... короля и королевича польского и литовского на Московское государство и на все государства Российского царствия не хотеть»²⁰¹. В сознании русского общества утвердился образ поляка как иноверца-захватчика. Грамоты, рассылавшиеся по стране новыми властями, «советом всей земли», рисовали картину страшного разорения Московского государства «вечными врагами и богоборцами, литовскими людьми». Они «Московское государство выжгли и высекли, и божия святыя церкви разорили и чудотворные мощи великих чудотворцев московских обругали, и раки чудотворных мощей разсекли... и в церквах для поругания лошади поставили»²⁰². Такая картина разорения страны, сопровождавшегося поруганием чтимых святых, прямо приводила к выводу, что единственный возможный тип отношений в данной ситуации — это взяться за оружие, чтобы изгнать польско-литовские войска из страны.

Другим важным итогом стало глубокое падение авторитета Думы. В грамотах ополчения «предатели христианские Михаило Салтыков да Федко Андронов с своими советники» поставлены на одну доску с «польскими и литовскими людьми». Правда, не ко всему кругу людей, стоявших у власти, было столь же враждебное отношение, о других чинах Думы просто говорилось, что «бояре прелстились для уделов, а иные боясь», но и те, и другие сотрудничали с захватчиками, в частности, следуя их желаниям, «людей всех служилых с Москвы разослали»²⁰³. Боярская дума не только утратила власть над страной, она утратила и традиционно принадлежавшее ей право на власть, она вообще перестала быть политической силой, способной оказывать серьезное влияние на русское общество. Сигизмунд III продолжал ценить поддержку бояр и готов был платить за нее щедрыми пожалованиями, но на деле эта поддержка мало чем могла ему помочь.

Перед лицом новой ситуации, сложившейся в России к лету 1611 г., восточная политика Речи Посполитой должна была изме-

ниться, и она действительно стала меняться. Однако власти Польско-Литовского государства уже не могли рассчитывать добиться каких-то целей, вмешиваясь в борьбу политических сил в русском обществе. Серьезные партнеры для такой политики на русской стороне отсутствовали. В течение некоторого времени правящие круги Речи Посполитой тешили себя иллюзией, что дело обстоит не так, но жизнь доставляла им все новые доказательства ошибочности таких представлений.

Событиями середины 1611 г. закончилась польско-литовская интервенция — попытка Польско-Литовского государства, преследуя свои цели, вмешаться в борьбу политических сил в России. Характер отношений между Речью Посполитой и русским обществом все более отчетливо приобретал характер конфликта, в котором русское общество отстаивало перед лицом внешнего врага независимость и территориальную целостность Русского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сб. РИО. Т. 142. С. 212–213.
2. Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 511–512.
3. Moskwa w rękach polaków. Pamiętniki dowódców i oficerów garnizonu polskiego w Moskwie w latach 1610–1612. Kraków, 1995. S. 175.
4. СГГД. Ч. 2. № 239.
5. Moskwa w rękach... S. 175.
6. Тюменцев И. О. Смута в России... С. 512.
7. Źródła do dziejów polskich. Wilno, 1844. Т. 2. S. 346.
8. АЗР. Т. 4. С. 381. № DXLIV.
9. РГАДА. Ф. 79. Кн. 30. Л. 29.
10. РИБ. Т. 2. СПб., 1875. С. 702.
11. Голиков И. И. Дополнения к деяниям Петра Великого. М., 1790. Т. 2. С. 198. См. также письмо Я. Задзика В. Гембицкому от 26 февраля 1611 г.: Riksarkivet Stockholm. Extranea IX. Polen. № 105. Из грамоты Сигизмунда III ротмистру Станиславу Богушевскому (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 99. Л. 410 об.) видно, что запорожцы были посланы в поход еще при жизни Лжедмитрия II, но разорили, несмотря на то что после смерти Самозванца присягнули Владиславу, Болхов, Карачев, Кромы, Орел, Новосиль и Чернь. Несколько иной перечень приводится в материалах для переговоров под Смоленском в 1615 г.: Алексин, Чернь, Болхов, Орел, Козельск (РГАДА. Ф. 79.

- Кн. 30. Л. 194).
12. РГАДА. Ф. 79. Кн. 30. Л. 134 об.
 13. Там же. Л. 900.
 14. Там же. Л. 150.
 15. Там же. Л. 187 об.
 16. О нем см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 168.
 17. Тексты грамоты из Казани в Вятку от 9 января с сообщением о происшедшем и крестоцеловальной записи см.: ААЭ. Т. 2. № 170.
 18. Яркая характеристика деятельности и роли патриарха в этот важный момент русской истории дана С. Ф. Платоновым (*Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1899. С. 482 и сл.).
 19. *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 56–57: «и будет королевич креститца, и ему быть государем царем на Московском государстве».
 20. Сб. РИО. Т. 142. С. 173–182.
 21. «В крещенье... королевичево волен Бог да он, королевич» (*Голиков И. И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. С. 76).
 22. Там же. С. 79 и сл.
 23. См. об этой несохранившейся грамоте: Описание архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. С. 115.
 24. В этом отношении поведение патриарха отличалось от поведения Авраамия Палицына, получившего в ноябре 1610 г. от Сигизмунда III подтверждение прав Троице-Сергиева монастыря на его земли (АЗР. Т. 4. С. 378. № DXIII), в декабре льготы при сборе денег в полки (Там же. С. 394. № DCLVIII), сумел он выхлопотать для монастыря и подтверждение права сбора пошлин на «конской площадке» в Москве: Описание архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 118.
 25. См. *Голиков И. И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. С. 152.
 26. ПСРЛ. Т. 14. С. 106. См. также грамоту от вятчан в Пермь от января 1611 г.: ААЭ. Т. 2. № 170.
 27. ААЭ. Т. 2. № 170.
 28. Противоположные точки зрения с подробным разбором аргументов «за» и «против» см.: *Кедров С.* Жизнеописание святейшего Гермогена патриарха Московского и всея России. М., 1912. С. 85–93; *Сухотин Л. М.* К вопросу о причастности патриарха Гермогена и князя Дмитрия Пожарского к делу Первого ополчения // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917. С. 330–333.
 29. *Polak W.* O Kreml i Smoleńszczyznę. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607–1612. Toruń, 1995. S. 234.

30. Я. Задзик – Ш. Рудницкому, 29 января 1611 г.: Czart. Rkp. 361. К. 7–9.
31. Вероятно, патриарший сын боярский Василий Сем. Чертов начал служить в патриаршем дворе в конце 80-х гг. XVI в. (Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 3. М., 1961. С. 193–194) продолжал служить в патриаршем дворе и после Смуты (Там же. С. 269–270).
32. АЗР. Т. 4. С. 482.
33. АЗР. Т. 4. С. 493.
34. *Хворостинин И. А.* Слова дня и царей и святителей московских // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 462.
35. Moskwa w rękach... S. 177–178.
36. Об этом сообщали нижегородцы Прокопию Ляпунову: СГГид. Ч. 2. № 228.
37. СГГид. Ч. 2. № 226.
38. *Платонов С. Ф.* О двух грамотах 1611 года // Commentationes Philologicae: Сборник статей в честь И. В. Помяловского. СПб., 1897.
39. О вероятной датировке памятника см.: *Дробленкова Н. Ф.* «Новая повесть о преславном Российском царстве» и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.; Л., 1960. С. 86. Ср. *Солодкин Я. Г.* К датировке и атрибуции «Новой повести о преславном Российском царстве» // Труды Отдела древнерусской литературы (далее – ТОДРЛ). Л., 1981. Т. 36. С. 105–107.
40. Новая повесть о преславном Российском царстве // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 28.
41. Новая повесть... С. 40, 48, 52.
42. Там же. С. 38, 40.
43. Там же. С. 32, 34, 38.
44. Там же. С. 30.
45. Там же. С. 46.
46. Там же. С. 52.
47. Там же. С. 56.
48. Там же. С. 48.
49. Это не позволяет согласиться с мнениями Н. Ф. Дробленковой («Новая повесть»... С. 126) и Я. Г. Солодкина (К датировке... С. 112) о близости автора к патриарху. Вместе с тем эта особенность произведения – аргумент в пользу датировки «Повести» скорее началом февраля, чем более поздним временем.
50. Новая повесть... С. 54.
51. АЗР. Т. 4. С. 483.
52. *Żółkiewski S.* Początek i progres wojny Moskiewskiej / Opr. J. Maciszewski. Warszawa, 1966. S. 184.

53. *Polak W.* О Кремле... С. 235–236.
54. *Голиков И. И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. С. 146, 174.
55. АЗР. Т. 4. С. 360, 384, 400. № CCCLXXIV, DLXXVIII, DCCXXIX.
56. На переговорах в 1615 г. А. Госевский обвинял Ляпунова в организации в Москве в октябре 1610 г. заговора в пользу Лжедмитрия II (АЗР. Т. 4. С. 480), но в современных тем событиям сообщениях о заговоре, направленных под Смоленск, имя Ляпунова не упоминалось (см.: *Scrutinium zdrady w Moskwie – Rac. Rkp.* 33. К. 254–256).
57. *Шаховской С. И.* Летописная книга // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII века. М., 1987. С. 407–409.
58. *Попов А. Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 249.
59. *Хворостинин И. А.* Словеса... С. 462.
60. СГГид. Ч. 2. № 239.
61. *Żółkiewski S.* Początek... С. 184. По-видимому, такую и подобные ей грамоты имели ввиду составители материалов для переговоров под Смоленском 1615 г., когда писали: «Бояре и всяких чинов люди, которые по городом, а не на Москве... писали изо всех городов к Москве к Михаилу Салтыкову с товарищи и к тебе, Олександру (Госевскому. – Б. Ф.) и к польским и литовским людям, которые были на Москве, с великим прошеньем, оправдая себя перед государем вашим и перед его сыном, чтоб полские и литовские люди от таких своих злых дел престали и стояли в своей правде, о чем... целовали крест к Московскому государству... и чтоб сын государя вашего по гетманскому договору на Московское государство шел не мешкая» (РГАДА. Ф. 79. Кн. 30. Л. 32–32 об.).
62. Грамота Думы была ответом на королевский «лист», доставленный в Москву 23 декабря.
63. СГГид. Ч. 2. № 233.
64. См. записку о событиях в России от 7 марта 1611 г.: *Czart.* № 105. С. 87.
65. СГГид. Ч. 2. № 233.
66. *Czart.* № 105. С. 87.
67. Я. Задзик – III. Рудницкому, 29 января н. ст. 1611 г.: *Czart. Rkp.* 361. С. 8; ПСРЛ. Т. 14. С. 105.
68. Доставлена в лагерь под Смоленском 8 февраля н. ст.: *Racz. Rkp.* 33. К. 234^v.
69. Сб. РИО. Т. 142. С. 216.
70. См. текст донесения А. Госевского Сигизмунду III от 21 января н. ст. 1611 г. в кн.: *Polak W.* О Кремле... С. 237.
71. *Diariusz drogi króla JMci Zygmunta III od szczęśliwego wyjazdu z Wilna pod Smoleńsk w roku 1609 a die 18 Augusta, fortunnego powodzenia przez lat dwie do wzięcia zamku Smoleńska w roku 1611 / Opr. J. Byliń-*

- ski. Wrocław, 1999. S. 247–251. Тот же текст в кириллической транскрипции, неверно датированный 11 февраля 1611 г. см.: *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. СПб., 1904. Кн. 2. С. 526–527.
72. *Polak W.* O Kreml... S. 237–238.
73. См. об этом в грамоте Я. П. Сапеги кн. Ю. Н. Трубецкому: СГГид. Ч. 2. № 237.
74. См. об этом в грамоте из Рязани в Нижний Новгород: Там же. № 228.
75. *Polak W.* O Kreml... S. 237.
76. Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Krakowie. Rkp. 358. K. 53.
77. Ibid. Rkp. 345. K. 195.
78. «Nowiny z Moskwy» от 8 февраля 1611 г.: Czart. 361. № 5. K. 19.
79. См. записи в дневнике похода Я. П. Сапеги (*Moskwa w rękach...* S. 359), а также грамоту князей Юрия и Дмитрия Трубецких Я. П. Сапеге (*Źródła do dziejów polskich.* Wilno, 1844. Т. 2. S. 346). Переговоры поначалу шли так успешно, что П. Ляпунов планировал направить корпус Я. П. Сапеги к Можайску, чтобы прервать связи между Москвой и королевской армией под Смоленском, см. грамоту П. Ляпунова Артемию Вас. Измайлову от середины февраля 1611 г.: СГГид. Ч. 2. № 238.
80. СГГид. Ч. 2. № 228.
81. ПСРЛ. Т. 14. С. 107. Исай Сунбулов был одним из рязанских детей боярских, служивших Лжедмитрию II: Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / Сост. А. В. Антонов. М., 2002. Т. 3. № 363. С. 296.
82. См. анализ помет в боярском списке 1610–1611 гг.: *Сторожев В. Н.* Материалы по истории русского дворянства // ЧОИДР. 1909. Кн. 3. С. 75, 79; *Сухотин Л. М.* К вопросу... С. 344.
83. *Źródła do dziejów polskich.* Т. 2. S. 346.
84. Ibid.
85. Ibid. S. 347.
86. Ibid. S. 346.
87. Ibid. S. 347.
88. СГГид. Ч. 2. № 228.
89. В конце января 1611 г. в лагере под Смоленском было хорошо известно, что «отпал... Нижний Новгород с прилегающими крепостями и волостями»: Я. Задзик – III. Рудницкому, 29 января н. ст. 1611 г. – Czart. 361. K. 7.
90. Ср. сообщение Б. Болтина, что патриарх «словесно... приказывал, чтоб воеводы и ратные люди не позамешкали к Москве по зимнему пути» (*Попов А. Н.* Изборник... С. 349).
91. Пересказ обращения нижегородцев см. в ответной грамоте Прокопия Ляпунова: СГГид. Ч. 2. № 228.
92. Там же.

93. См. об этом в отписке из Нижнего Новгорода в Вологду (Там же. № 229).
94. Там же.
95. История присоединения Ярославля к ополчению изложена в грамоте из Ярославля в Вологду от второй половины февраля 1611 г.: Там же. № 239.
96. Возможно, впрочем, что жителям Ярославля пришлось отражать нападение войск, присланных из Москвы. В материалах для смоленских переговоров 1615 г. читаем обвинение «литовских людей» в том, что они «с Москвы на Прокофья и к Ерославлю своих людей воевать посылали» (РГАДА. Ф. 79. Кн. 30. Л. 143 об.).
97. ААЭ. Т. 2. № 178.
98. СГГид. Ч. 2. № 229.
99. СГГид. Ч. 2. № 228.
100. Сб. РИО. Т. 142. С. 233
101. Сухотин Л. К вопросу... С. 322.
102. См.: Шепелев И. Е. Организация земского ополчения в 1611 году // Ученые записки Пятигорского института. Кафедра обществ. наук. Ставрополь, 1951. Т. 6. С. 228 и сл.
103. СГГид. Ч. 2. № 238.
104. См. об этом в грамоте из Ярославля в Вологду (Там же. № 239).
105. Там же. № 236.
106. О разногласиях между разными центрами движения относительно конкретного плана действий см.: Рубинштейн Н. Л. Возникновение народного ополчения в России в начале XVII в. // Труды Гос. исторического музея. Вып. 20. Военно-исторический сборник. М., 1948. С. 75–76.
107. ААЭ. Т. 2. № 178.
108. К уже отмеченным в тексте следует присоединить и Каширу — 10 февраля 1611 г. население города и уезда во главе с боярином Михаилом Александровичем Нагим перешло на сторону восставших: СГГид. Ч. 2. № 238.
109. СГГид. Ч. 2. № 239.
110. Сб. РИО. Т. 142. С. 233.
111. Цит. по: Polak W. O Kreml... S. 234–235.
112. Polak W. O Kreml... S. 237.
113. Ibid. S. 234.
114. Ibid. S. 238.
115. Racz. Rkp. 33. K. 266^v–267.
116. Polak W. O Kreml... S. 238–239.
117. Я. Задзик — В. Гембицкому, 15 января 1611 г.: Riksarkivet Stockholm. Extranea IX Polen. № 105. В другом письме Я. Задзик привел прямые

- высказывания гетмана: «У Москвы не имею уважения, так как ничего не сделано из того, что я обещал, а если что и сделано, то не так, как самой (Москве. — Б. Ф.) было нужно»: Тот же — тому же, 2 марта 1611 г. — Там же.
118. Сб. РИО. Т. 142. С. 217–222.
119. Гетман прямо говорил, что никакого воздействия этот документ не окажет, так как в нем король только благодарил за выбор Владислава на трон, но не обещал прислать его в Москву: Я. Задзик — В. Гембицкому, 26 февраля 1611 г. — Riksarkivet Stockholm. Extranea IX. Polen. № 105.
120. ААЭ. Т. 2. № 188/III.
121. Там же. № 188/II.
122. Там же. № 188/IV.
123. Там же. № 188/II.
124. ААЭ. Т. 2. № 171.
125. Там же. № 174.
126. Акты времени междоусобия (1610 г., 17 июля — 1613 г.) / Под ред. С. К. Богоявленского и И. С. Рябинина. М., 1915. С. 6–7.
127. ААЭ. Т. 2. № 174.
128. Там же. № 181.
129. Текст грамоты из Ярославля в Казань см.: ААЭ. Т. 2. № 188/II; пересказ грамоты из Ярославля в грамоте из Великого Новгорода: Там же. № 183.
130. ААЭ. Т. 2. № 183.
131. См. об этом подробнее: *Ермолаев И. П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. Казань, 1982. С. 91–92. Еще 27 апреля 1611 г. в Казани распоряжения отдавались «по государеву, цареву великого князя Дмитрия Ивановича всеа Русии указу»: Центральная научная библиотека Академии Наук Литвы. Ф. 16. № 17. Л. 21 об. В свете этого явно недостоверным является сообщение о приходе под Москву с войсками ополчения «Богдана Бельского с людьми казанскими» (Сзарт. Rkr. 106. S. 664), тем более что Богдан Бельский был убит, когда Казань присягнула Лжедмитрию II (ПСРЛ. Т. 14. С. 105).
132. *Рубинштейн Н. Л.* Возникновение народного ополчения...
133. На значение этих отписок как важного свидетельства о начале формирования сословных объединений в России в годы Смуты справедливо указывал Л. В. Черепнин: *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства XVI–XVII вв. М., 1978. С. 169–170.
134. Восстание Болотникова. Документы и материалы. М., 1959. С. 209–210.
135. Там же. С. 209.
136. *Любомиров П. Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 34–35. См. также грамоту царя Василия Шуйско-

- го служилым людям Нижнего Новгорода с благодарностью за службу и обещанием милостей и с предложением принять участие в походе на Москву от февраля 1609 г.: Антонов А. В. К начальной истории нижегородского ополчения // Русский дипломатий. М., 2000. Вып. 6. С. 220.
137. Тюменцев И. О. Смута в России... С. 391–392.
138. Там же. С. 394, 414.
139. Так, в Ярославле в мае 1609 г. вместе с жителями города и местными детьми боярскими сидели в осаде дети боярские из Костромы, Галича, Ростова, Романова: Там же. С. 416–417.
140. Как это сформулировали позднее составители материалов для смоленских переговоров 1615 г., «и быти б Московскому государству под Жигимонтом королем к Польше и к Литве»: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 30. Л. 30 об.
141. Так, 6 марта 1611 г. «по совету всей земли» В. И. Вешнякову было передано находившееся в Шацком уезде поместье дьяка Василия Янова, «а Василей Янов ныне на Москве, сложа(сь) с польскими и с литовскими людьми, стоит на православную крестьянскую веру»: Акты служилых землевладельцев... Т. 3. № 70. С. 55.
142. См.: Я. Задзик — В. Гембицкому 12 марта 1611 г.: Riskarkivet Stockholm. Extranea IX. Polen. № 105.
143. СГГид. Ч. 2. № 239.
144. Там же. № 242.
145. Как писало само войско Сигизмунду III 23 февраля 1611 г., «nam zas dość nié wielkiej kupie dzielic się trudno»: Racz. Rkp. 33. K. 272.
146. Об этом совещании см.: Polak W. O Kreml... S. 249–250.
147. Текст инструкций см.: Racz. Rkp. 33. K. 290^v–292^v.
148. Scrutinium zdrady: Ibid. K. 255, 255^v.
149. АЗР. Т. 4. С. 483.
150. Moskwa w rękach... S. 176.
151. Ibid. S. 178. Рассказ С. Маскевича «Новый летописец» дополняет важной деталью: «...и решотки по улицам все посети повелеша».
152. АЗР. Т. 4. С. 483. Ср.: Moskwa w rękach... S. 87.
153. Moskwa w rękach... S. 179.
154. Смирнов И. И. Конрад Буссов и его хроника // Буссов К. Московская хроника. 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 31–33.
155. Буссов К. Московская хроника... С. 181.
156. Там же. С. 182.
157. Там же.
158. Там же. С. 183–184.
159. АЗР. Т. 4. С. 483.
160. Стоит отметить, что между московским правительством и Ляпуно-

- вым все еще сохранялись определенные контакты. Так, в уже упоминавшейся грамоте П. Ляпунова в Нижний Новгород читаем, что после его обращения к боярам «патриарху учало быти повольнее и дворовых людей ему немногих отдали» (СГГид. Ч. 2. № 228).
161. Moskwa w rękach... S. 84.
 162. Racz. Rkp. 33. K. 272.
 163. ПСРЛ. Т. 14. С. 107–108; *Шаховской С. И.* Летописная книга... С. 408.
 164. Оба офицера, не стовариваясь, пишут об опасениях, которое вызвало скопление народа на празднике, и о том, как они старались сохранять спокойствие и не вызвать конфликта: Moskwa w rękach... S. 86–87, 186.
 165. Ibid. S. 87.
 166. Возможно, появление таких планов стало своего рода реакцией на враждебное отношение населения Москвы к этой группе служивших королю бывших тушинцев. По свидетельству Буссова, еще до начала восстания жители Москвы «изругали постыдным образом также и московских вельмож, стоявших за короля, а именно — Михаила Глебовича Салтыкова, Федора Андропова, Ивана Тарасовича Грамотина и еще некоторых других и потребовали, чтобы им выдали всех их, будто бы предавших Россию»: *Буссов К.* Московская хроника... С. 181.
 167. Moskwa w rękach... S. 186–187.
 168. Ibid. S. 87.
 169. *Дмитриевский А. А.* Архиепископ елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезунтского Сумелийского монастыря. Киев, 1899. С. 148.
 170. Moskwa w rękach... S. 87.
 171. *Дмитриевский А. А.* Архиепископ елассонский Арсений... С. 148.
 172. АЗР. Т. 4. С. 483.
 173. Moskwa w rękach... S. 87–88, 187–188.
 174. АЗР. Т. 4. С. 485.
 175. Pana Głoskowskiego towarzysza pana Strusa relatia: Diariusz drogi... S. 261.
 176. *Дмитриевский А. А.* Архиепископ елассонский Арсений... С. 148.
 177. Moskwa w rękach... S. 88–89, 188–189.
 178. ПСРЛ. Т. 14. С. 108.
 179. Подробный рассказ об этих грабежах см.: *Буссов К.* Московская хроника... С. 189.
 180. Relacya ustna tego boiarzyna ktory listy P. Gąsiewskiego ze stolicy do Krola Je Mci proniał — Czart. Rkp. 106. № 136. S. 661.
 181. По оценке участника событий, польского офицера, в Москве погибло 16 тыс. человек, не считая больных, детей и женщин, сгоревших во время пожара. Уцелевшие стояли в поле или на пожарище, умирая от голоду: Diariusz drogi... S. 262–263. О действиях польского гарнизона

- в Москве Я. Задзик в мае 1611 г. писал: «Жестокость по отношению к людям московским такая, что страшно и писать», см.: Я. Задзик -- В. Гембицкому 11 мая 1611 г. (Riskarkivet Stockholm. Extranea IX. Polen. № 105).
182. Czart. Rkp. 106. S. 661.
183. *Сухотин Л. М.* Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 гг. // ЧОИДР. 1911. Кн. 4. С. 117–124.
184. ААЭ. Т. 2. № 183.
185. РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 89. Л. 415.
186. *Голиков И. И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. С. 183, 190, 192.
187. СГГид. Ч. 2. № 232.
188. *Голиков И. И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. С. 224.
189. По сообщению «Нового летописца», он был послан «в Дорогобуж»: ПСРЛ. Т. 14. С. 110.
190. См. об этом в грамоте Сигизмунда III боярам в Москву от 15 июня 1611 г.: Racz. Rkp. 33. К. 295^v.
191. Nowiny z Moskwy — Biblioteka Jagiellońska w Krakowie. Rkp. 102. К. 394. Краткая запись об «измене» Салтыкова см. также в дневнике похода Я. П. Сапеги под 27 мая н. ст. (Moskwa w rękach... S. 371).
192. Racz. Rkp. 3. К. 292^v–293.
193. ПСРЛ. Т. 14. С. 110.
194. Повесть о победах Московского государства. Л., 1982. С. 26.
195. Czart. Rkp. 105. № 40. К. 167.
196. АИ. Т. 2. № 280; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 507. Л. 843.
197. О нем см.: *Скрынников Р. Г.* Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988. С. 82, 88–89, 144–145, 170, 219–220, 238.
198. О присутствии служилых людей из Путивля в Брянске, когда там «во 118 году был... на земской службе чашник и воевода Василий Петрович Шереметев», см.: Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611–1613 гг. / Собр. С. Б. Веселовский // ЧОИДР. 1911. Кн. 4. № 81. С. 98.
199. Повесть о победах... С. 28–29.
200. ПСРЛ. Т. 34. С. 259.
201. Сб. РИО. Т. 142. С. 263–264.
202. См.: ААЭ. Т. 2. № 185 — грамота от 11 апреля 1611 г.
203. Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование восточной политики Речи Посполитой в годы Смуты показало нереальность сложившихся в советской послевоенной историографии представлений, что в своей политике по отношению к России правящие круги Польско-Литовского государства последовательно реализовывали сложный, рассчитанный на ряд этапов замысел. В действительности, когда в 1609 г. было принято решение о вмешательстве Речи Посполитой в русские дела, то разных политиков этого государства объединяла лишь общая цель — подчинение России польско-литовскому политическому влиянию, превращение Русского государства в часть политической системы Речи Посполитой. Что касается путей достижения этой цели, то представления на этот счет у разных участников событий существенно расходились между собой. С одной стороны, определенным общественным признанием пользовались люди, которые носились с планами превращения Русского государства в нечто подобное испанским владениям в Америке. С другой стороны, в общественном сознании правящей элиты сохранилось традиционное представление о том, что успехов в расширении государственных границ Польское государство добивалось не столько оружием, сколько используя притягательность польской модели общественного строя для местного дворянства, предоставляя дворянству входивших в его состав народов «права» и «вольности» польской шляхты. Та же ситуация могла бы повториться и по отношению к России, если бы ее границы оказались открытыми для влияния польско-литовской политической культуры. Именно в духе таких представлений действовал видный представитель этой элиты гетман Станислав Жолкевский, в руках которого летом 1610 г. в силу ряда обстоятельств оказалась власть над войском и полномочия для ведения переговоров с русским обществом.

В отечественной историографии (и не только советской) достаточно распространенным было представление, что между польско-литовскими участниками событий были заранее распределены роли, чтобы обмануть, дезориентировать русское общество и захватить Москву. Исследование всего комплекса источников показывает несоответствие этого представления известным фактам

и показывает, что Жолкевский последовательно пытался действовать в духе традиционных для польско-литовской элиты представлений, о которых было сказано выше.

Главной целью, к которой стремился С. Жолкевский, было добиться избрания русским царем Владислава, старшего сына короля Сигизмунда III. Избрание польского принца должно было привести к сближению между Россией и Речью Посполитой, к открытию русского общества для воздействий польско-литовской политической культуры. В перспективе (может быть, и достаточно далекой) это должно было привести к объединению Речи Посполитой и России в одном политическом организме. Для достижения поставленной цели (избрание польского принца на русский трон) С. Жолкевский при выработке условий возможного соглашения готов был идти навстречу требованиям русской стороны.

Для отечественной историографии традиционным, восходящим едва ли не к официальной исторической традиции времени первых Романовых, было представление, что заключение с Жолкевским соглашения об избрании Владислава было делом рук группы представителей знати, рассчитывавших таким путем приобрести «права» и «вольности» польских магнатов. Изучение сохранившихся источников (прежде всего целой серии писем С. Жолкевского королю) показало полную ложность такого представления. Условия соглашения об избрании Владислава были выработаны при участии всех «чинов» русского общества, находившихся в то время в Москве. Дворяне и посадские люди неоднократно вмешивались и в сам ход переговоров. Вместе с тем получил подтверждение ряд наблюдений исследователей о мотивах, склонявших верхи русского общества к заключению такого соглашения. Несомненно, речь шла о надеждах на сохранение традиционного общественного порядка, обеспечивавшего «служилым людям по отечеству» руководящее положение в обществе, и удаление с исторической сцены тех сил, которые (как казачество) угрожали общественной стабильности. Кроме того, с избранием иностранного принца из рода «великих государей» связывались надежды на возвращению монарху его традиционной для русского общества роли верховного арбитра, стоящего над столкновениями отдельных группировок и слоев, что также должно было способствовать установлению порядка.

Данное исследование также показало (на что хотелось бы особенно обратить внимание), что находившиеся в Москве «чины»

русского общества связывали с избранием польского принца надежды на прекращение вмешательства Польско-Литовского государства в русские дела и вывод польско-литовских войск с русской территории. Целый ряд условий выработанного в ходе переговоров соглашения обеспечивал сохранение русским обществом под властью нового государя традиционных институтов, а также сохранение Русским государством своей самостоятельности и территориальной целостности. Готовность гетмана Жолкевского пойти навстречу таким требованиям русского общества сделала возможным достижение договоренности. Выработанные под Москвой условия соглашения были затем одобрены дворянством и посадами территорий, признававшими ранее власть царя Василия, а после смерти Лжедмитрия II и городами, признававшими его власть.

По мысли гетмана (что нашло отражение на страницах его записок), избрание Владислава на русский трон должно было положить начало социально-культурному влиянию польско-литовского общества на русское, что привело бы в дальнейшем к сближению общественно-политического строя России и Речи Посполитой, а возможно, и к их объединению в рамках одного политического организма.

Изменения в жизни русского общества в годы Смуты давали для подобных расчетов определенные основания. В последние десятилетия отечественная историческая наука, прежде всего благодаря усилиям Р. Г. Скрынникова и А. Л. Станиславского, отказалась от отождествления кризиса, охватившего русское общество в годы Смуты, с крестьянской войной. На смену ему пришло гораздо более, как представляется, правильное представление о Смуте как своего рода гражданской войне, в ходе которой разные социальные слои и региональные объединения добивались и своего уравнивания в правах с другими группами аналогичного социального статуса, и приобретения новых прав.

Если в послевоенной советской историографии зависимое крестьянство совершенно ошибочно рассматривалось как одна из главных движущих сил в событиях Смуты, то это не значит, что противоречия между интересами низов и верхов русского общества вообще не имели значения. Напротив, события Смуты были отмечены повышенной активностью таких социальных групп, как холопы (прежде всего — бывшие военные слуги бояр и детей боярских) и казаки. Холопы, поскольку они не вливались в состав казачьих отрядов, стремились войти в ряды дворянского сосло-

вия, занять там заметное место, а казаки добивались для себя такого особого статуса, который мало чем уступал бы привилегированному статусу дворянства. Наконец, годы Смуты были отмечены активностью посадских «миров», стремившихся вернуть себе утраченное в предшествующие годы самоуправление и оказывать влияние на положение тянувшей к городу сельской округи. Наиболее яркое выражение получили такие тенденции в деятельности «всегородной избы» в Пскове. На этом пути происходили подчас достаточно резкие столкновения с местным дворянством, о чем говорят не только известные события в Пскове, но и приведенные в книге свидетельства о положении в Великих Луках под властью Лжедмитрия II. Все это дворянство воспринимало как действия, угрожающие его положению господствующей социальной группы русского общества, и это накладывало отпечаток на его позицию на переговорах с представителями Польско-Литовского государства, на что справедливо указывал еще С. Ф. Платонов.

Вместе с тем хотелось бы акцентировать внимание на активной роли, которую играло в событиях Смуты дворянство отдельных регионов и отдельные дворянские корпорации. Исследование принесло ряд новых доказательств того, что возникший кризис в значительной мере был вызван попытками дворянских корпораций окраин добиться своего уравнивания в правах с дворянством исторического центра государства. С этим в значительной мере был связан происшедший в ходе гражданской войны раскол страны на два враждебных лагеря. Кроме того, дворянство стремилось усилить свою роль и значение на местах и обеспечить себе участие в принятии важных политических решений. Об этом говорит получившая распространение в годы Смуты практика назначения воевод — представителей государственной власти на местах из числа местных землевладельцев. Такие воеводы часто оказывались скорее предводителями местного дворянства, чем представителями власти центра. Эти воеводы в ряде случаев получали и думные чины, что давало им формальное право на участие в принятии важных политических решений. Наиболее яркое выражение такие тенденции нашли в лагере Лжедмитрия II, но в стороне от них не остался и лагерь Василия Шуйского, о чем говорит яркий пример Прокопия Ляпунова — предводителя рязанских дворян, рязанского воеводы и думного дворянина. В эти же годы нашло достаточно определенное выражение и стремление дворянства расширить права распоряжения своими земельными владениями. Указ

Василия Шуйского, предоставивший достаточно широкому кругу людей возможность превратить в вотчины часть их поместных земель, был очевидным ответом на соответствующие требования со стороны дворянства.

В целом годы Смуты были отмечены всплеском активности социальных групп разного масштаба. Собранные в работе сведения о русско-литовских контактах 1609–1610 гг. содержат целый ряд свидетельств о том, как самостоятельно вступали в контакты с высшими властями Польско-Литовского государства не только дворянские корпорации отдельных уездов, но и отдельные группы влиятельных землевладельцев.

Исследования целого ряда ученых (начиная с С. Ф. Платонова), посвященные развернувшемуся в северной части Русского государства движению за самооборону от польско-литовских войск из тушинского лагеря, показали, что в ходе развития движения постепенно возникали межсословные объединения населения, бравшие в свои руки целый ряд функций, традиционно принадлежавших органам государственной власти на местах.

Центральная власть оказалась не в состоянии управлять по-старому и оказалась вынужденной собирать выборных представителей различных чинов для принятия важных политических решений. Рассмотрение свидетельств о русско-польских контактах 1609–1610 гг. принесло ряд новых доказательств правильности точки зрения тех ученых, кто, как Л. В. Черепнин, относил именно к годам Смуты формирование представления о «всей земле» — собрании выборных представителей разных «чинов» русского общества со всей территории страны как верховном органе власти, единственно полномочном принимать решения, касающиеся судеб страны, в отсутствие монарха и участвующем в решении наиболее важных политических решений вместе с монархом. Эти перемены в сознании русского общества нашли наиболее яркое отражение в проекте договора, предложенном королю Сигизмунду III бывшими сторонниками Лжедмитрия II. Проект предусматривал участие «всей земли» в установлении налогов и принятии новых законов.

В таких условиях русское дворянство закономерно должно было проявить интерес к общественному устройству Речи Посполитой, где дворянство обладало очень широкими сословными правами, а его выборные представители участвовали в принятии важных политических решений. Имеем прямые свидетельства (в частности, в записках С. Маскевича), что разные черты общест-

венного устройства Речи Посполитой в этой среде действительно обсуждались¹.

Создававшиеся объективной исторической ситуацией возможности для диалога между польско-литовским и русским дворянством не были использованы, так как в восточной политике Речи Посполитой получила преобладание иная тенденция, резко расходившаяся с планами и предложениями С. Жолкевского.

Для всей политически активной части польско-литовского дворянства общим было представление о русском обществе как обществе «диком», «варварском», сформировавшемся в условиях господства «тираннической» власти русских государей. Это общее представление служило, однако, основой для разных выводов. С. Жолкевский и люди, разделявшие его взгляды, полагали, что в тесном контакте с более развитым польско-литовским обществом русское общество сможет изжить свои «варварские» черты. Другие представители правящей элиты Речи Посполитой, напротив, полагали, что такое «варварское» общество может быть лишь неравноправным политическим придатком Речи Посполитой, подчиненным ее руководству. Как представляется, именно убеждения такого рода легли у истоков принятого под Смоленском решения не принимать во внимание достигнутой под Москвой договоренности и добиваться подчинения Русского государства власти самого короля Сигизмунда III. Такое решение, судя по всему, было принято Сигизмундом III при участии его ближайших советников — его фаворита подкомория Анджея Боболы и коронного подканцлера Феликса Крыйского. Они рассчитывали осуществить такие планы, обеспечив себе поддержку русской правящей элиты, расположения которой король рассчитывал добиться, раздавая чины и земли.

По вопросу о роли русской правящей элиты в событиях, последовавших за заключением августовского договора, в отечественной исторической литературе выдвигались разные точки зрения. Если советские авторы в работах послевоенных лет обвиняли боярство в предательстве национальных интересов, то С. Ф. Платонов, по существу, освобождал его от какой-либо ответственности за происшедшее. Исследование показало ошибочность обеих этих точек зрения.

Как уже отмечалось выше, заключение августовского договора не было делом узкого круга представителей знати (так называемой «семибоярщины»), как это традиционно считалось в отечественной исторической науке, однако за последовавшие затем собы-

тия представители правящей элиты, заседавшие в высшем органе государственной власти — Боярской думе, несомненно, несут полную ответственность. Поведение членов Боярской думы, которые принимали от короля чины и должности и выполняли все чаще исходившие от него распоряжения, убеждало Сигизмунда III в реальности его планов и побуждало его к попыткам осуществить их на практике.

Такое поведение русской правящей элиты находит свое объяснение в особенностях ее положения в обществе. Оторванная от своих связей на местах знать сохраняла традиционную монополию на высшие государственные должности благодаря поддержке высшего носителя государственной власти. В условиях начавшейся гражданской войны правящая элита оказалась неспособной серьезно влиять на положение на местах, а ослабевшая центральная власть была не в состоянии сохранить традиционные прерогативы знати в их полном объеме. Получившая распространение практика назначения воевод из числа местных землевладельцев, авторитетных в среде провинциального дворянства, эти прерогативы прямо ущемляло, как и созыв сословных собраний для решения крупных политических вопросов. Если заключение договора об избрании Владислава было делом не только бояр, то это отнюдь не исключает того, что русская политическая элита связывала с этим соглашением свои особые планы. Поддержка нового монарха должна была вернуть этой элите ее традиционное положение в обществе. Отсюда ее далеко заходящая уступчивость по отношению к Сигизмунду III. Вместе с тем следует отметить, что основная часть этой элиты, прежде всего та, которая занимала свое место в силу традиции, вовсе не разделяла планов подчинения России власти Сигизмунда III, которые разрабатывались втайне от нее.

Проведенное исследование принесло новое доказательство в пользу той уже традиционной для отечественной исторической науки точки зрения, что в осуществлении своих планов Сигизмунд III мог рассчитывать на поддержку лишь того круга лиц, которые сумели войти в состав политической элиты, воспользовавшись чрезвычайными ситуациями, возникшими в ходе гражданской войны с расколом России на два враждебных лагеря. (В первую очередь речь должна идти о людях, сделавших карьеру на службе Лжедмитрию II.) При существовании в России четкой иерархической структуры господствующего класса, положение лиц, добившихся высоких «чинов» вопреки традиционным принципам

функционирования такой структуры, неизбежно оказывалось непрочным, их право на участие во власти неизбежно должно было оспариваться с разных сторон — и со стороны неудачливых конкурентов, и со стороны представителей традиционной элиты, и со стороны нижестоящих общественных кругов. Именно уязвимость их социального статуса, отсутствие поддержки в обществе и заставляли этот круг людей связывать свои надежды с утверждением в Москве польского короля.

Вопрос об оценке политики, избранной Сигизмундом III, в последние десятилетия стал предметом дискуссии в польской исторической науке. Исследователи, обращавшиеся в последнее время к рассмотрению этой политики, стали выдвигать возражения против тех резко отрицательных оценок этой политики, которые можно считать для этой науки традиционными. В свете сделанных замечаний в эти оценки действительно следует внести некоторые поправки. Во-первых, следует согласиться с тем, что после заключения августовского договора король оказался перед необходимостью решения очень сложных вопросов. Так, ему предстояло направить в страну, находившуюся в состоянии глубокого внутреннего кризиса, своего старшего сына, 15-летнего мальчика, не обладавшего никаким серьезным политическим опытом, при этом русская сторона настаивала, чтобы его не сопровождали ни польские советники, ни польское войско. Сложности дополнительно увеличивались благодаря тому, что, выступая в поход на Россию, король объявил своей главной целью возвращение Речи Посполитой таких территорий, как Смоленщина и Северская земля, утраченных Великим княжеством Литовским в войнах рубежа XV–XVI вв., в то время как согласно августовскому договору Русское государство должно было и далее существовать в тех границах, в которых оно существовало перед Смутой.

Исследователи XIX в. постоянно подчеркивали, что одной из главных причин неудачи восточной политики Сигизмунда III был его католический фанатизм, его стремление насадить в России католическую религию, чем он и оттолкнул от себя русское общество. Следует согласиться с современными исследователями в том, что во время своих переговоров с представителями русского общества Сигизмунд III не предпринимал каких-либо попыток склонить русскую сторону принять католическую религию. Не предпринималось в то время и шагов по созданию каких-либо католических учреждений на территории, занятой королевской армией. Устрой-

ство в Кремле «костела» для обслуживания нужд находившегося здесь польско-литовского гарнизона было явно результатом собственной инициативы войска, а не каких-либо шагов, предпринятых королем. Все это, разумеется, показывает, что Сигизмунд III в определенной мере считался с существующей реальностью. Однако из этого еще не следует, что религиозность короля Сигизмунда III и его религиозная политика не оказывали влияния на эволюцию русско-польских контактов в 1610–1611 гг. Для русского общества важным и принципиальным было требование, чтобы новый царь принял православие, что сделало бы его полностью «своим» для его русских подданных. Отсутствие прямого и ясно-го положительного ответа на это предложение не могло не вызвать отрицательной реакции русского общества и не усилить его беспокойства за судьбу своей веры. Кроме того, Россия не была отделена от Речи Посполитой китайской стеной, и о проводившейся королем религиозной политике здесь было достаточно известно, тем более что, например, в Вильне храмы были отобраны у православных с использованием вооруженной силы как раз перед выступлением короля в поход на Смоленск, а православные виленские мещане поддерживали в эти годы оживленные контакты с русским обществом.

Главное, однако, состоит в том (и справедливые замечания критиков по отдельным сюжетам здесь ничего принципиально изменить не могут), что решение имеющихся (и достаточно серьезных) проблем король и круг его советников искали не на путях соглашения с русским обществом (или хотя бы с русским дворянством), не с помощью поисков компромисса, который мог бы удовлетворить обе стороны. Напротив, они действовали, по существу, игнорируя пожелания и требования русского общества, стараясь поставить его перед лицом совершившихся фактов. Король и его советники, судя по всему, оказались во власти иллюзии, отождествляя покорность правящей элиты, ее готовность повиноваться королевским приказаниям с покорностью всего русского общества. По-видимому, они придавали ключевое значение позиции этой элиты потому, что общество, воспитанное в условиях «тираннической» власти московских государей, по их представлениям, привыкло безоговорочно выполнять поступающие сверху приказы. И то, и другое представление явно не соответствовали российским реалиям, как они сложились в годы Смуты, и, следуя им, невозможно было добиться какого-либо реального результата. Еще бо-

лее бесперспективной была попытка опираться в своей политике по отношению к России на круг людей, не пользовавшихся авторитетом и признанием в русском обществе и именно поэтому искавших поддержки у польского монарха. К этому следует добавить, что, проводя политику, не принимавшую во внимание интересы русского общества, Сигизмунд III не имел в своем распоряжении крупных военных отрядов, с помощью которых он мог пытаться силой добиваться достижения своих целей. Его армия была невелика по размерам и к тому же постоянно выражала недовольство, не получая вовремя жалованья.

Все сказанное позволяет характеризовать политику Сигизмунда III по отношению к России как непродуманную, основанную на нереальных представлениях, преследовавшую цели, недостижимые при использовании применявшихся средств и методов. Особым предметом для исследования могло бы служить выяснение того, в какой мере на выбор данной политической линии оказали влияние симпатии короля и его наиболее близких советников к абсолютизму испанского типа.

Избранная польским монархом политика (помимо того, что она была нереальной) находилась в резком противоречии с основными тенденциями развития русского общества в годы Смуты, когда все более прочно утверждалось представление, что важные политические решения могут приниматься лишь по соглашению со «всей землей» — собранием политических представителей основных «чинов» русского общества — и с его санкции. Попытки игнорировать роль «всей земли», не считаться с ее интересами закономерно привели Сигизмунда III к конфликту с русским обществом, сплотившимся для отпора его политике.

Весной 1611 г. областные и городские «миры» России вступили в переговоры между собой, достигли общей договоренности, приняли решение о совместном выступлении против главы Речи Посполитой — Сигизмунда III и сотрудничавшего с ним боярского правительства в Москве и успешно его осуществили.

Особенностью данной исторической ситуации было то, что этот всплеск активности сословных и межсословных объединений русского населения произошел не в результате осознания ими своих интересов после контактов с более развитым сословным обществом Речи Посполитой, а как их реакция на действия пытавшегося овладеть русским тронном иноземного правителя, пытавшегося распорядиться судьбами страны, игнорируя перемены, происшедшие

в жизни русского общества в годы Смуты, рассматривая население России как безликую массу людей, покорно подчиняющуюся вышестоящим приказам.

Весной 1611 г. стал ясным полный провал восточной политики Речи Посполитой в плане достижения ее наиболее далеко идущих стратегических целей — подчинения Русского государства польско-литовскому политическому влиянию. Ответственность за такой исход событий несут король Сигизмунд III и его советники. Именно избранная ими линия действий привела к тому, что русское общество сплотилось для борьбы с Речью Посполитой. Хотя вплоть до заключения в 1619 г. Деулинского перемирия часть правящих кругов Речи Посполитой питалась иллюзиями, что ход событий еще можно изменить, в конечном итоге и для них стала ясной нереальность таких представлений. Характерно, что, когда в начале 30-х гг. XVII в. началась очередная война между Россией и Речью Посполитой, с польско-литовской стороны не было предпринято никаких попыток побудить русское общество подчиниться власти «обраного царя московского» Владислава, который тем временем занял польский королевский трон.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Ряд свидетельств знания в верхах русского общества различных черт социально-политического строя Речи Посполитой содержат материалы, подготовленные в Москве для переговоров под Смоленском в 1615 г. Ограничимся здесь одним, но, как представляется, весьма показательным примером. Обращаясь к представителям Речи Посполитой, русские послы говорили: «И то ваша правда ль, говорите, что учинились были у государя вашего сына в холопстве вовеки, а вы и сами государю своему холопами не зоветесь, зоветесь подданными, а нас называете холопами, кто такую вашу гордость может терпети» (РГАДА. Ф. 79. Кн. 30. Л. 161).

ОБРАЗ ПОЛЯКА В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ О СМУТНОМ ВРЕМЕНИ

При изучении истории межэтнических отношений обоснованно уделяется особое внимание изучению этнических стереотипов, сложившихся в сознании того или иного народа определенных устойчивых представлений о другом народе. Их исследование необходимо уже хотя бы потому, что (независимо от их соотношения с реальностью) эти стереотипы не могут не налагать сильный отпечаток на поведение тех людей, в сознании которых они присутствуют. Среди таких стереотипов, присутствовавших в сознании русского общества XVI–XVII вв., наиболее важное место занимали представления о главных западных соседях России — поляках, мощным толчком для формирования которых послужили контакты населения России и Речи Посполитой в годы Смуты.

В отечественной литературе изучению стереотипов поляка до недавних пор не уделялось значительного внимания. В настоящее время положение изменилось. Появились работы, в которых мы находим удачную характеристику главных черт образа поляка в сознании русского общества XVII в., основанную на изучении не только источников, созданных в сравнительно образованной среде (литературных произведений), но и фольклорного материала¹. Удачное решение этой основной задачи позволяет, как представляется, пойти при изучении темы несколько дальше и попытаться реконструировать процесс формирования стереотипа и одновременно попытаться выяснить особенности его функционирования в сознании разных кругов русского общества.

Прежде чем переходить к рассмотрению темы, следует сделать одну существенную оговорку, касающуюся самого определения предмета исследования. Анализируемый в работе стереотип может рассматриваться как стереотип «поляка» лишь со значительной долей условности.

В нашем распоряжении вовсе нет свидетельств, которые позволили бы говорить о каких-то отличиях «поляка» в сознании

русского общества от других обитателей Речи Посполитой. Правда, в большинстве источников для обозначения жителей этого государства употребляется два разных термина: «поляки» и «литва» (или «польские и литовские люди»), однако в научной литературе уже отмечено, что авторы времени Смуты не видели между этими терминами никакой разницы², они выступали в одном и том же контексте, сопровождалась одними и теми же эпитетами и, скорее всего, воспринимались как синонимы. Кроме «поляков» и «литовцев» в границах Речи Посполитой проживали в немалом количестве предки современных украинцев и белорусов — «русский народ», по терминологии того времени, которые говорили на языке, сходном с языком жителей России, и исповедовали ту же веру. Среди жителей Речи Посполитой, появившихся на русской территории в годы Смуты, таких людей было немало. Один из польско-литовских гетманов тех лет, Ян Петр Сапега, писал в начале 1611 г.: «У нас в рыцарстве бóльшая половина русских людей»³. Но об участии в событиях Смуты «русских людей» из Речи Посполитой в дошедших до нас памятниках не говорится ничего. С редкой последовательностью пришедшие из Речи Посполитой войска именуются как «польские» или «литовские» люди, с которыми, как мы увидим далее, у жителей России нет и не может быть ничего общего. Буквально несколько единичных упоминаний нарушают эту общую картину⁴, показывая, что в России знали о том, что в Речи Посполитой живут не только «поляки» и «литовцы», но и «русские люди», но о какой-либо их роли в событиях Смуты никак и нигде не говорится.

Единственная группа населения Речи Посполитой, которая подчас фигурирует в памятниках как участник событий Смуты в одном ряду с «поляками» и «литовцами», — это запорожские «черкасы»; но в этом ряду они никак не выделяются, а подчас и сами запорожцы в русских текстах этого времени определяются как «литва»⁵.

Первая группа памятников, отразивших представления о поляках в русском обществе в начинавшуюся эпоху Смуты, возникла сразу после переговоров в Москве и убийства Лжедмитрия I в мае 1606 г. Речь должна идти прежде всего о документах, исходивших от нового правительства царя Василия Шуйского, которые должны были утвердить и в России, и за ее пределами угодное русским правящим кругам представление о событиях, предшествовавших перевороту, и роли в них поляков. Это целый ряд грамот, рассылавшихся из Москвы на места в первые месяцы после пере-

ворота. К грамотам неоднократно прилагались документальные приложения — переводы документов, найденных в покоях Лжедмитрия. Среди них видное место занимали так называемые «речи Бучинских» — польских шляхтичей, принадлежавших к близкому окружению Самозванца, арестованных и допрошенных сразу после его убийства. В известном нам виде эти «речи» следует рассматривать не как запись реальных показаний, а как часть агитационной кампании русского правительства. К ним примыкает и такой несколько более поздний источник, как совместная грамота патриархов Гермогена и Иова, разрешавшая москвичей от греха их участия в приходе к власти Лжедмитрия I.

К этой группе документальных источников следует присоединить и литературное произведение — повесть «Какое отмести», написанную также сразу после событий неизвестным монахом Троице-Сергиева монастыря с использованием первых правительственных грамот и, вероятно, по правительственному заказу⁶. Стоит отметить, что повесть эта в дальнейшем получила известное распространение и в несколько переработанном виде вошла в состав возникшего в 20-е гг. XVII в. так называемого «Иного Сказания» — одного из наиболее известных памятников о Смутном времени.

Распространить эту версию событий за пределами России, прежде всего в Речи Посполитой, должны были послания собора русских епископов кн. К. Острожскому, главе православного населения в Речи Посполитой, которое не приняло Брестскую унию, и направленные в это государство послы кн. Г. К. Волконский и дьяк А. Иванов (соответствующие инструкции были им даны в мае 1606 г.).

В. В. Мочалова, рассматривая польскую тему в русских памятниках второй половины XVI в., справедливо отметила, что житель Речи Посполитой = «литва» или «поляк» (хотелось бы еще раз подчеркнуть, что между ними не делалось какого-либо различия) выступает в этих памятниках как носитель чуждой (и неправильной) веры⁷. О представлениях о возможном характере такой веры речь специально пойдет дальше. Здесь же хотелось бы отметить, что новой чертой образа поляка, проявившейся впервые именно в этих текстах, является его желание навязать русским эту свою «неправильную» веру. Правда, в «речах» Бучинских и первых грамотах Василия Шуйского Лжедмитрий I выступал в роли главного злодея, который «всех крестьян хотел от Бога отвести», а «поляки» фигурировали скорее в роли советников и соучастников

его замыслов⁸, но уже в послании собора епископов кн. К. Острожскому сама инициатива таких замыслов была приписана политическим руководителям Речи Посполитой — королю и панам-раде, которые «приводили того богоотступника Гришку Отрепьева к присяге при папезеве легате на том, что ему истинная... непорочная христианская вера соединачить с Римскою верою», отправили его в Россию с войском «на разрушение истинные... православные веры христианские»⁹. Далее в том же послании указывалось, что придя в Москву, Лжедмитрий «со всеми поляки и с литвою» хотел «престола в Божиих церквах разорити, а Римские костелы поделати, езуитов с собою многих привели и расписали кому где быти»¹⁰. Таким образом, пришедшие с Лжедмитрием обитатели Речи Посполитой хотели навязать русскому народу католическое вероучение — «веру костела римского».

Эта черта образа жителя Речи Посполитой закономерно связывается с другой — с действиями, демонстрировавшими их пренебрежение к православным святыням. Так, в «речах» Бучинских говорится о том, что они входили в церкви (в том числе и в Успенский собор Кремля) с оружием, а, присутствуя в этом главном православном храме при заключении брака Лжедмитрия I с Мариной Мнишек, «образом... ругались и смеялись, и в церкви иные сидели в обедню, а иные спали, за образы приклонясь»¹¹. Следует, однако, отметить, что, если бы посетители храма воздерживались от нетактичных поступков, реакция в русском обществе на их появление была бы все равно отрицательной, так как святыни оскверняло само присутствие иноверцев. Патриарх Гермоген с возмущением писал о том, что Лжедмитрий Марине Мнишек «велел прикладыватися к чудотворному образу Пречистые Богородицы... (иконе Владимирской богоматери. — Б. Ф.) и к чудотворным Петровым и Иониным мощем»¹². Марина была законной женой царя, но Лжедмитрий «взял девку латынские веры и не крестил ее»¹³. Эти слова показывают, что еще до решения церковного собора 1620 г. о перекрещивании католиков на русской почве сложилось представление о недействительности католического обряда крещения.

Разумеется, в России (во всяком случае, в правительственных кругах, откуда исходили анализируемые здесь тексты) знали, что в Речи Посполитой живут не только католики, но и представители разных протестантских конфессий. Так, дьяки Посольского приказа, составляя инструкции послам в Речь Посполитую, пред-

писывали им заявить в числе прочих «прегрешений» Лжедмитрия I, что он разрешил впустить в Успенский собор «на осквернение храма» «кальвинцов и новокрещенцов и ариан и люторов»¹⁴. Несмотря на это, во всех анализируемых текстах прибывшие с Лжедмитрием I в Россию «поляки» и «литва» рассматриваются как единая группа людей, активно содействующая планам насаждения в России католической религии. То, что русские люди не выражали никакого удивления таким положением дел и воспринимали его как естественное, находит свое объяснение в важных особенностях восприятия русским обществом (включая, как увидим, и представителей верхушки духовенства) внешнего мира как чуждого и враждебного, заселенного приверженцами еретических учений, враждебных единственной истинной православной вере. На фоне этой главной принципиальной противоположности различия между еретическими учениями воспринимались как несущественные, а сами они выступали как некий общий признак этого внешнего мира¹⁵. Хорошей иллюстрацией таких воззрений может служить текст прощальной грамоты патриархов Иова и Гермогена о том, что Лжедмитрий прибыл в Москву «с Люторы и с Жиды и с Ляхи и с Римляны и с прочими оскверненными языки»¹⁶, или сообщение в одной из грамот Василия Шуйского о том, что царевич Дмитрий своими чудесами «неверных поляков и всех недоверков неверных сердца в веру приворотил»¹⁷.

В глазах русского человека представители разных христианских конфессий, иных, чем православие, сливались в общей совокупности «оскверненных языков» или «недоверков», которые в иной связи могли быть названы и «погаными иноверцами»¹⁸. Поэтому не должно вызывать удивления утверждение одной из грамот Шуйского, что Лжедмитрий I со своими советниками-поляками хотел «православных крестьян приводити в люторскую и латынскую веру»¹⁹, или обвинение троицким монахом, автором повести «Какое отмсти», Лжедмитрия I в том, что тот взял в жены «бесерменские веры... люторку»²⁰.

Внешний мир, обитаемый «иноверцами», воспринимался как своего рода «антимир», где все должно делаться образом, противоположным тому, что имеет место в правильном мире. Именно поэтому троицкий монах, автор повести «Какое отмсти», был убежден, что Лжедмитрий, действуя по наущению папы, был намерен «монастыри и обиталища иноческия раскопати», «иноков и инокинь по злонравию своему образа иноческого лишати» и вообще

«ко идолопоклонению православных христиан всячески понуждати восхоте»²¹.

При ограничении анализа представлений о «поляке» — жителе Речи Посполитой — лишь его религиозной принадлежностью могло бы создаться впечатление о нем как о своеобразном идеалисте, желающем добиться неверной, но, по его убеждениям, благородной цели — приобщения русских к единственной истинной вере.

Однако следует учитывать, что это приобщение к истинной вере должно было осуществляться с помощью насилия. Неслучайно в одной из грамот Василия Шуйского был помещен пересказ письма папы «кардиналу краковскому», где говорилось о необходимости «накрепко приводить» русских людей к «латынской вере», «а не всех любовью и волею, а надобе и неволею и жесточью, а кто станет крепко и того б убивать не ужасаяся»²². Само утверждение новой веры должно было произойти в результате вооруженного переворота, когда Лжедмитрий I был намерен «со всеми поляки и литвою» «всех лучших людей... Российского царствия побить, а иных в Польшу и Литву отослать»²³. Вместе с тем переворот должен был привести к достижению поляками и целого ряда чисто «мирских», не имевших отношения к религии целей. Так, уже в «речах» Бучинских говорилось о том, что все высшие должности — «уряды», которые занимали бояре, должны были перейти в руки поляков из окружения Самозванца²⁴. Юрию Мнишку и его родственникам должны были быть отданы «многие города и... царская казна»²⁵.

Уже в это время, летом 1606 г., в грамотах Василия Шуйского появилось важное обвинение короля и панов-рады в том, что Лжедмитрий «по совету с польским королем с паны радами в Московском государстве многую смуту и разоренье учинил»²⁶.

В развернутой форме эти обвинения представлены в инструкции русским послам в Речь Посполитую, датированной 29 мая 1606 г.

Здесь утверждалось, что «начало злу сему бысть от Коруны Польской и Великого княжества Литовского, от Жигимонта короля и от панов-рад»²⁷. Они воспользовались появлением Лжедмитрия и, «хотячи Московское государство в разоренье видети... тому вору поверили», «на разоренье Московского государства ему помогали»²⁸. Более того, Самозванец именно «по умышленью Сендомирского воеводы и иных панов... учал называться» царевичем Дмитрием²⁹. Паны-рада «королевским именем» призывали жителей Северной земли признать Лжедмитрия, «чтоб Московское государство в ссору и в разоренье до конца привести»³⁰. На

свадьбу Лжедмитрия поляки «приехали ратным обычаем, убравшись в збруи и в копыи», рассчитывая с помощью силы захватить все главные государственные должности в стране³¹. Рассказ о «поругании святынь» был здесь дополнен сообщением о насилиях поляков и над светскими людьми — «великих людей жен бесчестили, ис восков вырывали и на веселье невесты отымали»³².

Таким образом, в этой группе текстов, созданных главным образом весной-летом 1606 г. в русских правительственных кругах, «поляк» — житель Речи Посполитой — выступал не только как приверженец чужой веры, «поганый иноверец», но и как враг Русского государства³³, который, разжигая смуты, стремится его ослабить («разорить»), чтобы затем, воспользовавшись ситуацией, захватить власть в стране и, подчинив своей власти русских людей, силой заставить их отказаться от своей веры и принять чужую веру, веру этого врага. Каких-либо иных конкретных черт этого образа не прослеживается, кроме разве демонстративного пренебрежения к чужим святыням.

В силе воздействия этого образа на русское общество 1606 г. и ближайших лет есть серьезные основания сомневаться, если учесть, что значительная часть страны первоначально выступила против правительства в Москве, возбужденная слухами, что царь Дмитрий якобы спасся, а затем, с появлением нового Самозванца, перешла на его сторону, активно сотрудничая с сопровождавшим Лжедмитрия II многочисленным польско-литовским войском. Однако на ту часть общества, которая осталась верной царю Василию, эта пропаганда должна была оказывать определенное влияние, тем более что она велась с учетом традиционных к этому времени представлений русских людей об окружающем мире. Литературная судьба повести «Како отмсти» говорит, что по крайней мере этот памятник привлекал к себе внимание в последующее время.

Так как войско, пришедшее из Речи Посполитой, было едва ли не главной опорой Лжедмитрия II, то для его противников дискредитация польско-литовских союзников второго Самозванца была, несомненно, важной политической задачей.

Способы дискредитации поляков из лагеря Самозванца были разными. Так, в одной из грамот утверждалось, что «литовские люди» из лагеря Лжедмитрия II — такие же «воры», как и его русские сторонники, «которые всею Литовскою землею с большого сейму высланы из Литовской земли» и теперь разоряют Россию «своим воровским умышленьем» без ведома короля и сенаторов³⁴.

При таком подходе, когда польские тушинцы трактовались как отбросы польско-литовского общества, обвинения в их адрес никак не могли относиться ко всем жителям Речи Посполитой.

Чаще, однако, канцелярия Василия Шуйского шла по уже проторенному пути, рисуя в своих грамотах знакомый образ поляка как «иноверца» и врага, расцвечивая его, однако, новыми красками. Если ранее речь шла о пренебрежительном отношении «иноверца»-поляка к православным святыням, то теперь уже говорилось о том, что, желая русскую «крестьянская вера разорить», поляки совершают надругательства над православными святынями и уничтожают их — «церкви божия разоряют и образы обдирают»³⁵. Неудивительно, что в некоторых из грамот война против этих «иноверцев» была оценена как священная война, «и кому в такой правде Бог повелит скончаться, истинной мученик будет»³⁶.

С гораздо большей определенностью, чем ранее, в грамотах говорилось о планах поляков завладеть Россией и подчинить своей власти русских людей. Сейчас, говорилось в грамотах, «литовские люди» в Тушине хотят привлечь на свою сторону русских людей, обманывая их, но, когда они добьются победы, все изменится, так как они намерены «нашего государства всех людей побить и в полон поимати», а остальных к «своей латинской вере превратити». Сразу после победы «литовские люди нашего государства все городы и вас всех меж собою поделят», у них уже определено, кому которым городом владеть³⁷. Появление столь категорически сформулированных обвинений, возможно, было связано с появлением в Речи Посполитой сочинений Пальчовского и некоторых других текстов, в которых предлагалось завоевать Россию и управлять ею, как испанцы управляют своими заморскими владениями. Есть основания полагать, что связанные с их появлением слухи достигли России. Так, сохранился русский перевод грамоты шляхтича Анджея Отиевского, в которой говорилось, что «на будущем съезде (очевидно, на сейме. — Б. Ф.) однолично положат», «чтоб шляхтов и купцов с их наследники разорити и сгонити или в Подолью или в иные в дальние места развозити, толко мелких и пашенных людей пощадити, а в их бы место посадить наших земель добрых людей»³⁸.

Можно определенно утверждать, что на сей раз агитация канцелярии царя Василия нашла сочувственный отклик, по крайней мере среди населения русского севера, от которого польско-литовское войско в Тушине силой вымогало огромные поборы. Жи-

тели Перми, принимая 1 марта 1609 г. решение направить «в полки» к царю Василию ратных людей, мотивировали свое решение тем, что «литовские» люди хотят «Россию запустошить, истинную христианскую веру разорити и государевых служилых людей, дворян и детей боярских, прельстя своим вражым злым умышленьем, побити»³⁹.

Нет оснований полагать, что такой стереотип глубоко укоренился в сознании широких кругов русского общества. В этом случае вряд ли был бы возможен выбор (хотя и совершенный под давлением) на царский трон польского королевича Владислава и появление проекта соглашений, предусматривавших мир и союз между Россией и Речью Посполитой.

Однако, как известно, король Сигизмунд III и его окружение не захотели следовать условиям заключенного под Москвой соглашения. Введя в Москву польский гарнизон и подчинив находившееся там боярское правительство, король настойчиво добивался и сдачи осажденного польскими войсками Смоленска, и подчинения всего Русского государства своей власти. Одним из первых проявлений нараставшего сопротивления русского общества такой политике стало восстание в Москве, завершившееся жестоким разорением русской столицы польским гарнизоном.

В результате обвинения в адрес поляков, выдвигавшиеся в агитационных кампаниях правительства Шуйского, приобрели пугающую реальность. Стереотип зажил новым, еще более ярким содержанием в сочинениях безымянных публицистов, призывавших на рубеже 1610–1611 гг. русское общество к борьбе с интервентами и русскими изменниками.

Конкретно необходимость такой борьбы обосновывалась в этих сочинениях по-разному. Одному из таких воззваний была придана форма грамоты от «смольнян» в Москву⁴⁰. В этой грамоте уже находившиеся некоторое время под властью польского короля жители Смоленщины сообщали в Москву, что с ними происходит и что ожидает в будущем жителей других областей России, если они не поднимутся на борьбу.

«Мы и вы», говорилось в грамоте, вступили в соглашение с «литовскими людьми» «для избавления душ своих, чтоб не отбыть православного крестьянства в Латынство и в конечной погибели и в посечении, во плененье не разведеным быть»⁴¹. Уже здесь в этой начальной части «грамоты» четко обозначается опасность, угрожающая со стороны «литовских людей» — завоевание

страны, порабощение населения, принуждение к принятию «чужой» веры. Далее сообщается, что когда смоляне «из своих разоренных городов и уездов» отправились со своими просьбами к королю под Смоленск, то «ни малыя милости и пощаженья не нашли». Церкви «разорены», образы святых «поруганы». Попытки выкупить родственников, находившихся в плену в Речи Посполитой, закончились тем, что средства, собранные для выкупа, «все разграбили». Мы, заканчивалась начальная часть воззвания, «не противились» и теперь «все погибли и в вечную работу и в латынство пошли».

Что же хорошего могут ожидать жители Москвы, которых польские и литовские люди «зовут себе противниками» и «врагами»⁴². Договор об избрании Владислава выполнен не будет, так как «у Литвы на соимище» «положено на том, чтоб вывезть лучших людей и опустошить всю землю и владеть всею землею Московскою»⁴³.

Характер употребленных здесь выражений позволяет предполагать, что автору воззвания был известен текст письма Анджея Отиевского или какой-либо подобный документ.

Воззвание заканчивалось призывом подняться на войну, «покамест еще свободны, а не в работе и не в плене разведены»⁴⁴.

В этом тексте образ жителя Речи Посполитой как «иноверца» и агрессора, от которого исходит смертельная опасность для тел и душ русских людей, был сформулирован еще более четко, чем в грамотах Василия Шуйского 1608–1609 гг.

Аналогичный образ, но обрисованный, пожалуй, еще более яркими красками, обнаруживается на страницах написанной тогда же «Новой повести о преславном Российском царстве»⁴⁵.

Судя по имеющимся в тексте указаниям, ее автор занимал достаточно высокопоставленное положение в боярском правительстве в Москве⁴⁶. Благодаря этому он смог узнать о тайных планах захвата Москвы, а затем и всей страны Сигизмундом III. Целью его сочинения стало открыть глаза русским людям на грозящую опасность.

Само соглашение об избрании Владислава автор «Повести» не порицал. Он прямо писал, что русские послы отправились под Смоленск «на добрейшее дело, на мирное совещание и на лучшее уложение»⁴⁷. Русские люди надеялись, указывал он, что принц, избранный «за величества рода», приняв православие, сможет «злаго приращения забыти» и стать добрым правителем «Российского царства», а польско-литовские войска прекратят военные дейст-

вия и покинут русскую территорию⁴⁸. Однако надежды на это оказались тщетными.

Русские люди допустили ошибку, предположив возможность каких-либо добрых поступков со стороны короля и его подданных. Ведь это — «враги и злые волки», которые «от давних лет мыслят на наше великое государство... како бы им великое государство похитити и вера христианская искоренити»⁴⁹. Чтобы достичь своих целей, они обманывают русских людей, обещая пригласить Владислава, но их действительной целью является завоевание и покорение России: «Сопостаты наши... хотят нас конечно погубити и под меч подклонити и подружия наша и отроды в работу и в холопи поработити и прижитие наше пограбити, горше всего и жалостнее — святую нашу непорочную веру вконец искоренити и свою, отпадшую, учинити, и сами в нашем достоянии жити»⁵⁰. Насилия польских солдат из московского гарнизона, которые убивают людей, присваивают чужое имущество, оскорбляют женщин, «поругаются» образам Христа и Богоматери, — наглядное свидетельство того, что ожидает в будущем всех русских людей⁵¹.

Автор «Повести» подчеркивает связь захватчиков с «антимиром», в котором господствуют враждебные Богу силы зла.

Король и окружающие его люди не только «иноверные», но и «безбожники»⁵², королю служит «бесовское» воинство⁵³, сам король, злонравный и жестокий, сравнивается с адским «змием» и с самим Сатаной⁵⁴. Из всего этого следовал вывод, четко сформулированный в самом начале произведения: надо подняться на борьбу «за православную веру... и за свои души и за свое отечество и за достояние, еже нам Господь дал»; лучше «славная смерть», «нежели zde — безчестное и позорное и горкое житие под руками враг своих»⁵⁵.

В один ряд с этими текстами можно поставить написанный в середине 1612 г. «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства»⁵⁶.

В этом произведении не менее сильно, чем у его предшественников подчеркивается, что поляк — «иноверец», житель «антимира», где господствуют силы зла, «понеже николи причастия несть тме ко свету, ни Велияру ко Христу». Поэтому Сигизмунд III посылает в Россию «бесояростное» войско, а во главе его «бесодержзостного» гетмана⁵⁷. Именно в связи с этим он гораздо более подробно, чем авторы других текстов, останавливается на теме «поругания святынь». Посланное королем в Россию войско «святыя великия

лавры разруши и нетленная и честнейшая по успении телеса святых от благочинне устроенных рак изъверг»⁵⁸. С вступлением польско-литовского войска в Москву поругание святынь началось и там, захватчики «живописанные иконы владычние и Богоматере Его и святых угодников Его на землю повергоша». Особенно подробно автор говорил о надругательствах над гробницей Василия Блаженного: его раку «разсекоша на многие части» и сдвинули с места гроб с останками святого, в храме над останками поставили коней и «с женообразными лица и безстудне» совершали на этом месте «блудное скаредие»⁵⁹.

Автор «Плача», как представляется, неслучайно так подробно остановился на этом мотиве. Поругание святынь было наиболее показательным, наглядным свидетельством «бесовской» природы польско-литовского войска. Поэтому же он отметил и такую деталь их внешнего вида, как «женоподобные лица», что свидетельствовало о греховном желании изменить облик, данный Богом⁶⁰.

Даже во время высокого подъема патриотического движения в 1611–1612 гг. не все в русском обществе считали польских и литовских людей главными виновниками постигших Россию бедствий. Так, для автора «Повести о некоей брани» польские и литовские люди также «богоотступники и враги Креста Христова», но главное зло, это — казаки, которые выдвинули Лжедмитрия II, «хотя Московское государство разхитити», они призвали к себе на помощь поляков, «литву» и «черкасов запороских»⁶¹.

Однако разобранная группа текстов отражала представления, решительно возобладавшие в русском обществе, о чем говорит воспроизведение тех же оценок и доводов в грамотах сначала Первого, а затем Второго ополчения⁶².

Характерным примером может служить грамота Первого ополчения от 11 апреля 1611 г. Ее авторы называли польских и литовских людей «вечными врагами и богоборцами», которые «Московское государство выжгли и высекли», надругались над мощами святых, разбив их гробницы, «и в церквах для поруганья лошади поставили»⁶³.

Дальнейшее осмысление и переосмысление стереотипов, сложившихся в годы Смуты, имело место в целом ряде произведений, созданных уже в 20-е — начале 30-х гг. XVII в. после заключения мирного соглашения между Россией и Речью Посполитой, когда появилась возможность посмотреть на происходившее с определенной исторической дистанции. Сложившиеся в итоге пред-

ставления о поляках и их роли в событиях оказались далеко не одинаковыми в разных кругах русского общества.

В. В. Мочалова справедливо отметила, что произведением, в котором наиболее ярко и последовательно русско-польские конфликты времен Смуты рисуются прежде всего как религиозное противостояние, является «Сказание» Авраамия Палицына⁶⁴. Текст этого одного из самых популярных в русском обществе памятников о Смуте дошел до нас в нескольких редакциях, произведение, возможно, подвергалось правке после смерти автора. Особенно значительны различия между сохранившимся в отдельном виде первоначальным вариантом начальной части произведения и начальной частью «Сказания». Представляется убедительной аргументация тех исследователей, которые относят этот первоначальный вариант, как и «Сказание», ко времени после окончания Смуты и связывают его также с именем Палицына⁶⁵. Впрочем, для данной темы эти споры не имеют особого значения, так как образ поляка отличается аналогичными чертами во всех текстах, связанных с историей формирования «Сказания».

Неудивительно, что черты религиозного противостояния наиболее выразительно запечатлелись именно в этом произведении. Этому способствовал и сюжет памятника, главная часть которого посвящена обороне Троице-Сергиева монастыря от польско-литовских войск, и принадлежность автора, келаря Троице-Сергиева монастыря, к верхушке русского духовенства, но также, как представляется, и знакомство Палицына с произведениями западно-русских противников Брестской унии, считавших папу предтечей Антихриста.

Из всех русских авторов этого времени только у Палицына папа выступает «как змий всепагубный, возгнездившийся в костеле италийском», и орудие Антихриста. Он уже со времен Владимира пытается навязать России свое ложное учение, и события Смуты выступают как очередной эпизод в ряду таких попыток⁶⁶. Поляки для него — орудие этой могущественной духовной силы, которая стремится подчинить себе Россию. Неудивительно, что у Палицына они характеризуются эпитетами того же ряда, что и папа: «антихристовы проповедники»⁶⁷, «богоборцы»⁶⁸, «прегордые змии»⁶⁹, «демоны»⁷⁰. Такие эпитеты он использует и по отношению к военачальникам, заслужившим его особое нерасположение, как, например, знаменитый Александр Лисовский, который, «яко змий, возсвистав со своими аспиды»⁷¹.

Подобно некоторым своим предшественникам, Палицын, рассматривая поляков как орудие предтечи Антихриста — папы римского, одновременно постоянно называет их «люторами» — это едва ли не один из наиболее постоянных эпитетов в его сочинении⁷². Палицын — образованный представитель верхушки русского духовенства, он знает, например, что особенностью латинской веры является служение на опресноках, но он не хочет и не желает проводить какого-либо различия между христианскими учениями, отличными от православной веры. Все они принадлежат миру зла, в котором «люторы» могут быть орудием римской церкви.

Для него, как и для некоторых его предшественников, явным свидетельством принадлежности поляков к миру зла стало поругание ими святынь. Известные ему сообщения (вплоть до описания поругания святынь в Московском Кремле) Палицын дополнил целым рядом особенно ярких деталей. Так, он рассказывает, что поляки «из сосудов же церковных ядыху и пияху и, смеющися, поставляху мяса на дискосех и в потирех питие»⁷³. Палицын не скрывает от читателя, что вместе с поляками действовали «братия же наша, Северския земли жители», но объясняет это тем, что они «воспитани в безумии и навыкли от многих еретиков, во Украине живущих, их злым нравом и обычаем... и в их веру еретическую мнози приступиша»⁷⁴.

Таким образом, даже географическая близость к Речи Посполитой опасна для людей, желающих сохранить свою истинную веру.

Война с таким противником явно не была обычной войной, а войной за веру, своего рода «священной войной». Характерно, что Палицын, описывая осаду Троице-Сергиева монастыря, с одобрением писал о том, что монастырские старцы ходили в поле, «бьющися с Литвою»⁷⁵.

Эта деталь приобретает особое значение, если учесть, что православная церковь запрещала духовным лицам участвовать в военных действиях и проливать кровь, и православные ставили в вину латинянам, что у них дело обстоит иначе. Очевидно, Палицын считал, что в такой войне, которая ведется против напавших «иноверцев», эти нормы на время перестают действовать.

Наряду с показом общей принадлежности поляков к миру зла Палицын дает и конкретные оценки отдельных свойств поляков. Таких свойств он отмечает два. Первое из них — это «гордость». О том, что «гордостью надмени литовские люди», Палицын гово-

рит в нескольких местах своего труда⁷⁶, но подробно на этом не останавливается и не старается показать это свойство характера на конкретных примерах. Совсем иначе обстоит дело с такой чертой характера поляков, как «лукавство», обозначающее совокупность таких черт, как хитрость, коварство и вероломство. Разумеется, классическим примером такой вероломной хитрости для Палицына, как и для других авторов, явилось поведение поляков в деле об избрании королевича Владислава, но келарь приводит и целый ряд других примеров. Так, задуманный при Лжедмитрии I поход на Крым, по его убеждению, должен был привести к гибели русского войска «на велицех полех», чтобы Москва без сопротивления могла попасть в руки поляков⁷⁷.

В тушинском лагере во время сражений поляки посылали русских сторонников Лжедмитрия вперед, а после сражения «все лутчаа поляки у них силоу отнимаху». При попытках выкупа пленных они «по приятии цены не отдааху и другую цену восприимаху»⁷⁸. В 46-й главе своего труда Палицын подробно рассказывал о попытках польско-литовских военачальников с помощью «лести» захватить Троице-Сергиев монастырь. В связи с этим келарь подчеркивал, что речь идет об обычном способе действий поляков, который лишь по отношению к Троице не привел к успеху⁷⁹.

Эти качества, по убеждению Палицына, были внушены полякам дьяволом, во власти которого эти «иноверцы» находились⁸⁰.

Вместе с тем при полном господстве именно этой интонации на протяжении всего труда Палицына в нем можно обнаружить и отдельные суждения, рисующие поляков в ином свете. Стоит отметить, что эти суждения высказаны автором не попутно, а в ходе его размышлений о действиях русских «изменников», собравшихся в тушинском лагере. Он отметил, что если какой-либо «добрыи воин» во время военных действий попадал в плен к полякам, «то и милости сподоблен от них и от смерти сохраняем», русские же тушинцы подвергали пленных пыткам и убивали их. «И видяще поляки и литва таковы пытки и злое мучительство от своих своим... сердца своими содрогахуся... и бесов злейши нарицаше тех. Они же смиловавшихся литву и поляков худяками и жонками тех нарицаху»⁸¹. Таким образом, принявший уже в зрелом возрасте монашеский обет сын боярский Аверкий Палицын сумел оценить по достоинству и стремление шляхтичей из Речи Посполитой придерживаться определенных правил ведения войны, и их отвращение к жестокости.

«Сказание» Авраамия Палицына — одно из самых популярных произведений о Смуте, сохранившееся в сотнях списков. Есть поэтому основания полагать, что оно могло оказать значительное воздействие на формирование в русском обществе представлений о жителях Речи Посполитой.

Хотя Авраамий Палицын был высокопоставленным представителем духовенства, было бы неверно думать, что изложенные в «Сказании» представления о поляках были характерны только для духовного сословия. В. В. Мочалова справедливо обратила внимание на памятник, появившийся в светской среде, но по изложенным в нем взглядам весьма близкий к «Сказанию» — «Повесть о победах Московского государства»⁸², возникший в кругу смоленских помещиков, вынужденных во время Смуты покинуть свои владения и переселиться во внутренние районы Русского государства.

Хотя тема религиозного противостояния занимает в памятнике менее значительное место, чем в «Сказании», взгляды автора «Повести» близки к взглядам троцкого келаря. Уже в начальной части произведения можно прочесть, что с приходом к власти Василия Шуйского православная вера начала «от сквернения неверных очищатис»⁸³. Особенно четко позиция автора проявляется в рассказе о переговорах, связанных с избранием Владислава. На предложение гетмана Жолкевского русские люди отвечают: «Мы бо истинныя правои веры христьянския, вы же — иноверния суще и падшему папе римскому последуете, невозможно бо есть правоверному с-ыноверными сприопщение имети и в церковь божию внити и над правоверными царствовать. Лутче бо есть нам за православную христианскую веру и святыя божия церкви умерети, нежели в Московском государстве иноверна царя видети»⁸⁴. Митрополит Филарет, возглавив посольство, направленное к королю под Смоленск, «исповеда пред ним православную христианскую веру и их латынство избличил». Король «не возможе против его богомудрых словес отвещати и от многого своего срама ярости и дмения наполнился» и не захотел исполнять заключенный под Москвой договор⁸⁵. Так, по мнению автора, именно религиозное противостояние довело русско-польский конфликт до высшей его точки.

Особенно показательны для взглядов автора некоторые особенности его рассказа о взятии поляками Смоленска. Перед последним штурмом города, как он сообщает, «мнози же от верных в нощи видевши бысть от соборныя апостольския церкви, яко столп

огнен изхождаше и к небеси воздвизашася»⁸⁶. Литературный источник этого мотива очевиден — это «Повесть о взятии Царьграда» Нестора Искандера, в которой рассказывалось, что перед взятием Константинополя турками ангел, пребывавший в Святой Софии, покинул ее, взойдя в виде огненного столпа на небо⁸⁷. Это означало, что силы небесные покинули город, отданный Богом за грехи во власть сил зла⁸⁸. Далее автор с возмущением писал о бесчинствах завоевателей, ворвавшихся в собор, — смоленский архиепископ встретил их, «взем честный крест... они же, оканнии, главу ему разсекоша и жива взяша»⁸⁹. Он сравнивал с апостолами митрополита Филарета, который в заточении не только сохранил верность православию, но и продолжал обличать «злую ересь» латинян⁹⁰.

Вместе с тем автор не выпускал из виду и «земного» аспекта событий. Оба они в его сознании тесно переплетались, что ясно показывает помещенный в «Повести» пересказ речи Минина, предшествовавшей созыву Второго ополчения. Касаясь судьбы пришедших в Нижний Новгород смолян, Минин говорил: «Лутче бо есть нам имения своя им отдать, а самим от иноверных поругания свободным быти и в вере правой жити и единоверным работати, нежели от иноверных наитья и разорения на себе ждати и себе и детей своих в велицеи беде и в плене и в поругании видети и животов своих неволею оставити»⁹¹. Таким образом, хотя внимание автора «Повести» привлекала прежде всего религиозная сторона русско-польского противостояния, в его сознании в полной мере присутствовал выработанный в предшествующие годы стереотип поляка как иноверца и завоевателя.

В отличие от Палицына, автор «Повести» ничего не говорит о «гордости» поляков, но тема их «лести» и «лукавства» занимает и в его труде значительное место.

В поле русское войско, по его убеждению, могло одержать победу над противником. Он с вдохновением описывал победы М. В. Скопина-Шуйского над польскими сторонниками Лжедмитрия II. «И бысть на них, — писал он о польских тушинцах, — трепет и ужас многии от его боярские храбрости и мужества и вси с великим страхом и трепетом невозвратно бежаше»⁹². Лишь благодаря «лести» и «лукавству» они берут верх над русскими людьми. Так, под Москвой они одержали победу, так как «прелесть сотвориша, бутто хотеша того вора отдатьи и на слове положиша своим лукавством»⁹³. Затем русская сторона была обманута при

заклучении перемирия 1608 г.⁹⁴ Благодаря «лести» была одержана победа под Клушином⁹⁵. С помощью «лести» и «лукавства» поляки ввели свои войска в Москву и пытались подчинить Россию своей власти⁹⁶.

С «Повестью» есть смысл сопоставить памятник, возникший в схожей социальной среде — среде помещиков Бельского уезда, также вынужденных после Смуты покинуть свои владения, так называемую «Бельскую летопись». Хотя, в отличие от предшествующих произведений, изложение этого памятника в гораздо большей степени приближается к стилю деловой прозы и далеко не всегда при изложении событий встречаются их развернутые оценки, но там, где они имеются, они обнаруживают близость к уже традиционному стереотипу поляка — иноверца и завоевателя, где оба эти качества тесно связаны между собой. Так, о польских сторонниках Лжедмитрия II автор пишет, что они хотели «Московское государство и святые Божии церкви разорить и завладеть Московским государством по своему злему умыслу и по совету папы римского»⁹⁷. Как и в «Повести», в летописи ярко выражено отрицательное отношение к полякам как «иноверцам». Жители Белой покидают свой город с чудотворным образом св. Николая, «не хотя быть в латинстве и бусурманстве, помнячи свою христианскую природу»⁹⁸. В тексте, достаточно ограниченном по своим размерам, где внимание автора сосредоточено прежде всего на событиях, касающихся родного города, нашлось, однако, место для двух рассказов об осквернении святынь на территориях, оказавшихся под властью поляков. Автор рассказывает о том, как поляки «поругались» над останками св. Леонтия — патрона Ростова, «розломали» серебряную гробницу св. Макария Калязинского, срывали «оклады» и «приклады» с чудотворных икон⁹⁹.

Как и для Авраамия Палицына, главными качествами поляков для автора летописи являются «гордость» и «лукавство». В сражение с войсками М. В. Скопина-Шуйского под Александровой Слободой поляки вступают «с великою гордостью и похвалою», гетман Ходкевич в 1612 г. направился к Москве «своим высокоумным и гордым обычаем и великою похвалою»¹⁰⁰. С другой стороны, в летописи говорится, что король Сигизмунд III пришел под Смоленск, «усмотря время коварству»¹⁰¹. Как и для других авторов-современников, главным примером «лести» и «лукавства» служит поведение польско-литовской стороны при переговорах об избрании Владислава, но в рассказ об этом он вносит новые де-

тали. Так, не желая соблюдать договор, король «смолян, и детей боярских и дворян, которые были по поместьям, за крестным целованьем, велел побити»¹⁰².

Как представляется, особое внимание этих светских по основному характеру и предназначенных для светской среды памятников именно к религиозному аспекту русско-польского противостояния связано с тем, что тем самым повышалась общественная ценность их поступка — отказа от собственных владений, чтобы не служить иноверной власти.

Особым вниманием к религиозному аспекту событий отличается и «Временник» дьяка Ивана Тимофеева, одного из видных представителей московской служилой бюрократии первой трети XVII в.¹⁰³ Это произведение, написанное светским лицом, по резкости высказываний об «иноверцах»-поляках не уступает «Сказанию» троицкого келаря. Латинское вероучение Тимофеев называет «духоборной ересью»¹⁰⁴, жители Речи Посполитой для него — «богоборная Литва», «богоборнии латинови»¹⁰⁵. Выступление Сигизмунда III против России он уподобляет выступлению фараона против «возлюбленного Израиля»¹⁰⁶. Он специально объясняет, что «латынское богопротивное крещение» не является истинным¹⁰⁷. С возмущением он пишет о том, что во время венчания Лжедмитрия I с Мариной Мнишек в храм «пес со всесквернавою сукою и латын и еретик со множеством вскочи»¹⁰⁸.

Вместе с тем, как и у многих его современников, представления Ивана Тимофеева о «латинской вере» были далеки от точности. Так, обличая пороки русского общества, он отмечает, что все же в одном отношении русское общество отличается в лучшую сторону — здесь почитают иконы и соблюдают посты¹⁰⁹. Здесь «латинская вера» явно выступает также как некий важный признак «антимира», где все происходит не так, как в «истинном» христианском обществе.

Все же одна особенность терминологии «Временника» позволяет предполагать существование определенных нюансов в восприятии дьяком этого внешнего «антимира». Если жители Речи Посполитой для Ивана Тимофеева — это, как уже отмечалось, «богоборная Латина», то шведы, нанятые Василием Шуйским для борьбы с войсками Лжедмитрия II, это — «еллини», т. е. язычники¹¹⁰. Очевидно, в представлении дьяка, пережившего шведскую оккупацию Новгорода, шведы-протестанты были все же хуже католиков-поляков.

Подобно Палицыну, Иван Тимофеев старался понять смысл событий, происходивших в годы Смуты, и, в частности, роль, которую сыграли в этих событиях внешние силы. Размышления его, однако, шли в несколько ином направлении, чем размышления троицкого келаря. Если для Авраамия Палицына происходящее — это еще один эпизод в истории усилий римского папы покорить православный мир, то Иван Тимофеев, хотя и упоминает «несвященного лжепапу, оскверняющего Рим»¹¹¹, который действует заодно с польским королем, отводит главную роль все же действию иных сил.

В центре размышлений Ивана Тимофеева стоит образ России, окруженной враждебными соседями. Он хвалит Ивана IV, многим действиям которого он вовсе не сочувствовал, за то, что тот был грозным правителем, наводившим страх на соседей. Неслучайно «языческие страны» так радовались, узнав о его смерти¹¹². Когда же в России начались раздоры и смуты и эти соседи «крепче поразумеша о нас доволне, яко несть в нас мужества», то они стали стараться своими действиями (выдвигая, в частности, «лжецарей») довести Россию до «совершенного падения»¹¹³. Среди этих соседей издавна наиболее враждебными по отношению к России были «ляхи»¹¹⁴. Позднее Сигизмунд III выступил в поход на Россию, вдохновляясь «древним земли своей зломыслием на землю нашу»¹¹⁵. Как политик Тимофеев даже готов был ставить действия этих иноземцев в пример своим современникам. Они, писал он, не «к себе сами вражду имут бранью, но ко внешним»¹¹⁶.

Моральные качества поляков совсем его не интересовали, но его внимание привлекла к себе необычная деталь их внешности: отсутствие бороды и хохол на голове — польско-литовское войско для него «главохохленное множество»¹¹⁷.

«Временник» Ивана Тимофеева — написанный крайне сложным языком и сохранившийся в единственном списке — едва ли мог оказать значительное воздействие на сознание русского общества XVII в., но он представляет интерес как свидетельство отношения к полякам образованного светского человека — представителя такой значимой части русской политической элиты, как чиновничество.

Особо следует остановиться на рассказах Псковских летописей, которые, как известно, отражают воззрения городского населения этого крупного центра, при этом его разных слоев, как социальной верхушки — «лучших людей», так и более широких кругов населения¹¹⁸.

Псков, как известно, довольно рано подчинился власти Лжедмитрия II и признавал его своим законным царем вплоть до 1610 г. Эти годы ознаменовались резкими внутренними конфликтами в городе, привлекавшими главное внимание и сторонника «меньших», автора погодных записей в окончании Архивского II списка Псковской 1-й летописи, и сторонника «больших» — автора повести «О смятении и междуусобии и отступлении пскович от Московского государства». Любопытно, что в этих источниках мы не находим каких-либо отрицательных высказываний о польско-литовских людях в тушинском лагере. Более того, в повести читаем, что когда Лжедмитрий II прислал в Псков воевод, одним из которых был «пан Побединской, лютор», то они «ничто же во граде сотвориша зла»¹¹⁹. Однако в том же летописном своде помещена повесть «О бедах, скорбех и напастех, иже бысть в Велицей России», в которой польская тема занимает видное место. Уже в преамбуле к произведению среди бедствий, постигших Русскую землю и свидетельствовавших, по мнению автора, о наступлении последних времен, упоминается «нашествие поганых Агарян и Латын»¹²⁰. Это наименование «литвы» «погаными» на одном уровне с «агарянами»-мусульманами никак не является здесь обмолвкой, сделанной в пылу риторического воодушевления. В рассказах повести о событиях этого времени «литва» (или ее синоним «латина») постоянно выступает с этим эпитетом, явно обозначающим, что они представители «антимира», мира зла, от которого Русь защищают божественные силы. В рассказе о событиях 1612 г. говорится о молитвах Богородицы и чудотворцам, «еже подати им помощь на неверныя», после чего «бысть предивно одоление на поганых польских людей»¹²¹. Обличая бояр, пошедших на сотрудничество с поляками, автор повести поясняет, что они делали это, «любяще поганския обычая и закона»¹²². Разорение Москвы поляками автор сравнивает (и это сравнение повторяется у него неоднократно) с разорением Иерусалима сирийским царем Антиохом¹²³.

Очевидно сходство такого представления о «литве» с воззрениями, проявившимися и в других русских памятниках этого времени. Однако, есть основания полагать, что такое воззрение сложилось на псковской почве самостоятельно, на основе более ранней традиции, возникшей в годы осады Пскова Стефаном Баторием¹²⁴. В пользу этого говорит полное отсутствие в псковских рассказах такого мотива, как желание навязать русским людям свою латинскую веру. Все устремления поляков сводятся к жела-

нию «обладати таким великим государством», «разорити Московское государство»¹²⁵.

Абстрактный образ «поганого» захватчика оживляется несколькими деталями лишь в рассказе летописи о Лисовском, войско которого стояло под Псковом в 1611 г. Лисовский фигурирует в нем как «лютый тать и разбойник», награбивший со своим войском «многое множество... золота и серебра и жемчуга», не гнушавшийся и ограблением монастырей. Другая черта Лисовского — коварство. Не сумев обманом захватить Ивангород, Лисовский восклицает: «Ни в коем граде русском не могоша узнати моего многоразличнаго коварства, а этот город я не сумел захватить»¹²⁶. Совпадение высказываний о Лисовском в «Сказании» Авраамия Палицына и в псковской повести «О смятении и междоусобии и отступлении пскович от Московского государства» говорит за то, что в данном случае в наших источниках, вероятно, отразились конкретные впечатления от контактов с этой неординарной личностью.

Главным летописным памятником, запечатлевшим события Смуты, стал «Новый летописец», сохранившийся, как и сочинение Палицына, во многих десятках списков. Исследователи не пришли к единому мнению о том, кто конкретно был составителем этого произведения, но, по общему мнению, это сочинение, созданное в окружении патриарха Филарета ок. 1629 г., отражало официальный правительственный взгляд на события Смуты.

Из всех памятников Смуты «Новый летописец» содержал наиболее полное и последовательное описание событий, происходивших в эти годы. В этом отношении он в определенной степени превосходит даже такое крупное произведение, как «Сказание» Авраамия Палицына. Хотя и в этом произведении нетрудно обнаружить ряд высказываний о поляках, как «еретиках» и «захватчиках», но автор гораздо более сдержан в оценках и высказываниях.

Примером может служить та часть «Нового летописца», в которой говорится о выдвижении Лжедмитрия II и действиях его войск. Об инспирирующей роли поляков в выдвижении Самозванца автор ничего не пишет и лишь отмечает приход в его войско «литовских людей» без каких-либо комментариев. При этом объективно отмечаются успехи этого войска, после которых Лисовский «сдела для своей славы курган велий»¹²⁷. Тема «поругания» святынь затрагивается в этой части в подробном рассказе о разорении Ростова, где говорится, что «раку же чудотворцову Леонтьеву золотую сняша и розсекоша по жеребьём, казну же церковную всю по-

грабиша... и церкви Божия разориша», но при этом отмечено, что виновниками этого разорения стали перешедшие на сторону Самозванца жители Переяславля-Залесского — «не от литовских людей есть большее разорение, но от своего народа христианско»¹²⁸.

Все это не означает, что автор не реагировал на факты разорения православных храмов польско-литовским войском. В своем сочинении он рассказывал об избиении «литовскими людьми» монахов Пафнутьева Боровского монастыря и о чуде, когда кровь убитого в храме воеводы, кн. Михаила Волконского, нельзя было смыть со стены¹²⁹. С возмущением говорит он и об осквернении останков Макария Калязинского войсками Лисовского¹³⁰. Однако он не скрывает и того, что подобные поступки совершали и русские люди, даже сражаясь в рядах ополчений. Так, пришедшие под Москву в 1611 г. люди «понизовых городов» «Новой Девичей монастырь взяша и инокинь из монастыря выведоша в табары и монастырь разориша и выжгоша весь»¹³¹.

О возможной инспирирующей роли властей Речи Посполитой в выдвижении Лжедмитрия II автор сказал лишь непрямо, процитировав высказывания перебежчиков из Тушина: «Завод весь литовского короля, что хотя православную христианскую веру по прати»¹³².

Одна из характерных черт памятника — деловая оценка высоких качеств польского войска. Так, отмечается, как приглашенные Шуйским шведские наемники, «отысковая копьем», потерпели неудачу в борьбе с польской конницей¹³³. При описании боев под Москвой после прихода к городу Первого ополчения автор дает деловую, объективную оценку достоинств и недостатков в действиях обеих сторон¹³⁴. Он же отмечает, какие тяжелые бои пришлось вести под Москвой с армией Ходкевича, когда конечный успех был достигнут лишь благодаря божественному вмешательству¹³⁵. Он также осуждает нарушение войсками Д. Т. Трубецкого (в отличие от войск Д. М. Пожарского) условий капитуляции польско-литовского гарнизона в Москве¹³⁶. Когда речь заходит о неслыханных жестокостях («яко же в древних летех таких мук не бяше»), то такие жестокости совершают вовсе не поляки, а казаки атамана Баловня¹³⁷.

Это вовсе не означает, что в своем общем отношении к полякам создатель «Нового летописца» принципиально расходился со своими современниками. Для него они также «еретики», «безбожнии» «латыни» и враги России¹³⁸. Он, разумеется, уверен, что

Россия находится под покровительством божественных сил, помогающих русским людям в борьбе с захватчиками¹³⁹. Описывая выступление Второго ополчения, он сравнивает подвиг его участников с подвигом «последних людей Гречан», некогда освободивших от «пленения» святой город Иерусалим¹⁴⁰.

И все же образы поляков явно не имеют здесь того «демонического» характера, которым они обладают в ряде других памятников этого времени. Характерно, что автор «Нового летописца» ничего не говорит о «гордости» или «лукавстве» поляков, и, хотя на страницах этого произведения неоднократно говорится о «лести» в связи с переговорами об избрании Владислава, эта «лесть» является качеством определенного человека — короля Сигизмунда III¹⁴¹, а не жителей Речи Посполитой. Мотив религиозного противостояния занимает в повествовании существенное место, но выражен в нем гораздо слабее, чем в «Сказании» Авраамия Палицына. По существу, тема такого противостояния выдвигается в тексте памятника на первый план лишь после неудачи переговоров об избрании Владислава¹⁴².

Все это позволяет сделать вывод, что в кругах русской политической элиты противостояние с польско-литовским миром не воспринималось так остро, как в других слоях русского общества. Здесь в правящем слое Польско-Литовского государства видели в большей мере политического противника, целый ряд качеств которого заслуживал делового обсуждения, приводившего порой к их положительной оценке.

Тенденции, скрытое и завуалированное действие которых прослеживается в тексте «Нового летописца», гораздо более определенно проявляются в тексте другого памятника, возникновение которого также можно связывать с русской политической элитой, так называемой «Летописной книге».

Приписываемый в отдельных списках то кн. Ивану Михайловичу Катыреву-Ростовскому, то кн. Семену Ивановичу Шаховскому (что более вероятно)¹⁴³, этот памятник, несомненно, возник в кругу русской аристократии, пострадавшей от гонений при Иване IV. Неслучайно в начальной части этого произведения его политика подвергается резкой критике, а причины Смуты объясняются тем, что за совершенные царем деяния Бог «попусти на Российское государство короля польского»¹⁴⁴.

На фоне остальной традиции о событиях Смуты памятник выделяется редкой сдержанностью высказываний. Рассказывая о

событиях, связанных с деятельностью Лжедмитрия I и Лжедмитрия II, автор ограничивается указаниями на участие в событиях «литовских людей», не давая этому участию каких-либо оценок и не наделяя поляков какими-либо отрицательными эпитетами.

На протяжении большей части повествования не встречается указаний на наличие какого-либо религиозного противостояния между русскими и поляками. Показательно в связи с этим, как описаны в «Книге» переговоры, приведшие к избранию королевича Владислава на русский трон. Авторы подавляющей части памятников подчеркивали, что на переговорах русские люди требовали перехода королевича в православие и решились на его избрание, лишь когда польско-литовская сторона согласилась на это. Именно на выполнении этого требования в первую очередь настаивали русские послы, выехавшие под Смоленск для переговоров с Сигизмундом III.

В «Летописной книге» этот вопрос вообще обойден молчанием, а неудачу переговоров автор связывает с тем, что, когда послы потребовали от короля прекратить войну и отвести войска от Смоленска, Сигизмунд III «скоро разжегся яростию»¹⁴⁵. Лишь после этого на страницах «Книги» появились острые обличения изменников, которые, «проклятым богомерзким Римляном непрестанно московский народ облыгая», призывали короля к враждебным действиям¹⁴⁶.

В ярких красках автор описывал жестокое разорение Москвы польско-литовским войском, но ими движет характерное для солдат стремление к захвату добычи; неслучайно рассказ заканчивается словами о том, как солдаты стали веселиться, поделив между собой награбленное. И в этих бедствиях он видел проявление жестоких реальностей войны. «Яко, — писал он, — нашествие иноплеменных без тяжкие казни и жестоково отомщения возможет проити»¹⁴⁷.

Другая особенность «Летописной книги» — присутствие в ней целого ряда высоких оценок и полководческих способностей польских военачальников, и высоких достоинств польского войска¹⁴⁸. Так, командующий польским войском в лагере Лжедмитрия II кн. Роман Ружинский — «крепкыи разсмотрителный воевода»¹⁴⁹, о другом военачальнике, Зборовском, также говорится, что он «о своим управлении попечение прилежно творяше»¹⁵⁰.

Благодаря своему мужеству польское войско одержало победу под Болховом над войсками Василия Шуйского¹⁵¹. Поляков не устрашают приглашенные Шуйским шведские войска и в сражении они берут над ними верх: «Немци же не возмогоша подняти

острея меча их»¹⁵². В сражении польско-литовского войска с русскими ратями под Александровой Слободой обе стороны выступают как заслуживающие уважения: «Поляцы же жестоким поражением наступаху, москвичи же от них мужески защищахуся... и тако бысть с обою страну ополчение равное через весь день»¹⁵³.

Для этой тенденции памятника особенно показательным представляется рассказ о битве под Клушином. В большинстве памятников, рассказывающих об этом сражении, упорно повторяется утверждение, что поляки одержали победу благодаря измене служивших Василию Шуйскому немецких наемников. Автор «Летописной книги» об измене наемников не говорит ни слова, а с увлечением описывает победу польской конницы над немецкой пехотой: поляки «борением жестоким на полки нападают и спицы железные ломают, в них же Немцы спасения имеют надежу... Посем же секают и усты меча гонят»¹⁵⁴.

Есть основания полагать, что отмеченные особенности памятника привлекли к себе внимание уже современного читателя. Сохранился текст так называемой «Рукописи Филарета», где в «Летописную книгу» был внесен целый ряд вставок, целью которых было приблизить изложение памятника к общепринятым к тому времени представлениям о событиях Смуты. Так, во вставке о тушинцах, пригласивших на трон королевича Владислава, они названы «безбожными», а о главном среди них — «начинателе тому богостудному делу» М. Г. Салтыкове — сказано, что «разседеся утробы его, яко второму Арию еретику»¹⁵⁵.

В рассказе о битве при Клушине сделана вставка об измене немецких наемников¹⁵⁶. Особенно сильной переработке подвергся рассказ об избрании Владислава. В новом тексте было подчеркнуто, что на выборы польского принца в Москве согласились лишь тогда, когда гетман Жолкевский принес клятву, «яко быти вере неподвижно во веки» и дал «лист» от короля с таким же обещанием¹⁵⁷. Когда послы отправились под Смоленск, патриарх приказал им «за веру стояти крепко и неколебимо даже до смерти»¹⁵⁸. В соответствии с этим во вставках неудача переговоров уже связана с тем, что Сигизмунд III «в сердца ж своем нелепая помышляше, дабы православие соединити с латинством»¹⁵⁹. Решение Сигизмунда разорить Москву объяснялось тем, что он увидел, что здесь «не приемлют веры и учения папезского и укланяютца»¹⁶⁰. Наконец, рассказ о пребывании поляков в Москве был дополнен кратким рассказом о «поругании» православных святынь¹⁶¹.

Все эти наблюдения подтверждают сформулированный при анализе текста «Летописной книги» вывод, что отношение автора «Книги» к польско-литовской шляхте не было столь отрицательным, как в «Сказании» Авраамия Палицына или «Временнике» Ивана Тимофеева, что вызвало в каких-то кругах русского общества желание «поправить» обрисованную здесь картину.

Стоит отметить, однако, что эти особенности «Книги», сохранившейся в двух мало отличающихся друг от друга редакциях, не помешали ее достаточно широкому распространению.

«Летописная книга» не является совершенно одиноким текстом. Ряд общих с ней черт обнаруживает так называемый «Карамзинский хронограф», составителем которого был арзамасский помещик Баим Болтин, впоследствии видный воевода в годы Смоленской войны¹⁶². Для автора поляки — старые враги его страны — «исконибешные враги и неприятели», с которыми в прошлом русские люди часто вели войну («а Смольяном Поляки и Литва — вечные неприятели, что жили с ними поблизку и бои с ними бывали частые») ¹⁶³. Но, несмотря на это, отношение Болтина к полякам спокойное, он воздерживается от каких-либо выпадов в их адрес, описания сражений носят деловой характер, автор отмечает достоинства и недостатки в действиях обеих сторон. Религиозному аспекту русско-польского противостояния Болтин почти не уделяет внимания. При описании переговоров в Москве и под Смоленском он совсем не затрагивает вопрос о принятии королевичем православия. Причины вспыхнувшего в Москве восстания арзамасский помещик видит в том, что «Московского государства людем от Литвы... насилство и обида была велика, саблями секли и до смерти побивали и всякие товары и снесной харч имали силно безденежно» ¹⁶⁴. Даже говоря о призыве патриарха Гермогена к восстанию, Болтин ничего не говорит о необходимости защиты веры: патриарх призвал к восстанию против поляков, «видя их, злодеев, Московскому государству многое разорение». Патриарх, по его словам, звал «оборонять от разорителей и врагов, от польских и литовских людей и не дать православных христиан в разорение, расхищение и плен» ¹⁶⁵.

Все это позволяет сделать общий вывод, что в отличие от других слоев общества отношение светской политической элиты, точнее — ее военно-служилой части, русского общества к Речи Посполитой было гораздо более сдержанным, у польского шляхтича, как воина, усматривались немалые достоинства, то, что этот маг-

нат или шляхтич — человек «иной веры», не вызывало в этой среде столь сильных отрицательных эмоций, как в иных общественных кругах.

Заключение, сделанное на основе анализа группы литературных памятников, получает определенное подтверждение в шведских донесениях о настроениях в русском обществе накануне Смоленской войны. Заинтересованные в скорейшем вступлении Русского государства в войну с Речью Посполитой, авторы донесений с беспокойством сообщали в Стокгольм, что решение патриарха Филарета о войне не пользуется поддержкой в среде знати. И дело не только в том, что поляки — это серьезный противник. Губернатор Ливонии Ю. Шютте прямо писал королю, что «большинство великих господ страны расположены к полякам»¹⁶⁶.

Все это следует принимать во внимание, рассматривая вопрос о том, какие обстоятельства способствовали расширению разнообразных контактов между двумя обществами во второй половине XVII в.

Вместе с тем внимательное чтение памятников, в том числе и тех, авторы которых особенно враждебно относятся к полякам, позволяет сделать наблюдение, что реальная картина контактов подчас заметно отклонялась от характерной для большей их части схемы резкого непримиримого противостояния.

Так, у Ивана Тимофеева читаем, что поляки восхищались достоинствами М. В. Скопина-Шуйского, достойного, по их мнению, занимать королевский трон¹⁶⁷, а в «Сказании» Авраамия Палицына явно вразрез с общей патетической интонацией произведения говорится о том, что, когда при осаде Троицы наступил перерыв в военных действиях, «паны» стали приезжать в монастырь «опохмелиться» монастырским медом¹⁶⁸. В этой же связи могут быть отмечены и свидетельства, которые читаются в житии ростовского монаха Иринарха. Для автора жития «литва» — «змии и свирепии и немилостивии», «безбожные Агаряне»¹⁶⁹, и одновременно он помещает совершенно нестандартный рассказ о встрече Иринарха в Ростове с Яном Петром Сапегой, во время которой монах смело заявил, что признает своим законным царем только Василия Шуйского. Изумленный смелостью монаха («аз такова батька нигде здесь, ни в-ыных землях крепка и безбоязлива от нашего меча не наехал»), гетман не только «изыде с миром», но и прислал Иринарху 5 рублей милостыни и «не веле отголе монастыря ничем обидети»¹⁷⁰.

Выход за рамки рассматриваемого в работе круга текстов, вероятно, позволил бы пополнить картину рядом аналогичных свидетельств, но изучение контактов представителей двух обществ в годы Смуты во всем их многообразии — особая задача, которая не может решаться в рамках данного текста.

Все же этот опыт контактов заслуживал бы здесь хотя бы краткого упоминания, так как, поскольку этот опыт противоречил жестким характеристикам, характерным для образа поляка в большинстве историко-литературных произведений о Смуте, он должен был смягчать их воздействие на сознание русского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Левкиевская Е.* Конфессиональный образ поляка в русской народной и письменной традиции // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000; *Мочалова В. В.* Polska i polacy oczyma Rosjan w wieku XVII // *Wizerunek sąsiadów. 1. Polacy w oczach Rosjan — Rosjanie w oczach Polaków.* Warszawa, 2000. См. также: *Мочалова В.* Польская тема в русских памятниках XVI в. // Поляки и русские..., где убедительно показано, что некоторые черты этого стереотипа сложились в более раннее время.
2. *Мочалова В. В.* Polska i Polacy... S. 73.
3. СГГД. М., 1813. Ч. 2. № 237. С. 508.
4. Так, в одной из псковских летописей упоминается, что Лжедмитрий прислал воеводой в Псков «Ондрея Тронянова Порецкого белорусца» (Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 735). Кроме того, в рассказе «Нового летописца» о пребывании митрополита Филарета в плену отмечается, что, когда полковники и ротмистры приходили к нему для благословения, «он же их вопрошаше, кои греческие веры, и тех благословляше»: ПСРЛ. Т. 14. СПб., 1910. С. 110. В этом же ряду должно быть отмечено и послание собора епископов московской патриархии кн. Константину Острожскому.
5. См. в псковских летописях: «Пришло под Себеж Литвы... 7 полковников, Ширияйко и Наливайко и иные» (Псковские летописи. Вып. 2. М.; Л., 1955. С. 277). Об А. Наливайко, известном предводителе запорожских казаков, см.: Документи Російських архівів з історії України. Львів, 1998. Т. 1. С. 64–67.
6. Об этом памятнике см.: *Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л.* «Повесть како отмсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28.
7. *Мочалова В.* Польская тема... С. 38–40.
8. СГГД. Ч. 2. № 140. С. 296–298; № 144 (грамота в Чернигов от 20 мая 1606 г.). С. 302–303.

9. ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. № 151. С. 257.
10. Там же. С. 259.
11. СГГид. Ч. 2. № 140. С. 298.
12. ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. № 58.
13. См. грамоту царицы Марфы в Туринский острог от 21 мая 1606 г.: СГГид. Ч. 2. № 146. С. 306.
14. Сб. РИО. М., 1912. Т. 137. С. 195.
15. См. об этом подробнее: *Отарина Т. А.* Представления о христианине другой конфессии в России первой половины XVII в. // Древняя Русь и Запад. Книга резюме научной конференции. М., 1996.
16. ААЭ. Т. 2. № 67. С. 154.
17. СГГид. Ч. 2. № 147 (грамота Василия Шуйского в Великую Пермь от 2 июня 1606 г.).
18. Повесть «Како отмсти» (ТОДРЛ. Т. 28. С. 249): Лжедмитрий привел в Россию «поганых иноверцов, литвы и жидовей и поляков и иных».
19. СГГид. Ч. 2. № 144. С. 302.
20. ТОДРЛ. Т. 28. С. 249.
21. Там же.
22. СГГид. Ч. 2. № 147. С. 314.
23. Послание собора епископов кн. Константину Острожскому: ДАИ. Т. 1. № 151. С. 259.
24. СГГид. Ч. 2. № 140. С. 296.
25. Там же. № 144. С. 303.
26. Там же. № 147. С. 309.
27. Сб. РИО. Т. 137. С. 193.
28. Там же. С. 242.
29. Там же. С. 248.
30. Там же. С. 242.
31. Там же. С. 267.
32. Там же. С. 368.
33. См. в грамоте царицы Марфы в Елец от августа 1606 г. (СГГид. Ч. 2. № 179. С. 317): «Чему верите врагом нашим литовским людем... которые желают о крестьянской крови и своих злопагубных для корыстей».
34. Грамота Василия Шуйского в Свияжск от 12 апреля 1609 г.: Акты времени правления царя Василия Шуйского / Собр. А. Гневушев. СПб., 1914. № 37. С. 36.
35. Грамота Василия Шуйского в Галич от 30 ноября 1608 г.: СГГид. Ч. 2. № 165. С. 342; в Суздаль от 15 апреля 1609 г.: АИ. Т. 2. № 197. С. 228.
36. Грамота Василия Шуйского в Рязань воеводе Прокопию Ляпунову от 24 ноября 1608 г.: Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный

- приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собр. и изд. А. Юшков. М., 1898. Ч. 1: 1257–1613 гг. М., 1898. № 279. С. 298–299; грамота во Владимир от 27 мая 1609 г.: АИ. Т. 2. № 221. С. 260.
37. СГГид. Ч. 2. № 165. С. 341; АИ. Т. 2. № 197. С. 228.
 38. ААЭ. Т. 2. С. 187.
 39. СГГид. Ч. 2. № 176. С. 356–357.
 40. О грамоте как литературном произведении-воззвании см.: *Платонов С. Ф.* О двух грамотах 1611 года // *Commentationes Philologicae*. Сб. статей в честь И. В. Помяловского. СПб., 1897.
 41. СГГид. Ч. 2. № 226. С. 493.
 42. Там же. С. 494.
 43. Там же. С. 495.
 44. Там же.
 45. Об этом памятнике см.: *Дробленкова Н. Ф.* «Новая повесть о преславном Российском царстве» и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.; Л., 1960.
 46. Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 54.
 47. Там же. С. 28.
 48. Там же.
 49. Там же.
 50. Там же. С. 36, 38.
 51. Там же. С. 38, 48, 50.
 52. Там же. С. 26, 28, 30.
 53. Там же. С. 32, 38.
 54. Там же. С. 38.
 55. Там же. С. 24.
 56. Датировку и общую характеристику памятника см.: *Платонов С. Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. СПб., 1913. С. 130–147.
 57. Памятники... С. 136, 138, 140.
 58. Там же. С. 138.
 59. Там же. С. 144.
 60. О роли этого мотива в представлениях русских людей о поляках см.: *Левкиевская Е.* Конфессиональный образ поляка... С. 234 и сл.
 61. РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 252.
 62. По мнению исследователя, грамоты ополчений являлись главным источником для автора «Плача о пленении и конечном разорении»: *Платонов С. Ф.* Древнерусские сказания... С. 140–144.

63. СГГид. Ч. 2. № 185. С. 315.
64. Мочалова В. В. *Polska i polacy...* S. 69.
65. Солодкин Я. Г. О датировке начальных глав «Истории» Авраамия Палицына // ТОДРЛ. Т. 32. М.; Л., 1977; *Он же*. Редакции «Истории» Авраамия Палицына // Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985.
66. Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 110, 114.
67. Там же. С. 120.
68. Там же. С. 137, 139.
69. Там же. С. 230.
70. Там же. С. 147.
71. Там же. С. 157.
72. См., например, о войске, осаждавшем Троице-Сергиев монастырь: «Бледяху богоборцы лютори песьими своими языки богохулнаа» (Там же. С. 139).
73. Там же. С. 124.
74. Там же. С. 120.
75. Там же. С. 153. См. также: «И се видит еретик и с ним многие поляки, яко близ полку их ездит старец, имеа в руце свои меч обнажен» (Там же. С. 158).
76. Там же. С. 147, 230, 245.
77. Там же. С. 114.
78. Там же. С. 118.
79. «Таковими бо змеиными лестьми многия грады прельстивше, погубивше».
80. «От Врага гордостию надмени поляцы и литва» (Там же. С. 245). На это же указывала, как представляется, и характеристика Александра Лисовского («лукавыи яко змий»: Там же. С. 158), который был для келаря наиболее яркой конкретной личностью, в которой воплотилось свойственное полякам «лукавое пронырство».
81. Там же. С. 117.
82. Мочалова В. В. *Polska i polacy...* S. 69–70.
83. Повесть о победах Московского государства / Подгот. к печати Г. П. Енин. Л., 1982. С. 5.
84. Там же. С. 22.
85. Там же. С. 25.
86. Там же. С. 27.
87. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 242, 244.
88. См. в «Повести»: «Все слезно плакали, видя гнев божи и разорение над градом Смоленском» (Повесть... С. 28).

89. Там же. С. 27.
90. Там же. С. 40.
91. Там же. С. 29.
92. Там же. С. 14.
93. Там же. С. 8.
94. Там же. С. 10.
95. Там же. С. 21.
96. Там же. С. 22, 26.
97. ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 251. Аналогичная формула использована при описании действий поляков в Москве весной 1611 г. (Там же. С. 258).
98. Там же. С. 265–266.
99. Там же. С. 249, 254.
100. Там же. С. 251, 261.
101. Там же. С. 251.
102. Там же. С. 257.
103. Изучению биографии И. Тимофеева посвящен ряд работ. Наиболее полный биографический очерк см.: *Корецкий В. И.* Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве, историке и публицисте XVII в. // Археологический ежегодник за 1974 год. М., 1975. См. также: *Лукичев М. П.* Новые данные о русском мыслителе и историке XVII в. Иване Тимофееве // Советские архивы. 1982. № 3.
104. РИБ. Т. 13. Стб. 364.
105. Там же. Стб. 376, 431.
106. Там же. Стб. 410.
107. Там же. Стб. 372.
108. Там же.
109. Там же. Стб. 376.
110. Там же. Стб. 422, 438.
111. Там же. Стб. 410.
112. Там же. Стб. 448.
113. Там же. Стб. 283.
114. Там же. Стб. 364.
115. Там же. Стб. 410.
116. Там же. Стб. 464.
117. Там же. Стб. 470.
118. О псковских повестях см.: *Тихомиров М. Н.* Псковское восстание 1650 года. М.; Л., 1935. С. 39–41.
119. Псковские летописи. Вып. 1. С. 135.
120. Там же. С. 122.

121. Там же. С. 129.
122. Там же. С. 127.
123. Там же. С. 128–129.
124. См. об этой традиции подробнее: *Мочалова В.* Польская тема... С. 38–40.
125. Псковские летописи. Вып. 1. С. 127, 129.
126. Там же. С. 138.
127. ПСРЛ. Т. 14. СПб., 1910. С. 81.
128. Там же. С. 83.
129. Там же. С. 98–99.
130. Там же. С. 102.
131. Там же. С. 113.
132. Там же. С. 87.
133. Там же. С. 90.
134. Там же. С. 111.
135. Там же. С. 124–125.
136. Там же. С. 127.
137. Там же. С. 108.
138. Так, отмечено, что после событий мая 1606 г. король и паны рада, «аки звери дикие пыхаху на Московское государство» (Там же. С. 70).
139. Так, он пишет о чудесах, совершавшихся при осаде Троице-Сергиева монастыря, от чего на командующего польско-литовским войском Яна Петра Сапегу «нападе страх велиий», и он отступил от обители (Там же. С. 95).
140. Там же. С. 117. Появление на страницах «Нового летописца» этого сюжета, явно не имеющего аналогов в событиях античной и византийской истории, нуждалось бы в специальном исследовании.
141. Там же. С. 103–104.
142. Характерно, что при описании переговоров внимание автора сосредоточено на судьбе Смоленска, а не на вопросе о принятии королевичем православия.
143. См.: *Кукушкина М. В.* Семен Шаховской — автор Повести о Смуте // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. 1974. М., 1975. О биографии С. И. Шаховского как служилого человека и писателя см.: *Платонов С. Ф.* Древнерусские сказания... С. 291–302.
144. РИБ. Т. 13. Стб. 561.
145. Там же. Стб. 601–604.
146. Там же. Стб. 605.
147. Там же. Стб. 608.
148. На эту особенность памятника обратила внимание В. В. Мочалова: *Мочалова В. В.* Polska i polacy... S. 70.

149. РИБ. Т. 13. Стб. 591.
150. Там же. Стб. 595.
151. Там же. Стб. 589.
152. Там же. Стб. 593–595.
153. Там же. Стб. 598.
154. Там же. Стб. 601.
155. Сборник Муханова. 2-е изд. СПб., 1866. С. 289–290.
156. Там же. С. 290.
157. Там же. С. 296.
158. Там же. С. 297–298.
159. Там же. С. 298.
160. Там же. С. 306.
161. Там же. С. 308.
162. *Платонов С.* Столяров хронограф и его автор // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909.
163. *Попов А. Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869. С. 323, 353.
164. Там же. С. 347.
165. Там же. С. 348.
166. *Norrtan D.* Gustav Adolfs politik mot Ryssland och Polen under tyska kriget (1630–1632). Uppsala, 1943. P. 47–48.
167. РИБ. Т. 13. Стб. 431.
168. «Сказание» Авраамия Палицына... С. 172.
169. РИБ. Т. 13. Стб. 1376, 1383.
170. Там же. Стб. 1379.

Научное издание

Борис Николаевич Флоря

**ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В РОССИИ
И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО**

Редактор *О. В. Трефилова*
Корректор *С. М. Хорошкина*
Оригинал-макет *Л. Е. Коритысская*

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by

e-mail: nina_dom@mtu-net.ru
or by tel./fax: +7 095 238 02 69

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции (ОКП) – 95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.

Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура «Петербург»
26 п. л. Тираж 800 экз. Заказ № 62

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Б. Н.
Флоря

ОУДЗЗНО

ОУДЗЗНО

